

Одеський
альманах

№ 100

2026

ДЕРИБАСІВСЬКА

РІШЕЛЬЄВСЬКА

100

УДК

Літературно-художнє видання

«Дерибасівська – Рішельєвська». Альманах

№ 100, 2026 рік

Видається з 2000 року

Засновник і видавець: Видавнича організація «ПЛАСКЕ»

Редактор Фелікс Кохріхт

Заступники редактора: Михайло Пойзнер, Єлизавета Радішевська

Редакційна колегія: Євген Голубовський, Олег Губар, Анатолій Глушак,
Євген Дєменок, Іван Ліптуга, Анна Міхалєвська, Тетяна Щурова,
Олена Яворська

Відповідальний секретар Тетяна Коцієвська

Не періодичне видання

Надруковано з оригінал-макету у типографії «Такібук»

Україна, Одеса ФОП Карпенков О.І.

Свідоцтво ОД 21 від 20.01 2023 р.

Тел.: +38 (067) 486-20-34

E-mail: takibook.odessa@gmail.com

www.takibook.od.ua

Наклад 300 примірників

Замовлення № 1711

ISBN

© «Дерибасівська – Рішельєвська», 2026

Іван Ліптуга, президент Всесвітнього клубу одеситів, член редколегії альманаху «Дерибасівська – Рішельєвська»

Сто

Слово до ювілейного, сотого випуску альманаху

Цей випуск, який ви тримаєте в руках, сотий. Число кругле, майже неймовірне для видання, що починалося у двохтисячному році як тиха спроба зібрати під одну обкладинку твори одеських авторів. Відтоді альманах виходив майже без перерв. Колись чотири рази на рік, тепер, у воєнний час, двічі. Але виходив. І виходить.

За ці двадцять шість років змінилися епохи, пішли люди, поінакшало саме місто. А альманах залишився. У цій сталості є щось дуже одеське. Місто, що пережило все, і видання, яке терпляче збирає його голоси, рік за роком, номер за номером.

Навіть тепер, коли місто живе під сиренами, ми не дозволили альманаху замовкнути. Перейшли з чотирьох випусків на рік на два, але не зупинилися. Мовчання було б поразкою, а одесити поразок не люблять. Вони радше віджартуються та продовжать роботу.

Три мушкетери та один д'Артаньян

До редколегії я ввійшов її наймолодшим членом. Прийшов від компанії «ПЛАСКЕ», яка в ті роки підтримувала альманах, і опинився серед людей, яких інакше як мушкетерами не назву. Фелікс Давидович Кохріхт, головний редактор. Євген Михайлович Голубовський, заступник редактора з літературної частини та совість видання. Олег Йосипович Губар, краєзнавець, який знав про місто, здається, все. Для мене було честю опинитися поруч із ними таким собі д'Артаньяном при трьох мушкетерах і вчитися того, чого не навчишся з книжок.

Іван Ліптуга, Євген Голубовський, Олег Губар, Фелікс Кохріхт

Євгена Михайловича та Олега вже немає з нами. Це втрата, якої не відшкодувати. Але Фелікс, дай йому Боже здоров'я, тягне альманах далі, тримає планку і не дозволяє виданню збитися з тону. 2 вересня 2024 року, на День міста, мер Одеси вручив йому орден Маразлі. Нагорода заслужена, і я радий сказати це публічно, на сторінках того самого альманаху, якому він віддав стільки років.

Подяка меценатам

Альманах ніколи не був комерційним, і саме тому тримався на людях, які вірили в нього не заради вигоди. За ці двадцять шість років його підтримували меценати, яких я хочу назвати поіменно, бо без них цих ста номерів просто не було б. Владислав Олександрович Вайсман і його компанія «Мікрон».

Драматург Олександр Євгенович Мардань, людина, для якої слово в Одесі завжди було ділом. Олег Платонов і компанія «ПЛАСКЕ», з якою пов'язана й моя власна дорога до редколегії. Олександр Іваницький та компанія «Royal Motors». Кожен із них свого часу підставив альманаху плече, і кожному з них ми завдячуємо тим, що видання дожило до ювілею.

Сьогодні в альманасі з'явився новий системний партнер, фонд «Інтелектуальний капітал» та альманах «Nuxley» на чолі з їхньою засновницею Жанною Крючковою. Разом із Жанною цього року ми заснували новий конкурс, і найкращі його роботи знайдуть місце на цих сторінках. На презентації дев'яносто дев'ятого випуску вона висловила надію, що ця співпраця надовго. Ми дуже на це сподіваємося та від щирого серця дякуємо їй та її організаціям.

Що таке наш альманах

«Дерибасівська – Рішельєвська» – це не просто збірка текстів. Це культурологічне, літературне, краєзнавче й історичне видання Всесвітнього клубу одеситів. Один із його голосів, не гучний, але стійкий. І, до речі, рекордсмен з довголіття серед одеських видань, про що сотий номер зайвий раз не дає забути.

В альманасі є якість, якою в наш час мало хто може похвалитися. Він некомерційний. У ньому немає реклами. Він не любить нічиїх політичних інтересів. І при цьому він не переривається. Я не знаю в історії нашого міста іншого подібного видання, та й узагалі їх мало де зустрінеш. Це повністю відповідає духу нашої хартії та стратегії клубу, де першим принципом записано просте правило. Ми служимо Одесі, а не владі.

Для одеських письменників, поетів, краєзнавців, істориків і просто цікавих людей альманах залишається чи не єдиним майданчиком, де можна публікуватися регулярно й безоплатно. У світі, де майже все вимірюється накладом і прибутком, це рідкісна розкіш. Можливість сказати своє слово не тому, що за нього заплатили, а тому, що воно того варте.

Голос клубу

Щоб зрозуміти місце альманаху, треба зрозуміти сам клуб. Всесвітній клуб одеситів народився 7 листопада 1990 року, коли Михайло Жванецький вимовив фразу, що стала нашим гаслом: «Одесити всіх країн, єднайтеся!». Так з'явився дім для тих, кого доля розкидала світом, але хто залишився одеситом за способом мислення. Як любив повторювати Михал Михалич, одеситів колишніх не буває.

За тридцять шість років клуб створив цілу екосистему, якій, не побоюся сказати, немає аналогів. Газета «Всесвітні одеські новини» виходить з 1990 року без перерви. Журнал «Фонтан» за редакцією Валерія Хаїта, народжений у стінах клубу, став окремою школою одеського гумору. Ми маємо намір повернути його до життя і продовжити. Серія «Одеська бібліотека» збирає книжки, без яких полицю справжнього одесита не назвеш повною. А альманах у всьому цьому ряду посідає особливе місце. Він друкований та електронний майданчик, що дозволяє людині в будь-якій точці світу прочитати, чим живе Одеса і чим живе клуб.

До речі, про електронну частину. На сайті клубу odesitclub.org у розділі «Література» викладені заскановані випуски альманаху. Їх можна гортати, як гортають родинний альбом, і бачити, як змінювалися обличчя, теми та саме місто.

Окремим напрямом ми розвиваємо Школу одеського гумору, і найкращі її роботи публікуватимуться тут само, на цих сторінках. Так замикається коло. Традиція не лежить в архіві, а передається далі.

Сто і далі

Сотий випуск ми задумали як погляд назад, на пройдений шлях. У ньому зібрані найкращі матеріали за всі сто номерів, тексти наших найкращих авторів. Багатьох із них уже немає, але слова залишилися. Це не підбиття підсумків. Радше це вдих перед наступною сотнею.

Бо зупинятися ми не збираємося. Ми робитимемо все, щоб альманах далі жив і розвивався, щоб його передплачували та купували по всьому світу, у наших філіях від Нью-Йорка до Афін, аби завдяки йому не переривався живий зв'язок між одеситами.

У межах нашої стратегії на 2026-2035 роки ми запускаємо те, що я називаю переписом одеситів. На сайті Всесвітнього клубу одеситів створюється Всесвітній реєстр одеситів, відкрита база, де кожен зможе безоплатно зареєструватися, отримати унікальний номер та електронний паспорт одесита. До 2035 року ми розраховуємо перевищити п'ятдесят тисяч записів і нанести одеситів на інтерактивну карту світу. Поряд із реєстром ростуть інші проекти. Цифрова пам'ять Одеси з її родинними історіями, голосами та світлинами. Щорічний «Odesa Forum», який збере одеситів і друзів міста в самій Одесі. Одеська школа з курсами з історії, мови, архітектури та, звісно, гумору. Альманах у цій картині залишається тим, чим був від самого початку. Паперовою і цифровою ниткою, що пов'яже всіх нас.

Замість післямови

Я дякую Феліксу Кохріхту і всій редколегії за те, що сотий номер узагалі став можливим. Дякую авторам, без яких ці сторінки були б порожні. І дякую вам, читачам, в Одесі та далеко за її межами, бо видання живе рівно доти, доки його читають.

Одеса це не лише географія. Це спосіб думати, відчувати й жартувати, який старший за будь-яку владу і сильніший за будь-який кордон. Доки є люди, які думають і розмовляють по-одеськи, Одеса жива. А доки жива Одеса, житиме і її альманах. До зустрічі на сторінках двохсотого.

Феликс Кохрихт

Как это было, есть и будет

Мы – из «Одессы»

Рефрен известной песни о моряках. Кавычки обозначают имя журнала, с которого началось если не всё, то многое, а то и главное в судьбе Евгения Голубовского, Олега Губаря и автора этих воспоминаний... Мне выпала горькая участь – сегодня говорить о них: *были*. Женя и Олег есть – и в истории Города, и в составе редакции альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Таки да, стоило начинать этот проект на троих.

А начиналось все так. В 1996 году мы служили в газетах: Женя в «Вестнике региона», я в «Слове», Олег – в университетской «За наукові кадри». Были знакомы в разной степени: я с Голубовским мно-

го лет, да еще и участие в формировании нового одесского искусства. Олега я знал и по блистательным публикациям об истории Одессы и археологических изысканиях – и как обаятельного, щедро одаренного талантами одессита.

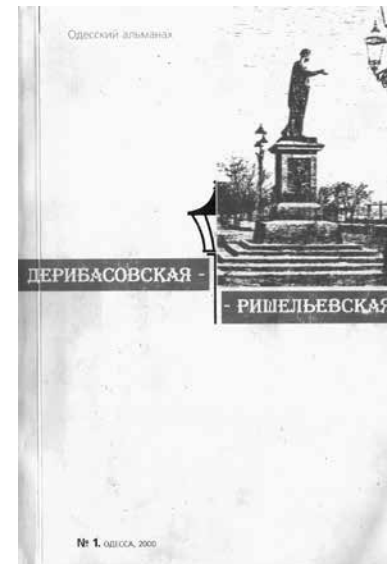
Важно то, что мы до 1996 года никогда не работали вместе. И все же, когда бизнесмен Александр Гришин задумал выпускать первый в истории печати города иллюстрированный журнал (как бы наш «Огонек») и предложил мне стать редактором, я сразу же, не переговорив с ребятами, назвал их. И Саша согласился с этим выбором.

Есть несколько анекдотов с концовкой, где для запуска проекта остаются пустяки – надо договориться. Мы это сделали с первой встречи втроем. Вскоре вышел первый номер. Вы видите обложку – на ней парусник с зачаленными парусами. Их предстоит поднять (так говорят моряки), словить ветер и отправиться в поход.

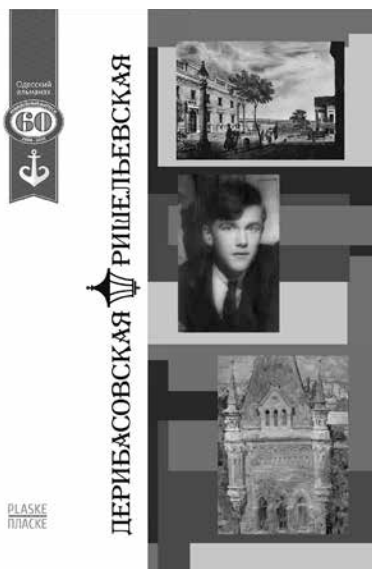
Он длился до 1999 года, когда не только наш корабль, но и вся страна (и не только она в мире), сели на мель под названием *кризис*...

Любопытно и знаменательно, что первый номер «Одессы» начинался рассказом о Дерибасовской, и тот же адрес на карте Города обозначил курс, смысл и пафос альманаха, который пришел на смену журналу.

Углы: продолжение традиции

С первого номера и по сегодня многие наши читатели не сомневаются, что имя альманаху придумал Олег. Есть те, кто ставил на Женю и меня. Но оно, как и идея издания именно *альманаха* (коротко: арабское слово, обозначавшее книгу, предназначенную для семейного чтения), были предложены нам, грустно попивавшим в кабачке кто кофе, кто вино, Всеволодом Вайсманом – книголюбом, коллекционером работ Олега Соколова, генеральным директором НПО «Микрон». В рекламе на оборотной стороне обложки первого номера значилось: «Лидер прецизионного станкостроения Украины», – добавлю: и не только.

Мы знали из опыта и благодаря чуйке, что с самого начала нужно придумать ход, который обязывал бы нас поддерживать интерес людей, впервые читающих наши книжицы. И, как подтвердила в последующие двадцать шесть лет жизнь, выбор стартового материала был точным.

Исполнителем замысла мы выбрали (назначили) друга Сашу – Александра Юльевича Розенбойма, которому Женя Голубовский когда-то придумал псевдоним Ростислав Александров. Он рассказал в четырех первых номерах об углах Дерибасовской и Ришельевской.

Первый рассказ – в номере первом, увидевшем свет 16 июня 2000 г.. Он публикуется и в сотом номере.

Признаюсь, что тогда, ощутив радость оттого, что нам удалось продолжить начатое, я со скрываемой от ребят грустью полагал, что и четыре номера – достойный результат. Но случилось иначе.

Однажды всего через пятнадцать лет библиографы сообщили нам, что альманах стал рекордсменом: столько раз не выходило ни одно подобное одесское издание.

По случаю выхода шестидесятого номера и юбилея альманаха нам прислал приветствие Михаил Жванецкий, к тому времени уже наш постоянный автор. В сотом номере – оно и снимок, на котором президент Всемирного клуба одесситов в нашем доме на Маразлиевской угол Базарной.

Михаил Жванецкий

Альманаху, которому 15

Ребята, Феликс, Олег, Женя и Ваня!
Все у вас хорошо.

Я не про здоровье, не про жизнь.

Я про альманах с этим сложным труднопроизносимым названием «Дерибасовская – Ришельевская», видимо, по настоянию спонсора.

Так вот, он был прав.

Под этим названием все у вас хорошо.

Сам я, глубоко презирующий чужой успех, завидую авторам под этим произносимым названием.

Скажу еще хуже. Прошлым летом в Одессе засыпал меж двух книг.

Труднопроизносимый, но глубоко волнующий Фрэнсис Скотт Фицджеральд и наш с этой Ришельевской...

Как говорят у нас во дворе: «Здесь собраны люди с большим вкусом!...».

С особым наслаждением читаю свои вещи.

На ум приходит: «Он побросал все вещи в альманах и съехал с квартиры».

Хочется сказать серьезно.

Но без шуток о серьезном – это провал, допустимый только на фоне общего успеха.

Итак, ради Бога, продолжайте!

Где-то в чем-то должна сгущаться атмосфера нашего города!

Итак, выпьем за своих!

За эту книгу, созданную своими для своих!

За этот город, созданный своими для своих!

За то, чтоб в этом городе не кончались прохожие, приезжие, отдыхающие, красивые, но умные женщины, и умные, но порядочные мужчины!

И чтоб все эти две породы были с юмором.

Ибо, как сказала одна из моих дам: «Главное, что я ценю в мужчине, – юмор и доброту».

То же самое я ценю в женщинах.

То же самое они ценят на ваших страницах. Там такое количество краеведов...

Все мы в этом городе краеведы.

Но вы еще и профессионалы.

Нам – ваш праздник.

Вам – наши вещи!

Целую вас всех в эти трудные времена.

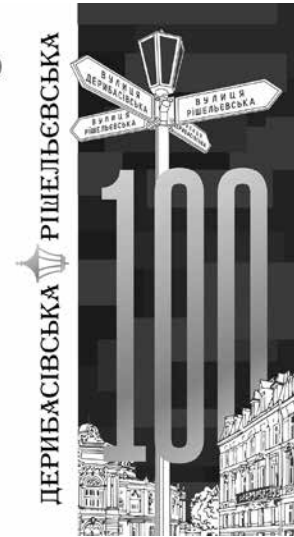
И остаюсь вашим автором!

Время от времени.

Для того чтобы это произошло и продолжилось до сегодняшнего Дня города, до 2 сентября 2026, понадобилось, чтобы в Одессе в начале XXI столетия появились тенденция к созданию гражданского общества. Вкратце и неполно: началось сотрудничество властей, просвещенного бизнеса, общественных организаций и населения. В нашем случае. Назову тех, без которых альманах не сохранился и не приобрел бы современного дизайна, качества печати, не стал бы известен повсюду, где живут одесситы.

Вслед за «Микроном» нас поддержали бизнесмен и драматург Александр Евгеньевич Мардань при участии агентства «Капитал», фирмы «Архо», Александр Валерьянович Иваницкий. Но основным многолетним деловым и творческим партнером было АО «ПЛАСКЕ» во главе с Олегом Исааковичем Платоновым. Нашим куратором стал вице-президент АО Иван Липтуга, связавший свою жизнь с судьбой альманаха. Он – член редколлегии.

Одесский
альманах
№ 100
2026

Нынче наше сотрудничество приобрело особое значение. Иван Липтуга после ухода из жизни Михаила Жванецкого избран президентом Всемирного клуба одесситов.

Так случилось, что самые жестокие утраты альманах и я понесли одну за другой: не стало Олега Губаря, а затем Евгения Голубовского. Их памяти посвящают сотый номер друга, коллеги и ученики. В нем – статьи fundаторов альманаха, наших блистательных авторов Александра Розенбойма, Андрея Добролюбского, Александра Дорошенко, Анатолия Горбатюка, воспоминания о Валентине Максименко, Валентине Хруще, стихи

ушедших поэтов... В последующих номерах будут опубликованы эссе Леонида Авербуха, проза Аркадия Львова.

В юбилейном номере те, кто был среди авторов первого: Татьяна Щурова, Михаил Пойзнер, Александр Галяс. Рассказ Владимира Каткевича опубликован в 99 номере.

Недавно родился творческий союз альманаха с журналом «Nuxly», который, как и Благотворительный фонд «Интеллектуальный капитал», основан строительной компанией «Стикон». В номере – о конкурсе на лучший рассказ об Одессе и произведения призеров.

Наши планы таковы: выйти в свет 2 сентября, в День города, презентацию устроить по многолетней традиции в Литературном музее, поздравить авторов, наших друзей во Всемирном клубе одесситов.

Если так случится, то и «Под звуки воздушной тревоги» – согласно девизу альманаха с первых дней войны.

Составить план сто первого номера.

Жанна Крючкова, совладелица фирм «Стикон»,
«Алмаз», основательница «Huxley Media»
и БФ «Интеллектуальный капитал»

Размышления об альманахе

Выходит в свет 100-й выпуск легендарного одесского альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Это событие, несомненно, станет знаменательным в культурной жизни Одессы и Украины, ведь во всех девяноста девяти выпусках было множество интереснейших материалов о нашем городе – краеведение, публицистика, эссе, исследования, поэзия и проза.

Альманах всегда был особой литературной формой. Он старше привычных нам журналов и газет. Его история начинается задолго до того, как в нем появились рассказы, стихи, философские эссе и литературная критика. Предшественниками альманаха были астрономические и календарные таблицы, с помощью которых человек пытался понять порядок вещей.

Движение звезд, смена времен года, дни посева и жатвы, религиозные праздники – всё складывалось в единую картину мира. Задолго до появления современных энциклопедий альманах уже служил своеобразной картой времени. Возможно, в определенном смысле картой одесского времени можно назвать и наш альманах, поскольку он отображает самые знаковые и яркие события в культуре и обществе последних десятилетий.

Любопытно, что само происхождение слова «альманах» до сих пор вызывает споры. Одно из ранних его употреблений связывают с арабским математиком и астрономом XIII-XIV веков Ибн аль-Банной аль-Марракуши, который называл альманахом таблицы астрономических данных.

Существует и более образная этимологическая версия. Согласно ей, слово восходит к арабскому *al-manākh*: *al* – определенный артикль, а *manākh* – место, где караван останавливался на отдых, и верблюдов заставляли опуститься на колени.

Возможно, филологи и не согласятся с такой этимологией. Но как культурологическая метафора она кажется удивительно точной.

Альманах – это остановка каравана.

Место, где путники ненадолго останавливаются в дороге, чтобы обменяться историями, мыслями, узнать друг друга, отдохнуть и лишь затем продолжить путь. Действительно, хороший альманах напоминает восточный караван-сарай. Люди приходят сюда из разных миров и с разным опытом. Кто-то приносит стихи, кто-то воспоминания, кто-то – философские размышления, кто-то – исторические исследования. На короткое время они оказываются под одной обложкой, а затем вновь расходятся своими дорогами.

Именно поэтому альманах никогда не был просто сборником текстов. Он всегда был особым местом встречи. Местом, в котором можно погрузиться в пространство идей, смыслов и открытий.

Еще задолго до цифровой эпохи Блез Паскаль заметил, что многие человеческие несчастья происходят от неспособности человека оставаться наедине с собой. В своих «Мыслях» он писал: «Все несчастья людей происходят от одного: они не умеют спокойно оставаться в своей комнате». Паскаль называл это *divertissement* – постоянным стремлением отвлечься, заполнить жизнь делами, развлечениями и шумом, лишь бы избежать встречи с самим собой.

Сегодня эта мысль звучит почти пророчески...

Мы живем в эпоху, когда информации становится все больше, а времени на ее осмысление все меньше. Мы научились почти мгновенно узнавать, что произошло. Но этого недостаточно, чтобы понять, что произошло на самом деле. Именно здесь альманах неожиданно вновь оказывается современным. Он предлагает читателю редкую возможность замедлиться. Перейти от клипового мышления к неторопливому вдумчивому чтению.

Эта традиция имеет глубокие корни. Фридрих Ницше называл себя учителем медленного чтения и писал, что филология учит

читать «медленно, глубоко, оглядываясь назад и заглядывая вперед, с задними мыслями, с открытыми дверями, с чуткими пальцами и глазами». Такое созерцательное чтение возвращает человеку утраченную роскошь паузы.

Именно в этой паузе созревает мысль, и затем рождается не быстрый, а точный и красивый интеллектуальный или чувственный отклик.

Не только литература, но и музыка напоминает нам о ценности пауз. Композитор Валентин Сильвестров в интервью «Nuxley» сказал: «Тишина может быть самой ценной вещью на земле».

Наверное, хороший альманах устроен похожим образом. Он не стремится заполнить каждую страницу новой информацией.

Между текстами всегда остается пространство, в котором начинает работать уже не автор, а сам читатель.

В этом смысле альманах становится своеобразным дирижером внутреннего мира. Он не просто собирает произведения под одной обложкой. Он задает им ритм и верные тональности. Позволяет одному голосу отзвучать прежде, чем вступит другой. И постепенно читатель начинает слышать не только авторов, но и самого себя.

Однако альманах чуток не только к внутреннему ритму человека. Он всегда чувствует непосредственно и ритм эпохи, каким бы разнообразным и сложным он не был. Именно это мы видим в нашем альманахе «Дерибасовская – Ришельевская».

Альманах на протяжении десятилетий откликается на изменения в общественной жизни, культуре и технологиях, сохраняя при этом собственный голос.

Жанр альманаха укоренился в Одессе и чувствует себя здесь удивительно органично. Возможно, потому, что Одессу невозможно понять по заголовкам новостей. Она открывается без суеты и спешки – в интонациях разговоров, в семейных историях, в старых двориках, в архивных фотографиях, в частных коллекциях.

И, конечно же, в одесском свободолюбивом воздухе, шуме волн на побережье, благородных фасадах домов, колоритном темпераменте одесситов во все времена.

Сто выпусков – это долгий и яркий путь, который превратил «Дерибасовскую – Ришельевскую» в настоящий литературный

караван-сарай, радостно принимающий новых путников, бережно хранящий истории тех, кто был здесь прежде, и не позволяющий оборваться культурной и исторической памяти Одессы.

* * *

Вспоминаю встречу с главным редактором альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» Феликсом Кохрихтом и президентом Всемирного клуба одесситов Иваном Липтугой. Начали мы с истории альманахов. Эта тема была мне особенно близка как основателю мультидисциплинарного альманаха «Nuxley» (вдохновлено романом Олдоса Хаксли «О дивный новый мир»). А закончили вполне практическими замыслами, от поддержки книгоиздания и создания цифровой платформы до литературного конкурса «Одесссиада».

Я давно заметила, что самые яркие идеи рождаются не в одиночестве, а между людьми. Именно такой и оказалась эта встреча. Мы собирались поговорить о прошлом, а в итоге придумали будущее.

Поддержать «Дерибасовскую – Ришельевскую» для меня было совершенно естественно. Чем дальше я издаю «Nuxley», тем яснее становится, что у всех альманахов одна природа. Они создают пространство осмысленной паузы.

Встреча двух альманахов, одного, прокладывающего свои маршруты по Одессе, и другого, путешествующего без географических границ, напоминает встречу двух караванов. Маршруты у них разные, но цель одна – не дать человеческой мысли бесследно раствориться в быстротечном времени.

И я рада, что наша тогда почти случайная встреча стала началом сотрудничества и дружбы. У случайности вообще есть одна странная привычка... иногда она оказывается предусмотрительнее нас.

Під звуки повітряної тривоги

20 Анна Міхалевська
Світло «Зеленої лампи»

21 Анна Маліцька

24 Анна Стремінська

27 Юлія Цимбал

31 Єлизавета Радішевська
Значить, будемо жити...

Світло «Зеленої лампи»

Світло потрібне всім. І в будь-який час. А особливо нині, коли все наше життя проходить під звуки повітряної тривоги.

Здавалося б, світильників на вічному двигуні не буває. Але всією своєю історією літературна студія «Зелена лампа» прагне довести протилежне.

Її задумали й організували Євген Деменок та Євген Михайлович Голубовський ще у 2009 році, і відтоді вона зігривала своїм світлом нас, письменників і поетів, даючи можливість бути почутими та зрозумілими. Оповідання та вірші учасників студії регулярно виходили в альманасі «Дерибасівська – Рішельєвська», у газеті «Вечірня Одеса» та в інших дружніх до студії виданнях.

За підтримки Євгена Деменка щороку «Зелена лампа» випускала книгу одного з учасників студії. Презентації, спілкування з редакторами, можливість послухати лекції професіоналів від літератури, участь у фестивалях – усе це було.

До речі, століття тому студія «Зелена лампа» теж існувала. Її учасники – Едуард Багрицький, Юрій Олеша, Валентин Катаєв, Зінаїда Шишова, Ільф і Петров, Олексій Толстой, Максиміліан Волошин.

Чи треба казати, що Євген Михайлович Голубовський був душою студії? Йому належала ідея писати романи-буриме, і у всіх чотирьох він майстерно впорядковував наші імпровізації. Він придумував збірки та проекти, він надихав нас на романи, він бачив у кожному потенціал і всюди прагнув брати участь особисто – чи то в книзі, чи то в заході, чи то в долі.

Він зумів першим оговтатися після початку війни, і ми одразу взялися працювати над збіркою «Війна», яка вийшла у рекордно короткі

терміни. І кожного продовжував запитувати: «Що пишеш?» – не даючи шансу опустити руки.

Саме Євген Михайлович створив рубрику «Під звуки повітряної тривоги», в яку й увійшов цей нарис. На жаль, ми все ще чуємо ці звуки, живемо в них. Але водночас рубрика дає нам простір, де ми можемо вільно переживати, нехай і в художній формі, свій непростий досвід. Адже найстрашніше – навіть не факт трагедії, а забуття.

Замінити Євгена Михайловича немислимо. Однак ми підхопили його справу, як вміли, і просто йдемо далі. Адже це він зібрав нас. Щось там розгледів крізь наші страхи та браваду. Значить, вірив, що все вийде.

Літературна студія «Зелена лампа» продовжує свою роботу. Ми збираємося раз на місяць у Всесвітньому клубі одеситів. Як і раніше, ділимося літературними новинами. Обговорюємо тексти, даємо один одному поради. Оповідання та вірші учасників студії виходять в альманахах «Вітальня», «Артикль», «Веселка» та інших, у газеті «Всесвітні одеські новини», перекладаються англійською та друкуються у збірках іноземних видавництв. Проходять презентації книг та обговорення.

Живемо далі, як казав Євген Михайлович.

Світло потрібне всім, так. Втім ніхто, крім нас, його не увімкне.

Анна Міхалевська,
яка тепер веде зустрічі студії

Анна Маліцька

Сувій кораблів

...А сніг у січневих хвилях безмовно тоне і
З вітром солоним міситься.

До пристані хмарочоса схилився втомлено
Білий дредноут місяця.

Сувій кораблів читаю з тремтінням вічності
В одній тональності.

Коли б цей січень все море небесне вичистив,
Судна-зірки б zostалися.

Від Трої до Х-світової – усе б кинули
І над розбитим Всесвітом
Ішли до межі, де ніч розриває крилами
Ніжний маяк у безвісті –

Ти...

Вогонь, що мені одному над небом світиться,
Сонцем солодким вишитий.
Зникають троянські зорі й дредноут місяця.
Сніг замітає тишею.

Юрію Дрогобичу

Зорі співають. Ти знаєш, Юрію?
Для тих, хто навчився чути їх.
Тремтять у темряві понад мурами
Срібно-прозорими путами.

Зорі пророчать. Ти знаєш, Юрію?
Чистий папір майбутнього,
Списаний густо палкими рунами,
Мовою зір, не забутою
Тим, хто умів побачити.

Зорі сміються. Ти знаєш, Юрію?
Європа, праматір вічного,
В неба долонях – лиш пил і курява.
П'єш тепер тишу відчаю,
Бо не злякався крикнути.

Доля ненавидить, але боїться обраних.
Шепіт зростає громом над смерті косами.
Сонце лишає біг на високім обрії,
Землю штовхають плости незнаним космосом.
Зорі сміються...
Зорі пророчать. Зорі співають, Юрію.

Сонячні крила

Успадкувавши сонячні крила,
Накрию їх чорним небом,
Я ще не навчився, я ще не вмію
Робити найважче з моїх покликань –
Стримувати цей світ
Від гніву й жорстокості,
Втримувати його
Непереборною радістю
І жагою життя.
Я пізнаю наново ціле місто,
Дивлюсь із висоти, як
Шпилі наших будівель
Проколюють небо,
Зшивають його швами
Високовольтних дротів,
Спинають хмари та вітер.
Моли, простягнуті в море,
У ночі шторму
Вхоплюють хвилі, не даючи їм
Вийти на вулиці.
Коли я запитую: «Хто я?» –
Втомлено, то вже
Усвідомлюю наперед,
Що мені ніколи не стати тими,
Які стоять поза мною,
Хто дав мені сонячні крила,
Що я накрив чорним небом.
Але я тут. І тепер це я обрав
Бути поряд і берегти
Цей берег і це місто
Від кожної хвилі й хмари,
Від кожного вітру,
Світла в мені ніколи не буде
Стільки, аби спинити
Всю темряву неба,

Але клянуся найважчим
З усіх покликать,
Його неодмінно стане
Усім, хто стоятиме на землі,
Коли я розкриватиму крила
Для них – над ними.

Анна Стреминская

* * *

Ты напомнила мне мое бедное школьное детство.
Улицу со светлым именем – Ромашковая...
Пару огромных псов, живущих у нас по соседству,
снег, похожий на грязную промокашку.

Блаженного художника Гену Подвойского,
который был также поэтом и в душе астрономом.
Он изображал на картинах небесное воинство
и закреплял на бумаге словом.

И его голубые глаза отражали небо,
даже когда оно было серым, в любую погоду.
Он был всегда дома, где бы он ни был,
окруженный котами и псами дворянской породы.

Я в школе была волчонком, которого укусили,
и странной девочкой, живущей в книгах все время.
Среди волчат выживала что было силы,
но никогда не шагала в ногу со всеми.

На дни рожденья ко мне не приходил никто
из ровесников. Приходили солнце и ветер.
Приходили взрослые, чинно снимали пальто.
И все же я была не одна на свете.

Пальцы, испачканные чернилами,
короткая форма, обиды, потайные любви...
Это все напомнила мне ты, милая
подруга тех дней, – жестом, словом, уколом боли.

* * *

Бога не было – были книги.
Бог, вернее, в углу был правом,
после изгнан оттуда. Грига
сила и Баха слава –

только музыка, только книги.
Бог лишь только в церквушке дальней,
ты туда заходила тихо –
в тишине постоять мерцальной.

Были книги, музыка, краски
и альбомы: Джотто, Джорджоне...
Там младенцы купались в ласке,
и взирали на нас мадонны.

Тихо так смотрели мадонны
на задор комсомольско-резвый.
На ячейки и масс колонны
и на их огонек нетрезвый.

Если Бог уволен из жизни
(впрочем, это было не ново), –
самый главный на свете книжник
все равно говорил через Слово.

Все равно говорил через книги,
все равно говорил через звуки.
И стихи ложились на крики,
и порхали по клавишам руки.

Який день

Коли я була маленька, я кожен ранок питала:
«Мамо, сьогодні неділя?»
І кожен раз засмучувалася, коли мама казала:
«Ні, понеділок, вівторок, середа, четвер...»
Тому що було потрібно підніматися дуже рано
та плестися такій маленькій спочатку ніжками,
потім ще на трамваї... їхати до садка,
де годували несмачним розсольником,
де завжди лаялися виховательки...
Тепер моя мати кожен ранок питає мене:
«Доню, який день сьогодні? Сьогодні неділя?» –
з надією, що мені не потрібно виходити
у цей страшний світ, не потрібно їсти несмачний розсольник,
що мене ніхто не буде сьогодні лаяти,
що дім захистить мене від ракет та шахедів,
від превентивних ударів по життю, по щастю, по долі...

Вавилон

– Шо ти там бачиш, пірнаючи в вікна далекі?
– Бачу роботи я на полях Межиріччя.
Ніччю працюють, а вдень же, йдучи від спеки,
сплять у хатинах, я чую їх мову, як річку...
Веж Вавилону там вдалині силуети.
Ніч нависає над ними законом тирану...
П'яний там цар Хамурапі та городяни
всі п'яні,
рибалці все ж веселіш, ніж царю та поету.
– Ранок... Що бачиш ти в деревах, в перехожах,
в сонних трамваях, біжать що стадами там з хліва?
– Бачу: світанку початок за свіжістю схожий
з садом висячим та з ликом ячмінного хліба.
Знаю: не пав Вавилон, на землі він триває...
Десь там проходить воротами натовп торгівців.

Десь там царі багряниці свої одягають,
сонми блудниць обличчя свої підіймають
вгору – бог Сонця по небу там проїжджає.
Ми на планеті язичницькій – лиш дикі вівці.

Юлія Цимбал

* * *

Готуємось до кращого, готуємось, допоки
Летять по небу чорні з червоним наші роки.
Та знову б'ють ракети, ховаючись за хмари,
Та їздять по планеті поїзди-примари.

Доживемо, доженемо ворогів.
Будем капцями душити, як клопів.
Ми поцілимо ракети в звірів злих,
Не даремно б'ється військо проти них.
Ми зберемо свої сили у кулак,
Доживемо, доженемо, тільки так!

Тримається надія, зникає ворожнеча,
А хмари пролітають, несуть журбу далече.
Осінній колір жовтий, то спокій та надія,
Найкращі наші роки, найліпші наші мрії.

Доживемо, доженемо ворогів.
Будем капцями душити, як клопів.
Ми поцілимо ракети в звірів злих,
Не даремно б'ється військо проти них.
Ми зберемо свої сили у кулак,
Доживемо, доженемо, тільки так!

Тримайся, Україно, пишаємось тобою,
Струнка, непереможна, з великою журбою.
Життя таке коротке, зіграти б свої ролі,
Та щоб не заважали погані зlobні тролі.

* * *

Посвящается моему папе...

Наши души встречались не раз...
Анн и Серж Голон

Наши души встречались не раз,
И когда они встретятся снова,
Поменяется жизни основа
И настанет торжественный час.

Расскажи мне, как я тебя встречу
И какие грядут времена.
Будет полная света луна
Или с тоненьким месяцем вечер?

Там все будет так тихо, безмолвно
Или гомон и детский шум...
Не спеши, отвлекись от дум,
Все случается в жизни условно.

Хотя знаешь, и знаков не надо,
Я найду тебя в зелени сада.
В чешуе наших маленьких рыбок
Отразится сияющий слиток.
У воды, что сверкнет, как алмаз,
Мы узнаем друг друга тотчас.

Наши души летят по планете,
Размышляя о солнечном лете.
А пока я бреду по свету
И беседы веду с портретом.
Прикасаюсь к холодному гляncy,
Охлаждаю подушечки пальцев,
Ощуцаю тепло наяву,
Приминая к земле траву,
Просто жду и дышу, и живу.

* * *

Сказать лишь можно общие слова:
«Ужасно как, не верю в это...»
Но вновь приходит солнечное лето
И зеленеет одинокая трава.
С любовью делать что? Она жива.
Все говорят: «Держись», – и в этом сила,
Сама ведь сколько раз такое говорила...
Не плакать, нет, – накроет тьма.
Но нужно жить, пока душа жива,
Пока ты слышишь птиц чудесных пенье,
Пока в тебе живет стихосложение...
Рассвет. Как-будто легче, дом, дела,
Учить детей, нелегкая забота,
Любить родных и прочая работа.
Вот кончилась тетрадь: беги скорей
За новеньким блокнотом, чтоб снова жить,
Любить, прочувствовать опять
Предметы, воду, дуновение ветра.
Погладит он, как нежная рука,
Потреплет волосы – и вновь направит к свету...

* * *

Паук паутину прядет, скрепляет соседние ветки,
Чтоб не порвались ветром.
Устало старик бредет, хочет погреться у моря,
С жизнью уже не спорит.
Мальчик бесстрашно прыгает в волны –
Ему не страшны штормы.
В саду падают спелые груши и паутину рушат
С капельками дождя.
Я твой покой не нарушу, у жизни своя стезя.
Быстро пройдут года, и пролетит полвека.
Снова слепить человека
Из глины никак нельзя,
В него не вдохнувши душу.

Новый наступит день – и побегут пешеходы,
И будут мигать светофоры,
И снова паук станет плести паутину
Свою, создавая картину,
Нанизывая на нити воду,
Внимания не обращая на все капризы природы.

* * *

Бог – это я и ты, и свет на небосводе.
Бог – это боль внутри, которая уходит.
Зеленые кусты, что на зиму уснули,
И свет из темноты, спасение от пули.
Заброшенный пустырь, рост сорняков нетленных.
Бог – это просто пыль покинутых вселенных,
Упрямый человек, тот, что в пространстве брошен,
Бог – призрачная нить между тобой и прошлым.
Когда ночная тьма нам сердце растревожит,
Бог – это лунный свет, который нам поможет.

Єлизавета Радішевська

Значить, будем жити...*

Українські жінки народжують дітей під час війни та вірять у світле майбутнє

У попередній книзі альманаху ми розпочали розповідь про сильних, сміливих та водночас прекрасних українських жінок, які народжують та виховують дітей під час війни. Їх об'єднав творчий проєкт одеської фотохудожниці Марії Тимофєєвої «Портрет материнства», на втілення якого вони приходили разом із дітьми. З цього цікавого творчого проєкту виросла ідея зібрати не лише фотографії, а й оповідання безстрашних матерів. Про те, як їм вдається будувати та зберігати свій маленький затишний, захищений від страшної реальності світ із малюками. Під звуки повітряної тривоги, під

виття сирен, під вибухи, без світла та тепла.

Наш альманах останнім часом виходить раз на пів року. І, чесно кажучи, коли я писала в минулому випуску, що далі буде, я дуже-дуже сподівалася, що продовження статті ми зустрінемо вже без війни. На жаль, війна не скінчилася. Навпаки, звуки повітряної тривоги стали звучати частіше та страшніше. Але ми все одно живемо. Ми повинні жити, підтримувати в собі вогники добра та людяності. Заради майбутнього, заради дітей. Матусі – героїні статті знають це краще за інших. Тож прислухаємося до них.

* Початок у книзі 99.

Катерина

Катерина

Я – мама трьох дітей, і мені досі не віриться, що це правда. Так у нашому житті трапилося, що всі діти народжені під час воєнних дій на території нашої країни. Перший син народився у 2014 році. Я дуже хотіла хлопчика і до моменту, коли можна було дізнатися стать, вже купила блакитний конверт на виписку. Так і сталося: у нашій родині з'явився цей славний хлопчик із зачіскою їжачка. Поки старший синочок ріс, не покидала думка про ще одного малюка. Так у 2021 році народився наш другий синочок, світлий та спритний хлопчик. Але коли молодшому синові було десять місяців, нас охопила війна. З жахом згадую ту ніч, повну відсутність розуміння, що відбувається, страх в очах близьких. І рішення, які потрібно ухвалювати тут і зараз. Ми не стали виїжджати, я не змогла забрати дітей від батька та залишити рідних і близьких. У перші дні ми всією сім'єю, коли оголошували тривогу, ходили в укриття: вони всі були занедбані – бруд, волога, пліснява. Можливості десь сісти просто не було! Дітей тримали на руках, аби вони хоч би як спали, а самі були готові просто звалитися на підлогу від безсилля. На жаль, через стрес та особистий дискомфорт під час тривоги довелося припинити грудне вигодовування молодшого сина. Людей в укритті набивалося стільки, що зітхнути було неможливо, не те що сісти та погодувати немовля. Повітря не було, замість нього був страх. Пам'ятаю, як одного разу ми всю ніч провели з дітьми у сховищі, не спали, сиділи навпочіпки з ними на руках. Тільки повернулися додому, почали стріляти знов: ми бачили у вікна червоні вогні на тлі світанку.

Проте минуло ще кілька років, і я, маючи вже двох суперактивних синочків, дуже захотіла доньку. З умовляннями та сльозами ми зважилися ще на одну дитину. 2025 року з'явилася наша донечка. Пологи були непростими. Вступила я до пологового будинку під звуки сирен, ближче до комендантської години. Коли моя дівчинка народилася і закричала, в мене сльози лилися безперервно. Це було те щастя, та мрія, яка була всередині та чекала на своє втілення. Вже коли перевели в палату, я не відходила від неї, весь час дивилася на неї та слухала

її подих. Під час перебування в пологовому будинку ховатися від вибухів і тривог було ніде. Я брала дитину і виходила в коридор, якомога далі від вікон, сподіваючись, що все скоро закінчиться і нас не торкнеться.

Величезною радістю для мене було те, що братики зустріли сестричку зі щирою любов'ю та трепетом, не відходили від неї ані на крок, цілували їй ручки та ніжки, навіть іноді билися між собою, хто лежатиме з нею поруч. Чоловік закохався у неї з першого погляду. Зараз не можу уявити, що їй могло в нас не бути.

Анастасія

Чому зважилися на дитину саме під час війни? Повірте, зважитися на дитину під час війни не найскладніше. В такому випадку батьки чітко усвідомлюють своє становище, фінансову ситуацію в сім'ї, психоемоційний стан, враховують фактори ризику, планують няню чи садок з урахуванням тривог, відключень всього, чого тільки можна, й інші «принади» воєнного стану. Наша родина до такого не готувалася. Донечка народилася 5 лютого 2022 року, а за два з половиною тижні, прокинувшись у свій день народження, замість чоловіка з квітами я побачила чоловіка з поглядом, сповненим тривоги та страху. Страху за мене, нашу крихітну доньку та нашу родину. Звичайно, було багато варіантів розвитку подій, але всупереч умовлянням близьких, їхньому засудженню, ми вирішили жити наше щасливе життя тут. Заради нашої дитини. Заради нашої родини та буття разом. Тому що жодне мирне місце на землі не дає такого спокою та відчуття безпеки, як місце поряд із найулюбленішими людьми, без яких не уявляєш своє життя.

І, звичайно ж, зіграла роль кохана Одеса! Місто-мрія, місто мого дитинства. Та що там дитинства – всього мого життя! Не можу та не хочу жити не в Одесі! Вона дає мені сили! Її люди, звуки, одеська мова, її краса та шарм, оперний та Староконка, Привоз та парк Перемоги... Як можна бути в безпеці та спокої, якщо не знаєш, що з твоєю найближчою та коханою людиною? Коли новини – кожна гірша й трагічніша за попередню?

Анастасія

А потім настала весна. Прийшло тепло. Розквітли дерева. Я зробила власний вибір. Для мене не було тривоги, тому що мені була важлива лактація. Я заглушала сирени своїм ніжним голосом і співала дочці колискові на прогулянках. Ми не ховалися у підвалах, а нюхали бузок та цвіт яблуні, гуляючи весь день. Потому був повний блекаут, життя без світла у квартирі з температурою плюс тринадцять, дитина, що повзає у зимовому комбінезоні та вуличних пінетках, переїзди до рідних, готелі. Але був і перший день народження доньки, свято на більш ніж сорок осіб у ресторанчику за містом, бо мало хто був готовий обслужити такий захід у тодішніх умовах. Було всяке. Але попри любов, радість, підтримку та міцні стосунки в сім'ї, я ніколи нікому не бажаю жити за часів війни.

Я маю мрію! Я дуже хочу, щоб закінчилася війна, і наша Ксюшенька побачила в Одесі салют, справжній, як колись був на День міста. І літаки, не винищувачі, які низько пролітають над нами поблизу моря, а рейсовий літак – високо-високо в небі та обов'язково з білою смугою позаду.

Марія

Як зважилися на дитину саме під час війни? У нас старшій на момент початку війни був без тижня рік. Ми хотіли дітей з різницею плюс-мінус у три роки. Не стали відхилятися від закладеного плану, а через два роки ще й третя народилася. Чи не вагалися у своєму рішенні? Жодної секунди. Чи було страшно під час вагітності? Думаю, так, було страшно, як усім. Просто коли немає дітей, страшно за себе, коли вони є – за них, страху за себе не залишається. Плюс діти не повинні відчувати на сполох батьків, ми маємо бути завжди «на дзени». Коли тривога та страшні вибухи – обіймаємо дітей і молимося, щоб ми та наші рідні були живі та здорові.

Коли почалася війна, ми не могли поїхати всією родиною, а поїхати з дитиною вдвох – такий варіант не розглядався. А далі зрозуміли, що й не хочемо виїжджати. Коли я завагітніла

Марія

третьою, та стало зрозуміло, що у чоловіка з'явиться можливість виїхати, всі так і питали: «Куди поїдете?» – не сумнівалися, що ми їхатимемо. А ми не захотіли. Тут ми заробляємо, будуємо плани, робимо внесок в економіку країни, сплачуємо податки, сподіваємося на світле майбутнє. Тут ми потрібні, тут наш дім.

Майбутнє я уявляю щасливим, безумовно щасливим. Уявляю, як діти влітку босоніж бігають у дворі нашого будинку зеленою травою – просто в піжамах, тільки прокинулися, ще не розчесані, зривають урожай полуниці, щоб додати в кашу. Сонце м'яке, ранкове, ми з чоловіком п'ємо каву на веранді – ідеально. Ось воно, справжнє щастя!

Ольга Кібарова Дев'ять думок матері

Думка перша. Надія

Ось і фінішна пряма моєї довгоочікуваної вагітності. Жити з надією – це ніби бути океаном: глибоким, неосяжним, заповітним. Плекати омріяну надію в цьому жорстокому лютому – це сподіватися, що все лихе мине. Леліяти віру, що темний вир жахить – лише поганий сон. Але серце-віщун щось відчуває. Хвилі яріють. Щось буде.

Думка друга. Тривога

Ніколи в житті небо не було таким грізним. Темрява накриває нашу мирну землю нестямним лементом, нестримним ревінням, божевільним шумом. Все тихе перетворюється на суцільний чорний гул. Я стою спохмурніла й розгублена. Остовпіла, прибита. А всередині мене – нове життя, нові сподівання та мрії; всередині спокійно та безпечно. Хай хоч грім з неба, а ми будемо жити. Ми обов'язково почуємо перший пронизливий крик малюка. Гучно лунатиме крик, який не знає ані оглушливого страху, ані руйнівного горя. Крик радості.

Думка третя. Віра

Я тримаю свого сина так міцно, як тільки можливо. Ми у пологовому будинку, у бомбосховищі. Хіба ворог не бачив, який чистий та світлий сон у дітей? Хіба можливо посміти вкрасти в них ясні та такі солодкі сни? Ні, ворог сліпий: є лише непроникна темрява перед його злісними очима. Я чую похмуру пісню сирени, я безнастанно борюся з лихими думками, я повторю собі: «Треба вірити у перемогу, треба вірити у промені добра, треба вірити щиро заради дитини». І я вірю. Віра дарує нечуваний шанс: силу, з якою я і сонце прихилю для малюка. Раптом малюк хапає мене за палець, просинається на мить – і знов засинає. Йому безпечно та тепло. Син і гадки не має, що насправді він – єдиний промінь, єдине та незбагненне сяйво в моєму житті, єдиний скарб. Напевно, саме зараз він народився, щоб чоловік і я не втратили сенс життя.

Ольга

Думка четверта. Безпека

Я намагаюся не залишатися наодинці вдома чи на вулиці – адже як бути, якщо люта ракета вб'є всіх моїх близьких, крім мене? Я не знесу цю втрату. Засинаючи, я притуляюся до чоловіка та малюка і думаю, що померти в обіймах найдорожчих сердець – це наймилостивіша загибель. Бути разом – щастя, яке я плекатиму та про яке піклуватимуся щосекунди. Завжди. І допоки у будь-яку мить бомба може знищити нас, допоки лунає гул сирен, допоки навкруги безнастанне пекло, у нашій домівці – маленький наш здійснений рай. Ми змогли

збудувати свою печерку, затишну та безпечну. Чи зможемо ми огородити малюка від жахів війни? Чи буде він ще малюком, коли вона закінчиться? Мій син – дитина війни. Як страшно це звучить...

Думка п'ята. Очікування

Чи запам'ятає мій малюк своє дитинство веселим та променистим? Без темних укриттів, сірих тривожних облич? Сину, татко та мама будуть робити все, щоб у твоїй пам'яті про дитинство були лише світлі яскраві спогади. Ми збережемо все, що дорого та цінно, ми збудуємо наш світ, де панує мир. Ми бігатимемо з малючком за смарагдовими метеликами та куштуватимемо соковиті ягоди та жаристі яблука. Ми шарудітимемо брунатним листям в улюбленому парку. Ми шукатимемо маленьких їжачків в зелених ялинках. Ми збиратимемо букети з різних квітів та листя: і пурпурових, і волошкових, і померанцевих – таких, які потім сховаються на сторінках зворушливих казок. Ми ловитимемо бурштинове сонце на березі рідного Чорного моря. Я прокручую ці миті у своїй голові, ніби гортаю альбом з фотокартками. Я думаю про твоє життя кожен день, мій малюк.

Думка шоста. Сором

Легкою ходою крокує по нашій країні безсмертна біда. Я намагаюся боротися з некомфортною радістю: там, де мої затишок, тепло, любі серцю речі, – там обіч сором, провина та сум. Ці відчуття невідомою силою цілять у саме коріння надії. Ці відчуття не дають мені розквітати. Хіба я повинна відчувати сором, що моя дитина з новою іграшкою в руках грається в теплій оселі, поки інша на кладовищі міцно стискає холодні материнські руки? Хіба я повинна відчувати провину, якщо хочу безпеки для свого малюка, поки іншого потворні істоти насильно волочать у невідомість? Хіба я винна, що мій син не знає ані голоду, ані холоду, ані страху? Хіба я винна, що в нього будуть перші кроки, перші друзі, перше кохання? Ні. Але чомусь совісно. Так гірко... Але чомусь я ніяк не можу забути маленьких янголів війни.

Думка сьома. Кроки

Син робить перші невпевнені кроки. Падає, сопе, обтрушує руки, робить ще один крок. Знову падає, крекче, струшує пил зі взуття, топчеться, робить ще один крок. Мурмоче, йде потихеньку, не вглядаючись удалечінь. Здається, що ніщо не здатне похитнути його невгамовну допитливість. Наша ясноока щирість. Можливо, малюк має рацію? Можливо, треба вирощувати в собі завзятість та наполегливість і посувом рухатися вперед. Бути паростком у кам'яному хаосі мегаполіса. Поки є рух – є життя.

Думка восьма. Невиразний неспокій

Еміграція – другий день народження. Ми вчимося робити все вперше: ходити, писати, слухати, розмовляти. Іноді здається, що й дихати теж. Самій несила починати новий день, але малюк так завзято й жваво хоче пізнавати світ, що я не можу його підвести. Довкруги знайомі предмети, явища, почуття, але вони настільки незвичні та чужинецькі, що почувашся ніби на іншій планеті. Де тепер рідний дім мого сина? Де мій дім? Де моє місце зараз? Чи повернеться малюк до міста, в якому зустріли та покохали одне одного ми, його батьки? Чи впізнає він свою кімнату, в якій він провів перші місяці свого життя? Чи бачитиме він сни рідною мовою? Чи будуть його теплі спогади про мультики, пісні, книжки та іграшки спільними з іншими дітьми? Чи будуть близькі йому українські свята та традиції? Чи буде він своїм серед своїх?

Думка дев'ята. Вогонь життя

Я дивлюся на малюка та намагаюся запам'ятати всі дрібниці: його добрі оченята, його грайливу посмішку, пухкі щічки, маленькі пальчики. Те, як він кумедно бігає та ховається за фіранкою. Те, як він щиро та несподівано обіймає мене, гладить моє волосся. Те, як він чистосердо радіє новому та незвичному. Він – наше маленьке велике диво. Інколи я відчуваю себе такою щасливою, що боюся дихати, щоб не прогнати це щастя. Хочу запам'ятати всі хвилини з ним, всі моменти до останнього руху, звуку, погляду. Чи згадає малюк щось зі свого першого року?

Все може закінчитися. Все може зникнути. І в багаж нічого не поміститься, і валізку можна загубити. Все неважливе, все пuste. Окрім любові – вогню життя, який буде завжди зі мною. Серце-віщун відчуває, що на нас чекає світле майбутнє. Все буде.

Історія, краєзнавство

- 44 Ростислав Александров**
«Я к вам пишу – чего же боле?»
- 50 Олег Губарь**
Как формировался Городской сад?
- 71 Андрей Добролюбский**
Гавани дрока и лилий
- 77 Александр Дорошенко**
«Бог увидел красоту нашей Одесской бухты...»
- 94 Анатолий Глуцак**
Жаботинський повертається в Одесу
- 99 Анатолий Горбатюк**
Одесский порт: от античности до наших дней
- 113 Борис Эйдельман**
Мы говорим «Optimum», подразумеваем Одесса
- 118 Тамара Коленко**
Зародження професійної морської освіти в Одесі
- 124 Анна Голубовская**
До ста двадцати!..

ПЕРВЫЙ УГОЛ

Ростислав Александров

«Я к вам пишу – чего же боле?»

Улица – элемент городской структуры. И подобно тому, как каждая клеточка организма содержит его генетический код, каждая улица в своей истории содержит нечто специфичное для города, коему она принадлежит. На перекрестках двух улиц их история, резонируя, создает мемориальное поле такой напряженности, что только ступи сюда – и оно пронзит тебя, генерируя в памяти не только давно забытое, но, казалось, никогда не ведомое.

И если это относится к каждому перекрестку, то что уже говорить о таком, как Дерибасовская угол Ришельевской... Здесь отдает негромкой прелестью Пушкинской, изяществом Ланжероновской, искрометностью Дерибасовской, респектабельностью Ришельевской, а вокруг «годовыми кольцами» отложилась веселая, печальная, мудрая, бестолковая, трагичная, счастливая и неповторимая двухсотлетняя история прекрасного города. Доказать это можно только рассказами о каждом доме на Дерибасовской угол Ришельевской и самим содержанием альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», дай ему Бог, как говорили в Одессе, «здоровья, счастья и немножко деньгами».

Александр Сергеевич Пушкин пробыл в Одессе тринадцать месяцев, но освятил своим именем не только эпоху в жизни города, но историю отдельных улиц и даже домов. Более того, не будучи связанными с воспоминаниями о поэте, некоторые из них и вовсе не привлекли бы внимание краеведов. Примером – дом на Дерибасовской, 10, он же на Ришельевской, 3, потому что располагается аккурат на этом знаменитом углу. При Пушкине здесь был самый большой дом тогдашней Одессы, занимавший

квартал Ришельевской от Ланжероновской до Дерибасовской и по ней еще протянувшийся на изрядное расстояние. Этот дом построил командующий сухопутными войсками в крае генерал-поручик князь Г. Волконский, второй после де Рибаса человек в новорожденном городе. Он получил разрешение на строительство за несколько дней до 22 августа 1794 года – официальной даты основания Одессы, и, скорее всего, в этот день состоялась церемония закладки дома. И можно представить, как де Рибас поднял фужер с искрящимся под южным солнцем шампанским, обвел собравшихся озорным сияющим взглядом – знай, мол, наших! – осушил его, грохнул о рыжую глинистую землю Хаджибея, к которой только что прикоснулась лопата строителя, и его примеру последовал князь. А двести один год спустя при раскопках на этом памятном месте писатель Олег Губарь и археолог Андрей Добролюбский обнаружили в закладной нише под фундаментом дома... два разбитых фужера.

От Волконского дом перешел к консулу Французской Республики в Одессе негодцианту Жану Рено, который несколько

перестроил его и разместил весьма потребные молодому городу заведения. На углу Ланжероновской появилось казино, удостоившееся чести попасть в «одесскую главу «Евгения Онегина» –

Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino...

Помимо этого, как приличествовало набравшему торговую мощь портовому городу, разместилась здесь «Биржевая зала», которую кроме основного назначения использовали для устройства балов – новогодних, «маскерадных» и прочих, коих давали не менее шести раз на месяц, да демонстрации различных диковин вроде «собрания живых змей блистательной красоты». А поближе к Дерибасовской на втором этаже дома была гостиница, в «четырнадцатом номере» которой прошло большинство одесских дней Пушкина, и изящной его скорописью лежали на бумагу строфы «Евгения Онегина», в том числе неповторимое «Я к вам пишу – чего же боле?». И в этом же доме Пушкин бражничал с друзьями, вольготно расположившись в ресторации у Цезаря Отона, коему выпала счастливая судьба остаться в «одесской главе «Евгения Онегина»:

Шум, споры – легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отонем...

До середины 1830-х годов гостиница в доме Рено была самой престижной и благоустроенной, в которой, не в пример другим, имелась даже «публичная баня, заведение столь же приятное, сколько и полезное...», где «можно будет принимать во всякое время от утра до вечера теплые и прохладные бани в пресной или морской воде...». Похоже, это были первые морские ванны, ставшие потом такой специфичной черточкой Одессы, о которой Илья Ильф написал, что «когда все в Одессе разрушится, морские ванны по-прежнему будут сиять и переливаться светом...». В Одессе еще не все разрушилось, но общедоступные морские ванны, подобные тем, что были на 10-й станции Большого Фон-

тана, уже обернулись не всем доступным воспоминанием.

В разные годы в доме Рено размещался «прокат маскерадных костюмов» Куртмановского, магазин «галантного товара» Герана – фарфор, лампы, рамы, искусственные цветы... винный погреб Виноградова с продажей разнообразных добрых и дешевых вин – один из предков впоследствии типичных для Одессы разбросанных по всему городу заведений, еще памятных землякам моего возраста и пристрастий.

А когда на месте дома Рено построили принадлежавшее старинному одесскому купцу Стиффелю новое здание, винный погреб уступил место фешенебельному «магазину

иностраннх вин», а хозяин купно с братом перевели сюда свой торговый дом, вошедший в историю коммерческой Одессы. В художественной же истории города остался квартировавший в доме Стиффеля карикатурист итальянец Треско, который создал целую галерею портретов своих современников, потому что, по словам летописца старой Одессы Александра де Рибаса, отличался тем, что «после посещения светских вечеров он все свои впечатления рассказывал друзьям в рисунках». В числе обитателей дома Стиффеля пребывал и присяжный поверенный с привлекательной или, наоборот, отпугивающей подзащитных и обвиняемых фамилией Шухер.

Исай Шухер сохранял верность «Дерибасовской угол Ришельевской» много десятилетий, только, как говорится, «без шухера» покидал его на то время, пока на месте дома Стиффеля возводил донныне стоящий респектабельный четырехэтажный

с мансардой и массивным эркером дом Страхового общества «Россия». Под стать дому это было солидное предприятие с центром в Петербурге и наличным капиталом около ста миллионов «тех» рублей, которое никогда не горело в прямом да переносном смысле и осуществляло страхование жизни, транспортных средств, движимого, равно как недвижимого имущества и даже «стекол и зеркал от излома и разбития». Одесское отделение общества занимало в своем доме несколько помещений, а остальное сдавало в аренду. И потому здесь можно было раскошиться на ювелирные изделия из золота и серебра, обзавестись шляпой, приобрести рояль, заказать новую одежду, получить для проката копию фильма в представительстве всемирно известной французской компании «Пате»,

опосля же всех забот отвести душу в уютном ресторане «Бавария» Товарищества одесских пивоваренных заводов, а в 1918 году взгрустнуть в театре «Гротеск» под «печальные песенки Пьеро» в авторском исполнении Александра Николаевича Вертинского... Здесь жили купцы и сыновья купцов, дантисты, врачи, акушерки, массажистки, консул Датского королевства Георгий Рафалович, журналист «Одесских новостей» Исидор Бродовский, художник Иосиф Шклявер, архитектор Моисей Замечек...

Все они уже давно в ином мире, от дома Стиффеля сохранилась разве что верхушка утраченных ворот с вплетенной в чугунное

кружево латинской буквой «S», здание, принадлежавшее страховому обществу, после капитального ремонта пока в сносном состоянии. И если спроецировать на него канувший в небытие дом Рено, то окно пушкинского «четырнадцатого номера» окажется как раз над нынешней театральной кассой, где можно купить билет и, пройдя квартал, насладиться «Евгением Онегиным». А потом возвратиться сюда и в ясный летний вечер увидеть, услышать, почувствовать и прочувствовать то, что осталось тут с пушкинской поры:

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит...

Правда, уже не слышно здесь, как «море Черное шумит». Но это не самое худшее. Что-то же должно было измениться...

2000

Олег Губарь

Как формировался Городской сад?

...Как было сказано, слева при входе в сад со стороны Преображенской находился квадратный в плане дом князя Павла Ивановича Гагарина, занимавший участки № 704-705. Этот аристократ был не только заядлым театралом и актером-любителем, но и начинающим предпринимателем в сфере шоу-бизнеса. Городскому саду явно не доставало подмостков, а потому князь и обустроил на принадлежавшей ему территории театр. В оценочной ведомости городской недвижимости 1848 года значится: «Театр князя Павла Гагарина – 6570 руб.». Строение, несмотря на значительную площадь, было довольно скромным, хотя и с архитектурными достоинствами. В Государственном архиве Одесской области сохранились чертежи этого одноэтажного дома,* спроектированного архитектором И.Б. Скудиери (1845). Задолго до того, в 1834 году, Скудиери спроектировал для князя и его супруги Людмилы на том же месте значительно более представительный трехэтажный дом, чертежи которого сохранились,** однако обстоятельства не позволили воплотить замысел в жизнь.

Сохранился также план этого участка, составленный Г.И. Торичелли в 1840 году. Здесь зафиксированы примыкающие к Городскому саду и казенным постройкам участки, принадлежавшие Гагарину (№ 704, 705, 706) и австрийскому консулу фон Тому.***

В 1849 году «недостроенный театр» приобрел выдающийся одесский коммерсант и меценат немецкого происхождения Ви-

* ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 413; ф. 59, оп. 1, д. 2445.

** ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 403.

*** ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2445.

льям Вагнер. Исполненный Ф.К. Боффо проект масштабного трехэтажного дома датируется 30 декабря 1849 года.**** Вместо театра Вагнер разместил тут превосходную «Европейскую» гостиницу (в 1899-1902 годах на месте гостиницы возведен один из корпусов Императорского Новороссийского университета, ныне Научная библиотека Одесского национального университета – ул. Преображенская, № 24), о которой стоило бы рассказать отдельно, но в данный момент нас будет интересовать другое – то, что имеет непосредственное отношение к Городскому саду, а именно находившийся при этой гостинице знаменитый ресторан купца Алексеева. Дело в том, что ресторан примыкал к отелю как раз со стороны сада и много лет не знал себе равных в элитарном центре, и вообще весьма высоко котиrowался в Одессе. Здесь еще надо, вероятно, уточнить, что предшественником этого ресторана была располагавшаяся в саду «городская кофейня», о которой упоминает историк А.И. Третьяк, вероятно, имея в виду заведение Германа Келя.

Что до Афанасия Федотовича Алексеева – это поистине выдающаяся фигура в сфере одесского ресторанного бизнеса и общественных увеселений. К нему уважительно относились многие известные одесситы и приезжие, именуя Федотыча «одесским Излером» (И. Излер – успешный устроитель общественных гуляний в Санкт-Петербурге и его окрестностях). Впрочем, и критиковали его по разным поводам изрядно. Вместе с супругой Агафьей Степановной и сыном Семеном Афанасьевичем они содержали в разные годы целую серию рестораций, трактиров, харчевен, элитарных кафе и буфетов на даче Лидерса и проч. Ресторация Алексеева примкнула к гостинице Вильяма Вагнера «Европа» со стороны Городского сада в 1850 году (небольшое здание, в котором помещался кафе-ресторан, различимо на гравюре 1869 года), и стала популярной еще перед Крымской войной. «...Здесь не прогуливаются, – сообщает газетный репортер-за-всегда, – здесь вы видите множество столов и столиков, освещенных свечами, обезопасенными от ветра высокими прозрачного стекла вазочками, а за столами кружки дам и мужчин,

**** ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 250; описание было в утраченном деле № 3027, ф. 59, оп. 1.

прохлаждающихся мороженым, пьющих чай или ужинающих». Речь, конечно, идет о летней веранде ресторана.

Федотыч умел потрафить почтенной публике – как бомонду, так и простонародью. Скажем, его чайный трактир в доме Маюрова на Греческом базаре одно время был подлинным дискуссионным клубом. Вот что пишет о нем известный одесский юрист Яков Псарев в годы Крымской кампании: «Трактир Алексеева (в доме Маюрова), где подслушаны описываемые ниже русские толки о политике, разумеется, современной и военной, можно назвать сборищем простонародья. Тут все умно и ловко устроено, все дешево и мило; но главное – все приправлено приветливостью хозяина, – магнит, который для доброго русского сердца дороже денег. Оттого-то вы найдете здесь и кафтан, и ум, и сердце – всё нараспашку. Притом превосходная машина-орган почти у самого уха гудит (...). Чего же больше? Наслаждение полное». Особый, видно, талант общения был у Афанасия Федотыча.

Когда во второй половине 1850-х Вагнер променял свой гостиничный дом на комплекс строений Ришельевского лицея (описанные выше участки, принадлежавшие когда-то Андрею и Феликсу де Рибасам), ресторация Алексеева осталась на прежнем месте, при лицейском здании, гостиницу в котором некоторое время содержали другие лица – Мартен, Власов, но затем, с 1863-го по 1868-й, снова Алексеев. Кроме того, он открыл и другую «Европу» – в бывшем доме княгини Репниной, бывшем Бальша, на Садовой улице близ нынешнего Главпочтамта, а ресторан в Городском саду в это время стал содержать Семен Афанасьевич. В начале 1860-х за Алексеевыми числится в 1-й части: три шикарных кафе-ресторана и три обычных ресторана. При этом они уплачивали акциза: 150, 210 и 250 рублей плюс 55 рублей «за питья» по кафе-ресторанам и втрое, вчетверо меньше за небольшие ресторанчики. Примечательно, что если другие рестораторы изощрялись в заманивании клиентуры, изобретали рекламные трюки и особенно изощрялись в тиражировании рекламных плакатов и афиш, Алексеевы вообще редко прибегали к рекламе, жили по старинке, по принципу «из уст в уста». Наблюдая яркие афиши «конкурирующих фирм», местная газета резюмирует: «Между тем г-н Алексеев красноречив молчанием (...)». В первом одес-

ском путеводителе, изданном в 1867 году параллельно на русском и французском языках, Городской сад впервые упоминается как местная достопримечательность.

Но вернемся к сюжету о преображении выстроенного Х. Фендериш салона сельскохозяйственных орудий и прилегающей территории Казенного сада в городок развлечений. Как было сказано, 1 апреля 1868 года строение было сдано Императорским обществом сельского хозяйства Южной России в аренду. Кому? Разумеется, Алексееву! В местной газете его уважительно величают «почтенным ветераном-ресторатором». При этом он не отказался и от прежнего заведения, соседнего кафе-ресторана при бывшем доме Вагнера. Однако новое заведение планировалось им как совершенно иное – такое, какие обыкновенно устраивались на фешенебельных приморских дачах в летний сезон.

Он устроил отдельно ресторацию, чайный трактир и пивную залу (биргалле, бирхолл). На примыкающем участке были оборудованы: карусель, тир и два бильярда. Кроме того, Алексеев пригласил один из лучших в городе оркестров под управлением Розетти в составе десяти музыкантов, да еще держал и другой оркестр, в прежнем кафе-ресторане. Этот оазис развлечений в Городском саду презентовали 24 мая 1868 года. Хотя «одесского Излера» поругивали, но посетители имели возможность приходить сюда с собаками. Тем же летом Алексеев открыл кафе-ресторан в доме Ведде, на Дерibasовской против Городского сада, и увеселительное заведение на даче Лидерса, в котором выступал «хор арфянок», то есть исполнительниц на тирольской цитре, состоящий из семи особ. В ансамбль «арфянок» обычно входили также скрипачки и флейтистки, а если выступление организовывалось в закрытых помещениях, то и пианистки. Все музыкантши были и профессиональными вокалистками, причем репертуар включал народные песни, романсы, арии на русском, польском, немецком, французском, итальянском и других языках. В дальнейшем у Алексеева выступал подобный же мужской коллектив, именовавшийся Обществом тирольских немцев и Обществом немецких певцов, да еще оркестр «Филармония-Германия» под управлением Густава Гене.

Очень скоро каскад развлекательных заведений Алексеевых в Казенном саду сделался излюбленным местом гуляний одесского

общества – этнически пестрого, рельефного, разночинного. Ассортимент предлагаемых услуг в сфере обслуживания был практически всеобъемлющ: кафе-ресторан со всеми атрибутами – для аристократов, негоциантов и золотой молодежи, городок развлечений с трактиром, пивной, аттракционами и проч. – для разночинцев, в том числе – детей. Оживленные гулянья, разумеется, имели и негативную сторону. Несмотря на то, что за состоянием зеленых насаждений осуществлялся казенный надзор, газоны местами вытаптывались, а не в меру разгулявшиеся буяны травмировали деревья и кустарники.

Все это дало повод сыну дарителя, М.Ф. де Рибасу, выступить в прессе с критическим материалом относительно состояния Городского сада (конец 1871 года). Де Рибас напоминает историю обустройства и дарения сада, говорит о «духе разрушения», ругает «длинное безобразное здание под трактирное заведение» купца Алексеева, то есть бывший салон Х. Фендерих. «При этом, – продолжает он, – отдали содержателю и часть сада, которая огорожена решеткою, за которую простые, но порядочные люди, не пьющие по вечерам у Алексеева чаю, не допускаются». Отмечает «вторжение» бывшего дома Вагнера на территорию сада. Впрочем, негодование и ностальгические эмоции (чтоб не говорить о старческом брюзжании) де Рибаса касаются далеко не одного Казенного сада, а увядания города вообще: Ботанического и Дюковского садов, Внешнего бульвара, Лёвшинских плантаций на Пересыпи, разрушении мостовых и т. д.

Еще прежде М.Ф. де Рибаса о стесненном положении Городского сада сообщается в издании «Одесская старина», увидевшего свет на исходе 1869 года. «Сад с домом, где теперь производится продажа минеральных вод, – пишет составитель, – принадлежал некогда Ф. де Рибасу, родному брату адмирала, и им уступлен городу. Ришелье, страстный любитель садов, посадил здесь каштаны и другие тенистые деревья, установил солнечные часы, и сад представлял в свое время приятное убежище от солнечных лучей. С застроением же вокруг него домов: Променной конторы, разных частных лиц, помещения Общества сельского хозяйства Южной России, основанного в 1828 г., гостиницы Вагнера и ресторана купца Алексеева – сад значительно стеснился, запустился

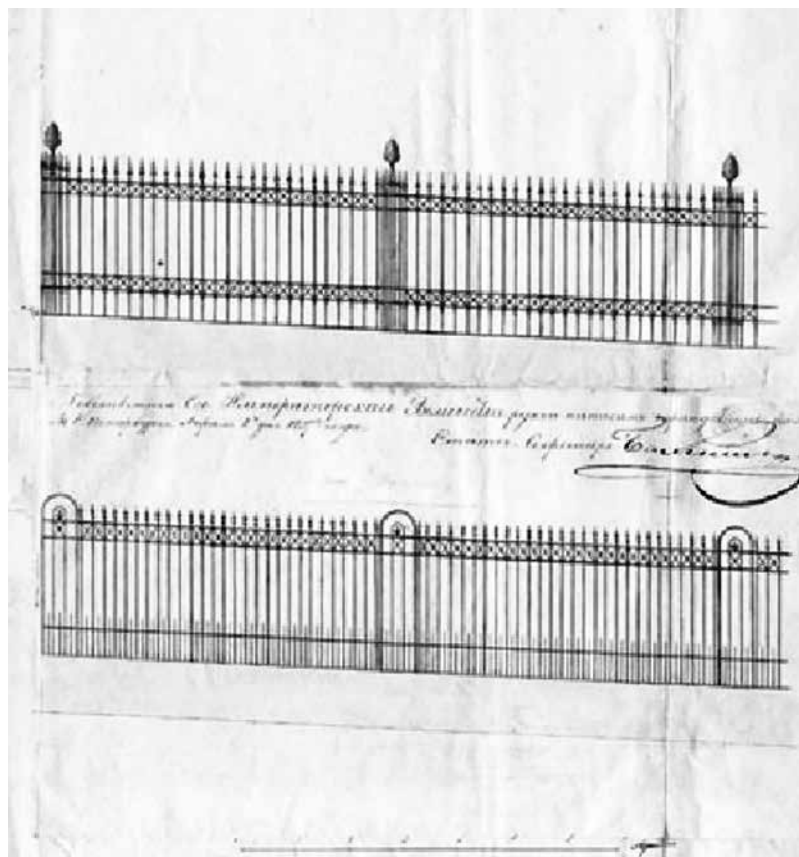
и почти утратил прямое свое назначение. Недостаточным жителям среди часто тропических жаров некуда голову приклонить. Новая посадка деревьев и перекопка земли произведена в 1847 г. Наружная железная решетка от неprisмотра заведовавших садом в свое время значительно попорчена».

Заведение искусственных минеральных вод

Изложенное мнение весьма необъективно. Во-первых, территория Городского сада, как мы видели, не только не сократилась со времени дарения, а напротив, значительно расширилась. Гостиница Вагнера занимала место прежнего театра князя Гагарина, территориально никогда в состав Дерибасового сада не входившего. То же касается и ряда других казенных и частных зданий, существовавших в тот период и возведенных или капитально перестроенных несколько позже – например, домов Бродского (№ 6), Новикова (№ 4), Порро (№ 10), расположенных по красной линии нечетной стороны Гаванной, и углового дома Исаковича, числящегося по Дерибасовской. Дом Хлопонина по Преображенской, № 32, как уже упоминалось, построен на рубеже 1870-1871 гг. на месте второго дома де Рибаса, примыкавшего к первому на углу Преображенской. На месте старых строений возведен в 1860 году и дом Григоровича по улице Преображенской, № 30. Все эти здания находились и находятся вне пределов четырех участков, подаренных Феликсом де Рибасом городу, и ни в коем случае не «наезжали» на сад. Так что претензии его сына по этому поводу более чем странны.

Что до неимущих, о которых пишет Михаил Феликсович, то в их распоряжении оставался почти весь сад, а за отдельную плату входили лишь в его арендуемое отделение. Солнечные часы не представляли собой ничего особо примечательного и, кроме того, взамен этих на даче Ланжерон установили другие – на «каменном пьедестале». А вот относительно состояния оградительной решетки, устроенной еще при Ришелье, то она и в самом деле обветшала (впоследствии ее неоднократно подправляли,

Ограда Городского сада. 1837 г.

но в годы лихолетья и бесконечной смены властей она обветшала основательно и позже была окончательно демонтирована). Ограда окаймляла сад по Гаванной, Дерибасовской и Преображенской, причем с каждой из этих улиц имелись входные калитки. Но платы за вход не полагалось.

Едва ли можно определить состояние сада как «стесненное, запущенное и почти утратившее свое прямое назначение», если

обратиться к свидетельствам многих современников. Скажем, литератор М. Чистяков, побывавший в Одессе уже после ликвидации порто-франко, пишет: «Место общественных гуляний, кроме бульвара, городской сад на Рибасовой улице; деревья в нем прекрасные, развесистые, но на беду, по причине редких дождей покрыты густым слоем пыли; сюда преимущественно собираются няньки с детьми всех возрастов; дети наслаждаются даже пыльной зеленью, бегают и веселятся, как ни в чем не бывало». Что ж, до устройства водопровода «умывание деревьев» было, прямо скажем, непозволительной роскошью.

Рассказав о здании Общества искусственных минеральных вод, Чистяков обращает пристальное внимание на заведение нашего Афанасия Федотыча (правда, порой путая «Европу-1» с «Европой-2», то есть бывшим домом Репниных на Садовой улице): «Самое любимое гулянье лучшего, высшего, то есть богатого общества – Алексеевский сад; он действительно хорошо устроен; в нем зелени и цветов множество, каждый вечер музыка. Сюда собираются выпить чашку чаю, съесть порцию мороженого, поговорить со знакомыми и выкурить, между бездельем, а иногда и между делом, сигару (...). По временам в саду бывает иллюминация, два оркестра и фейерверк; в такие дни приток посетителей до того значителен, что в саду теснота». Если заявленную «стесненность» понимать в данном контексте, то тогда все понятно и справедливо.

Но вернемся к прежним персонажам нашего повествования. 8 июня 1873 года А.Ф. Алексеев ушел из жизни. 10 июня его отпевали в Спасо-Преображенском кафедральном соборе и похоронили на Старом христианском кладбище. «Полагаем, почти все одесситы знали покойного, который пользовался значительной популярностью как предприниматель различных общественных развлечений и увеселений, так что в свое время играл роль одесского Излера, – сообщалось в некрологе, – только в последнее время, вероятно, вследствие старости, покойный уступил это место новому, более молодому предпринимателю, г-ну Суру (Сур, скажем, открыл народный театр – огромный деревянный балаган, одновременно служивший цирком, – в начале Александровского проспекта, против дома Ансельма. – О. Г.). Во всяком случае, Одесса потеряла русского гражданина, который оставляет по себе

добрую память своею долгою, неутомимою деятельностью на поприще хотя и скромном, но захватившем потребности обширных и разнообразных кругов одесского населения».

Дело отца успешно продолжил Семен Афанасьевич Алексеев, бесконечно совершенствовавший городок развлечений в Казенном саду. Для заведования рестораном он пригласил опытного специалиста В.И. Богуша. В 1874 году Алексеев также привлек к сотрудничеству выдающегося одесского музыканта А.В. Банкевича, оркестр под управлением которого пользовался столь огромной популярностью, что «отделение Городского сада» не могло вместить всех желающих меломанов. «Содержатель ресторана в городском саду г-н Алексеев, – сообщает местная газета весной 1874-го, – во избежание толкотни на площадке, где играет музыка и помещается ресторан, предполагает взимать в текущем году плату за право входить на эту площадку – по 10 копеек серебром с человека, с предоставлением права воспользоваться стаканом чаю или кружкой пива».

В том же сезоне он выписал из Европы знаменитую комическую вокалистку г-жу Ризотт, которой предписывалось «увеселять публику во время антрактов оркестра в кафе-ресторане». В это время у Алексеева появились конкуренты: «На углу Ланжероновской и Гаванной улиц, напротив городского сада, – читаем в «Одесском вестнике», – недавно устроен и открыт для публики садик, в котором помещается несколько красивых столиков и несколько беседок; кроме разных напитков и закусок там можно иметь каждый день по утрам и вечерам свежее молоко». Между прочим, это то самое место, которое занимает ныне популярный ресторан «Куманец».

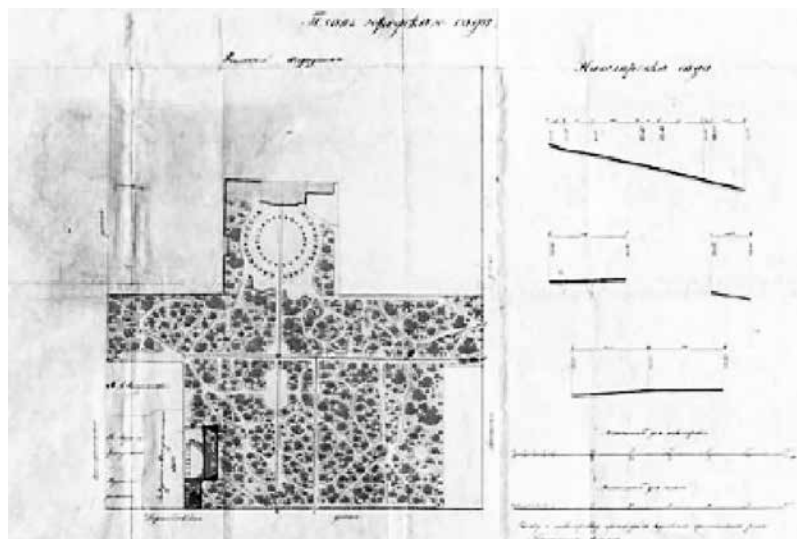
И снова у Алексеева неприятности. На этот раз в связи с «нарушением режима». Дело в том, что существовал строгий регламент функционирования трактирных заведений: скажем, ограничивались не только часы продажи питей, но и вообще работы того или иного предприятия общепита. Ресторанам первоклассных гостиниц разрешалось действовать до часу ночи, ресторанам близ театров – до 12 часов ночи, а всем остальным – до 11 часов вечера. Летом того же года Алексеева оштрафовали на пятьдесят рублей за то, что «его павильон в Городском саду был открыт до 2 часов ночи».

Поздняя торговля, в особенности летом, была обычным делом, тем паче в таком популярном заведении.

Как ни ругали Алексеева за «дух разрушения», однако именно он впервые и всерьез занимался благоустройством Городского сада в частном порядке. Довольно щекотливая тема общественных туалетов всегда остро стояла в Одессе на повестке дня. Тем более что город был одним из самых рискованных мест в эпидемиологическом отношении. До устройства днестровского водовода проблема канализации вообще оставалась практически неразрешимой. Бесчинства парашников сделались притчей во языцех. Так вот в начале летнего сезона 1876 года в прессе появилось следующее сообщение: «Купец Алексеев внес в городскую управу 200 рублей на улучшение и исправление ретирадных мест в Городском саду. Исправления сделаны, и одно отделение содержится теперь в совершенной чистоте и опрятности особою прислугою, которой предоставлено получать по 2 копейки с особы». Другими словами, С.А. Алексеев устроил в саду первый в Одессе платный туалет!

В том же году Алексеева, да и всю Одессу, потрясла безвременная кончина А.В. Банкевича, последовавшая на тридцать четвертом году жизни. «В ночь со 2 на 3 марта, – говорится в некрологе, – скончался известный и любимый нашей публикой дирижер оркестра и артист Анатолий Викентьевич Банкевич. Он умер от горловой чахотки, появившейся у него еще прошлой осенью вследствие простуды. Сад г-на Алексева понес чувствительную потерю в лице этого даровитого музыканта». В апреле в саду начались выступления нового инструментального оркестра, под управлением немецкого музыканта Иоганна Фридмана (в некоторых первоисточниках его называют Фидманом). Кроме того, в Городском саду периодически играл духовой военный оркестр под управлением Александра Бернарди. Еще при жизни А.Ф. Алексева (начало 1870-х) в его зале при Городском саду состоялись первые в Одессе состязания по шахматам, которые продолжались там же и в последующие годы, но это отдельная большая тема.

В 1880-х годах преемником Алексеевых в «отделении Городского сада» стал известный одесский пивовар немецкого происхождения Фридрих Энни, завод которого располагался

План Городского сада 1849 года

на Молдаванке, на Бугаевской улице. Светлое пиво «Ориент-Экспорт-Бир» от Енни пользовалось высоким спросом даже за рубежом. Заводчик известен своею «рекламною щедростью»: скажем, на разговение бедных в светлый праздник Воскресения он как-то выставил три бочки, десять ведер и пятьсот бутылок лучшего пива. Выступая арендатором отделения Городского сада, он расширил устроенный Алексеевыми пивной зал, постоянно обновляя его ассортимент. «Летний отдел» сада открывался с 1 мая. Здесь регулярно выступали гастролеры-знаменитости, играл духовой оркестр саперной бригады под управлением капельмейстера и композитора А. Бондаренко. Плата за вход в отделение в обычные дни составляла 20 копеек, цена за эксклюзивный нумерованный столик возле павильона – 1 рубль 50 копеек, а на вечера симфонической музыки – соответственно 40 коп. и 3 руб.

Есть возможность довольно основательно ознакомиться с репертуаром оркестров, выступавших в это время на подмостках отделения Городского сада: «Полонез времен императрицы

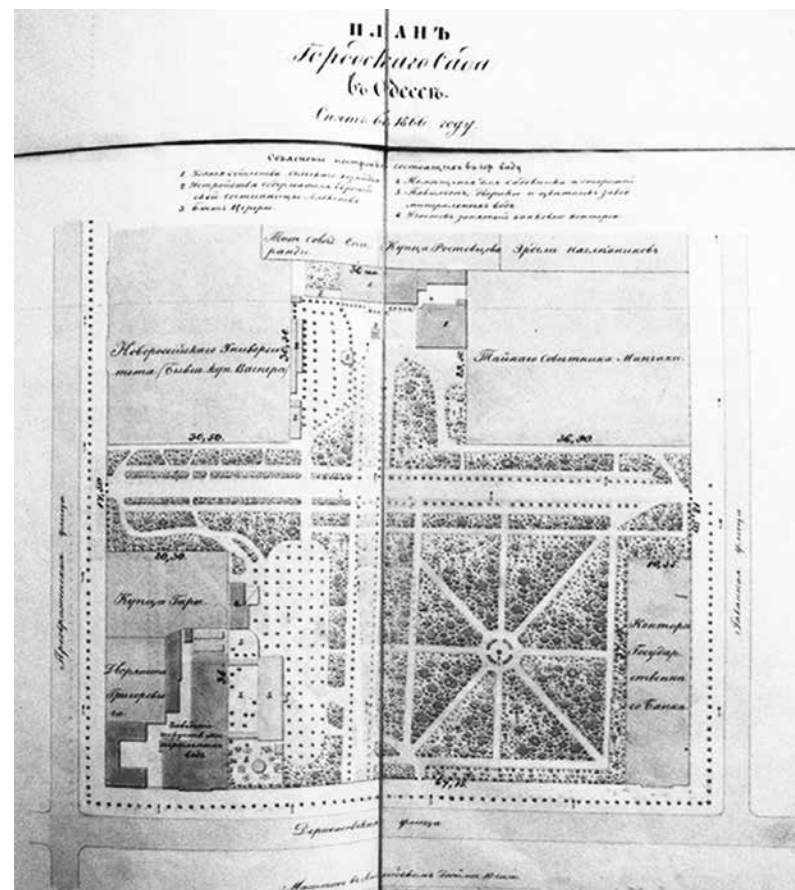
Екатерины II», «Гром победы, раздавайся»; вальс «Тысяча и одна ночь» Штрауса; увертюра из оперетки «Легкая кавалерия» Зуппе; попури из оперы «Трубадур» Верди; попури из оперетки «Птичка певчая» Лекока; увертюра из оперы «Вильгельм Телль» Россини; попури из оперы «Фауст» Гуно; попури «Путешествие по Европе» Шуберта; «Кавказский марш»; вальс «Лунная ночь» Болло; кадрили из оперных мотивов, Бондаренко; полька «Любимец» Фауста; вальс из молдавских мотивов; полька «Роскошная»; попури из оперы «Тангейзер» Вагнера; попури из оперетки «Аршидюк» Оффенбаха; попури из малороссийских мотивов, Бондаренко; галоп «Курьерский поезд» Бадера; марш «La Stella Confidentia» Глинки, вальс «Только для тебя» Вальдштейнер; попури из оперы «Гугеноты» Мейербергера; попури из «Славянских мотивов» Бондаренко; попури из оперетки «Боккачио» Лекока; попури из оперы «Жизнь за царя» Глинки; попури из оперы «Перикола» Лекока; попури из оперы «Риголетто» Верди; «Благородное собрание» Ар. Бондаренко; попури из оперы «Сомнамбула» Беллини; попури из оперы «Руслан и Людмила» Глинки; вальс «Волны Дуная» Ивановича; попури из оперы «Аскольдова могила» Верстовского и др.

Весьма примечательна фигура управляющего расположенным в саду «первоклассным рестораном». Это не кто иной как знаменитый Карл Брунс, впоследствии содержатель легендарной «харчевни» во дворе дома Вагнера (обычно числится по Екатерининской, № 14), воспетый многими выдающимися писателями и поэтами – как одесситами, так и гостями города. Уточное время «комплексных обедов», включавших три, четыре или пять блюд на выбор и чашки кофе (соответственно 50, 75 копеек и 1 рубль), простиралось от 13 до 18 часов. После 18 часов заказы исполнялись индивидуально. Из раскладки городского акциза видно, что если в 1886-1887 году кафе-ресторан Брунса был третьим после Фанкони и Робина (соответственно 1000, 600 и 400 рублей акциза), то в 1888-м он вышел уже на второе место, обойдя Робина (3000, 2000 и 1000). Предприятие Брунса по оборотам соответствовало буфету на Николаевском бульваре, вдвое опережая таких, например, монстров, как буфеты при Английском клубе (1000 руб.) и обществе «Беседа» (900 руб.).

Как и у Алексеева, у Енни возникало немало проблем в связи с различными обстоятельствами эксплуатации арендуемого отделения Городского сада. Прежде всего, надо было энергично решать вопрос освещения. Енни решил использовать новомодное электричество, для устройства которого на третьем году аренды отделения (1887) купил современный зарубежный «10-сильный локомобиль». Даже в кафе Фанкони и других элитарных заведениях электричество ввели позднее! Но возможность установки этого устройства в саду, согласно тогдашним правилам, определяла уже не Дума, а градоначальник, и тут пришлось напрячься, чтобы получить соответствующую санкцию.

Очень много нареканий публики вызывало то обстоятельство, что в «садице Енни» существовал своеобразный порядок расчета за яства: за пиво надо было рассчитываться отдельно. Почему? Да потому, что оно поступало прямым с завода, по заводской цене, то есть дешевле обычного. По мысли заводчика, это должно было привлекать посетителей и служить дополнительной рекламой. За кушанья и вино рассчитывались с официантами, а за пиво – со специально назначенными для этого мальчишками-половыми. Вот тут-то и являлись мотивы для дополнительных пререканий. «Если случится, – сетует в газете очередной обиженный клиент, – что лакей подаст пиво, а мальчик получит за оное деньги, то немудрено, что лакей будет настаивать на вторичной плате...» Посетителей раздражали и бесплатные резервные столики, каковые представитель Енни, Фишер, придерживал «для своих». Не вызвала у них особого восторга и манера этого администратора объясняться с прислугой, а то и с публикой, нарочито по-немецки.

То было время процветания кафешантанов. Они существовали как сами по себе, так и при клубах, например при Благородном собрании. Один из лучших шантанов устроил в своем садике Енни. Взамен пышногрудым тирольским «арфянкам» сюда пришли популярные европейские «каскадные певицы», изрядно дрыгающие ногами, разного города «комические куплетисты» и проч. Излюбленным жанром становится музыкальный дивертисмент. Бдительно следившие за общественной моралью и никогда не переводящиеся «общественники» надали на власти

План сада 1866 г.

и, как сообщают давние СМИ, последовал «неприятный сюрприз для кафешантанных завсегдатаев»: ликвидировали ложи, примыкающие непосредственно к подмосткам, откуда беззубые и подслеповатые старички и «кокодессы», и сластолюбцы любовались разными дивами в трико и безобразничали. Это обстоятельство временно подрывало шантанный бизнес.

Кроме того, к огорчению торгового дома Енни, как раз тогда же ввели налог на билеты за посещение арендуемого им отделения Городского сада. Предприниматель ходатайствовал об освобождении от этого налога, вводимого с 1 июля 1887 года, мотивируя тем, что, во-первых, срок аренды истекает в текущем году, во-вторых, в предыдущие три года арендаторы понесли серьезные убытки, а в-третьих, они стеснены жесткими условиями, заключенными с ресторатором и оркестром. В ходатайстве было отказано, ибо для его удовлетворения пришлось бы нарушить существующее законодательство. Как видно из данных следующих лет, несмотря на задекларированные убытки и потери, Енни пролонгировал срок аренды. По правде сказать, в виде налога с билетов за вход в арендуемое им отделение Городского сада казенный бюджет получал ничтожные суммы. Так, за весь летний сезон 1889 года она составила лишь 99 рублей 50 копеек. Немногим больше давали и другие подобные учреждения, скажем, садик, арендуемый пивоваренным заводом Людвига Дурьяна, – 148 рублей 50 копеек.

В эти годы «директором отделения Городского сада» служил видный организатор кафешантанного дела, популярный, пожалуй, скандально М.А. Сокаллы. Когда одесситы узнали, что степенное нижегородское купечество добилось полной ликвидации «развращающих увеселительных заведений» с разного рода сомнительными певичками и «арфянками», один из рифмачей-острословов отреагировал в прессе весьма оригинально:

Хайки, Ривки, Гапки, Марфы
Заберут свои манатки
И, схватив подмышки арфы,
Улизнут во все лопатки...
Ну а если б одесситы
Увлеклись примером оным,
Что б запел тогда, скажите,
Сокаллы в саду казенном?..

В то время как многие его коллеги по развлекательному бизнесу регулярно и дочиста прогорали, Сокаллы ухитрился вести

дела настолько успешно и прибыльно, что даже позволял себе заниматься благотворительностью. Это обстоятельство дало повод другому остроумцу разразиться эпиграммой:

Ржеицкий вылетел в трубу,
Кизовский тоже профинтился,
Но крепче каменной скалы
Стоит лукавый Сокаллы.

Подводя итоги «развлекательного использования» Городского сада в позапрошлом столетии, отметим неоднозначное отношение к этому одесситов – было много за, много против, но так или иначе, а сад неизменно оставался местом общественных гуляний. Несмотря на едкие, обидчивые замечания внука дарителя, А.М. де Рибаса, большинство современников не разделяли его негативного отношения к общей картине Дерibasовского сада. Сад получил это название 21 августа 1894 года на торжественном заседании Городской думы в канун столетия Одессы (вопрос о подобной номинации поднимался еще в 1889-м, к столетию взятия штурмом Хаджибея). В том, что саду присвоено имя не дарителя Феликса, а его брата Иосифа, основателя города, нет ничего курьезного. При номинации учитывалось не только то обстоятельство, что первые деревья братья высаживали вместе, но и то, вероятно, что старший де Рибас был первым его владельцем или, по крайней мере, распорядителем. И, кстати, людям, не посвященным в тонкости дела, вообще неизвестно, о каком именно де Рибасе идет речь: улица и на ней одноименный сад – вполне логично, да и только.

О том, что собой представлял Дерibasовский (городской) сад на рубеже XIX-XX веков и в начале XX, можно узнать из современных путеводителей.

«Сад содержится очень опрятно, – сообщается в издании известного книжного магазина Е.П. Распопова, – в нем довольно много зелени, цветников и большой красивый фонтан. В глубине сада помещается здание Общества сельского хозяйства, против которого стоит небольшой памятник, мраморный бюст Скаржинскому с надписью: «Виктору Петровичу Скаржинскому,

разведшему в знойных степях Херсонской губернии 400 десятин лесу хвойных и лиственных пород». В саду имеются павильоны для продажи винограда, кумыса, кефира и мороженого. Характерно, что реализацией кефира занималось то самое изгнанное в свое время из Дерибасовского сада Общество искусственных минеральных вод – в собственном киоске. Здесь же стоял павильон «Кумысного заведения Дубского и компании». Молоко в разное время продавали известные одесские производства Чичкина, Малаховской и др. Кроме того, в саду базировалась «Американская фотография» Л. Яворовского.

Следующее свидетельство – от автора и издателя целой серии популярных российских путеводителей Григория Москвича (1911): «Несколько лет тому назад сад подвергся коренной реорганизации и новой распланировке, благодаря чему приобрел очень благоустроенный вид, лаская глаз красивыми цветниками, вазонами, вьющимися растениями. Содержится сад превосходно и освещается электричеством. Среди сада – очень красивый фонтан-грот в виде скалы. Сад привлекает множество детворы и представляет собой оживленную, пеструю и интересную картину».

Несколько пояснительных слов об упомянутом фонтане. Фонтаны, естественно, стали открывать после устройства ветки днестровского водовода. Первые более-менее оформленные «водобои» появились в 1874-м – на Соборной («первая редакция» этого фонтана относится к пуску водопровода в 1873-м) и Тираспольской площадях, в Пале-Рояле, затем на Екатерининской площади и др. В 1875-1876 годах все существовавшие фонтаны расширили, дабы «не разбрызгивалась грязь». Весной 1876-го к небольшому фонтану Казенного сада стали подвозить камень – для увеличения бассейна и дальнейшего сооружения грота. Фонтан-грот из ноздреватого необработанного известняка, так называемого «дикаря», с экзотическими арками, отлично различим на ряде дореволюционных открыток, гравюр, литографий. Говорят, что заменивший его нынешний фонтан перенесли в Городской сад с Екатерининской площади перед установкой памятника Екатерине и ее фаворитам, причастным к основанию Одессы. Сравнение старых иллюстраций не позволяет надежно подкрепить это мнение: там были три разновеликие чаши, здесь

две, да и соединительные «колонны» иной формы. Так или иначе, а на фотографиях 1920-х фигурирует уже теперешний фонтан.

А кто такой этот Скаржинский, удостоившийся мраморного бюста в самом сердце старой Одессы? Его отец полковник П.М. Скаржинский был ранен в грудь в суворовском сражении на Кинбурнской косе в октябре 1778 года. Когда раненого доставили в лазарет, он узнал от прибывшего из имения казака о рождении сына, какового и нарек Виктором в честь победы российского оружия. В 1812-м уже сам Виктор Петрович Скаржинский набрал ополченцев-крестьян, полностью снабдил их оружием и амуницией (для них был учрежден особый форменный мундир), пригласил несколько наставников из солдат-ветеранов, и таким образом сформировался эскадрон в 188 сабель. Отряд Скаржинского, действовавший в авангарде Южной армии, достойно проявил себя в баталиях: командир и подчиненные удостоились высоких наград.

А далее в течение сорока лет В.П. Скаржинский упорно занимался лесоразведением в неблагоприятных условиях степной зоны Южной Украины. Ему удалось, казалось бы, невозможное: он вырастил здесь 400 гектаров леса, устроил 36 прудов, и по сию пору считается основоположником степного лесоразведения на Украине. Именно он первым предложил систему взаимно перпендикулярных лесных полос, окаймляющих пахотные земли, высадку леса по оврагам и балкам с одновременным устройством запруд и т. д. Будучи одним из самых деятельных и успешных сотрудников Общества сельского хозяйства, он и был увековечен в мраморе перед принадлежавшим обществу зданием.

Открытие бюста В.П. Скаржинскому состоялось 16 июня 1872 года на основании отзыва новороссийского генерал-губернатора и бессарабского наместника графа П.Е. Коцебу от 1 марта того же года за № 1592, из которого видно, что по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел было получено высочайшее соизволение государя императора об удовлетворении соответствующего ходатайства Императорского общества сельского хозяйства Южной России. В торжественной церемонии открытия принимали участие епархиальный архиерей и первые лица Одессы. Затем состоялся прием в зале общества, а вечером – обед в роскошной ресторане «Hôtel du Nord».

Мы видим этот изящный памятник на старой почтовой открытке (1902). Вероятно, радикалы «смутного времени» причислили Скаржинского к сатрапам, и бюст давным-давно куда-то подевался. В тылу памятника виден небольшой одноэтажный корпус общества. Строение это тоже не сохранилось. И ныне его, как и другое принадлежавшее аграриям здание, возможно, представляют: стена, отделяющая «Летний театр» от одного из университетских корпусов по Малому (Маяковского) переулку, № 7, и некие «лабазы», примыкающие к подмосткам самого театра. Недавно мы осматривали эти живописные руины вместе с известным краеведом Ростиславом Александровым. На первом плане упомянутой открытки – та самая трогательно беззаботная детвора, о которой толкуют М. Чистяков, Г. Москвич и другие меуаристы. Беззаботность сия, впрочем, продолжалась недолго...

В справочнике «Вся Одессина» на 1928 год читаем: «Сад Лас-саля (бывший Дерибасовский городской сад). Разрушен в 1920 году, восстановлен полностью. Его украшают две медные фигуры: льва и львицы; действует фонтан со светящимся разбрызгивателем (летом). Посажены цветники, 16 хвойных и 75 лиственных деревьев». Что касается скульптур «Лев» и «Львица» работы А. Сайна, то они были перенесены сюда в том же 1928 году с дачи Г.Г. Маразли на Французском бульваре.

На сегодняшний день территория сдававшегося в аренду предпринимателям бывшего «отделения Городского сада» практически ограничена параметрами «Летнего театра». В свою очередь, этот театр сформировался на подмостках предшествующего кафешантана в 1920-х годах – как Летний театр Одесской филармонии (этот летний сад-театр упоминается в справочнике «Вся Одессина» на 1926 год). Перечень всех тех, кто выступал на этой площадке начиная с 1926 года, занял бы сколько-то печатных листов, а потому воздержимся. Можно сказать, пожалуй, лишь то, что эта сцена отличалась тем же разнообразием жанров, что и рампа Зеленого театра в парке имени Т.Г. Шевченко. И теперь здесь порой наблюдается чересполосица попсы, рока, рэпа, а поблизости, в беседке (сооруженной, судя по всему, в период оккупации), как и во времена Алексева, Енни, Брунса, Сокаллы, звучит духовой оркестр, нередко исполняющий классические произведения.

Занимательно, что в начале 1950-х на территории Летнего театра Одесской государственной филармонии впервые в СССР был осуществлен знаменитый аттракцион «Шар смелости». Одесситы старшего поколения помнят этот металлический сетчатый шар, по которому сновали на мотоциклах, совершая «мертвую петлю», выдающиеся, поистине легендарные гонщики-конструкторы П. Голенищев, П. Гребенюк, Ф. Шахматов. «Шар смелости» его создатели-одесситы подарили «трудящимся города Москвы». На смену открытому непогоде «шару» впоследствии пришли так называемые «бочки», устраиваемые в закрытых шашито. Одна из таких «бочек» много лет забавляла провинциалов на Привозе.

В последнее время наступление развлекательных заведений на Городской сад достигло своего апогея. «Гениальным», иначе никак не назвать недавнее перемещение некоторых ресторанчиков с асфальта Дерибасовской на садовые газоны. Никто не говорит о том, чтобы превратить зеленый пятачок, уютный уголок отдыха в самом центре города во второй ботанический сад – это не только нерационально, но просто невозможно. Разумеется, Дерибасовский сад должен оставаться городком развлечений, с одной, впрочем, оговоркой: газоны, клумбы, аллеи, зеленые насаждения необходимо оставить в абсолютной неприкосновенности при надлежащем уходе. Установка огромных рекламных щитов

(бигбордов) и даже памятников или мемориальных знаков, отнимающих пусть хотя бы и квадратные сантиметры «живой, дышащей земли», должна быть категорически недопустима.

Простой пример рационального размещения рекламы в старом Казенном саду: на самом верху примыкающих к нему зданий до революции и помещали масштабные рекламные плакаты. Это хорошо видно на ряде старых почтовых открыток. Так, на нескольких ракурсах садовой аллеи со стороны Гаванной улицы под крышей одного из домов прекрасно различим колоссальный транспарант крупной страховой компании «Урбэн» (ее офис помещался в доме № 6). На снимке, сделанном в начале прошлого столетия из окна гостиницы «Пассаж», наблюдаются небольшие рекламные плакаты на ограде Городского сада при входе со стороны Дерибасовской улицы.

На мой взгляд, на сегодняшний день необходимо, прежде всего, освободить газоны, оккупированные ресторанами либо их террасами и верандами, примыкающими к Летнему театру со стороны аллеи, соединяющей Преображенскую и Гаванную улицы. Заведений, издавна помещавшихся на асфальте (скажем, функционирующего еще с довоенных времен летнего павильона ресторана «Кавказ», который уже сам по себе реликвия), это, понятно, не касается.

Возможно, стоило бы обратиться к ретроспективному опыту функционирования «отделения Городского сада». Скажем, бывший летний театр филармонии вполне мог стать обособленным пассажем сувениров и художественных произведений, увеселительных заведений, аттракционов на правах аренды, и тем самым решить все возникшие на сегодняшний день острые проблемы. Однако театр этот, как оказалось, продан. Пусть так, но почему бы не предложить новому владельцу – раз уж так вышло – сделать то же самое? Думаю, он не останется внакладе, да и горожане выгадают.

В целом вопрос о рациональном использовании и содержании принадлежащего всем горожанам мемориального зеленого массива, локальной «зоны отдохновения», кардинального решения относительно его статуса и соответствующей плановой реконструкции как никогда уместен в дни двухсотлетия фактического основания Городского сада Одессы (1806-2006).

2007

Андрей Добролюбский

Гавани дрока и лилий

...Различные пункты однообразного берега нашего обозначали по предметам, которые на каждом из них в особенности бросались в глаза... К таковым предметам могли послужить произведения царства растительного...

Ф.К. Брун. Черноморье

Заслуга в открытии Джинестры принадлежит графу Яну Потоцкому, автору знаменитого романа «Рукопись, найденная в Сарагосе». Но граф Иван Осипович был не только прекрасным романистом, но, прежде всего, великолепным ученым – историком, географом, археологом, этнографом, почетным членом Императорской Академии наук. Изданная им в 1796 году в Вене «Записка о новом перипле Понта Евксинского...» содержала множество новых сведений по древней географии берегов Черного моря [1]. Они были почерпнуты автором из неизданных и редких картографических памятников, отысканных им в разных библиотеках Европы. В их числе были сведения и об итальянской якорной стоянке на нынешнем одесском побережье. На самых ранних из известных карт – Анонимном Морском атласе «Таммар Луксоро» (начало XIV в.), а также Морской карте Пьетро Веконте (1311 г.) – она обозначена как Zinestra и La Zinestra [5].

Граф Потоцкий был превосходным знатоком многих языков. Ему было известно, что по-итальянски эти слова ничего не обозначают. И он попытался объяснить их из совокупности историко-лингвистических и историко-географических соображений. На некоторых

морских картах и атласах XIV-XV вв. реки, питающие нынешние одесские лиманы – Малый, Большой и Средний Куяльники, – изображены как *левые* притоки Днестра. В таком случае указанные названия якорной стоянки – Zinestra, La Zinestra, а также Ćinestra, Sinestra, Lazinestra и т. п. – являются производными (или искаженными) от латинского слова «sinistra», что значит «левая» (*рука, сторона* – лат.).

Действительно, средневековые мореплаватели (а вслед за ними и картографы) были убеждены, что реки, впадающие в одесские лиманы (куда более полноводные, чем сегодня), являются притоками Днестра (или, точнее, рукавами, ответвлениями от его разветвленного и обширного устья. Поэтому они изображали Малый, Большой и Средний Куяльники соединенными в верхнем течении с Днестром. Подобные ошибки отнюдь не редкость – так, почти на всех таких картах Южный Буг и Днепр показаны соединенными в верхнем течении. Такие неточности вполне объяснимы – навигаторы ходили вдоль берегов и не проникали на материк далее устьев рек, лиманов и бухт.

Поэтому вслед за графом Потоцким О.И. Губарь также полагает, что этимология имени якорной стоянки на месте современной Одессы... для судов средневековых итальянских республик Генуи, Венеции, Анконы, Амальфи... связана с ошибочным представлением навигаторов и картографов, будто реки, питающие одесские лиманы, являются левыми рукавами Днестра. Само же имя «Джинестра» следует толковать как созвучное, искаженное название реки [2].

Поскольку «самым левым» притоком (рукавом) Днестра является Куяльницкий лиман, то якорная стоянка должна была находиться именно при его устье. И действительно, здесь, на территории грязелечебницы со стороны Жеваховой горы, были найдены средневековые якоря [3].

Однако Куяльницкий лиман является «левым», если смотреть на карту из Варшавы или Петербурга. Как это и делал Ян Потоцкий. Но если смотреть на него со стороны моря, глазами итальянских навигаторов, то он становится «правым». А «левым» оказывается Хаджибейский лиман. Поэтому Г. Кустова полагает, что якорная стоянка находилась в устье именно Хаджибейского лимана [4]. Кстати, и здесь еще в XIX в. были найдены средневековые якоря. С противоположной стороны Жеваховой горы.

Между тем на другой, несколько более поздней морской карте того же Пьетро Весконтэ (1318 г.) наша стоянка обозначена как Laginestra. На еще более поздних картах XV-XVI вв. она же фигурирует как La Ginestra. Это – Морские атласы Грационо Бенинказа (1453, 1471 гг.), Морской атлас Грационо Бенинказа (1480 г.), Морская карта Андреа Бенинказа (1490 г.), а также снова как Laginestra на Морской карте Диогу Хомема (1561 г.) [5]. Такое обозначение, да еще и с определенным артиклем женского рода – «La Ginestra» – однозначно переводится с итальянского как «дрок». Именно на это обратил внимание профессор Новороссийского университета Ф.К. Брун. Он предположил, что «Джинестра» («Ginestra») происходит от *genista*, обозначавшего заросли дрока, которым обросли берега Куяльника (дрок похож на растение, из которого плели канаты и сети, – *antirrhinum genistafolium*). Эти заросли, по его мнению, выделялись на побережье в районе Куяльника, и потому итальянская стоянка была названа Джинестрой. Равным образом, как и заросли лилий (тюльпанов или ирисов) в устье Тилигула дали имя соседней стоянке – Флорделис (Flordelise), или Флор-де-Лис (Flor de Lixe, Flor de Lisso, Flor Delixe и т. п.) [5]. Что переводится как «лилия». «...Имя *flor de lis*... которое с малыми вариантами встречается во всех картах, не требует объяснения... Название, данное этой местности, явно не могло иметь другого значения, кроме цветущих лилий» [6.80].

С этой точки зрения дрок и лилии должны были быть опознавательными, навигационно-ориентирующими признаками для мореходов, и под такими именами записаны в портоланах (итал. *portolano* – лоция; букв. – перечень, описание гаваней). Заросли дрока должны были маркировать Жевахову гору, а заросли лилий – устье Тилигула. И в самом деле, на всех атласах, картах и портоланах с начала XIV в. до начала XVII в. Синестра-Джинестра неизменно соседствует с Флорделисом – Флор-де-Лисом.

Впрочем, сам Ф.К. Брун не был столь уж тверд в своем «ботаническом» предположении. «В настоящее время, – пишет он, – эти цветы не растут сами по себе на северном берегу Черного моря, а потому едва ли входили в состав здешней флоры в то время, когда начали сюда приезжать итальянцы. Зато они не могли не встречать в нашем краю много других растений, и в том числе ирисы,

поелику они и ныне, при менее выгодных климатических условиях, в изобилии растут в наших степях. Подобно тому, как эти цветы (*Schwertlilie* по-немецки) простым народом причисляются к лилиям, берег при устье Тилигульского лимана по растущим в этой местности ирисам вполне мог быть назван *flor de lis* несведущими в ботанике моряками Италии, если они, как должно думать, различные пункты однообразного берега нашего обозначали по предметам, которые на каждом из них в особенности бросались им в глаза. Что к таковым предметам могли послужить произведения царства растительного, служат доказательством названия, данные в разные времена многим другим местностям» [6.81].

При этом Ф.К. Брун не отрицает, «что другие посторонние обстоятельства могли послужить поводом к применению к лиманам Куяльникскому и Тилигульскому названий, из коих одно было прозвищем английских королей из дома Анжуйского, тогда как другое напоминает нам старинный французский герб... Но почему... слова, означающие этот герб, отмечены при устье Тилигула по-испански... не приставали ли тут какие-то странствующие каталаны?» [6.82].

Комментируя эти высказывания, В.А. Оплачко поясняет, что ирисы и тюльпаны стали известны европейцам не ранее начала XVI в., а потому под названием *flor de lis* вряд ли могли быть навигационными ориентирами. Связи же цветков дрока с «прозвищем английских королей из дома Анжуйского», а лилий – со старинным французским гербом, он разъясняет следующим образом: в Средние века цветки дрока (джинестра) и лилии (флор-де-лис) имели значение почти сакральных символов. Латинское название дрока – *planta genista*. Дрок был эмблемой в гербе нормандского графа Жоффруа Анжуйского (Красивого). Граф женился на дочери английского короля Генриха I Матильде. А их сын Генрих II унаследовал эмблему отца – ветку дрока – и в 1154 году стал основателем новой династии Плантагенетов (*Plantagenets* – англ.), которые правили Англией более трехсот лет.

Что касается «цветка лилии», или «флёр-де-лис» (фр.: *fleur de lys/lis*), то хорошо известно, что он использовался во всех гербах Капетингов и Бурбонов – едва ли не со времен короля Хлодвиги и вплоть до Французской революции 1789 г.

Однако этимология слова «флор-де-лис», считает В.А. Оплачко, не так понятна, как полагал Ф.К. Брун. По его мнению, этот термин может относиться к желтым ирисам (*Iris pseudocorus*), которые обычно растут в болотистых местах по всей Европе. Однако в старонемецком языке этот цветок назывался *Liesblume*. Французы же, заимствовав это название, дали ему имя *flor-de-lis*. В среднефранцузском слово «цветок» писалось именно так – *flor*, а не *fleur*, как в современном языке. А название «ирис» пришло гораздо позднее – в эпоху Возрождения [7].

Став устойчивым словосочетанием, *flor-de-lis* попало в качестве галлицизма в другие европейские языки, так по-испански следовало бы писать *flor de lirio*, а не *de lis*, в среднеанглийском ирис назывался *flourdelis*. Итальянцы также использовали это название, и ничего удивительного в том, что генуэзская стоянка в устье Тилигула названа ими «по-испански». Каталаны тут ни при чем...

Разница в написании имени «Джинестра» на различных атласах, картах, в лоциях и так называемых «словесных портоланах» XIV-XVII вв. (*La Zinestra*, *Sinestra*, *Cinestra*, *La Ginestra*, *La Ginestra* и т. д.) легко объяснима – все они являются вариантами слова *Ginestra*. Средневековые картографы использовали при создании своих карт в том числе и рассказы бывалых людей – купцов, путешественников и моряков. Поэтому записанные с их слов названия звучали порой с некоторыми отличиями – как услышал, так и написал (словесные портоланы). Географические названия непременно что-нибудь обозначают и, единожды названные, устойчиво сохраняются в топонимике [7].

Действительно, по сведениям А.Ю. Гордеева, Джинестра отмечена в 259 картах-портоланах из 299 известных на сегодняшний день, причем в 50 вариантах написания. А Флорделис – в 256 картах из тех же 299, в 84 вариантах. При этом Флорделис им уверенно размещается не в устье Тилигула, а в устье Большого Аджалыкского лимана, у нынешней Вапнярки или Новой Дофиновки, то есть совсем рядом с Куяльником, где располагалась Джинестра [8]. К тому же на десяти картах XIV-XV вв. топоним *ginestra* (или *zinestra*) перепутан местами с топонимом *flor de lisso*. Это, несомненно, свидетельствует об их былом близком соседстве.

Между тем И.К. Мельник имеет иное мнение – ему совершенно ясно, что наша Джинестра (итал. – *метла*), названа в честь города

Ginestr в Тосканской области в Италии. Потому что там, как и на одесском побережье, буйно цветут травы, из которых делали метлы [9].

Можно видеть, что версий о происхождении названия Джинестры – «Одессы-Бабушки» (выражение О.И. Губаря) – несколько не меньше, чем версий о происхождении имени самой Одессы.

Примечания

1. Потоцкий Я. Записка о новом перипле Понта Евксинского, составленная графом Иваном Потоцким // Археолого-нумизматический сборник. – СПб, 1850, с. 11-77.
2. Губарь О.И. Джинестра // Морская энциклопедия Одессы. – Одесса: Порты Украины, 2012, с. 163-164; Он же. 100 вопросов «за Одессу». – Одесса, 1994, с. 115-119; Он же. Что известно о средневековых предшественниках Одессы? // День, 29 августа 2008.
3. Мельник И.К. О якорях и не только... – Одесса: Феникс, 2016.
4. Кустова Г. Пешие заметки морского геолога. Часть 1 // Marine_geolog//<http://marine-geolog.livejournal.com/>
5. Фоменко И.К. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII-XVII вв. Таблица 1. – Цит. по: [7].
6. Брун Ф.К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России 1852-1877. Часть 1. – Одесса, 1879, с. 81-84.
7. Оплачко В.А. Об этимологии имени Джинестра // Порты Украины № 02 (124), 2013. <http://portsukraine.com/taxonomy/term/937>
8. Гордеев А.Ю. Топонимия побережья Черного и Азовского морей на картах-портоланах XIV-XVII веков. – Academia.edu – Киев, 2014. – 480 с. – с. 225-249. <https://ru.scribd.com/document/328985508/Toponimi-Crno-i-Azovsko-more-pdf#>
9. Мельник И.К. Галерное прошлое одесских берегов // Моряк Украины. – 24 дек. 2015. <http://moryakukrainy.livejournal.com/2844421.html>

2017

Александр Дорошенко

«Бог увидел красоту нашей Одесской бухты...»

Французский бульвар

До 1902 года он назывался Мало-Фонтанской и Старо-Аркадийской дорогой. Французским он назван в память посещения Николаем II Франции. В Париже тогда был открыт великолепный мост через Сену, названный именем Александра III и носящий это имя до сегодняшнего дня. Что тем французам память о русском царе-миротворце Александре? Но мы в советское время Французский бульвар переименовали в Пролетарский.

*Белый пароход у самой улицы. В него упирается переулок. Красные трубы, голубые звезды, капитаны**

*«Идя по Французскому бульвару по левой его стороне по направлению к 3-й гимназии, вдруг видели вы по левую руку** переулок... В нем были и неуютные краски загона, коровьи грязно-коричневые краски, и один из заборов провисал в нем, наваливаясь как бы брюхом на прохожего, вместе с тем был этот переулок озарен синевой видного вдали моря. И так хотелось свернуть в этот переулок... Но всегда я спешил куда-то, все спешил! Так и никогда не свернул я в этот переулок. Я думаю, что и до сих пор выглядит он так же...»*

* Илья Ильф. Записные книжки.

** Юрий Олеся. Ни дня без строчки. Правильнее – по правую руку, но Юрий Карлович вспоминал Город, сидя за своим рабочим столом в Москве. Кроме того, если идешь по Французскому бульвару в сторону Аркадии, то надо идти по правой стороне, а если в обратную сторону – тогда тоже по правой. Это бесспорное правило, и его обсуждать не следует! (Прим. автора)

Там таких узких и немного извилистых переулков, идя по Французскому бульвару по левой его стороне, много. Теперь они выглядят чище, на них выходят боковые стороны роскошных особняков нуворишей, поэтому они сплошь глядят заборами, и это не провалившиеся заборы, но надежные и высокие крепостные стены глухих оград. И ограды эти, в отличие от старых времен, теперь непрозрачны. Неважно, важно то, что вдали, в их самом конце, с Французского бульвара по-прежнему и всегда видна синева моря. Переулки эти заканчиваются высоким и крутым обрывом, теперь густо поросшим всякой зеленью и деревьями, там далеко и глубоко внизу песчаная полоса, которую неумоимо облизывает море. Выйдя на такой обрыв из глухого и узкого туннеля, ты внезапно оказываешься на галерее театра, округлость которого рождена заливом, а чашей сцены служит море. Главное в этом театре простор и ветер с моря, удивлением поражающий тебя после застоявшегося воздуха переулка. И пьеса, которая здесь представляется, – это могучий текст и ничем не сдерживаемое действие... идет она без антрактов, действие ее не кончается при твоей жизни, а текст суров и чудесен. Эта пьеса идет и тогда, когда ты вдалеке от сцены, в глубине Города, или в дороге. Никогда не забывай – тебе место в этом театре дано бессрочно. Поэтому в эти переулки сворачивать вовсе не надо. Самое важное, что они могут дать тебе, неторопливо идущему Французским бульваром, – синеву моря в конце этого туннеля из дачных стен. И уверенность, что ты всегда еще успеешь в него, этот переулок, свернуть.

Где-то сразу после Пироговской ты странным и внезапным откровением обнаруживаешь новое свое состояние – закончился Город, и началось таинство светотени и бьющейся в берег морской волны, невидимой, но ощутимой. Ты здесь иной.

Здесь сохранилась великолепная стремительная брусчатка. Узкая серая лента реки стремительно течет в широких берегах, и в нее глядятся дворцы. Как и в Венеции, здесь сильно все обветшало в прошедшем множестве лет. Река, как и положено, ограждена решетками – ведь она может выйти из берегов!

Решетки эти мечта и грезы, переведенные в металл и камень, и поэтому они живые, и живут, изменяясь, как мечталось создате-

лям. Они, как выведенные на парад гвардейские полки, и у каждого свой строй и свой наряд:

Здесь стоят по квадрату
В ожиданье полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!*

Только за плечами у них уже ни Сената, ни Синода, ни тех, кто их сюда вывел, а новые командиры уже столетие как о них позабыли, и не знают солдаты, кого приветствовать и от кого защищать.

Навсегда захлопнулись створки кованых ажурных ворот, и даже дорога за ними, на которую они когда-то открывались, чтобы въехала карета или вошли люди, даже дороги этой уже стерлись следы. Ограда здесь идет широкой дугой, в ее центре проездные ворота, и виден против них парадный вход дома. Понятно, что была здесь дорога и вела она к этому входу, перед которым могла развернуться карета, – но потеряны навсегда следы дороги. А новые владельцы зачем-то стали ходить в обход, минуя ясный для людей путь, – может быть, они чего-то боялись и ходили так, чтобы остаться навсегда незамеченными? Странные люди...

Осталась застывшая в камне река, решетки ограждений еще стоят, когда-то так надежно поставленные здесь на века, и время с ними справиться не смогло. Другое дело люди, они во многих местах уже выломали решетки и таким их заменили, пластинчатосварным, убогим необычайно. Творчество требует великого напряжения сил души, и нужен к тому же талант, и как создать подобную красоту было непросто, так и такое уродство создать нужен был особый талант и склонность души!

Есть люди, лишённые чувства красоты, и это опасные люди. Они живут среди нас, притворяясь во всем людьми, но потеря этого чувства сродни преступленью – и ведет к деградации человека! У них чутье на красоту и ненависть к ней.

* Александр Галич. Петербургский романс.

А была там дача Маразли (в советский период санаторий Чкалова). Остались оранжерея и парк. В нем было множество мраморных скульптур, как в Летнем питерском саду. Их после революции разбросали по городским площадям, для культурного роста народных масс, и поэтому большая часть их погибла, и лишь несколько, замученных временем и людьми, калекami продолжают жить в Городе.

А вместо них поставили там стоять человека в зимнем полушубке с меховым воротником и в унтах – Чкалова, на самом летнем солнцепеке. Зимой ему тепло, но там безлюдные аллеи, а к лету появляются курортники, и ему вновь приходится потеть. Хорошая тема для курортной скульптуры. Поставили бы его в плавках и с пропеллером – хоть на один сезон!

В этом месте бульвар делает поворот.

Когда спустя время, сломав старую решетку и сдав ее в утильсырье (для роста благосостояния народа), решили вновь обнести санаторий решеткой, то ведь напротив, через дорогу глядя, могли они рассмотреть решетку ботанического сада, как идет она нескончаемой напряженной волной. Как же они это сумели: видеть такое – и такое сделать?!

За эти решетки лучше не заглядывать. Просто надо идти и идти в тени деревьев, и наблюдать, как солнечный лучик, самый-самый первый, весело играет с решеткой, пересчитывая ее стерженьки-струны, перескакивая с одного на другой, – так веселый мальчишка бежит домой из школы, он бежит вдоль решетки и ведет палкой по ее стержням, ударяя

по ним, как по клавишам рояля, и поют эти клавиши, несколько на него не обижаясь. У каждой решетки своя мелодия, замечали ли вы это в детстве, когда бежали с ней рядом? Каменная ограда – арочная стена, над арками карниз, а в нем, как пешки под командой офицеров, поротно стоят балясинки, и над каждой аркой голова рычащего льва. Когда-то это были мощные красавцы львы, огненногривые, саблезубые, и прохожие обходили их стороной, чуть опасаясь... Сегодня они постарели, утратили глаза и зубы и уже не рычат по утрам. У них закрыты теперь глаза...

Дорога над морем

Когда Бог нарисовал дугу Одесского залива, Он вовсе не обрисовывал кромку живого и подвижного моря, но море под Его творящей рукой следовало красоте Одесской бухты, береговой линии нашей души!

Он просто не смог удержаться, Бог, увидев красоту нашей Одесской бухты.

Чувство странное, это как бы иное пространство, неведомое, завлекающее, чтобы вовлечь, пойти там, зачарованным, даже зная, что назад уже не вернешься...

Фотография совершает чудо, любая, любого качества, умелая или не очень – она делает вырез, она вырезает прямоугольник видимого мира, и мир преобразается. Твой взгляд рассеивался, ты видел мир широким обезличивающим кругом, но вот щелчок камеры – и ты вместо леса деревьев видишь дерево, и впервые его узнаешь, понимая, что оно особо, и ни на какие деревья оно не похоже, ты видишь его неповторимое лицо, рисунок ветвей, полных живой жизни, и даже листик, выхваченный крупным масштабом, становится единственным из всех когда-либо на планете Земля живших листьев – у него особая форма, и жилки расположены особо, и он по-своему ведет себя на морском ветру.

Возьми два рядом живущих листика, взглядишь, и ты изумишься особости и неповторимости мира, его фантастическому многообразию!

Мне страшно, что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не замечаю, что они различны,
что каждая живет однажды.
Мне страшно, что я при взгляде
на две одинаковые вещи
не вижу, что они усердно
стараются быть похожими.
Я вижу искаженный мир,
я слышу шепот заглушенных лир...
Мы выйдем с собой погулять в лес
для рассмотрения ничтожных листьев,
мне жалко, что на этих листьях
я не увижу незаметных слов,
называющихся случай,
называющихся бессмертие,
называющихся вид основ.*

Можешь продолжить – ляг на траву под этим деревом и вглядись в пробегающего муравья, и дождись другого: они непохожи – всем, не только возрастом и размером, но побегкой, но характером, – и там, где один пробежал мимо, второй остановится рассмотреть и подумать.

Это открытие мира, настоящее, чему бы тебя ни учили в школах и в книгах. Теперь ты обрел правильное видение мира. Только будь осторожен – не поднимай с этой целью глаза на людей, они неотличимы!

Когда в приморском городке
среди ночи пасмурной со скуки
окно раскроешь, вдалеке
прольются шепчущие звуки.

Прислушайся и различи
шум моря, дышащий на сушу,

* Александр Введенский.

Дом на Французском бульваре

оберегающий в ночи
ему внимающую душу.

Весь день невнятен шум морской,
но вот проходит день незванный,
позванивая, как пустой
стакан на полочке стеклянной.

И вновь в бессонной тишине
открой окно свое пошире,
и с морем ты наедине
в огромном и спокойном мире...**

** Владимир Набоков. Тихий шум.

Ах, это так верно, именно море открывает огромный и спокойный мир. Он лежит и покоится, как на ладони Бога, как в первые Дни Творения, когда еще только-только Бог разъединил первоначально единую материю Бытия, когда вот так заискрилось и засверкало море, удивляя и вызывая зависть у родственных космических пространств...

Шум этот тихий и мощный.

Это говор, рокот, это язык, которому мы учились в детстве... От Ланжерона до Аркадии над морем идет обольстительная дорога.

Слева море, оно теряется и находится в просвете деревьев. Справа крутизна высокого одесского берегового откоса, на котором покоится городское плато.

Это уцелевшее – когда-то в Эдеме все дороги были такими, и только у нас сохранилась такая дорога!

Счастливая Аркадия

Et ego in Arcadia fui.

Детство мое прошло в счастливой Аркадии, где у меня, мальчишки, не было ни забот, ни печалей.*

Это красивая фотооткрытка, подлинный снимок-слепок, просто раскрашенная фотография, в живые цвета. Но чувство странное нежизненности, нарисованности, и даже тень дерева, всегда подлинное отображение живого мира, здесь нарисована, она – неживая тень, просто пролившийся недосмотром сгусток чернил.

Лет сорок спустя я впервые ступлю на эти необитаемые берега – впереди мать и отец с пляжными сумками, и я, поотставший, удивленный этой встречей, замороженный притворным спокойствием и тишиной моря, чувствующий его непростой и опасный характер и густую непроходимую зелень этих крутых берегов.

* Про эту самую Аркадию существовало в античные времена предание, что царил там «золотой век», жили там счастливые люди, без труда и забот, в счастливой невинности, как мирные пастухи и пастушки. Потом, уже в XVI веке, возникла «пастушеская поэзия», а позже всякие пьесы с танцами, особенно во Франции, а на самом деле это было у нас, в конце линии 16-го номера трамвая, и там оно сохранилось до времен моего детства.

Так Робинзон рассматривал новую свою родину, которую, как только смог, так и бросил, но я остался здесь навсегда, навечно, – с любовью!

Лень золотистая, солнечная, лень, которая закроет человеку глаза, разбросает ему, как бессильному, руки и ноги, погасит мысль и наведет на лицо бессознательно-блаженную улыбку. Лежишь, смотришь полузакрытыми глазами, думаешь:

«Господи! Неужели это моя нога такая длинная, такая черная.

*Как быть, как жить с такой ногой? И с чего она такая стала?» Но шевельнуться нельзя. И вдруг нога сама медленно вытягивается, и к ней примыкает другая, такая же, и обе медленно скользят в воду. Слава богу, это не мои ноги!»***

Аркадийская дорога вела через Ботанический сад в долину «Аркадия». Прошли десятилетия, и мы утратили это правильное

** Тэффи. Море и солнце.

слово – долина, – оставив в пользовании утилитарное и убогое понятие – пляж.

Пляжиться – это значит лежать, бесстыдно раскинувшись на песке под сжигающими лучами солнца, переворачиваясь с боку на бок, с живота на спину, поджаривая себя, как это делают с бариной шашлыка, присматриваясь к равномерности поджарки, приняхиваясь, готова ли к подаче. Вскакивая, бежать к морской волне у береговой кромки, окунуться, чтобы вновь улечься на раскаленный песок пляжа. Как странно изменилось представление о красоте – наши бабушки знали, как красива нежная белизна их лица и рук, и ходили под зонтиками от солнца. Лежать, потеряв всякую способность думать, утратив разум, уподобясь болотной жабе, выпрыгнувшей на солнечное пятно и окаменевшей в физиологическом приступе эйфории, сродни исполняемому прилюдно половому акту...

Да уж ладно, чего там ворчать, я ведь хорошо помню, как, далеко уплыв в море и вернувшись с руками и ногами, от усталости сжатыми судорогой мышц, еще дрожащими от напряжения, промерзший до кости в морской холодной воде, бросишься бывало на открытый раскаленный песок, вытрешь только кончики пальцев, осторожно достанешь из пачки сигарету и блаженно вдохнешь первый глоток сигаретного дыма... И будешь так долго лежать, согреваясь и прогреваясь, ворочаясь в песке с боку на бок, как чашечка кофе, готовящаяся в турочке, зарывшейся в глубину раскаленного песка.

Там есть праздничная залитая утренним солнцем аллея, ею начинается Аркадия, она справа имеет глубокую балку, а слева крутизну заросших склонов, падающих от Гагаринского плато. На этой аллее во времена моего детства росли маленькие пальмы в кадках, их убирали зимой в тепло, а с наступлением теплых дней вновь выставляли расти на зелень газона. Стояли по сторонам этой аллеи скамейки с чугунными основаниями, сидели на них томные одесские матроны и наблюдали идущих к морю и пляжам. Говорили они о морских теплых ваннах, обсуждали проходящих по аллее дам и курили (тогда многие дамы курили, и часто курили именно папиросы, это было следствием войны...

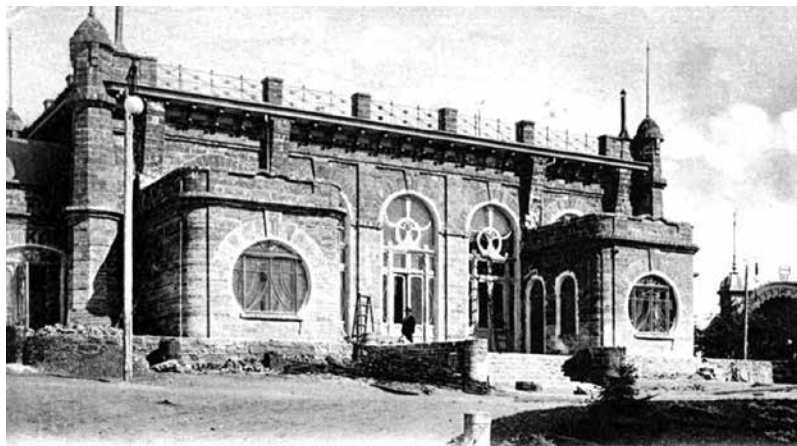
и по этой причине дамы имели хрипловатые низкие голоса и бескомпромиссную манеру выражать свои мысли имели, если требовалось назвать вещи своими именами... и они эти имена хорошо знали, и сказать умели немногословно, но вполне адресату хватало – для вразумленья).

Утреннее солнце заботливо согревало листья пальм, ветерок с моря еще был холодноват, все было на этой аллее так празднично, так нарядно, так весело щемило сердце...

Было странное и позабытое нынче слово – *курорт* – оно имело фактуру молодого зеленого листа, только раскрывшегося, еще нарядно рельефного, оно имело цвета изумруда и золота, солнце и молодая утренняя зелень соседствовали в нем, летние платья женщин и голоса людей здесь, на этой особой земле Курорта, звучали иначе, желание счастья наполняло эти звенящие жизненной силой голоса. На стенах висели рекламные курортные щиты с птичьими крыльями самолетов, несущих счастливых людей к южным морям в обрамлении зелени. Люди этой земли имели красивую легкость походки...

Как странно, я помню, как не многое совсем было нужно в те годы для счастья, или совсем ничего не было нужно, а оно, счастье, было везде и вокруг рядом, смешными солнечными зайчиками оно кувырчалось в воздухе, и зайчики эти были многоцветны, и переливались веселыми красками молодости, смеялись колокольчики молодых голосов – всюду – в траве и в листьях деревьев, на пушистом носу пробегающей мимо собачки и кувырком отскакивали от ласковой земли к мягким перинам облаков (как простыни и наволочки, выстиранные до хрустящей белизны, они были вывешены в ясной высоте неба и пахли свежестью и невинностью, и не пугали дождем – их скоро снимут сухими и свернут, положив в бельевой шкаф, а небо к полудню станет яростно жгучим).

Было в те года маловато денег и вещей было не много, и даже часто одинаковыми на всех были эти вещи, и новыми они не были вовсе, а колокольчики так весело звенели, так легко и неугасимо. Как странно и не объяснимо никакой логикой то, что случилось дальше, куда-то они, эти колокольчики, вдруг разлетелись, и вроде бы основания для веселья стало много больше – еды

Зимний ресторан в Аркадии. Почтовая открытка

и вещей, и приспособлений всяких для неостановимого счастья – а вот поди ж ты! (Во все времена человечества женщина создавала красоту мира – лишенная понимания его устройства, вовсе не склонная к анализу, интуитивно враждебная всем и всяким искусственным построениям теорий, она создавала красоту, в которой так мы нуждались, пользуясь мелочью и ерундой материала, и мир приобретал таинственную прелесть, слова обыденные и простые смыслом приобретали многомерность и насыщенность чувством... и мир становился прекрасным, пока мы второпях и наспех его не разрушали, а потом горестно удивлялись обыденности и примитивности обломков.)

Из чего можно сделать прерию –
Из пчелы и цветочка клевера –
Одной пчелы, одного цветка.
Но если там не растут цветы –
Хватит одной мечты.*

* Эмили Дикинсон.

А шли по этой Аркадийской аллее, сойдя с трамвая, мои молодые родители, мама и папа, и рядом с ними мы с братиком. Шли к морю, поворачивая влево, в самый дальний угол аркадийского пляжа (там песок ограничивали скалы, под которыми бегали проворные мокрые и сердитые крабы), и, накупавшись, мама всегда перемещалась в тень, в Аркадийскую балку, где на зеленых склонах мы расстилали широкую подстилку, ели взятые из дому бутерброды, читала мама нам книжки, ловили мы бабочек. Склоны этой балки в сторону аллеи были укреплены плитами ракушечника.

Я был таким маленьким, что самостоятельный подъем по этому крутому склону представлялся мне отчаянным приключением. Я в одиночку хаживал тогда на ящерицу. Маленькое и беззащитное чудовище, покрытое панцирной чешуей, на коротких стремительных лапах, с головой дракона, с картин старых мастеров, еще помнивших, как это было. Иной, древней формы и всех обольстительных цветов земли, – а нам досталась блевотина телесного цвета, несуразность и неустойчивость двуногого тела с хилой головкой, посаженной на самом краю, просто случайность оставшихся после разбора бросовых форм, оскорбительный недосмотр.

(Я поверил бы Лютеру, что мы не столько промысел Божий, сколько Его попустительство и недосмотр, если бы не они, живущие рядом, – порхающие бабочки и планирующие стрекозы, изумрудная с бирюзой ящерица и элегантная сорока, – глядя на них, я успокаиваюсь – они доказательство и оправдание нашей земной жизни:

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую все, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и всуе.

О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить, сон и смерть минуя,

Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную...*

О, если б и меня! – но там, в детстве, когда я, затаив дыхание, подкрадывался с сачком в руке к махаону, я, не зная слов и определений, чувствовал восторженным сердцем, что в нем, в этом фантастическом махаоне, в строении его крыл и нежности цветковых переходов, в изяществе хвостового оперенья – заключено все величие Бога, и в самый последний момент вдруг что-то мешало мне, заставляя дрогнуть занесенную руку, и улетал махаон, но теперь я знаю причину – движение земной оси отклоняло мне руку...)

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.**

Аллея завершалась над морем небольшой площадью, вправо от нее ведет мостик, перекинутый через балку. На площади этой стоит ресторан Сигала (Курзал)***, а теперь «Южная Пальмира»

* Осип Мандельштам. 8 февраля 1937. Воронеж. Какое острое чувство уходящей жизни и желание на самом ее краю удержаться, слиться с ней, раствориться и так остаться. Как тяжело ему было в этом Богом забытом месте и как хотелось жить. Как гениально он сказал обо всем живом, которого мы маленькая часть (Прим. автора).

** Анна Ахматова.

*** Первый ресторан с именем «Аркадия» здесь в балке основал Камбье, директор одесского агентства бельгийской конно-железной дороги, и он же провел сюда новую линию конки, удлинив старую линию маршрута «Преображенская – Большая Арнаутская – Малый Фонтан». В те времена балка была очень красива – ее склоны были покрыты золотистым дроком и сиреневым бессмертником, а по ее дну упрямо бежал к морю ручеек. В моем детстве уже не было этого ручейка, но склоны балки были по-прежнему прекрасны. Так возникло, памятью античного Пелопоннеса, это чудесное имя на наших берегах – Аркадия.

Там, на Западе, во всяких романтических Англиях-Франциях, Аркадия была только в поэмах, на листе бумажном, была поэтической выдумкой, родом из счастливой античности, но только у нас, здесь, в нашем Городе, Аркадия была настоящей, живой, и никакие поэмы сравниться с ее красотой не могли! (Прим. автора.)

в русском модерне – характерные овалы больших оконных рам, угловые башенки, кованая решетка по краю крыши, столики на веранде, снежные скатерти, серебро хрусталя. Ветерок, разогнавшись над заливом, хулиганил – он пробежал по скатертям и время от времени гнал по ним волну, продолжением прибрежной волны. Вечером пряталось солнце, тянуло с моря прохладой, зажигались электрические лампы и подкатывали из Города экипажи и в них дамы – в белых летних платьях. Запах сигар, приглушенный женский смех и в минуту тишины шум набегающих на песок волн. И луна над морем, круглая, как медаль, и лунная дорожка вектором на тебя...

В такие вечера веришь в бессмертье, и мы были бессмертны этими вечерами. Шум волн о песок, косоугольный, нарезающий пространство ломтями полет летучей мыши, и в бархатной глубине неба разложены сверкающие точки бриллиантовых звезд.

И женские глаза, в которых все это есть и есть еще что-то, чего мы никогда в торопливости рассмотреть и понять не успеваем, а женщины наши, чтобы нас не пугать, покорно прикрывают веки... Мы приезжали трамваем, долго идущим из города по Французскому бульвару, а домой часто возвращались на катере, шедшем в порт.

(Вспомнил – там тогда на входе в эту центральную аллею была решетка и стояла будочка для билетов. Копейки стоил вход, но я совершал героический поступок, я обходил эту решетку – родители с братиком шли за билетами, а я поднимался в обход решетки, круто вверх к Гагаринскому плато, метров на десять, и, пробежав густо заросшей тропинкой, спускался вовнутрь Аркадии по старой лестнице с широкими ступенями, и встречал родителей героем, уже впереди них, на центральной аллее.)

Большие корабли стояли на рейде высоко в воде, и в акватории порта наш маленький катер проходил у самого борта океанских кораблей –

В тот город заходили корабли,
Большие корабли из океана...

– высились над катером их борта, а в них круглые иллюминаторы, якоря на тяжелых цепях свешивались у носа, и лебедки куда-то тянули и перемещали какие-то грузы из далеких заморских стран...

И уже засыпая в своей молдаванской кровати, я все видел высоченные стены кораблей, идущие в глубину воды могучие цепи и слышал ревущий прощальный звук корабельной трубы, покидающей порт и уходящей в самые дальние страны, где Зверобой пробирается в глухом опасном лесу, и за стволами высоченных деревьев ждет его Большой Змей – Чингачгук, о котором сегодня читала мне мама в Аркадийской балке...

Ах, этот мамин читающий голос, эти неведомые далекие страны, эта счастливая начинающаяся жизнь!

*Сижу в Аркадии, пью пиво, лениво смотрю на ласковое море, ничего не делаю – и все тут, как и положено в Аркадии.**

Теперь в этой маленькой Аркадии перестроили все, кроме моря и карабкающихся вверх заросших склонов. На входе в Аркадию, справа от центральной аллеи над балкой стоял многоколонный ресторан. Для меня, мальчишки, он был Парфеноном. И его не стало. Там, в Аркадии, теперь каждый шаг разлинеен и поделен, и должен служить наживе, должен работать и приносить деньги. И море теперь можно увидеть в Аркадии, только протиснувшись в узкую щель между рестораном и мусорными бачками. Аркадия теперь – дворцовый фасад ресторанов и зловонные баки с отходами позади них. (Когда-то в Испании, судя по плутовским романам, обедневшие дворяне носили длинные плащи без подкладки, и по этой причине они всегда были плотно закутаны в плащи, чтобы не развевался на ветру плащ и не выдавал бедность хозяина. Так и эти дворцы ресторанов: они без подкладки, и задняя их сторона – просто подсобка, сарай с мусорными баками и помойными лужами.) На море здесь лучше не смотреть.

* Про Аркадию, греческую область, существовало предание, что в незапамятные времена там царил золотой век, когда люди не знали ни труда, ни печалей. Все это домыслы древнегреческие – какая же радость без печали, и чем насытить жизнь без труда?!

Когда-то трамвай, спустившийся от Французского бульвара к Новоаркадийской дороге, бежал среди моря зелени с вкраплением невысоких дач. На самом повороте виднелась стилизованная дачная средневековая башня. У основания Гагаринского плато трамвай делал круг, и здесь открывалась праздничная аллея, ведущая к морю.

Теперь эту зелень смели и по обеим сторонам дороги сплошной стеной поставили многоэтажные пеналы элитного жилья, а на самом повороте, когда-то таком мягком и очаровательном, – стекляшку-магазин, наглуую, громадную, с пустыми глазницами ничего не отражающих стен. Исчезли зеленые склоны плато, и стала еще одна улица муравейного города, расположенного неизвестно где, а внизу, между домами, текут две автореки, море зловонных жуков, злящихся из-за возникающих пробок, упирающихся лбами, клаксонящих и проклинающих друг друга...

Ничего, это – только начало!

В конце XIX века районы Аркадии и Фонтанов развивались в рамках идеи города-сада. Там было запрещено строительство жилых домов. Это определило их облик надолго, до конца жизни старой империи, но и на все время новой, советской. Теперь у нас, видимо, иные идеи...

Вообще – понятные!

2017

Анатолій Глущак

Жаботинський повертається в Одесу

1991 рік залишається в пам'яті низкою непроминальних подій, зрушень і фактів. Життя продиктувало новий порядок денний суспільного устрою, взаємодії різних прошарків населення України. Зокрема, обґрунтовано сформувався науково-практичний напрямок україно Judaїки. Вагомим зачином розгортання дискусій та аналітики цього дискурсу стала Міжнародна конференція «Проблеми українсько-єврейських відносин», яку провели у червні 1991 року Асоціація українознавців та єврейські національно-культурні товариства.

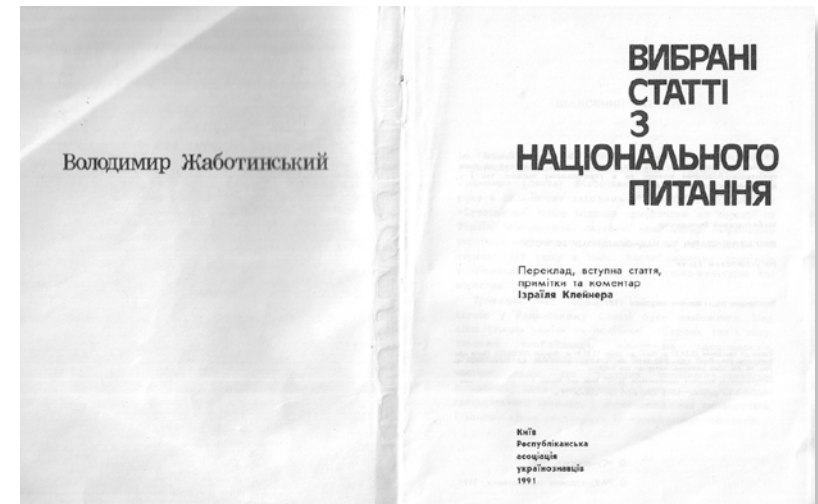
Візьмемо до уваги, що ані українознавства, ані юдаїки за радянських календ не існувало як фахових дисциплін. Компартійна ідеологія виставляла їх як жупелів націоналізму та сіонізму, а влада порушувала громадянські права і свободи, вдавалася до незаконних репресій. Злочини сталінщини двадцятих-тридцятих років минулого століття, періоду після Другої світової війни породили рух спротиву, дисидентства, правового захисту, еміграційні настрої. Головне – виникла життєва потреба об'єднання устремлінь різних соціальних і національних спільнот.

На згадану пору шістдесятирічний Іван Михайлович Дзюба мав бездоганну репутацію публічного аналітика теорій і практик соціалізму московського зразка. Його праця «Націоналізм чи русифікація» (1965 р.) викликала міжнародний резонанс, розколола комуністичний рух у світі. Широкого розголосу набули виступи Дзюби на прем'єрі фільму С. Параджанова «Тіні забутих предків» стосовно арештів творчої молоді. А також на стихійному мітингу майже п'ятисот учасників у Бабиному Яру з нагоди двад-

цятип'ятиріччя трагедії масових розстрілів єврейського населення фашистами восени 1941 року. Із засудженням цього геноцидного злочину промовляли також письменники-одномудці Віктор Некрасов і Борис Антоненко-Давидович. Тож кращого та обізнанішого натхненника діалогу і співпраці українських і єврейських спільнот годі було й шукати.

Іван Михайлович при обговоренні програми заголовної міжнародної конференції вніс пропозицію розглядати українсько-єврейську проблематику у розширеному історичному аспекті. І конкретно зосередити увагу на фігурі Володимира Жаботинського (1880-1940) – видатного єврейського громадського діяча, літератора і публіциста, ідеолога створення майбутньої Держави Ізраїль.

Свою журналістську діяльність молодий одесит розпочав у Швейцарії та Італії як закордонний кореспондент газет «Одеський листок» і «Одесские новости». Водночас далекоглядно вивчав у вишах Берна і Риму юриспруденцію. Чорносотенні погроми євреїв у Кишиневі 1903 року і в Одесі 1905 року радикально змінили ідейну спрямованість і тематику публіцистики яскравого

фейлетоніста, описувача одеської самотності. Жаботинський глибоко занурюється у вири та за давніні конфлікти народів Російської імперії, закликає до визнання політичних прав не лише євреїв, а й інших народів, зокрема – українців.

Більшість з цих статей була спочатку опублікована в одеській пресі, але завжди мала резонанс не лише в обох імперських столицях, а й у Києві, Варшаві, Кишиневі, Львові, містах Центральної Європи. А ще його злободенні публікації з'являються на сторінках петербурзьких журналів «Еврейская жизнь» (перейменовано згодом на «Рассвет»), «Образование», «Украинский вестник» (редактором якого був Михайло Грушевський).

Враховуючи часові імперативи, суспільні запити, Дзюба терміново перевидає статті Жаботинського з національних питань. Для цього нагодилися збірка статей в українському перекладі, що побачила світ в Західній Німеччині невеликим тиражем 1983 року. Наведемо найбільш значущі заголовки з цих десяти есеїв і памфлетів: «До питання про націоналізм», «Про мови та інше», «Наука з Шевченківського ювілею», «Фальшування школи», «Струве й українське питання», «На хибному шляху».

Книжка «Вибрані статті з національного питання» побачила світ накладом тридцять тисяч примірників. Попри проблеми з папером в країні Іван Михайлович у короткому вступному слові пояснив читачам вагомість думок і оцінок автора: «І тут нам за приклад може правити блискучий єврейський літератор Володимир Жаботинський. Великий єврейський патріот, він був і великим другом українського народу. Він вів чесну, часом сувору розмову з обома народами – задля того, щоб вони зрозуміли спільність своєї долі та своїх завдань».

Розробляючи проблеми культурології, національних відносин у пострадянській україністиці як важливі складники державотворення, Іван Дзюба послідовно включає в науковий контекст об'ємну творчість Жаботинського, публікуючи присвячені цій знаковій постаті нариси «Друг української культури» (1991 р.), «З орлиною печаллю на чолі...» (1995 р.).

Два межових десятиліття міленіуму на малій батьківщині Жаботинського в Одесі були позначені посиленням різних напрямків гебраїстики, вивченням звершень і творчих набутків

земляків-євреїв, чиї імена були проскрибовані радянщиною. Феномен Жаботинського досліджувався на сторінках газет «Ор Самеах», «Всемирные одесские новости», альманаху «Дерибасовская – Ришельевская», книжкових виданнях. Показовий приклад: у майже двох десятках номерів альманаху «Морія» в переліку імен щоразу є багаторазові згадування прізвища Жаботинського.

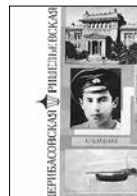
Громадськість подбала, аби на будинку № 1 по Єврейській вулиці була встановлена меморіальна дошка. 2000 року в Одесі успішно пройшла представницька наукова конференція, присвячена стодвадцятиріччю з дня народження і шістдесятиріччю з часу кончини славного земляка.

Послідовно і наполегливо працювали над увічненням творчої спадщини та діянь Володимира (Зеєва) Жаботинського професор-літературознавець Марк Соколянський та есеїст, культуролог, редактор Євген Голубовський. Перший багаторічне кураторство жаботинськознавством в нашому місті (цей термін має право на існування!) завершив випуском аналітичної біографії неординарного діяча, мислителя і літератора під назвою «Конечно

в Одессе. Малая родина Вл. Жаботинского». Другий – ініціював перевидання творів, зокрема автобіографічного роману «П'ятеро».

Ще раз згадаємо покійного Івана Михайловича Дзюбу. Він був співголовою підготовки багатотомної «Енциклопедії сучасної України», формування «Словника явищ, постатей і понять». Перший том ЕСУ побачив світ 2001-го. А у дев'ятому томі на сторінці 485 опубліковані стаття і портрет Жаботинського з розлогим переліком творів різними мовами та літератури про нього. До слова: в радянських енциклопедіях, що виходили в Москві чи Києві, це ім'я було табуйованим.

Тож дуже слушною і духовно вартісною є думка – пропозиція про встановлення пам'ятника Жаботинському в Одесі.

Анатолий Горбатюк

Одесский порт: от античности до наших дней

Чтобы сразу представить себе, чем является для Одессы ее порт, вспомним, как описывает рождение нашего города внучатый племянник Иосифа де Рибаса – Александр де Рибас – в книге «Старая Одесса»: «С благословения Гавриила*, в присутствии де Рибаса и де Волана 22 августа 1794 года было положено основание нашего города. В этот день, по словам первого историка Одессы А. Скальковского, были заложены фундаменты: 1) Большого мола; 2) Малого жете (гавань для гребных судов), названного де Рибасом в честь графа Платона Зубова Платоновским; 3) эллингов и верфи для починки казенных судов; 4) двух пристаней с набережной для удобного пристаивания купеческих кораблей; 5) двух церквей во имя Св. Николая и Св. Екатерины, и была проведена первая борозда для фундаментов городских строений». Отчетливо просматривается направленность действий главных строителей города де Рибаса и де Волана – за исключением двух церквей и «первой борозды для фундаментов городских строений» закладываются исключительно портовые сооружения. Иными словами, славный город Одесса начинался с порта...

Первые же годы только родившегося города показали правильность выбора места строительства города-порта. Уже в 1801 году Одесскую гавань регулярно посещают суда из всего Средиземноморья и придунайских стран – Марселя и Галаца, Неаполя и Стамбула, Пирея и Генуи, – щедро наполняющие молодой одесский

* Митрополит Екатеринославский и Таврический, специально прибывший еще в начале 1794 года, поскольку узнал, что на бывшей турецкой территории будет строиться «православный» город.

рынок диковинными фруктами, кофе, табаком, халвой и увозящие домой пшеницу, рыбу, икру, мясо, шерсть, а также чугун и пеньку. Через год, в 1802 г., корректируется первоначальный проект одесского порта, ранее выполненный замечательным помощником де Рибаса военным инженером де Воланом – из-за необходимости срочного сооружения двух дополнительных причалов: свыше ста судов пришло в Одессу за пшеницей!

Отчетливо понимая, что Одессе крайне необходима хорошая гавань, вступивший в 1803 г. на пост градоначальника герцог Ришелье немедленно приступает к реконструкции прежних портовых сооружений для расширения их пропускной способности. Ф. де Сен-При напишет потом об этом времени: «Из 900 торговых судов, бороздивших Черное море, более 500 бросали якоря в одесском порту, который только появился на свет. Этот первый успех вынудил императора Александра сократить – в качестве поощрительного шага – на четверть импортные пошлины во всех портах Черного и Азовского морей...». Такая мера сразу же увеличила приток иностранных судов. Впоследствии герцог добивается отчисления в бюджет города не одной десятой доли таможенных сборов, как это было ранее, а одной пятой, из-за чего город сразу же начал получать дополнительно солидные суммы.

Продолжает стремительно развиваться торговля пшеницей – в 1804 г. из Одессы отплыли 449 судов с этим драгоценным грузом (сравним: в 1802 г. их было чуть более 100) на сумму 3 367 500 рублей. При этом чистая прибыль одесских купцов составила почти 80%! Проходит еще шесть лет, и в 1808 г. через одесский порт за границу продано товаров на сумму, превышающую 6 млн рублей, а транзит восточных товаров в одну только Францию достиг 11 млн рублей; чистая же прибыль Одессы составила 2 млн рублей. В 1810 г. происходит долгожданное событие – в одесский порт впервые заходит американское судно...

Естественно, вместе с портом рос и развивался строивший его город. В 1812 г. в нем проживает уже свыше 20 тысяч жителей. Одесса не только строится – она благоустраивается, украшается и постепенно приобретает облик европейского города.

К началу 1816 г. экспорт из Одессы оценивался в 37 млн 700 тыс. рублей, из которых доля пшеницы составляла 33 млн

рублей. В 1817 г. общий экспорт оценивался уже в 40 млн рублей, доля пшеницы – 30 млн 300 тысяч рублей. А ведь недавно, в 1814 году, общий экспорт составлял «всего» 7 млн 300 тыс. руб. Просто невероятный рост! Стоит ли каждый раз напоминать, что в этом бурном экономическом подъеме города «виновен», в первую очередь, одесский порт?.. Враги же Одессы (как и завистников, их нашему городу всегда хватало), будто не замечая, как стремительно она развивается, не унимаются. Такое упорство, явно заслуживающее куда более достойного применения, просто поразительно: даже в эти истинно «золотые дни» они продолжают утверждать, что «...выбор Одессы в качестве порта должен быть рассматриваем как общественное бедствие». Удивительное твердолобие! Маркиз де Кастельно, служивший в свое время в администрации Ришелье, искренне изумляется по этому поводу: «Считаете ли вы несчастьем обеспечить за счет чужих краев существование более чем 300 000 крестьянам?»...

...16 апреля 1817 г. в Одессе учреждается режим порто-франко. 19 лет понадобилось правителям города для осуществления замыслов по созданию зоны, свободной от таможенных сборов: еще в 1798 г. попечитель греков-поселенцев Кесоглу ходатайствовал об этом перед императором; неоднократно этот же вопрос возбуждал со свойственным ему упорством Ришелье. И только Ланжерону на посту градоначальника Одессы и управляющего Новороссийским краем удалось добиться осуществления давней мечты одесситов. Но до полного претворения идеи в жизнь понадобилось еще два с лишним года – само открытие порто-франко состоялось 15 августа 1819 года и первоначально предоставлялось городу на 30 лет. Как отмечает известный исследователь одесской старины Олег Губарь, «порто-франко было не самоцелью, а формой существования – естественным инструментом осуществления внешнеторговых операций. Этот процесс просто получил официальное оформление». И не укором ли звучат сегодня слова автора книги «Старая Одесса, ее друзья и недруги», увидевшей свет в 1911 г., Д.Г. Атлас: «Громадное значение одесской отпускной торговли в деле поднятия производительных сил края едва ли нуждается в доказательствах, если вспомнить, что в благоприятные годы из Одессы вывозилось хлебных продуктов

больше, чем из всех портов Соединенных Штатов Америки, взятых вместе»? Говоря же сегодня о необходимости возрождения порто-франко, не могу не напомнить, что зона свободного предпринимательства – это естественная форма существования города, имеющая устойчивые исторические традиции. Она органично присуща именно Одессе. Хочется надеяться, что руководители Украины все же окажутся достаточно здравомыслящими, чтобы сделать «вольную гавань» фактором нового расцвета нашего города, а вместе с ним – всей Украины.

Новый мощный толчок к развитию одесский порт получает 23 августа 1828 года, уже в «эпоху Воронцова», когда последним была представлена на утверждение императору генеральная смета на развитие Одессы, составленная инженером-гидротехником («гидротехтом», как тогда назывались эти специалисты) Фан-дер-Флиссом и нашедшая одобрение у монарха. Главный пункт сметы: «Строительные работы в порту – 1 685 960 руб. 69 ½ коп.». Фан-дер-Флиссу было поручено и непосредственное руководство работами. А как вам нравятся эти ½ копейки в огромной смете? Да, умели считать деньги наши славные предки...

...1847 год оказался в торговле еще блистательней предыдущих. «Едва ли какой-либо другой порт в мире, – писал К. Смольянинов в «Истории Одессы», – мог доставить столь значительное количество хлеба в один год для заграничного потребления. Наименование «Житница Европы», приданное Одессе еще в предшествующие годы, в этом году вполне упрочилось за нею». В «Новороссийском календаре» за 1848 год можно встретить очень характерные цифры: если всего из Российской империи было вывезено товаров на сумму 98,9 млн рублей, то только из черноморских портов (в основном из одесского) было продано товаров на 26,7 млн рублей!

Перед началом Крымской войны Одесса переживает настоящий хлебный бум. Александр Сурилов в труде «Зенит воронцовской Одессы» пишет по этому поводу: «...доля экспорта одной Одессы в 1853 г. составила 40,5 млн серебряных рублей. ...Только от портовых сборов с купеческих кораблей в доход муниципальной казны поступило... более полумиллиона серебром».

8 ноября 1850 года были завершены все основные работы в Практической гавани. Порт на этот момент обладает, таким

образом, Каботажной, Карантинной и Практической гаванями. Продолжается реконструкция Карантинного и Военного молов.

...С молодых ногтей одесситы усвоили непреложную истину: визитная карточка Одессы – ее морской порт. Одесскому порту посвящено множество песен, поэм, романов, очерков, научных исследований, анекдотов. А мы попробуем вспомнить, как, когда и чьими усилиями этот порт был создан...

Два года назад, 20 сентября 2007 года, исполнилось 255 лет со дня рождения выдающегося военного инженера, строителя и архитектора Франца Павловича де Волана – первостроителя Одессы и ее порта. А он так построил наши город и порт, что его имя всегда будет сохраняться в благодарной памяти одесситов.

Более двух тысячелетий назад на берегу нынешней Одесской бухты находилась греческая гавань Истриан – античный предшественник одесского порта. Древнегреческие «одесситы» прекрасно осознавали исключительно выгодное географическое положение своей гавани. Здесь предположительно находился и другой античный предшественник Одессы – город Борисфен. Поэтому не случайно первые «екатерининские одесситы» – адмирал Иосиф де Рибас и его единомышленник, инженер-полковник Франц де Волан – избрали для основания города и порта именно это, оптимальное место. Они отчетливо понимали огромные преимущества Хаджибейского рейда по сравнению с любыми другими на Черном море и настойчиво предлагали заложить город и порт именно в Хаджибее. Благодаря их усилиям 27 мая 1794 года Екатерина подписала рескрипт, начинавшийся словами: «Уважая выгодное положение Хаджибея при Черном море и сопряженные с оным пользы, признали Мы нужным устроить там военную гавань купно с купеческою пристанью...».

Известно, что де Рибас и де Волан вскоре после взятия Хаджибея провели важнейшие изыскательские работы по измерению Хаджибейского рейда, и, по словам Александра де Рибаса, внучатого племянника основателя Одессы и прекрасного летописца нашего юного города, «план основания Одессы был выработан исподволь, систематично, основательно». Эти работы показывали, что за два с половиной тысячелетия, которые отделяют время рождения Одессы от ее античных предшественников,

навигационная ситуация в этом районе существенно не изменилась. Поэтому вслед за своими античными предшественниками, предположительно основавшими здесь город Борисфен и гавань Истриан, Франц де Волан воспроизводит их опыт и размещает будущую Одессу на том же самом – выгодном – месте.

Песчаное продолжение Кинбурнской косы – ныне известная Одесская банка – вынуждает все крупнотоннажные суда, направляющиеся в Днепровско-Бугский лиман, ее огибать: основной фарватер проходит мимо Одесского залива. Благодаря такому «идеальному» расположению Одесса в XIX веке выиграла торговое и экономическое соревнование у Николаева и Херсона и превратилась в самый богатый и процветающий город Российской империи. Этим она обязана таланту и профессионализму де Волана. При планировании и строительстве одесского порта он использовал весь строительный и архитектурный опыт античной цивилизации, который был обобщен в уникальной энциклопедии – трактате «Об архитектуре» великого римского архитектора Витрувия. Де Волан исходил из рекомендаций Витрувия по учету конкретных особенностей строительства портов.* Изучив особенности Хаджибейской бухты, де Волан напишет, что эта гавань «известна была нашим мореходцам и довольно испытана употреблением оной прежними ее владельцами...» и следует «...сообразуясь с гаванями Неаполя, Ливорно, Анконы и Генуи, построить мол...» который «доставит все прочие удобства, принадлежащие к военной и купеческой гавани».

Следуя рекомендациям Витрувия, де Волан максимально учитывает климатические и гидрографические факторы: «в рассуждении гидрографического своего положения, так и относительно коммуникации сухим путем... Льды там не могут ни малейшего вреда и течение воды оной занести. Судходство может происходить весь год со всеми ветрами. Пункт сей представлял в то же время удобство подкрепления и убежища действующим флотам в военное время и гавань для торговли». И поэтому «...пункт сей надлежит уважать в составлении оборонительной системы, учреждаемой вследствие нового рубежа, неприятельскому флоту залив сей служил местом убежища и пристанища; завладение

* Подробнее об этом можно узнать у А. Добролюбского: «Отличнейший» ученик Витрувия // Всемирные одесские новости, № 1 (45), 2002.

оним крайней было важности...». Именно такие факторы при устройстве гаваней Витрувий считал первостепенными. Благодаря их учету де Волану удалось построить едва ли не идеальный порт. Его гидротехнические работы в Хаджибейской бухте показали, что глубина воды в ней не превосходит 42 футов (12,8 м), причем наибольшая она – напротив нынешнего мыса Ланжерон. В остальных частях бухты эта глубина, начиная с 30 футов (9,15 м) на расстоянии от берега около 400 сажен (853,6 м), быстро становится все меньшей по мере приближения к северной части бухты, где образуется обширная отмель глубиной менее 24 футов (7 м). Это создает опасности для прохождения и маневрирования здесь судов с глубокой осадкой. Безопасный вход в бухту располагался лишь с юго-востока.

Вот почему Одесса могла оказаться уязвимой для вражеского флота лишь со стороны мыса Ланжерон. Именно на нем, к востоку от города и порта, де Волан и располагает основную крепость. Крепость эта должна была препятствовать прохождению неприятельских кораблей в залив. Если же они все же попадали в последний, то могли приблизиться к берегу лишь в районе другой крепости – Малого жете, – расположенной на месте бывшего Хаджибейского замка. Здесь находился единственный возможный вход в гавань, который со стороны моря был надежно огорожен Платоновским молотом.

«Гавани, – писал мудрый Витрувий, – надо строить с таким расчетом, чтобы они больше всего были обращены к северу; южные же стороны благодаря жару содействуют появлению гниения, а также родят и вскармливают тлю, сверлячков и другие виды вредных животных». И де Волан обращает порт к северо-востоку, а вход в него устраивает именно с северной стороны. Потому что, полагал Витрувий, если «ориентация на определенную часть света будет выполнена правильно...» то строения «будут предохранены от действия ветров...»**. И де Волан расположил одесский порт по отношению к городу таким образом, что «высокие обрывистые берега укрывают воды от ветров

** Все цитаты из трактата Витрувия «Об архитектуре» даны по: А. Добролюбский. Франц де Волан: жизнь по Витрувию // Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах, № 9. – Одесса, 2002.

с юго-юго-востока до северо-востока. С моря все ветры от NO через O до SSO имеют к нему совершенно свободный доступ. Из них наиболее опасны юго-восточные, производящие самое глубокое волнение. Береговые ветры, дующие с N до NO, никогда не вызывают сильного волнения».* Действительно, город на высоком обрыве защищает порт от самого опасного ветра – северо-восточного. Но порт совершенно беззащитен перед не менее «вредоносным» юго-восточным ветром, «отягощающее воздействие» которого усиливается «самыми глубокими волнениями». Кроме того, сильное южное течение «особенно ощутимо после сильного северного ветра, когда морские воды спешат принять положение равновесия, временно нарушенное действием бури, и возвращаются к берегу. Тогда массы мутной воды, несущей продукты размытого русла Днестра, береговых обвалов Черного моря... врываются в залив и там складывают свои наносы вдоль Карантинного мола».

Отчетливо понимая это, де Волан видит свою первостепенную задачу в укреплении гавани с самой опасной, юго-восточной стороны – для укрощения «вредоносного» юго-восточного ветра и «самых глубоких волнений». Поэтому именно здесь он начинает строить первые и самые мощные молы. Таким стал нынешний Карантинный (Платоновский) мол. Он задуман как самый длинный, полностью ограждающий порт с юго-востока, востока и северо-востока. А от возможных воздействий «вредоносных» северо-восточных ветров акваторию порта защищает Военный мол. Сам вход в порт размещен с севера – сюда дует лишь северный ветер, который не вызывает сильного волнения.

И когда «только с одной стороны будет бухта (место для стоянки), то тогда надо (искусственно) сооружать молы или из камней или насыпями и, таким образом, устаивать ограды гаваням», – писал Витрувий. Поэтому самой главной и трудной задачей при строительстве порта для де Волана было «построить мол... который доставит все прочие удобства, принадлежащие к военной и купеческой гавани».

* Цит. по: Очерк развития одесского порта // Материалы для описания русских портов. Одесский порт. – СПб.: издание Комиссии по устройству коммерческих портов, 1886.

При строительстве этих молов де Волан применил так называемый «ряжевый метод». Суть этого метода в том, что «прямо на плаву строились ящики-баржи по ширине мола и высоте – на сажень выше уровня моря. Ящики постепенно засыпались камнем и притапливались один за другим, образуя тело мола. По бокам забивались мощные сваи. Сверху насыпался щебень, укладывалась мостовая, возводились заградительные от волн с морской стороны стены, и – мол готов».**

Легко убедиться, что именно такой метод рекомендовал тот же Витрувий. Он пишет, что «...каменные сооружения, которые должны быть в воде, следует делать вот как: надо привезти путеоланский песок из тех областей, которые простираются от Кум до мыса Минервы (нынешний Неаполитанский залив. – А. Г.). Затем в определенном месте следует опустить в воду и крепко утвердить обитые досками и скрепами четырехугольные клетки... пространство внутри этих клеток... заполнить камнями, песком и цементом... затем с боков этой дамбы построить стенки одинаковой высоты с поверхностью дамбы». Упомянутый «путеоланский песок» «совершенно изумительным путем производит изумительное действие. Место-рождение его... в краях, лежащих около горы Везувия. В соединении с известью и битым камнем оно придает свойство нерушимой крепости не только всяким вообще постройкам, но под ее действием приобретают незыблемую твердость даже сооружаемые на море молы». Камни же, добываемые у Везувия, «обладают поистине... неоценимыми достоинствами... вопреки всем вредным воздействиям, они остаются незыблемыми и продолжают сохранять свою вековечность... будучи консолидированы из плотно сомкнутых составных частей, они не поддаются вредоносным действиям ни атмосферных влияний, ни силы огня». В Римской империи эти рекомендации соблюдались очень тщательно – молы в гаванях большинства средиземноморских портов возводились подобным, «ряжевым» способом. Но главное то, что римляне стремились их строить именно из песка и камней, добытых в районе Везувия. Римские корабли развозили лаву и песок из-под Везувия по всем портам империи.

** Цит. по: Де Волант Женераль Франсуа. Очерк моей службы в России. 1787-1811 гг. – Одесса, 1999.

Можно видеть, что Франц де Волан при строительстве молов и волноломов одесского порта использовал «ряжевый» метод, который был рекомендован еще Витрувием. Но сказанное означает и иное. Хорошо известно, что вся Одесса начала моститься камнями везувийской («неаполитанской») лавы уже со времени ее основания. Эти лавовые вымостки на одесских улицах сохранились до сих пор в тех местах, где их не уничтожили последующим строительством. Они действительно необычайно прочны и, по словам Витрувия, «остаются незыблемыми и продолжают сохранять свою вековечность».

Ранее принято было считать, что лавовый камень привозился из Неаполя в Одессу лишь вынужденно – как балласт для порожних судов. Потом его некуда было девать, а потому приходилось использовать для мощения. Но если это так, то почему же он привозился лишь из Неаполя, из-под Везувия? Становится ясным, что де Волан, следуя советам Витрувия, специально позаботился о том, чтобы вынужденным балластом оказался именно такой камень (а возможно – и «путеоланский песок?»), который был бы самым прочным для строительства и мощения одесских улиц. Этим он обеспечивал «необычайной силы твердость», «незыблемость» и «вековечность» всех сооружений порта и города. Наверное, эти советы Витрувия оказались по душе и Иосифу де Рибасу: ведь Одесса строилась и мостилась из камней его родины – Неаполя...

Мы видим, что благодаря заботам гениального инженера и архитектора Франца де Волана жители Одессы убережены от действия «вредоносных» и болезнетворных ветров. Исходное расположение и прочность молов, волноломов и других сооружений «военной и купеческой гавани», защищавших ее от опасных ветров, волн и течений, превратило одесский порт в один из надежнейших в мире. Он и сегодня является признанным шедевром гидротехнического строительства.

Лавовые же неаполитанские вымостки еще сохранились во многих старых одесских дворах. Как и многие прибрежные лестницы из лавового камня. Они – тоже памятник уму, прозорливости, высочайшей градостроительной культуре и таланту великого инженера Франца Павловича де Волана.

...Нельзя не помнить, каким был одесский порт в славную эпоху Ришелье, Ланжерона... Каким он стал усилиями одесситов под руководством названных «иностранцев» к приезду светлейшего князя Воронцова и как расцвел он при его правлении. Вот что писалось по этому поводу в «Памятной книжке Одесского градоначальства на 1880 год»: «Несмотря на войны, трехкратное посещение чумной заразы, тяжкие неурожаи... и, наконец, соперничество дунайских и североамериканских хлебных рынков, – одесский порт служит постоянным поприщем для продуктов, капиталов и труда целых миллионов русского народа»...

...Сколько радостных и горьких событий испытал наш порт и его труженики (вместе со всей Одессой, конечно!) за следующие 150 лет! Ранее считалось, что суровее испытаний, чем бомбардировка Одессы во время Крымской войны и посещение чумы, для нашего города не придумать. Но пришел 1941 год... Покрывшая себя и своих защитников неувядаемой славой героическая Одесса...

Мощнейшая бомбардировка 22 июля – ровно через месяц после начала войны – была нацелена, в первую очередь, на порт. 73 долгих дня продолжалась героическая оборона нашего города. И все это время Одесса и ее защитники демонстрировали миру беспримерное мужество. Как пишут авторы книги «Главные морские порты Украины», «...венцом обороны Одессы стала операция эвакуации войск Одесского оборонительного района. Она вошла в историю как образец высочайшей организованности и поразительной эффективности: крупной массе войск вместе с вооружением в считанные часы удалось скрытно отойти с занимаемых позиций и осуществить ночной марш-бросок в порт, где она была погружена на транспорты и боевые корабли и без потерь перебросена на другой участок фронта».* Одесса с помощью порта сумела сохранить силы для защиты других городов страны.

Важная деталь: только завершив организованную эвакуацию войск, только убедившись в том, что все защитники Одессы оставили порт, после отплытия крейсера «Червона Україна» с командованием, на утлом суденышке – рейдовом катере – отплыли начальник порта Макаренко, комиссар Гильдин и руководитель

* О. Амбарян, А. Брюм, В. Иванов. Главные морские порты Украины. – Одесса, 1990.

службы военных сообщений капитан второго ранга Бартковский... Воистину, живы наши героические традиции! И как не вспомнить о том, что именно 10 апреля 1854 года береговая батарея из четырех орудий под командованием юного прапорщика Александра Щёголева, проявив необыкновенную стойкость, присутствие духа и исключительное мужество, сумела отбить атаку англо-французского флота! По сути, самоотверженные канониры предотвратили тогда оккупацию города, и мы помним об этом, празднуя день освобождения от другой оккупации, закончившейся 10 апреля 1944 года. Удивительное совпадение!

Вспоминая о подвиге Щёголева, снова вспомним и о де Вола-не, который разместил Одессу на юго-западной стороне бухты и оградил ее порт с востока Платоновским молотом. Благодаря именно такому размещению этого мола он защищал единственный достаточно глубокий и возможный проход в порт со стороны Ланжероновского мыса. В этом узком проходе неприятельские корабли не могли ни маневрировать, ни развернуться в боевой порядок, чтобы использовать мощь всех своих орудий.

Батарея Щёголева была установлена на Платоновском молу, у самого уреза воды. Именно в этом, ключевом месте она смогла защитить самый уязвимый участок входа в гавань и не позволила вражескому флоту приблизиться к городу, чтобы высадить десант. На всех остальных участках Одесского залива и прилегающего побережья флот при приближении к берегу неминуемо бы садился на мель. Чем кончилась такая попытка английско-го фрегата «Тигр» у Малого Фонтана, мы хорошо помним.

Можно утверждать, что пушка с фрегата «Тигр», установленная на Приморском бульваре и ставшая убедительным символом гражданского единения и мужества одесситов «во дни бед народных», является также и памятником предусмотрительному гению первостроителя Одессы и ее порта...

...Давайте представим, каким же увидели одесский порт его освободители в этот незабываемый день – 10 апреля 1944 года. Порта как такового не существовало – груды дымящихся развалин. Не только враги, даже искренние друзья считали, что на начальное, частичное восстановление порта для возможности начать минимальную переработку грузов требуются долгие годы.

Знаете, когда заработал истерзанный порт? Удивитесь, и правильно сделаете: менее чем через полгода! В самом начале октября того же, 1944 года были разгружены первые суда. Если уже в 1945 г. порт достиг 50 процентов уровня грузооборота 1940 г., то через год, в 1946 г., показатели последнего довоенного года были перекрыты!..

Сегодня Одесский морской торговый порт – это:

- 53 причала общей протяженностью более 9 км;
- переработка в год более 14 млн тонн сухих грузов и свыше 24 млн тонн наливных грузов;
- крупнейший в Европе пассажирский комплекс с реконструированным по самым современным мировым стандартам морским вокзалом пропускной способности более 4 млн пассажиров в год;
- мощные порталы краны, плавкраны, зерно- и контейнерные перегружатели, суда портофлота;
- закрытые и открытые склады общей площадью около 500 тыс. кв. м.

Кроме того, недавно одесскому порту передан в эксплуатацию причальный комплекс острова Змеиный.

Для дальнейшего развития контейнерных перевозок порт быстрыми темпами заканчивает строительство «сухого порта», предназначенного для работы с контейнерами, в «депрессивном районе», известном под названием Поля орошения. В комплексе с мощной транспортной эстакадой, соединяющей «сухой порт» с причальными сооружениями, создается система, способствующая не только значительному росту производственных мощностей порта, но и разгрузившая от тяжеловесного транспорта несколько важнейших городских магистралей и соблюдающая интересы города с точки зрения возрастающих экологических требований.

Одесский морской порт, являясь мощным государственным предприятием, поощряет на своей территории любую разумную инициативу коммерческих, частных структур и устанавливает над такой инициативой действенный законодательный контроль. Этим достигается постепенное и последовательное ослабление жесткого государственного регулирования всех сфер хозяйственной деятельности порта.

Одесса гордится своим портом, как и порт гордится своим создателем – Городом. Они вместе родились, вместе развивались, и просто невозможно представить себе одного без другого. Мысленно уберите эту неповторимую завораживающую панораму порта, открывающуюся вашему взору при выходе на Приморский бульвар, и вы окажетесь в другом городе. Да, Одесса начинается портом, портом она и заканчивается – любимым детищем одеситов многих поколений. Отдав одесскому порту тридцать лет и три года (прямо как в известной сказке!), автор утверждает это со всей ответственностью.

Как же удивительно точно выразился автор текста песни «Одесский порт» Илья Френкель: «Пройдут года, но никогда это чувство к тебе не изменится!»...

Автор использовал выдержки из своей книги «Дитя Европы»
2009

Борис Эйдельман

Мы говорим «Optimum», подразумеваем Одесса

И это действительно так. Дело не только в том, что мы единственное в городе издательство, которое целиком посвятило свою деятельность истории и повседневности Одессы. В подтверждение этому – сотни книг, изданных многотысячными тиражами. И книги эти присутствуют не только в нашем городе, но и во всех уголках планеты, от Америки до Австралии.

Подробно об издательстве, о его рождении, становлении и, главное, сущности на протяжении тридцати пяти лет желающие могут узнать в девяностом номере альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», изданном в 2022 году.

Наша новая, последняя программа – серия «Это мой город». Причиной ее создания послужила непростая в последнее время судьба города: ковид и последовавшая трагическая война. Эти события последних семи лет многое изменили.

Уходят люди, меняются взгляды, но неизменной, по моему мнению, остается Одесса, ее история, ее жизнь и судьба.

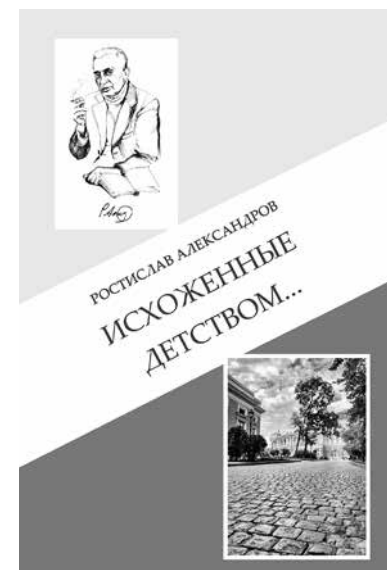

В течение 2022-2026 годов было издано шестнадцать книг. Я помещаю здесь не только их перечень, но и обложки, оформленные в желто-бело-красной гамме флага города. Прежде всего, повторю девиз этой серии, размещенный на последних страницах обложек:

«Я включил в эту небольшую серию книг лучшие из Золотого фонда «Оптимума». Сегодня для всех нас особенно важно знать нашу историю и беречь нашу память. Опасность разрыва тектонической плиты, на которой стоит наша история, наша память, побуждает меня к реализации серии «Это мой город». Я не буду повторять то, что говорили знаменитые от Ришелье до Владимира Жаботинского, о моем городе. Я просто хочу напомнить этими книгами о нем. Этот город был создан, выстроен, выстрадан поколениями десятков народностей и национальностей, населявших его. История города... это история созидания души нашей, одесской. Создатели строили здесь и оставляли здесь всё: силы, талант, жизнь. Они создавали всё: и для детей своих, и для города, и для будущего. В этом проекте единственное мое желание – чтобы Одесса всегда

была местом гения, чтобы Одесса всегда оставалась улыбкой Бога! Этот город – творение одесского народа – должен и будет жить! Будет жить хотя бы в мифах, в памяти рожденных здесь и пустивших корни по всему миру. Помните? «Возьмемся за руки, друзья!» Вот и я посчитал возможным пригласить в этот проект своих друзей и их книги. «Это мой город», – по праву могут сказать и авторы этих книг. Ибо в них отражено всё: и их личность, и их отношение к городу, и сам город».

Это примечательно: я не просто повторяю ранее издававшиеся книги, я хочу продлить их жизнь, оставить новый маленький шагок-след для сегодняшнего молодого поколения одесситов. Поэтому, хоть тиражи относительно небольшие, я и говорю: «Это для родных и близких, каковыми для меня являются все одесситы». Все эти книги и их авторы – живая легенда Одессы, те, кто ее прославлял и передал свою любовь нам, потомкам. Это и Геродот Одессы XX века Олег Губарь, и лучший знаток истории города Ростислав Александров (Александр Розенбойм), и лучший, на мой взгляд, исследователь истории города

Валерий Нетребский
Валерий Шерстобитов

АУРА ОДЕССЫ

КНИГА I

Аура одесских бульваров,
площадей и переулков

Валерий Нетребский
Валерий Шерстобитов

АУРА ОДЕССЫ

КНИГА 2

Аура одесской Пересыпи,
Молдованки, Слободки-Романовки

XIX века профессор Гарвардского университета Патриция Херлихи. Естественно, нельзя не упомянуть исследователей XIX века Скальковского, Смольянинова, Надлера – и наших современников Пилявского и Нетребского. А скольких авторов еще хочется издать! Есть идеи, были бы возможности.

И напоследок я скажу...

Время тяжелое, горькое и трагическое. Гибнут люди, рушатся города, ломаются судьбы людей, меняются взгляды. Об этом можно говорить и писать долго.

Очень больно.

Конечно, можно повторить за великими: «О времена! О нравы!». Но мы знаем, что времена не выбирают, в них живут и... Так будем жить!

Вот подтверждение сему: в серии «Это мой город» издательство «Optimum» выпустило:

2022

Ростислав Александров. «Исхоженные детством...»

Патриция Херлихи. «Одесса. История 1794-1914»

Валентин Пилявский. «Архитектура Одессы. Зодчие. Здания. Стили»

Олег Губарь. «Я вам расскажу за всю Одессу...»

2023

Михаил Пойзнер. «В тумане скрылась милая Одесса...»

Александр Бирштейн. «Но есть надежда»

Сборник «Мы – продолжение Одессы»

2024

Александр Дерибас. «Старая Одесса. 1794-1894»

Словарь «Язык Одессы. Слова и фразы»

Валерий Нетребский, Валерий Шерстобитов. «Аура Одессы» в двух томах и четырех частях

Елена Каракина. «По следам...»

2025

Владимир Жаботинский. Избранное

Антология «Поэты Одессы. Стихи об Одессе»

Олег Губарь. «Возвращение»

Олег Губарь. «Из истории евреев Одессы»

2026

«Летописцы Одессы». Скальковский, Смольянинов, Мортон

ВЛАДИМИР ЖАБОТИНСКИЙ

Избранное

ЛЕТОПИСЦЫ ОДЕССЫ

Рождение Города

Скальковский
Смольянинов
Мортон

Тамара Коленко

Зародження професійної морської освіти в Одесі

Історія морської освіти в Одесі почалася 1 липня 1898 року за ініціативою міністра фінансів С.Ю. Вітте (1849-1915). При Одеському комерційному училищі почали функціонувати Класи торгівельного мореплавання.

Про мету створення Класів торгівельного мореплавання С.Ю. Вітте писав, коли був в Одесі 27 вересня 1896 року:

«Цель учреждения при Одесском коммерческом училище мореходных классов выражена словами его высокопревосходительства господина министра финансов в бытность его в училище 27 сентября 1896 года: «Наша экспортная торговля развивается с каждым годом более и более, и было бы крайне важно, чтобы русские коммерческие суда находились в руках не только моряков в прямом значении этого слова, но и людей, знающих, кроме искусства судовождения, и главнейшие основания морской торговли.

...от капитана требуются все свойства человека вполне образованного, развитого многосторонне и владеющего при том надлежащими коммерческими знаниями».

Чому саме в Одесі вирішили створити морехідний навчальний заклад підвищеного типу?

По-перше, Одеса – найбільший чорноморський торговельний порт, що в XIX столітті посів друге місце за обсягом міжнародної торгівлі в Росії.

По-друге, у місті працювала значна кількість навчальних закладів, у яких можна було залучити педагогічні кадри.

Училище торговельного мореплавання

По-третє, створюючи морехідний навчальний заклад при комерційному училищі, організатори мали на меті підготовку моряків, здатних як командувати морськими суднами, так і грамотно здійснювати комерційні операції за межами Російської імперії. І більш ніж тридцятип'ятирічний досвід виховання освічених комерсантів, який на той час накопичило Одеське комерційне училище, мав якнайкраще сприяти досягненню такої мети.

Класи торговельного мореплавання розташувалися на Грецькій вулиці в будинку № 5. Це так званий Лоцманський дім. На будівлі є табличка: «Пам'ятка архітектури містобудування та історії місцевого значення».

Завідувач Класів торговельного мореплавання – Логгін Логгіннович Гаврішев, дворянин, дійсний статський радник, кадровий офіцер, адмірал у відставці, викладач морехідної астрономії, автор підручників для штурманів.

Вступити до класів було дуже непросто. Сюди приймали хлопців, старших за шістнадцять років, вищих за сто шістдесят

сантиметрів, стан здоров'я та зору яких мав відповідати спеціальним вимогам.

Вступників допускали до теоретичних іспитів лише після тримісячного пробного плавання. Метою останнього було виявити нездатних до морської служби. Ті, хто успішно пройшов ці випробування, мали скласти вступні іспити з таких предметів: закон божий, російська мова, арифметика, алгебра, геометрія, фізика, історія, географія, французька або німецька мова. Для тих, хто мав свідоцтва про закінчення інших комерційних училищ міністерства фінансів, реаль-

них училищ, п'яти класів гімназії, середніх навчальних закладів, вступні іспити проводилися за різними програмами.

До класів приймали хлопців всіх верств та віросповідань, але обов'язково підданих Російської імперії. Навчання було платним – сто двадцять п'ять рублів на рік.

Приймання вступників – 15-20 серпня. Навчальний рік складався з трьох частин:

- 1) Теоретичний курс (25 жовтня – 25 квітня);
- 2) Канікули (25 квітня – 25 травня);
- 3) Практичний курс на навчальному судні (25 травня – 25 жовтня).

У Класах торгівельного мореплавання вивчали наступні вісімнадцять дисциплін: закон божий, російська мова та словесність, англійська мова, французька або німецька мова, фізика, математика (практичні обчислення, плоска та сферична тригонометрія), теоретична механіка, комерція з відомостями з політичної економії та бухгалтерії, фізична географія (гідрологія та метеорологія), навігація з лоцією та основними відомостями з девіації компасів,

морехідна астрономія, основні відомості з устрою та теорії корабля, морська практика, пароплавна механіка, комерційна географія, товарознавство, законодавство, гігієна.

Класи готували капітанів та їхніх помічників на суднах далекого плавання. З 1899 року морську практику вихованці проходили на власному навчальному судні «Велика княжна Марія Миколаївна». То був трищогловий барк, який також називали кліпером, або фрегатом.

Плавання було платним – шістдесят п'ять рублів. Крім того, кожному учню необхідно було придбати власним коштом такий одяг: чорні напівкафтан і штани, синю байкову сорочку та чорні штани до неї, легке чорне пальто укороченого зразка, п'ять білих матроських сорочок та чотири білих полотняних до них штанів, п'ять натільних в'язаних сорочок, дві натільні в'язані вовняні сорочки для осіннього плавання, два кашкети: зимовий та літній з трьома чохлами, по пів дюжини білизни носильної та постільної та дюжину хусток, ковдру і подушку розміром 12×16 вершків, нові чоботи звичайні, парусинові напівчеревики та власні чоботи, які б не промокали у воді.

Вся білизна, одяг та взуття мали бути чітко позначені повним прізвищем учня. Тих, хто не представив у зазначеній кількості одяг та взуття або представив їх у несправному стані, не зараховували до складу екіпажу до того часу, поки вони не подадуть все вищеперераховане у справному стані.

Одеська міська дума давала дозволи на зарахування до числа міських стипендіатів учнів, чиї батьки з тих чи інших причин клопотали про надання можливості не оплачувати навчання своїх синів.

Що стосується продовольства, прання білизни та ремонту одягу для кандидатів та учнів у плаванні, – їхню вартість покривали класи.

Вже 1899 року Л.Л. Гаврішев веде активну роботу з організації школи механіків. Детально обговорювалися такі питання: контингент, умови приймання, вступні випробування, перелік предметів для вивчення, пробне плавання до приймання, умови практики, приймання на судна після закінчення навчання, заробітна плата викладачів, майстрів та багато іншого.

Також Л.Л. Гаврішеву було доручено розробку програми школи механіків торговельного флоту для всієї країни. Завдання: «...готовить механиков-практиков, не гнушающихся начать службу с должности машинистов с тем, чтобы через 2-4 года занять должность механика».

Кількість учнів: 24 листопада 1899 року – 32 (I кл. – 23, II кл. – 9), 25 жовтня 1900 року – 37.

Навесні 1899 року було розроблено «Положення про Одеське училище торговельного мореплавства».

Одночасно Л.Л. Гаврішев розпочинає активну діяльність з підготовки до будівництва нової сучасної будівлі. Йде листування про будівництво: головного будинку училища, житлового будинку, майстерень та дворових будівель.

Проходять організаційні заходи щодо створення на базі Класів торговельного мореплавства самостійного навчального закладу – Одеського училища торговельного мореплавства.

В червні 1901 року було прийнято урядовий документ про перетворення Класів торговельного мореплавства на Одеське училище торговельного мореплавства: «Извлечение из высочайше утвержденного 7 мая 1901 года мнения Государственного совета о преобразовании Классов торгового мореплавства в г. Одессе в Одесское училище торгового мореплавания (распубликовано в Собрании узаконений и распоряжений правительства от 12 июня 1901 г. № 57, ст. 1081)».

До складу Одеського комерційного училища класи входили три роки. Саме тут розпочалася слава історія майбутнього Одеського морехідного училища імені О.І. Маринеска. Зараз це Морехідний фаховий коледж імені О.І. Маринеска Національного університету «Одеська морська академія».

2026 року виповнилося 128 років з того дня, як у нашому рідному місті почали навчати морської професії.

Фото Володимира Богатирьова

Анна Голубовская

До ста двадцати!..

Думала о предстоящем юбилее альманаха «Дерибасовская – Ришельевская». В голове звучали слова из текста Жванецкого, посвященного ушедшим друзьям:

«Скоро мы тронемся в сторону моря...
...Уходим многоточием...

В красивую тишину падают лекарства, телефонные книжки, блокноты, подарки, поздравления».

Мы, свидетели начала этого пути, говорим друг другу: «Помнишь?..». Как шумно и весело отмечали первый юбилей альманаха, десятый номер, в исчезнувшем уже ресторане «Алые паруса» – и это число, десять, было весомым и значимым. Как пятидесятый номер украсила суперобложка с фотографиями четырех углов, описанными Сашей Розенбоймом. Хотела посетовать, что вот и Саши нет, и Ивана Череватенко, автора тех фотографий. И перед глазами – лица, лица, череда лиц родных моих и близких, знакомых и тех, с кем лишь вежливо раскланивались... Писателей и поэтов, историков, краеведов, исследователей – сколько же человек за эти тридцать лет сотрудничали с альманахом, не сосчитать.

Сожаление о тех, кто оставил свой след на страницах, но уже не с нами, не отнять. Но сквозь него проступают, расцветают совсем другие эмоции.

Прежде всего – уважение, восхищение и благодарность человеку, который сумел приостановить время утрат и повернул его вспять, сделав временем обретений.

Дорогой Феликс, Феликс Давидович Кохрихт, поставил себе цель – издать сотый альманах, и невзирая ни на какие обстоятельства не сдался и это осуществил.

Вспоминая разное, думаю, что альманах на своем протяжении – вообще своего рода история упрямства. Сколько раз за эти годы казалось, что не хватит денег на бумажное издание, и голоса доброхотов подсказывали: перейдите в интернет. Но Феликс Давидович, Олег Иосифович, Евгений Михайлович стояли на своем: альманах должен быть книгой. Красивой книгой, которую хочется держать в руках. Читать, а не только смотреть на экран.

Альманах пошатнулся, но устоял после безвременного ухода Олега Губаря. Оставшиеся вдвоем упрямые мушкетеры продолжили работать. А потом ушел Голубовский. До последнего занимаясь очередным номером. Сдав в печать девяносто четвертый.

Признаюсь, в своем личном горе, потеряв отца, я не могла оценить по заслугам замысел Феликса. Он пошел дальше, работать и издавать. При всей поддержке – один. Конечно, при помощи тех, кто альманах поддерживал, как верный Иван Липтуга, как Танечка Коциевская, как те, кто встал с ним рядом, – и все же один.

Оглядываясь назад, понимаю: в нем говорили и любовь к Одессе, и долг памяти перед товарищами, и невыносимая ответственность. Взяв на себя непосильные – по ситуации в стране, по собственному состоянию здоровья, по массе житейских причин – обязательства, он победил.

Как не сдавшийся марафонец, как стратег, видящий дальше, чем его окружение, как человек, сумевший противостоять энтропии, войне, распаду, самой смерти.

Если бы альманах закончился на девяносто пятом номере, никто не умалил бы его значения. Но есть магия чисел, есть алхимия, когда в реторте появляется золото. Дойдя до ста, альманах словно засверкал новыми гранями, обретая еще не изученные драгоценные качества. Капсула одесского времени, умноженная на судьбы трех товарищей, стала одесским эпосом.

Их трое.
Евгений Михайлович.
Олег Иосифович.

И Феликс Давидович, которому дай бог здоровья до ста двадцати. Не альманахов – долгих счастливых лет, за себя и за тех парней.

Виват!

Одеський календар

128 Єлизавета Радішевська
Одеса починається з греків

Єлизавета Радішевська

Одеса починається з греків

Яким буде «Одеський календар» у новому форматі?

У 2003 році завдяки зусиллям компанії «ПЛАСКЕ» спільно з Одеським літературним музеєм і Всесвітнім клубом одеситів вперше побачив світ «Одеський календар» – унікальне пізнавальне видання, яке у яскравому сучасному форматі розповідало про історію, архітектуру та відомих людей нашого міста. Календар принципово починався не з 1 січня, а з 2 вересня – з дня народження Одеси, та відлічував не цивільні роки, а роки міста. Відтоді з невеликими перервами вийшло двадцять випусків. Кожен з них був присвячений історії однієї одеської вулиці.

За двадцять три роки існування календар охопив Дерibasівську, Рішельєвську, Ланжеронівську, Гоголя, Пастера, Маразліївську, Пушкінську, Преображенську, Катерининську, Жуковського, Єврейську, Французький бульвар, Старопортофранківську, Базарну, Приморський бульвар та інші ключові вулиці історичного центру. Колекція календарів стала енциклопедією Одеси, що розповідає про місто через топографію.

Сьогодні «Одеський календар» змінює свій жанр, але не змінюється принципово. Центральні вулиці охоплено. Але сама ідея «Одеського календаря» – щорічного видання, прив'язаного до Дня міста, – залишається живою та потрібною. І вона буде продовжена у новій якості.

Замість «історії однієї вулиці» буде «історія однієї культури». Кожен новий річний випуск буде присвячено одному з народів, які створювали Одесу: грекам, італійцям, євреям, вірменам, болгарам, полякам, українцям, німцям, французам, караїмам, татарам, молдаванам, гагаузам, албанцям. Це новий мультикультурний цикл «Одеського календаря».

Єлизавета Кузьминська-Поліхроніді

Автор і продюсер нового проєкту Іван Ліптуга, меценат – Костянтин Соболев. Ключові партнери випуску: Всесвітній клуб одеситів, Громадська організація «Греки Одеси», Одеська національна наукова бібліотека, Одеський літературний музей, Південноукраїнський національний педагогічний університет ім. К.Д. Ушинського.

Перший випуск календаря у новому форматі, який зараз виходить, буде присвячено грекам та грецькій культурі. Він так і буде називатися: «Греки в Одесі». Чому саме грецький випуск відкриває цикл? Такий початок, як стверджують автори проєкту, не випадковий і не дипломатичний. Це історично точний вибір, бо саме з грецьких поселень починалася історія того місця, на якому розташована сучасна Одеса. І потім, вже за часів існування міста, греки зробили величезний внесок в його розвиток та процвітання.

Основа грецького випуску складає дослідницький матеріал, накопичений Єлизаветою Кузьминською-

Поліхроніді – головою громадської організації «Греки Одеси».

Єлизавета Григорівна збирає, вивчає та систематизує матеріали про греків в Одесі вже давно. Вона – авторка книжок «Одеська обласна громада греків. Віхи історії. XIX-XXI ст.», «Маразлі. Батько та син», «Грецька кухня. Смак моря та сонця». У 2021 році вийшла у світ її книга «Відомі греки Одеси» у двох томах. Зараз Єлизавета Григорівна працює над випуском «Одеського календаря», і напередодні його виходу ми вирішили поставити їй декілька питань, відповіді на які стануть невеличким анонсом нового видання.

– Як давно ви почали збирати інформацію про греків в Одесі?

– Приблизно з 1990-х років. Я не одеситка у класичному розумінні цього поняття, не народилася тут. В Одесі я познайомилася зі своїм майбутнім чоловіком та переїхала жити сюди з Батумі. Згодом знайшла тут місцевих греків. З цього почалася моя робота у грецькій громаді. Спочатку я була її членом, потім стала заступницею голови обласної громади. Нині я голова громадської організації «Греки Одеси». Коли наша одеська громада увійшла до Федерації грецьких громад України, оскільки я філолог за освітою, мене попросили знайти людей, які можуть написати книгу про одеських греків. Я довго шукала, а потім, так нікого і не знайшовши, вирішила, що напишу книгу сама. Зрештою я ж філолог – подумала, що впораюся.

Першу книгу про грецьку громаду я написала швидко. А от на останню, про відомих греків Одеси, пішло понад десять років. Річ у тому, що спочатку я й не уявляла, скільки відомих видатних греків жило в нашому місті. Я думала, що буде приблизно двадцять прізвищ, ну, можливо, тридцять. А в результаті вийшло понад двісті п'ятдесят.

Греки жили на цій території ще за Хаджибея. Достеменно відомі п'ятнадцять прізвищ сімей, які ще до заснування міста жили тут. До них приїжджали з-за кордону інші греки, що торгували. Потім вони теж лишилися тут, вже безпосередньо в Одесі, яка будувалася. Серед них відомий купець Василь Янопуло, який до 30-х років XIX століття входив до десятки найбагатших людей Росії. Серед них батько Григорія Маразлі, а також Дмитро Інглезі. Нині в нас з'явилася вулиця Інглезі, названа на його честь. Багато одеситів запитують: хто це такий, що за дивне прізвище? Річ у тім, що він з англійських баронетів, які колись переїхали до Греції та залишилися там. Інглезі – це було прізвисько, що означає «англієць». І оскільки він вже вважав себе греком, то прізвисько стало його прізвищем, а насправді він мав якесь суто англійське прізвище. З 1818 по 1821 він був міським головою Одеси. Бувши міським головою, він одночасно викладав у міському військовому училищі, оскільки був військовим моряком.

– Що з історії греків Одеси увійде до «Одеського календаря»?

– Відкриватиме календар античний період. Він був саме грецьким. Це дуже великий пласт. Відомі грецькі поселення Одеської області: Тіра, Ніконій, Лузанівка, Орлівка, острів Зміїний. У самій Одесі також є місця, де велися розкопки та знайдено сліди античних поселень. Це Жевахова гора, гавань Істріан під Приморським бульваром. Розкопки також велися, коли будували Воронцовський палац, оперний театр. Були розкопки на Пушкінській. В Одесі є безліч місць, де знайшли різні античні артефакти. І монети, і вази, і різноманітні предмети побуту. Було знайдено й грецькі поховання. Античний період Одеси у календарі висвітлює професор Андрій Красножон, оскільки він опікувався розкопками. Наступні розділи календаря будуть присвячені тому періоду, коли вже було засновано місто Одесу. Будуть розділи й про культурний внесок греків, і про їхній внесок у науку, освіту. Буде й про греків-підприємців. Звісно ж, буде розділ про «Філіки Етерія», бо таких таємних товариств напередодні грецького повстання було багато. Вони були й у Москві, й у самому Стамбулі, який греки завжди називали Константинополем, але саме одеське товариство зробило історичний внесок у справу визволення Греції.

Взагалі греки, куди б не приїжджали, всюди насамперед будували свою церкву і при ній відкривали грецьку школу. Це для них було як закон, бо вони були чотириста років під османським ярмом і дуже намагалися зберегти свою національну ідентичність. Так було не лише в Одесі. Так було і в Грузії, і в Краснодарському краї, куди переселялися греки.

– Який, на вашу думку, буде найцікавіший розділ?

– Мені особисто здається дуже цікавим розділ про одеських греків, які згодом прославилися у Греції та прославили Грецію у всьому світі. На початку XIX століття у Константинополі була сильна пожежа, групу грецьких дітей-сиріт зібрали та відправили до Одеси, знаючи, що тут їх не покинуть і допоможуть стати на ноги. Одеські греки справді дуже багато ними опікувалися. Дітей відправили вчитися до Рішельєвського ліцею. Переважна

більшість із них згодом стала військовими, але не всі. Так, Костянтин Папаррігопулос став першим істориком Греції, він написав п'ятитомник «Історія грецької нації». Олександр Різос-Рангавіс став професором Афіньського університету, вченим, письменником, державним діячем та дипломатом. В Одесі навчався та виріс Деметріус Вікелас, який став згодом першим президентом Міжнародного олімпійського комітету. Ще один одесит, який зробив величезний внесок у розвиток Греції, – Янніс Псіхаріс. У 1830 році Греція здобула незалежність. Туди приїхали греки з різних країн світу. Всі вони розмовляли різними мовами – хтось французькою, хтось російською, більшість турецькою, оскільки чотириста років Греція була під турецьким ярмом. Словом, розмовляли якою завгодно мовою, але тільки не грецькою. Тому що сучасної грецької мови просто не існувало. Чотириста років ця мова не розвивалася і практично її було втрачено. Залишалася давньогрецька мова – мова Гомера, після неї – прогалина, оскільки Візантія більше розмовляла італійською. Існувала народна мова і була так звана *кафаревуса*. Що це таке? Було чотири давньогрецькі діалекти. Їхні носії один одного практично не розуміли. У Середні віки вчені поєднали ці діалекти та з них зробили так звану вчену грецьку, або «чисту мову». Але ж ця мова була надто хитромудрою, громіздкою, щоб нею розмовляти. У результаті між греками, що зібралися, почалася неабияка суперечка, якою мовою розмовляти. Одні були за давньогрецьку, інші за кафаревусу. Доходило навіть до бійок та дуелей. І ось з'явився одесит Янніс Псіхаріс, який на той час закінчив Сорбонну. Він став ключовою фігурою у питанні вибору мови. Він довів, що оскільки народ розмовляє своєю мовою, потрібно саме її облагородити та зробити державною. Треба взяти за основу нової грецької мови саме народну мову, а кафаревусу залишити для нотаріусів та вчених. Він як філолог зробив усі обґрунтування, і сьогодні завдяки йому вся Греція розмовляє новогрецькою мовою.

Ще одна прославлена в Греції людина, жінка, була пов'язана з Одесою. В Одесі було Родоканакієвське жіноче училище, де навчали дівчат, як тоді було заведено, від дитячого садка до заміжжя. Це був найвідоміший навчальний заклад, куди приїжджали

вчитися не тільки з Російської імперії, а й із Польщі та інших країн. Перша директорка була запрошена з Греції. Її звали Калліроя Сіган. Потім вона одружилася з французом і стала Паррен. Вона народилася та виросла на Криті, який теж чотириста років був під османами. Дуже багато звичок за роки ярма греки перейняли у мусульман. Жінки-гречанки часто ходили в чорному, носили хустки, їм не можна було виходити з дому без чоловіка тощо. І раптом ця дівчина приїжджає до Одеси та бачить, що тут гречанки роз'їжджають у каретах, прикрашені діамантами, у гарних сукнях, ходять на бали. Вона була шокована. Згодом вона стала дуже відомою жінкою в Греції, першою феміністкою, увійшла до сотні відомих феміністок світу. Вона також стала першою жінкою-журналісткою, письменницею, домоглася того, що жінок почали брати на роботу, їм дозволили навчатися у вишах. І все це сталося після її роботи в Одесі.

Однак найбільший вплив на Грецію, як на мене, зробив Олександр Іпсіланті, який із соратниками готував, а потім і очолив перше повстання проти Османської імперії. Олександр Іпсіланті був блискучим офіцером російської армії, героєм війни з Наполеоном, дослужився до чину генерал-майора. В Одесі він очолював таємне товариство «Філіки Етерія». У березні 1821 року він із групою однодумців перейшов річку Прут і підняв антиосманське повстання в Молдавії та Валахії. На жаль, це перше повстання не мало шансів на успіх. Приблизно три чверті армії повстанців складали кишинівські та одеські студенти. До них приєдналися молоді купці. Ненавчені, не готові до війни. Вони виступили проти професійної османської армії. Звичайно, їхня доля була вирішена наперед. Дев'яносто відсотків студентів та викладачів Одеського грецького комерційного училища, яких називали священними ротами, тоді загинули. Вони знали, що не виграють, але розуміли, що хтось має розпочати. Першим це зробив Олександр Іпсіланті.

Проте оскільки він програв, грецька консервативна історіографія його мало згадувала. Історію пишуть переможці. Програв – отже, невдаха. Греки взагалі довгий час не вважали його за героя, не розуміли, що він жертва. Своїми одеськими дослідженнями ми змінили їхню думку.

– Ви знайшли час та можливість підготувати матеріали для нового «Одеського календаря». Що вас найбільше зацікавило у цьому проєкті?

– Є один момент дуже важливий для мене в історії Одеси. Усі знають, хто такі де Рібас, Ланжерон, Рішельє, Воронцов, де Волян. І жодна людина вам не назве греків, які зробили не менший внесок у розвиток Одеси. У цьому календарі та інших матеріалах нам треба зробити так, щоб одесити шанували і греків, які зробили великий внесок у створення Одеси та її розвиток.

Усі чули, що «апельсин врятував Одесу». Після смерті Катерини II на престол зійшов Павло I, який був скептично налаштований до «південних забудов» і в 1800 році наказав заморозити видачу грошей на будівництво одеського порту. Розуміючи, що без фінансування місто приречене на в'янення, кмітливі одесити пішли на хитрість. Вони дізналися, що імператор дуже любить екзотичний фрукт – апельсин, або, як він тоді називався, померанець, який на той час був неймовірною рідкістю в Петербурзі. Одесити терміново закупили три тисячі грецьких апельсинів і відправили їх узимку на підводах до столиці як подарунок. Павлу настільки до душі припав подарунок-хабар, що він розморозив будівництво і виділив на це двісті п'ятдесят тисяч золотих рублів. Дуже яскрава, кумедна історія, проте ніхто в ній не згадує, що все це повернули саме греки. Бургомістр Іван Дестуні, міський голова Іван Кафеджі та директор митниці Михайло Кір'яков, який допоміг офіцеру Григорію Раксоматі потрапити з привезеними апельсинами до палацу.

В Одесі було шість бургомістрів-греків, шість міських голів греків. Одесити з них знають лише Григорія Маразлі, і це сталося вже у 90-х роках минулого століття завдяки зусиллям нашої громади щодо популяризації його меценатської діяльності.

Я радію, що зараз може ще раз нагадати про це та висловити подяку за те, що новий «Одеський календар» починається з розповіді про грецьку діаспору. Щоб одесити завжди знали та цінували всіх своїх славетних предків, бо вони на це заслуговують.

Проза

- 136 Григорій Барац
«Позвольте быть счастливым»
- 142 Сергей Рядченко
Пасынки штиля
- 151 Хелена Андрейчикова
Полювання на сов
- 155 Евгений Деменок
Несколько слов о почерке
- 159 Соня Капінус
Викапана мати
- 165 Виктория Коритнянская
Крушение надежд
- 167 Ольга Лесовикова
Принцип домино, или Цепная реакция воспоминаний
- 170 Анна Михалевская
У нас в сердце маяк
- 173 Наиль Муратов
Девочка и гриб
- 177 Генрі Лайон Олді
Автограф
- 188 Олена Палашек
Вони служили разом

Григорий Барац

«Позвольте быть счастливым»

Лето девятнадцатого довоенного года Жванецкие, как всегда, провели в Одессе – у себя в доме на круче над Аркадией. Почти пять лет уже не было прямых рейсов между Украиной и Россией. Приходилось добираться с пересадкой в Минске, что Михалычу было уже нелегко.

Его междугородний звонок был неожиданным. Он нечасто звонил издалека.

– Хочу Новый год встретить с друзьями, по-нашему, по-одесски, с хамсой, бычками, форшмачком. Наташа уже забронировала стол в Саввином ресторане «Дача». Приглашаю всех наших! – на одном дыхании одесской скороговорочкой произнес Михалыч и неожиданно спросил: – Сейчас камбала на Привозе есть?

Не дождавшись ответа, заключил:

– Все равно пойдем.

Рыбный ряд Привоза встретил нас недружелюбно. Мы пришли во второй половине дня – время, когда бывалые покупатели одесситы сбивают цены.

– До обеда – хозяйки, после обеда – попрошайки, – услышали мы во след себе.

– Это надо записать, – засмеялся Миша.

Острый зимний дождик – снег одесской зимы, застрочил по одноразовым дождевикам. Михалыч остановился у прилавка, накрытого прозрачным полиэтиленом. За ним на деревянном ящике под односкатным балдахином сидела торговка, закутанная в цветной байковый халат поверх фуфайки. Она смачно

затягивалась и, не вынимая папиросу из пухлых губ, выпускала дым из мясистых ноздрей. Увидев нас, засуетилась, двумя толстыми, как сардельки, пальцами зажала свою беломорину, набрала полный рот воздуха и закудахтала: «Риба, риба, риба, карась, щука, лещ, плотва, короп».

– Вы на них посмотрите! Мальчики – красавчики, а если у них еще и деньги есть, так цены им нет, – тархтела она без продыху, делая вид, что не узнает Жванецкого.

Глядя на рыбу, разложенную на прилавке, Михалыч подначил торговку:

– А где же ваши шаланды, полные кефали?

– Вы таки да зашли купить или так, позырить? – спросила торговка, делая вид, что теряет к нам интерес.

– Кефаль купим в любом количестве и за любые деньги, – азартно подмигнул Михалыч.

Торговка грустно улыбнулась, заморгала густо намазанными черной тушью ресницами и, вынув папиросу изо рта, печально произнесла:

– Ви думаете, она сама сюда приплывет, если вокруг вода?

– Мадам, вы подарили нам вкусную хохму, мерси, – вынул блокнотик Михалыч.

– И что, вы таки да уйдете от Регины ис пустыми руками? Так меня весь Привоз обсмеет. Вот! – она протянула Михалычу увесистый пакетик хамсы. – Малосолка, сама солила.

Он попытался заплатить. Гримасе удивления и притворной обиды на ее физиономии могли бы позавидовать мировые комики. Оторваться от Регины мы смогли, только когда Михалыч по ее просьбе оставил автограф на стогривневой купюре.

К прилавку нашей знакомой торговки камбалой мы шли, не останавливаясь. Звали ее Каролиной, фамилия Черноморец. Не псевдоним, не кликуха, а именно фамилия. Выросшая на рыбацкой ухе, она была похожа на халу – вытянутую к солнцу плетеную булку с рельефными мускулами рук и ног. Ее массивная остроконечная грудь угрожала каждому, кто приближался на непочтительное расстояние. Воспитанная Привозом – рыбаками, торговками и спекулянтами – она, как Двойра, сестра бабелевского Бени Крика, обладала «пробивным и властным характером».

Ругалась скорее смешно, чем злобно, заменяя мат словами «песец», «хрен», «блин», «бляха-муха»...

Пробиваясь сквозь мокрую толпу, мы то и дело слышали: «Миша, возьми задаром!». В ответ он лишь приветственно взмахивал рукой.

Каролины за прилавком не оказалось. Незнакомая продавщица говорила по мобильнику, не обращая на нас внимания. Михалыч кинул взгляд на прилавок и спросил торговку:

– Есть наша, черноморская, с полным пузом?

– Хапай, пока е. Дали голяк будэ, – по-прежнему не глядя на нас, ответила она.

Не успела она это произнести, как между рядами показалась Каролина Черноморец. Она шла, разрезая толпу, как баркас под парусами при штормовом норд-осте, который в Одессе называют «бора».

– Кому ты чешую на глаза лепишь? – пробасила Каролина, обхватив нас обеими руками и прижав к груди. Обращаясь к товарке, добавила: – Так то ж наши пацаны, они завсегда сверху дадут.

Заканчивался двадцатый довоенный год. Он проходил под знаком пандемии, жесткого карантина и закрытия границ. Болели многие члены Всемирного клуба одесситов. На востоке Украины разгоралась война. В середине лета вступило в силу соглашение о «всеобъемлющем перемирии». Интенсивность обстрелов снизилась. Появилась надежда на мир.

«Новый год со Жванецким и камбалой!» – на такую рекламу клюнули одесситы из разных стран. Цена места была не менее стоимости небольшого подержанного автомобиля. О бронировании мест было объявлено за несколько месяцев. В течение суток все столики в ресторане «Дача» были выкуплены. Заявки продолжали поступать. Столы заполнили коридоры и проходы.

Лишь один стол стоял особняком, в том месте, откуда его было видно из всех уголков большого зала. Там сидел узкий круг его самых близких – тех, которых он одарил счастьем быть рядом, – людьми, близкими ему по духу. Платой за наш стол было новогоднее поздравление Жванецкого всем присутствующим.

Признаюсь честно, не помню, о чем он тогда говорил. Читал он с листа, исписанного только ему понятным почерком, – про-

щание с уходящим годом. Эгоистичная память сохранила только несколько фраз, в которых прозвучало мое имя:

– Мой друг Гарик говорит: «Хочется верить». Да, Гарик, хочется. На этой вере созданы Днепрогэс, Магнитка и Бухенвальд...

Жванецкий, мудрец и философ, в совершенстве владел эзоповым языком.

Когда из разных концов зала зазвучали дежурные тосты, Михалыч заскучал. Мне на двадцатом году нашей дружбы были понятны некоторые его привычки. Если он садился вполоборота к столу, положив руку на спинку стула и уперев в нее подбородок, – верный признак: он заскучал.

Не часто я видел его грустным. Подсел поближе. Поднес свою рюмку к его. Чокнулись. Я выпил, он пригубил и придвинулся ко мне.

– Ты Тору или Библию читал? – неожиданно спросил он. – Только честно. Можешь объяснить, в чем разница? Только быстро и тихо.

Признаться, что читал не все, а понимал еще меньше, не хватило духу. Попытался отшутиться. Замять разговор не удалось.

– Так в чем же все-таки разница? – настаивал Михалыч.

Догадаться, почему он завел этот разговор именно сейчас, было несложно. Отвертеться не удавалось. Пришлось напрячься:

– Если в телеграфном стиле, Тора – это история людей от создания мира и нравственные законы, по которым мы должны жить. Библия тоже духовный ориентир – поступай так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Не ты ли сказал, что «Бог в таланте человеческого, бог в доброте и помощи, что творчество есть деяние божье»? Собственно говоря, ты всю жизнь этим занимаешься – вынимаешь нравственные законы Торы и Библии из себя.

Оставалось несколько минут до двенадцати. Администратор поднес микрофон и патетически произнес:

– Михаил Михайлович, люди просят что-то сказать!

– Что можно сказать? Пожелать нового счастья? Я не знаю, что такое новое счастье. Оно или есть, или его нет. Счастлив человек, который может сказать: «Я неправ». Это настолько дорого, что можно на мгновение почувствовать себя счастливым.

Голос из зала прервал его рассуждения:

– Михалыч, мы росли на вас.

Реакция была мгновенной:

– Они на мне росли. Значит я – хорошее удобрение. Поздравляю всех, кто на мне вырос, еще на один год. Не знаю, верить или не верить в него. У нас жизнь мало предсказуемая. Вот мне говорят: «Вы что-то сказали – это из Торы». Не знаю, не читал. И Библию тоже не знаю, не читал. Позвольте мне быть самим собой.

Жванецкий замолчал, только микрофон выдавал его прерывистое дыхание.

– Позвольте мне сейчас быть счастливым, позвольте быть неправым.

...А 6 ноября, накануне двадцать девятой годовщины создания Всемирного клуба одесситов, позвонила Наташа... Шла подготовка к празднику...

На прощание привез Михалычу щепотку аркадиевского песка.

Сергей Рядченко

Пасынки штиля

Рассказ

Спор зашел о войне и мире.

На шестнадцатом этаже в общежитии на Галушкина.

Ну не просто ж так водку жрать.

Наши сбили как раз намеренно пассажирский корейский «Боинг». Так что было об чем послушать. И других, и себя любимых. Слово за слово, челом по столу, и извлекся вдруг этот опус из стола одного из нас. И сыскалась воля собрания его выслушать аж до точки. Жил в столе, никого не трогал. Дело давнее, а запомнился. Там читать часа полтора.

– Ну, поехали?

И поехали. С первой фразы и до последней. С «Так убей ты уже его наконец, а то ветер дует и дует» и до финиша «Ну, бывай, убивца. Свидимся завтра».

Там в начале на склоне вечером над обрывом над лодочной станцией на зеленой июньской травке два спортсмена, она и он, два динамовца, покинувши стадион, распивали вино, дурью маясь, ну, и он ее приговаривал, а она ему не давала; а внизу расходился шторм. У нее фамилия Радуга, обращаются к ней Томила, он Томилин, зовут Борисом. Вот такое вот совпадение. Вот такие Томила с Томилиным. Она старше, харизматична, он в десятом, она студентка, он ведомый, но сильно хочется; она спринтер, а он по прыжкам в длину; у нее застуженность чувств, как бывает после фрустрации; он с глупой и сентиментален, все торчком, надувается, как индюк; его руки под винчик рыщут, то под юбку ей, то под свитер, а она над ним потешается, допускает и отвер-

гает. А болтают ребятки бойко, диалоги писать умеем; заливают Борька ей про геройства прошлым летом, знать, на каникулах брат его, офицер спецназа, взял с собой в боевой поход, колошматили басмачей по горам за мостом за речкой; она врать позволяет вволю, все равно ж понятно, что бредни, ерунда все и детский сад, а сама талдычит про безотцовщину, про безденежье и про то, что все опостылело, надо б, значит, жизни поддать. И витает над ними в сумерках окаянный бес – неприкаянность. Предлагает Борису Радуга прогуляться им в шторм на лодке, только выйти за волно-рез, чем не спятила, полоумная? и вернуться назад целехонько, вот такая вам будоражина; и коль справятся и понравится, коль Томилин смекалку с отвагой явит Томиле, то, как в сказке, тогда готова под него вся сразу на берегу.

А в хибаре лодочной станции надрывает двухрядку хмельной Евлампич, тот, что Лампыч для всех, кто знает; ну а лодки все на цепи, кверху брюхом, носами к морю, в три ряда, как три частокола, завалившихся спать в песок; и качает ветер фонарь за его жестяную шляпу на боку скрипучей хибары, и терзает «Землянку» охрипший Лампыч, и в печурке тесной огонь, и дойти до тебя непросто, а до смерти четыре шага; Борька долго к нему стучится, подливает в стакан, но Лампыч, он уснуть не желает, Лампыч, хочет петь он и плакать, Лампыч, хочет клясть он кого-то, проклятый Лампыч; Борька бежит к Радуге по скрипучим сходням вверх на склон за бутылкой и вниз по ним же, чтоб подлить гармонисту на сон грядущий; пока бегал, о пса споткнулся, тот признал и не укусил, порывал, скулянул и продолжил дрыхнуть, уважая в себе свой возраст; Фунтик сторож преклонных лет, мастер лаять, не пробуждаясь. Наконец одолел сон Лампыча, тот забылся на тюфяке, а Томилин с Радугой крадут лодку; он замок с цепи каменюкой сшиб – та валялась тут под кодулу, – вдвоем лодку перевернули и к прибою поволокли, ну а Фунтик вскинулся вдруг и в лай, вспомнил молодость, да не в шутку, а вот-вот цапнет; и тогда Томила Томилину первый раз говорит про это; фраза в опус зачином вставлена, а потом сюда предыстория, ну и вот, добрались до ее «так убей ты его, а то шторм крепчает, а то ветер зябкий, убей давай!»; и Томилин, в раже ли, под парами, в дури ли, а с веслом, прыгун, на Фунтика кинулся и убил того, забил

насмерть; напоследок Фунтик, дух испуская, так шумнул на луну с подвизгом, что и Лампыча пробудил, и несется Лампыч к ним с матюками, и свистит в свисток, как заправский мент; и его при- беи, не сложнее, чем пса; и Томилин Лампыча хватъ веслом, тот с катушек и не шевелится, не ругается, не свистит; вот никчем- ный же человецишка; дышит хоть? да что ему будет! шторм зовет, и ветер крепчает, в головах и вокруг, повсюду, и луны полный шар сквозь тучи всех магнитит, кто тут спует; сквозь прибой протол- кались, вверх-вниз в азарте, удержали нос супротив наката, отва- лили от берега; и Томилин, спиной к волнам, налегает на весла с гиканьем, а Томила с кормы хохочет, пробивает хохотом ветер, подставляет брызгам лицо; одолели выемку в волнорезе, а за ним уже балл повыше; ну, давай, возвращай целехонько, коль силен басмачей громить на каникулах; и отдать Томилину должное, мо- жет веслами он орудовать, умудрился лодку поворотить меж вол- нами, не опрокинувшись; но волна на корму – не волна на нос, и Томилу попросту смыло, лодку хрястнуло о бетон, накренило, еще раз хрястнуло, и Томилина пенистый вал сволок, проволок да выволок захлебистым кубарем; но его-то по эту сторону, где потише, а она где-то там, по ту; Борька выбрался из прибои и ле- жит на песке рыдает, что теперь ему, мама, будет; жалко Радугу, не дала, а теперь и не даст уже, никому никогда не даст; как все быстро, и не воротишь; Фунтик сдох, да и Лампыч тоже; надо дра- ла давать отседова и лепить со всех ног себе прочность алиби, а постылая было жизнь снова кажется не постылой, а такой при- тягательной и уютной, только вот взбеги на обрыв и отнекайся от кошмара; и пока он так убивался да плевался песком и водой соленой, объявилась и Радуга, тут как тут, ну не дура же, чтоб то- нуть в пять баллов, и одна печаль с Бориса долой, и другая за нею, вроде бы, тоже – оклемался Лампыч, не помер хрыч, не отбросил коньков и не врезал дуба; только снова давай он права качать и грозить разбойникам карой скорой, и расскажет Борькиным он родителям, да в свисток свистеть, да клешней махать; и тогда опять прозвучало это из Томилиных уст, от Радуги: да приби его наконец, сколько можно, с него ж, Борь, станется жизнь теперь перепортить всем; весла в шторме далече пляшут, но зато каме- нюка тут под рукой, что валялась тут под кодолу и уже разок

пригодилась; и чего в самом деле? а ничего; шваркнул Лампыча наш прыгун каменюкой по бестолковке, тот опять – кибрык, не шевелится, вот никчемный же человецишко; ну, теперь давай, обещала же; так не справился ж, уговор был вернуть целехонь- кой; уж как вышло, сама все видела, да к тому ж и цела, погляди сама, да к тому ж вот зашибли Лампыча, разве ж это того не стоит? ну, пожалуй, согреться б только бы; благо в сумках шмотки спортивные, что посуше тех, что на теле; приоделись, переоделись; ну, давай уж, чего тянуть; ну, давай, герой, только быстро, а умеешь? иль не умеешь? или ты не умеешь медленно? только мимо сарказм Томилы, как горохом об Борькинский не- втерпеж; и едва прыгун залез на бегунью, появился наряд ночной погранцов и сграбастал наших отчаянных; тут и Лампыч опять воскрес, только вот говорить не может, все мычит и руками ма- шет, в драку лезет с кем-то невидимым; ну а Фунтик ожить не смог, помер Фунтик, рыдает Лампыч; а Томилина с Радугой на заставу, выяснять, какие они шпионы; а наряд, если кто заме- тил, он неполный, всего их двое, рядовой с сержантом, ну и с ов- чаркой, а старлея с ними не видно, потому что заставка тут в двух шагах, еще ближе, чем смерть в «Землянке», и случается команди- ру, мы же знаем, что так бывает, подтвердить, что служба не толь- ко пахота, но еще и порою рахат-лукум, особливо ежели пока мо- лод и к прекрасному полу не охладел, так на кой ляд, скажи на милость, всякий раз по песку выхаживать, по границе суши и моря со своим составом обученным, возглавлять постылые поиски тех в ночи, кого днем с огнем, сами справятся, не сала- ги же, ты ж урви от службы часок и сорви у резвого случая поце- луй молодой и свежий; так бывало, что рассуждали, и частенько им с рук сходило, лейтенанты на той заставе, ну а девушки туда бегали, может, даже хотели замуж, а солдат командира не выдаст, а овчарка его не съест; вот, застукали нарушителей и неспешно их конвоирует на заставу сержант с овчаркой, рядовой же мет- нулся, куда велели, и к заставе вышли в полном составе, и стар- лей, разумеется, был сердит и отвесил Томилину подзатыльник со словами «а мамка вам разрешает?!», и в сердцах к такой вот риторике приложил обидный матюк; офицер дежурный на той заставе, капитан Рудницкий, нюхнувший пороху, а сюда направлен

после ранения, хоть недавно, а сыт по горло похотливостью летних парочек, всем им негде и всем не терпится, попадаютсся то и дело, нарушают покой в ночи, вот и он был не рад застуканным, выясняй теперь, не шпионы ли, и конечно же, не шпионы, ну а ты выясняй, морочься, и с придурками, и с бумагами, установишь – не завербованы, и сдавай милиции на руки; вот такая рутина, могла б и нравиться, но не после же Гиндукуша; а еще капитан Рудницкий недоволен своим старлеем, снова этот неугомонный нарушал устав, изменял присяге, тискал где-то новую пассию, а не службу нес, как положено, будь на месте, не стал бы сюда тащить эту парочку, отчитал бы и отпустил, а при этом старлей ему нравится, просто пороху он не нюхал; вот его б к Рудницкому в его рейды южнее Кушки, враз бы вставилось разумение; устарела присказка офицерская: меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют; отчего же – теперь пожалуйста; а по ходу допроса задержанных выплывают, всплывают детали с нюансами, словно щепки разбитой лодки, и Рудницкий, вникая нехотя, наконец понимает, что перед ним изложение песенки про маркизу, где в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, но это в остальном; с перепугу Томилин верзёт не то, что ему бы надо бы в ситуации, а Томила его шугает, он шугается и верзёт; капитан его молча слушает, и от взгляда его с молчанием у Томила недержание; вот верзётся им чушь про Фунтика, тот, по Борьке, дух испустил на глазах у влюбленной парочки по причине хронической старости, с коей громкий собачий лай вник в прямое противоречие, несовместным явился с жизнью; тут и лодка с цепи срывается, шторм сорвал, оборвал замок, и уносится лодка в море в мрачном свете луны сквозь тучи, и болтается там по маслу на поверхности у полотен, ну а, может быть, их подделок, от Куинджи с Айвазяном*, нет, пардон, с Айвазяном, ну вы же поняли, на волнах, и болтает веслами в двух скрипучих ржавых уключинах, шторм грохочет, и скрип скрипит, и влюбленной парочке кажется, будто лодка сама гребет, потому как весла в ней так и прыгают, и подстать Голландцу Летучему без людей уносится вдаль; и какая-то несусветь от Бориса в допросе звучит про Лампыча, тот двухрядкой

* Архип Куинджи, «Ночь на Днепре», Иван Айвазовский (Ованнес Айвазян), «Девятый вал».

терзал печурку, в тесноте там бился огонь, а Евлампыч башкой об весла, об уключины от кручины вечной нетрезвости по причине вечной тоски по утраченной безвозвратно фронтовой и геройской юности; вот и сам себя Лампыч вырубил, приложился лобешником об уключину с боку на бок и с ног долой, а сон сторожа, забытье на посту его порождает в ночи разбой; вот прихлынул накатом шторм, тут как тут, и упер со станции лодку с веслами, и едва не сволок шторм в свои объятия и Томила с Радугой заодно в поцелуе сладком, те едва успели из лодки выскочить, от волны отбиться руково-ногово, октомановопедно**, ладно вымокли все насквозь, но зато живехоньки; испунулись, не помирать же; а по Борькиной околесице вдруг тут Лампыч к жизни воспрял и, напутавши все на свете, ну тревогу бить и в свисток свистеть, будто это Радуга с Борькой сдуру тырят лодку его дурацкую, а не шторм могучий, стихия грубая; и несется к ним Лампыч на всех парах, что вовек уже из него не выветрит, и пока бежал, налетел на пса и зашиб того насмерть, оборвав его лебедный лай, ну и сам в спотык, на кодолу рухнул, прямо кумполом с хрустом в черепе и зубами, значит, в песок; лишь затеялись Борька с Радугой его выходить да повыходить, как нагрянул наряд с овчаркой, отчего едва Лампыч не окочурился; а Томила тут гнет свое, что пришла туда не за этим, а с отцом пришла повидаться, ейный папенька, значит, Лампыч, он давно их с мамулькой кинул, вот соскучилась, вот пришла; вы его, капитан, спросите, протрезвел же, не даст соврать; Лампыч тут он, в бинтах, просто Щорс из песни, голова вот, смотри, обвязана, кровь, смотри вот, на рукаве, за тем след по траве в песне стелится, а от Лампыча перегар; навел резкость, признал Томилу, перестал мычать, вопит «доченька!», лобызаться к ней и слезу пускать, что копейка-жизнь и судьба-злодейка; а Томила отчество Севастьянович, а ты Глебу, случаем, не брательник? а чего ж не брательник, когда брательник Борька Глебу, вот мать честна! Глеб Томилин в прошлом апреле, перевал Шарог, рядом с Аль-Арчи, подорвался в рейде на mine, и Рудницкий его тащил на себе уже «грузом двести», вот такие, братец, делишки, вот такая, Боренька, чехарда;

** Окто... гр. *okto*, лат. *octo*) – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову *восемь*; *manus* – (лат.) *рука*; *pedis* – (лат.) *нога*.

а Томила, Лампычу отирая кровушку из-под красно-белых бинтов, то ли в шутку, то ли всерьез указывает Борьке, что, значит, врал он про героизма геройские на каникулах, потому что к прошлому лету брат его, понимай, в земле глубоко зарыт и уже не встанет; вот такая у Радуги вдруг дотошность, что Рудницкому челюсть вниз; ну а Борьке терять уже нечего, он стоит на своем, не промах, что еще на год раньше брал с собою Бориса Глеб в боевой отважный поход, и кого они там громили, то, ребята, большой секрет, потому что, козлу ж понятно, что по датам и по пиздатам, а дворец Амина еще не взят, и генсек с Устиновым и Громыкой в тот маразм еще не доверялись, и Бабрак им Кармаль еще впереди; и козлу, да, понятно, а прочим всем – как хотят; ну и что дежурному по заставе с таким поделать, как тут быть ему с этим братиком боевого друга погибшего и с такой вот братика пассией, дочкой лодочника Евлампича, как ему, капитану Рудницкому, развязать такой вот моток? не сдавать же теперь их, раз так, в милицию, что он скажет Глебу потом при встрече, когда б встреча ни предстояла, а он знает, что предстоит, как в глаза там ему посмотрит? чем ему оправдаться там, что смекнуть не смекнул, что Борька вот бесится, потому что не знает, как соответствовать в мирной жизни героизмам брата, что ума не приложит, чем испугать, что брат пал, а Борька живой живет; надо б этого огольца передать с рук на руки папе бы с мамой и сказать им, коль выйдет, слова про Глеба, что давно хотел, да все не пришлось, про их дружбу день изо дня под пулями; только папа с мамой их, Глеба с Борькой, на курорте в родной Карелии, вот младшой и пустился в бурное плавание; а вот сдам, динамовцы, вас в милицию, по головке вас не погладят, комендантский час на всем побережье, он один для всех, а не сбоку бантик; ну, короче, отсюда брысь всем, по домам, спортсмены, и с глаз долой, и давай, Евлампич, там не бузи, пса зашиб, схорони по-тихому, нету нянек тебе, ну а выпил литр, так не пей второй, всегда завтра есть, чтоб с утра добавить, ну а лодку смыло – нехорошо! щепки-весла назавтра поковыташи из прибоа, сложи до кучи, капитан Рудницкий придет проверит, а не то решим, что шпиона в лодке за бутылку к туркам ты переправил; и не шутим, граница тут, а не хрен с бугром, и тебе шутить не советуем; на такой манер капитан Рудницкий разметал

всех куда положено, разматал дурацкий клубок и навел порядок в своем хозяйстве, несгибаемый капитан, хлопнул спирта и размышляет, что за что же они боролись и куда же оно все катится; и старлея ждет нагоняй; а Томилин с Радугой с Лампычем закопали Фунтика под обрывом и в надгробие каменюку, что валялась тут под кодолу, вот, уже пригодилась трижды, и пустили над ним слезу; а Томила Томилину мозг выносит про никчемность Борьки и бытия и про то, что Лампыч ей никакой не папа, спутал все и чисто под мнением с пьяных глаз и от общего сотрясения, от луны или просто «белку» словил; вот никчемный же человечиска; а давай зашибем его, чтоб не мучился, всем же сделаем одолжение, разве ж это того не стоит? и лопатой тут же Томилин Лампыча по бинтам того хватать, тот кибрык на могилку Фунтика и опять не дышит, ну пустая ж его душонка; а Томилин с Радугой крадут лодку и выходят на веслах в шторм, оголтелые в своей удали, потому как штиль у них в отчихах, а вот буря им мать родная, и мотает их штормом заново по ту сторону, по ту сторону, и восторг у обоих выше всех волн; в этот раз воротились, хоть хрястнулись, и втащили полную воды лодку всем спортсменством своим на песок подальше; и восторг у них теперь выше туч, подлетает к Луне он и пляшет около; а в хибаре двухрядка вздохнула жалобно, и забился в печурке тесной огонь; и Евлампич рад Томилину с Радугой ну не меньше, чем новой жизни, и опять лобызаться к Томиле «доченька!», и опять душить Бориса в объятиях, а клешня у него, как у краба в манграх; придуши его, велит Радуга, сколько ж можно, ну в самом деле, нафига кому такой папенька, но на сей раз Борька в отказ, потому что Бог любит троицу, и четвертый раз убивать нельзя; долго спорят, не переспорила; просушили на печке шмотки, а Евлампич от счастья плачет, потому что родная нашлась кровинушка, и рыдает в тоске Евлампич, потому что Фунтик того; ну, бывай, Евлампич, и не хвораи; и восходят Томилин с Радугой на обрыв по скрипучим сходням, и бредут вверх по склону, чтоб выйти в город сквозь любимый свой стадион; и уже светает, а на заставе капитан Рудницкий, разливши спиртик по двум стаканам, несгибаемый капитан, уверяет старлея, что, коль вот так оно, коль вот так все и не иначе, коль в таких обалдуях нынче молодежь тут по миру шастает,

да и сам старлей недалече, то тогда вот увидишь, не за горами, а держава накроемся женским местом; и приводит Рудницкий слова поэта: «...тут все ссоры по мелочам; ходят люди в модной одежде, улыбаются сволочам; тут размыты границы между жизнью, смертью, добром и злом; дураки, хапуги, невежды прут в начальники напролом; а талантливые уныло в разговорах свой тра-тят пыл... неужели тут так и было, когда я туда уходил?»; так что надо старлею проситься в дело, а не то, а не то, а не то хана; а на склоне, на середине, тут теплее, и ветер стих, и просить не надо уже, уламывать, все само собой по наитию, по подобию мига краткого, мига краткого, но завязтого, что им выпал из узкой трещины между днем и ночью, между мирами, когда бесокаянный сдает дела, а другой их еще не принял, и Томилин уже на Радуге, та под ним, сарказм улетучился, и соитие длится долго по причинам неуставленным, да и черт с ними всеми, с причинами, результат же неоспорим; и Томила шепчет Томилину, что он лучше, чем с виду кажется, а тому еще сразу хочется, вот рас-свет бы не наступал; будет, мальчик, еще, не нюнся, а теперь, мальчишечка, хватит, по домам и баиньки, мой герой; ну, бывай, убивца, до встречи завтра.

Только завтра уже сегодня...

Расходились немногословно.

Время за полночь.

Сладких снов!

Хелена Андрейчикова

Полювання на сов

Коли я себе не люблю, – а таке інколи трапляється, як, здається, з кожною людиною, – я одразу починаю згадувати своїх бабусь. Я ними обома захоплювалась і досі захоплююсь. Тепер навіть більше. Різні вони були, як вогонь і лід, як черешня і шашлик, а я захоплююсь і сподіваюсь, що бодай трохи схожа на обох. Почну їх згадувати – та, дивись! – оце в мене від однієї бабусі, а це від іншої. А їм же теж від їхніх бабусь дісталось. Люди крізь століття несли цю послідовність нуклеотидів – через власні негаразди й радощі, через революції, сексуальні й не дуже, через репресії та розкуркулення (двічі поспіль одну й ту саму сім'ю: багатонадійливий показник інтелекту, це я сама собі пояснюю), через війни – холодні й не дуже, через вагітності – вдалі й ні, через Північ, через Південь, туди-сюди кілька разів – і зрештою доставили мені. Ну як я цю відчайдушну логістику смію не поважати?!

Прокручу в голові, переживу знову й знову деякі моменти вже своєї дитячої історії – і якось поволі знову починаю себе любити. Не те щоб аж надто ніжно, але вже майже щиро.

От, скажімо, за що я особливо вдячна своїй бабусі, рудоволосій Єлизаветі Петрівні, – так це за те, що називала мене панночкою й білоручкою. Нічого корисного не навчила – ані у кухні, ані у домі, ані в городі – хіба що великим і вказівним пальцями гидливо збирати колорадських жуків у літрову банку, кокетливо відводячи мізинець убік.

Рудоволосою бабусею її називати, щоправда, не варто, бо в мене всі бабусі рудоволосі. Власне, як і кожен член моєї родини – за винятком сина: той у батька, гарненький брюнет.

А от якби бабуса вчила мене працювати руками, то, може, й не писала б я цих рядків, і головне – не пліткувала би про неї, Господи, упокой її руду душу.

Кожного літа з червня по липень я жила в неї, у першої бабусі. Перша – бо мамина мама, а оскільки в нас у родині був неофіційний матріархат, то не ставте зайвих питань, чому перша. Друга – це свекруха, всім же зрозуміло.

Словом, як ви вже здогадалися, до городу мене не підпускали, хіба що під час нальоту згаданих жуків – й то, якщо я туди випадково забрідала. А так я переважно читала книжки, грала з молодшими сусідами в карти і терлася по кутках із ніжно-рудим кавалером на прізвище Туз. І це все – до п'яти років. Далі було ще цікавіше. Додався козел. Я про доміно.

Чому мене все життя оточують руді люди – ніяк не второпаю. І що характерно: навіть ті, що не руді, все одно руді, ще й як. От, скажімо, прізвище у сусідки праворуч від бабусі знаєте яке було?

Лисиця!

Насправді вона була Лис, але прогресивні мешканці вулиці Планетної вже тоді користувалися фемінітивами.

Якийсь світ рудих людей.

Бабуса була епіцентром вулиці. Гучна, активна, гостинна. Щовечора вони з дідом виносили на вулицю кухонний стіл, чотири лавки, колоду карт і пиріжки з абрикосовим варенням. Усі сусіди сходилися на вечірнього дурня – або дурепу. Мені дозволили грати з дорослими, лише коли мені виповнилося п'ять, до того – дивилась і вчилась. Якщо бабуса вигравала, вона реготала, щось наспівувала й частувала сусідів вином. Сама не пила. Бо план був – знову і знову всіх переграти. Якщо ж програвала, то «здається, дощ збирається» – і рішуче заносила в дім колоду, стіл, лавки й діда.

Якось чутка пішла вулицею, що Лис, чоловік тієї сусідки праворуч, закохався в сусідку ліворуч – тобто в мою бабусю. Дід, звісно, дізнався останнім – хтось таки наважився повідомити про інтригу, що гуляла вулицею. Тож от приходять він додому трохи напідпитку – для сміливості, – уже рішучий та зухвалий, і з порога, накупивши густі сиві брови, питає:

– Лізка, з Лисим крутиш?

Дід називав його Лисим, ніби підкреслюючи свою перевагу в природному доборі серед самців: волосся ж є тільки в нього, у діда, а Лис – безнадійно лисий.

Бабуса в цей момент їла дунайку. Це оселедець, якщо ви не в курсі, який щовесни приходить зграйками з моря в гирло Дунаю на нерест. Місце – якраз ідеальне: кормова база, погода, природа. Оселедець жиріє та стає просто казковим на смак. Особливо з величезними помідорами «мікадо» та свіжим, ще гарячим білим хлібом. Так бабуса завжди їла – і мене навчила. Власне, це єдине, що я вмю робити руками, – чистити оселедець.

На той відчайдушний момент вона вже з'їла половину, а отже, повний дзен ще не настав. Я сиділа поруч. Пам'ятаю, як сік із помідора тік у мене по руках до самих ліктів, я його злизувала, а бабуса пояснювала, чому так ніколи не варто робити при інших людях, – тільки з нею можна.

І тут бабуса, ветеранка війни й ветеранка праці, досі спокусилася жінка, почувши репліку діда, відволіклася від мене та дуже повільно, як обертається башта танка, повернула голову, перевела очі на нього – для прямого наведення. Сірі очі мовчки транлювали думку про недалекого чоловіка. Витерла руки об кухонний рушник, провела правою рукою по правій нозі, спустилась нижче – як це тоді робили попдіви у своїх кліпах. Вона цього не бачила, але інтуїтивно відчувала всю красу моменту. Потім не поспішаючи дійшла пальцями до щиколотки, далі – до стопи, зняла правий капець у квіточках і замахнулася на діда. Чарівне видовище. Пам'ятаю, як зараз.

– Щас о ібу! – вигукнула бабуса французькою. Фраза перекладається як «полювання на сов»*, я вже тоді знала.

Тут же зняла другий капець, підскочила зі стільця і кинулася навздогін дідові, який уже тікав. А далі ми з мамою, що застигла на порозі, насолоджувалися апофеозом матріархату: дід бігав колами по городу, намагаючись уникнути кари, а бабуса, боса, ганялася за ним, іноді легенько ляскаючи капцем по спині.

Ми так і не дізналися, було щось із Лисом чи ні. Ані перед дідом, ані перед нами бабусі й на думку не спадало звітувати.

* Chasse au hibou (фр.).

Оце все я й згадала сьогодні. Коли мені знову здалося, що я себе не люблю. І ще подумала: та скільки ж усього мені від неї дісталось! Так, може, й не найкраще. Нічого героїчного. Але дещо корисне. У карти граю як бог. Точніше, богиня. Важливість фемінітивів засвоїла з дитинства – не тому, що без них ніяк, а тому, що з ними веселіше. Треба кому колорадських зібрати – кличте. Оселедець почистити – завжди готова, друзі підтвердять. Стрільба очима – без проблем. У разі звинувачень без доказів – капцем по спині. Поки що не пробувала, лише уявляла. Але відчуваю в собі цю дезоксирибонуклеїнову міць.

Як же за це себе не любити?!

Уявляю, як за потреби біжу, боса, по городу, руде волосся майорить, капці в руках націлені на спину того, хто потривожив мій дзен. І при цьому кричу, що зараз буде те саме полювання на сов. Так, я й французькою можу. Завдяки бабусі. Гени є гени.

Евгений Деменок

Несколько слов о почерке

Мимолетные случайные встречи часто бывают самыми продуктивными, информационно насыщенными. Свою роль тут играет эффект неожиданности.

В середине ноября в почти пустом одесском Городском саду лицом к лицу столкнулись две весьма известные в городе девушки. Одна, высокая худая черноволосая, напоминала моделей Модильяни. Длинный, но красивый нос с горбинкой делал ее мечтой любого портретиста – образ схватывался моментально.

Другая, пониже, была уверенной в себе эффектной блондинкой, привыкшей ко всеобщему вниманию, но сохранившей трезвую голову, твердый взгляд и ту жизненно необходимую самоиронию, которая позволяет не превратиться в пародию на саму себя.

Одна писала стихи. Другая, наоборот, прозу.

От неожиданности обе ойкнули.

– Не ожидала встретить тебя тут.

– Я тоже. Иду, отстукиваю про себя ритм и ничего вокруг не замечаю.

– А я никак не могу придумать имя главной героини нового рассказа. Ну ладно. У тебя есть пятнадцать минут? Давно не виделись.

– Поболтать – это святое.

Скамейка возле скульптуры «Одесское время» была пустой и на удивление сухой. Бронзовые фигуры танцующих одесситов застыли в живописных позах. Механизм, вращавший скульптуру, сломали в первую же ночь, и одесское время остановилось.

Давние подруги перебрались парой дежурных фраз о погоде и перешли к обсуждению общих знакомых. Даже не знакомых – коллег по литературной студии, в которую обе давно уже заходили, раньше часто, а теперь все реже и реже. Времена меняются, а с ними привычки, пристрастия и даже места жительства.

Довольно скоро новости о студийцах были исчерпаны. Почти все остались в Одессе, кто-то сочинять забросил, кто-то, напротив, активно печатался. Несколько человек из города уехали – в Киев и даже дальше.

Загадкой оставался лишь один человек.

– А Диму ты в последний раз когда видела? – спросила прозаик.

– Прошлым летом на пляже. Получается, почти полтора года назад.

– Вот и я в конце лета. И ничего о нем с тех пор не слышала. Он тебе тогда что-то рассказывал?

– Совсем немного. Как всегда, был увлечен своим Олегом Соколовым. С восторгом объяснял, как именно выбирал Соколов по лунному календарю ночи, в которые рисовал. Рассказывал о том, что тот был уверен, что является реинкарнацией великого князя Олега Константиновича, погибшего в начале Первой мировой. Но больше всего Дима рассказывал о том, как продвинулся в графологии. Соколов ведь умел по почерку предсказывать будущее, причем не только друзьям и знакомым. Свое будущее он тоже определял по почерку. Даже год своей смерти предсказал. Вот и Дима хотел всему этому научиться.

Вот, наверное, и все. Потом он попросил присмотреть за его вещами и пошел купаться. Когда вернулся, быстро переоделся и ушел.

А тебе он что рассказывал?

– Я случайно встретила его у Литературного музея. Он был очень возбужден и страшно обрадовался, что можно кому-то выговориться. Говорил все о том же – о Соколове, о графологии. Сказал, что сделал потрясающее открытие: если точь-в-точь повторять почерк другого человека, начинаешь думать и чувствовать, как он. Нужно долго практиковаться, но потом это точно получается.

– А что он делал в музее?

– Сказал, что изучал рукописи своего любимого Олеши.

– Постой... Ты хочешь сказать, что он копировал его почерк?

– Наверное... Я тогда об этом как-то не подумала.

– Я завтра буду в музее. Спрошу у девочек – может быть, он им что-то рассказал.

Девушки обнялись и разошлись в разные стороны.

*

Тот ноябрь был сухим и теплым. Усыпанные желтыми и багровыми листьями дорожки и клумбы подаренного Феликсом Дерibasом городу сада манили любого проходящего или пробегающего мимо них по своим делам.

А вот декабрьская погода в Одессе обычно непредсказуема. Дождь и сильный ветер может смениться вдруг снегопадом. Но в том году и декабрь оказался на удивление сухим и теплым.

В совсем пустом одесском Городском саду лицом к лицу столкнулись две весьма известные в городе девушки.

От неожиданности обе ойкнули.

– Привет! Как дела? Ты все еще придумываешь имя главной героини? – спросила та, что писала стихи.

– Давно уже придумала. Сейчас мучаюсь с концовкой новой повести. Но постой... Что мы с тобой в прошлый раз обсуждали?

– Что-то интересное... Вспомнила! Я обещала расспросить музейных девочек о Диме.

– Точно. Расспросила?

– На следующий же день.

– И что?

– Какая-то мистика. Несколько месяцев он ходил в музейные фонды и часами копировал почерк Олеши.

– Ага. Я так и предполагала. Интересно, почему не снял копии и не практиковался дома.

– Наверное, через копии чужой характер не раскроешь.

– Пожалуй. А потом что?

– Потом он пропал. В музее не появлялся уже год. И в студии тоже не появлялся.

– Смешно. Он всерьез решил разгадать секрет гениальности?

– Ага! Стать вторым Олешей.

Обе прыснули со смеху.

– Ты, кстати, что-то новое у него читала? Что он вообще сейчас пишет?

– Понятия не имею. Леню искать, да и неинтересно.

*

Через день прозаик позвонила поэту. Голос ее был взволнованным.

– Ты читала?

– Последние два рассказа просто потрясающие.

– В том-то и дело! Я просто не могу в это поверить.

– Я тоже.

Обе замолчали.

Пауза затянулась.

– Ну хорошо, пока, до встречи, – сказала наконец прозаик.

*

В январе погода разгулялась, словно вспомнив о том, что зимой в Одессе обычно сыро, промозгло и иногда снежно.

Иногда очень снежно.

В один из таких дней, когда, как говорят, хороший хозяин собаку из дому не выгонит, а теплолюбивые одесситы предпочитают отсидеться дома, читая в соцсетях ужасы о заваленных снегом дорогах, у входа в Литературный музей лицом к лицу столкнулись две уже хорошо известные нам и совершенно промокшие девушки.

От неожиданности обе ойкнули.

– Ты, конечно же, тоже оказалась тут совершенно случайно? Просто шла мимо и решила заглянуть в любимый музей? – спросила поэт.

– Как ты угадала? – со смехом ответила прозаик.

– Ты тоже в отдел рукописей?

– И тут ты не ошиблась. Я в последнее время не на шутку полюбила Катаева. А что ты?

– Ты знаешь, а я вдруг поняла, что Багрицкий удивительно хорош.

Соня Капінус

Викапана мати

Розділ з роману «Сестри Куріадіс»

Це було прекрасно. Лідія нічого не вміла. Лідія нічого в цьому не тямала. Лідія навіть не могла розібратися, розплющувати їй очі чи тримати заплющеними. Мої руки гуляли між шовковою підкладкою її пальта та її теплою спиною в сукні. Мої пальці йшли по ямочках і горбиках хребців під цією сукнею та стискали м'які боки Лідії одразу під ребрами. Я їв губи Лідії від кутика її рота – углиб, до стуку зубів, як безпритульний їсть перше в житті морозиво, заковтуючи шматками. Лідія тримала руки в мене на шиї під моїм пальтом кольору верблюжої вовни і гладила мене по потилиці, як маленького. Пристрасть перших поцілунків звучала плямканням за столом, де вечеряють без батька, звучала язиком собаки, що нахилився над калюжею, звучала зітханнями й ахами, як від хусточки з хлороформом під час тихого пограбування. Пристрасть – це не музика на скрипці. Пристрасть – це звук, на який кривляться перехожі, а дорослі стежать, щоб діти дивилися в інший бік.

– Лідіє. Лідіє, моя Лідіє, – казав я, і вона цілувала мене короткими поцілунками по всьому обличчю. Я відчував ці губки. Я відчував цей носик. І пальчики в себе на потилиці. – Треба йти, інакше я спізнюся.

– Я не ляжу спати, доки в тебе не засвітиться в кімнаті, – казала Лідія, не прибираючи рук з моєї шиї.

– Лідіє, – сказав я, поцілував її в лоб, намацав ручки в себе на шиї й опустив їх. Лідія потерлася об мою щоку й увійшла у хвіртку. Я сховав руки в кишені й пішов до будинку з круглими

вікнами. У кишенях я тер подушечками пальців шовкову підкладку – і відчував шкіру Лідії на дотик.

Я вдихав батумське повітря, холодне й блискуче від вологи, і відчував аромат Лідії.

Лідія пахла квітами на спеці, колючим одеським степом, рудою глиною, сухими стеблами й маленькими равликами, що хрумтять під ногами. Я не розмовляв з Лідією. Я її забирав із собою, оберемком, з її косою, псами, метеликами та новим пальтом.

Я носив її з собою всюди. Ранковим Батумом у тумані й вогкості я ніс із собою Лідію на заняття з математики. Я цілував Лідію в шию, доки нервовий професор старої школи пояснював тридцятьом лобурям елементарні поняття й писав на дошці формули німецькою. Я шепотів Лідії дурниці на вушко, доки йшов денним Батумом під блідим сонцем додому обідати. У вечірньому Батумі з електричними лампочками я ніс Лідію в дім з круглими вікнами та думав про те, що її багато чого навчили б молоді люди влітку в Аркадії, якби старий Куріадіс не позбувся там своєї дачі за борги. Я думав і про те, що якби Лідія дещо вміла в цій справі, я б нудгував. Я не розповідав Лідії, хто я, і Лідія мене ні про що таке не питала. Лідія гладила мене по голові увечері біля хвіртки, а я думав про її коліна під сукнею, доки Сандро міняв попільнички й старий румун Марку тягнув свою бессарабську мелодію смичком.

У мене рябіло в очах від гри, і сльози текли від диму, коли старий румун Марку зачиняв за мною двері будинку з круглими вікнами. Я витирив сльози, спльовував дим і підіймав мою Лідію із запахом квітів на спеці на руки. Я ніс її додому нічним Батумом, щоб покласти її собі під подушку й проспати разом з нею до ранку, доки Лідія не прокинеться першою й не прийде до мене на сніданок.

У дворі було темно. На веранді з вітражними шибками було темно. У кімнатах хазяйки було темно. У небі йшли хмари й оповивали жмені зірок. «Не дочекалася», – подумав я. Виноград скинув листя, і воно не давало мені йти тихо. Я піднявся до себе, зняв пальто й засвітив. Двері Куріадісів рипнули.

– Дорогий сусіде, – сказав голос, сухий, як солома.

– Пане Куріадісе, – сказав я.

– Безсоння – хвороба кримінальників, закоханих і старих, – сказав старий Куріадіс пошепки. – Коліна, чортові коліна, нийуть і нийуть на погоду. Вам, як я бачу, теж не спиться. Вийшли пройтися?

Старий Куріадіс у домашньому халаті й смугастих гетрах спустився сходами й пішов до мене через двір. В одній руці старий ніс заварник Куріадісів з надколотим носиком, у другій – каганець зі слабеньким вогником.

– Ставте чайник, дорогий сусіде. У мене залишилася заварка з вечері, – сказав він перед моїми сходами, трясучи чайником.

«Оце так справи», – подумав я й пішов униз, щоб допомогти йому піднятися.

Старий Куріадіс видавав старечі звуки, сидячи на стільці Лідії. Старий Куріадіс оглянув мою кімнату почервонілими очима й погладив долонею скатертину. Я розлив чай і присунув до нього блюдце з хурмою та печивом у кунжуті.

– Таку хурму любить Лідія, – сказав старий Куріадіс.

Я присунув до нього цукорницю й пішов по ложку.

– Таку хурму любила мати Лідії, моя покійна дружина, – сказав старий Куріадіс і взяв собі ложку цукру з гіркою.

– Знаєте, дорогий сусіде, Лідія – викапана мати. Дві інші мої доньки зовсім не схожі на пані Куріадіс, а Лідія... Лідія – на одне лице. Та що там лице? Голос, характер – усе її. Буває, спросоння я почую, як вона каже: «Ксеніє», – або сміється на веранді, і не зрозумію, ані де я, ані скільки мені зараз років.

– Отже, ваша дружина була чудовою жінкою, пане Куріадісе, – сказав я й згадав, як ненавиджу чай з другої заварки та чайники з надколотим носиком.

– Ще й яка, – сказав старий Куріадіс, підливаючи собі в чашку й потираючи коліна. – Такі жінки приходять самі, ідуть самі, і це найкраща частина нашого життя. Знаєте, дорогий сусіде, моя дружина зістрибнула із Сабанєєвого мосту другого літа Великої війни. Поцілувала доньок і вийшла з дому у своїй найкращій сукні. Лідія обожнювала цю сукню. Просила пошити таку саму, але

де мені було взяти на це грошей? Записки мені вона не залишила. Кажуть, на мосту вона поспішала. Не стояла, не думала. Озирнулася, щоб нікому було затягнути її назад, перелізла через поруччя, розкрила руки, мов птаха, і стрибнула.

Я мовчав. Старий Куріадіс дивився на мене своїми очима, почервонілими від безсоння, і розмішував другу ложку цукру з гіркою.

– Вона потрапила під віз. Коні стали дибки, і візник дивом не вбився. Її впізнали. Окологородного послали на нашу адресу. До нього вийшла Дар'я. Він не сказав їй, у чому річ. Дар'я сказала шукати мене в конторі, але я тоді ховався від кредиторів і в конторі не з'являвся. Я казав їм, що їду працювати, а сам ходив містом без обіду, топтав опалу акацію й уникав зустрічати знайомих. Я дізнався про все тільки ввечері, коли повернувся додому. Окологородний м'явся в мене у дворі, зітхав і роздував щоки. «Ось і кінець, – подумав я тоді. – Зараз прийдуть заарештовувати майно». У бідних людей бідні страхи, дорогий сусіде, що й казати. Окологородний сказав мені: «Так і так, пане Куріадісе, ваша дружина, пане Куріадісе...» – і зажадав, щоб на впізнання я взяв одну з доньок про всяк випадок, якщо мені стане зле.

– Дар'ю? – запитав я.

– Дар'ю, – сказав старий Куріадіс. – Дар'ї було тоді двадцять років. Я просив, щоб вона не дивилася, але Дар'я сказала: «Тату, відійдіть», – і пішла дивитися. Там же вона попросила води й носовою хустинкою вмила обличчя своєї матері, й стерла кров з її розбитих губ. Нам не повинні були дозволяти подібне, але в Дар'ї вже тоді було щось таке, за що люди її не любили, але слухалися.

Удома Дар'я все зробила по-своєму. Дар'я сказала мені роздобути грошей, щоб поховати маму як годиться, на цвинтарі. Дар'я сказала Ксенії, що мама потрапила під візника, а Лідії – що мама відлетіла. Лідії було майже одинадцять, і Лідія повірила не одразу. Вона прийшла до мене заплакана і запитала: «Тату, вона справді відлетіла?». Я сидів на ліжку одягнений з Біблією в руках і велів їй у всьому слухатися Дар'ю. А вона все просила, моя пташечка, щоб це сказав я. І я сказав, дорогий сусіде.

На цвинтарі Лідія була в старій гімназійній формі Ксенії, іншої чорної сукні для неї не знайшлося. Вона постукала по зачиненій труні й сказала мені: «Тату, тільки ми самі знаємо, що труна порожня?». І я сказав їй: «Тільки ми, Лідіє. Ми повинні зберігати секрет, що мама стала птахою». «Так, тату», – сказала Лідія. Не знаю, у скільки років вона здогадалася. Ксенії Дар'я все розповіла на двадцятиліття.

– А тепер запитайте мене, чому вона зробила це, дорогий сусіде.

– Чому, пане Куріадісе? – запитав я.

– Тому що таким жінкам, як моя дружина, їм не можна жити погано, дорогий сусіде. Особливо жити погано довго. Розчарування робить таких жінок злими. Ніжні жінки, чуйні жінки з великим серцем у злості занадто рішучі. Я давно вже не дивуюся тому, що вона скинулася з мосту. Зрештою ішла війна, я був немолодий, мене допікали кредитори, і ми мусили обирати: або курси для Дар'ї, або гімназія для Ксенії, на Лідію зовсім нічого не залишилося... Жінок це косить куди більше за нас. Я дивуюся тому, чому такі жінки вічно обирають собі чоловіків, у яких життя піде під укіс, і ламають своє життя разом з ними, дорогий сусіде. Ламають зло й не зважають ні на кого. Навіть на доньок.

Звісно, їй було за що в мене закохатися. Вона була юною дівчиною, дочкою торговця горщиками Попандупало. Мені було повних тридцять дев'ять років, я був неодружений, і ви не повірите, дорогий сусіде, але і я носив гарні костюми, робив гроші з повітря й мав смак до задоволень. Та чи лише за те вона мене обрала? Чи за те взагалі нас обирають жінки, що в нас є зараз, – чи за те, що з нами буде потім?

– Гадки не маю, пане Куріадісе, – сказав я, – бо волю не думати про подібне.

– Отож-то. Отож-то, дорогий сусіде. Будьте обережні, дорогий сусіде. І будьте, заради бога, порядні. І не думайте, дорогий сусіде, що я занадто старий, щоб не помічати очевидного.

Старий Куріадіс допив свій чай, підвівся зі стільця й присунув до себе блюдце з хурмою. Він стиснув руду хурму своїми старечими пальцями з блідами нігтями. Хурма не піддалася.

– Не достигла. Буде терпкою. Ви б виставили на холод, щоб Лі-дія не засмутилася, – сказав старий Куріадіс, відклав хурму й потер почервонілі очі.

Я взяв блюдце з хурмою та виніс його на веранду.

– І не сердьтеся на мою відвертість, дорогий сусіде, безсоння й не таке з нами робить, – сказав старий Куріадіс і поправив смугасті гетри. Він забрав свій чайник, махнув мені рукою й пішов униз сходами.

Виктория Коритнянская

Крушение надежд

После массированного ночного ракетного удара по Одессе

23 июля 2023 г.

Вот уже пятую ночь сверчок-одессит не мог обрести свое счастье. И вот уже пять дней все думы и помыслы его были только о ней – крупной самке-сверчихе с длинным, словно копье, яйцекладом...

Сверчок жил в земляной норке под кустом лопуха в палисаднике одной из хрущевки на поселке Котовского. Утро его начиналось с рассветом. Он долго грелся в желтом луче солнца, набираясь тепла, затем неспешно грыз пожухлые горькие травы, потом шел к шелковице. Отыскав свежую ягоду, он с наслаждением пил ее сладкий сок.

После трапезы сверчок трудился. Убирал норку и крошечный пяточок земли перед ней, чтобы ни одна соринка или камешек не помешали его счастью, которое, был уверен сверчок, непременно случится с ним ночью...

Когда солнце зависало прямо над пыльным палисадником и жгло нестерпимо траву и лопух, сверчок прятался в норке. Там он долго мылся, начищал до блеска щетинки и укладывал ровно волоски на надкрыльях, затем – засыпал. А с первой ночной прохладой спешил к выходу и, устремив взгляд на пятно желтого света – сверчок думал, что это заболевшее солнце, но это была лампа уличного фонаря, – начинал петь.

– Цвирк. Цвирк, – вскидывал сверчок вверх дрожащие надкрылья, – Цвирк-цвирк, – шатался он, как пьяный, мучаясь и вожделея.

«Вот так... Еще раз... Сейчас услышит и прибежит!» – думал он. Как вдруг... Где-то высоко над ним начинало греметь, вспыхивало

ярко черное небо, дрожала земля, лаяли громко собаки и истошно выли машины. И сверчок замолкал, брел обиженно в норку. Как услышит она, если не слышно даже ему... И лежал до утра, будто мертвый... Чтобы с рассветом снова готовиться к ночи, думая, мучаясь и вождедая лишь о ней – крупной самке-сверчихе с длинным, словно копье, яйцекладом...

Ольга Лесовикова

Принцип домино, или Цепная реакция воспоминаний

Принцип домино гласит, что каждое изменение влечет за собой ряд других изменений по цепной реакции аналогично тому, как падают костяшки домино, выстроенные в ряд.

Нам нужно было навести порядок в сарае, перебрать залежи. По-библейски отделить зерна от плевел. Выбросить откровенный хлам, а нужное и ценное из серии «авось пригодится» аккуратно сложить на полки.

Что можно сказать про это занятие? Оно не слишком приятное – возиться в пыльном сарае, перебирать какие-то ржавые шурупы, трухлявые доски, непонятные жестянки-банки. Но вдруг среди залежей находится коробочка – и ты уже, как Амели, разглядываешь содержимое. Смываешь осторожно пыль времен и попадаешь в другую жизнь, когда эти камешки домино держала рука папы Толи. Видишь его озабоченность: потерялась костяшка. Сделать новую или найти замену? Нашел только белую, и она выделяется среди других камней.

– Интересно, тут все костяшки?

– Посчитай: четырежды семь – двадцать восемь. Должно быть двадцать восемь камней.

Выкладываю на стол по четыре семь рядов, смотрю на получившуюся многэтажку. Белая костяшка превращается в дверь. Вижу точки светящихся окон – и проявляется стиш.

фишки домино,
словно домик, но
точки-огоньки,
будто светлячки,
манят за собой
тайной цифровой.
их соединить
в игровую нить
ты решаешь сам,
ставишь тут и там,
ходишь «на базар».
игровой азарт.

стук костяшек по столу.
ну! давай!
эй, тише – тпрррр!
слышен топот, стук копыт,
кто «козёл» – подсчет решит.
сколько камешков в горсти,
посчитай и огласи.
«рыба» по столу плывет,
господин признанья ждет.
Доминò грасиес,
вот вам кость,
действие новое началось.

страсть к игре живет в крови,
разгорается в груди
и танцует на костях.
два к двум, шесть к шести –
ветка памяти, расти.
влево, вправо, вверх, вниз
фишки быстро разошлись.
game over – конец игры.
вниз рубашкой, замесить.
кто первый будет ходить?

Рандомная раскладка, цифры не совпадают, но если посчитать излучаемый свет от нуля до шести по количеству костей, получается сто шестьдесят восемь точек – точек соприкосновения с воспоминаниями. Возможно, стоит составить такой список:

1. Домино, подаренное папой. Оно цвета слоновой кости.
2. Два велосипеда, привезенные нам в подарок на корабле.
3. Игра «болванчик», сделанная папой Толей собственноручно.
4. Блюдо в виде ракушки, которое очень хотела.
5. Поездки на реку, складная лодка.

.....

Вещи на память возвращают теплоту ушедшего в другое измерение. Вещие вещи звучат своими голосами – может, поэтому люди любят музеи, старинные артефакты, чтобы нить времен не порвалась.

Це дає змогу глибоко пірнути та подосліджувати свої підземні ріки, погладити хмари внутрішнього неба.

Анна Михалевская

У нас в сердце маяк

Маяк

У нее в сердце маяк. И если на горизонте парус, и если плывет лодка, она может найти путь. Или потеряться вовсе. В зависимости от.

Спроси ее, откуда берется огонь, и она не скажет. Никто не скажет. Никто не знает.

Она пыталась зажечь сама. Просто чтобы не упасть. Не утонуть, не потеряться.

Но спички ни к черту. И дул ветер. И рвались провода с переменным и постоянным током. Постоянно рвались.

Она шла ко дну. Воздуха не осталось. И бороться не было смысла.

Ее спина уперлась в раковины мертвых моллюсков. Ее руки обвили водоросли. Ее глаза увидели то, чего нет.

И когда она насмотрелась, и когда она захлебнулась, на кончиках пальцев, в подушечках пальцев, которые всегда прикасаются первыми, зажглась искра.

За ней вспыхнули новые и даже сверхновые – где была ее боль, ее слезы, повороты не туда, резкие слова, потерянные дни. Все волчьи ямы и птичьи силки. Все стало искрами.

Огонь заструился по телу и добрался до сердца. И вышиб заклонку. Море светилось, как в августе, только совсем по-другому, и старые рыбы удивлялись своей чешуе.

Она выбралась на берег. Она высушила платье. Расчесала волосы. И хоть помнила, но совсем забыла, как лежала на дне. Только на безымянном пальце вместо ногтя выросла ракушка.

И сколько же еще ей придется спускаться на дно, чтоб маяк не погас? Смотрела на свои пальцы и не могла сосчитать...

У нее в сердце маяк. И если на горизонте парус. И если плывет лодка, она сможет вернуться домой.

Спасатели

Если смотреть на землю сверху, с такого верха, что ни огней, ни городов, то увидишь шляпы спасателей, плащи спасателей, стоптанные сапоги спасателей. Ты увидишь, я увижу. И мы узнаем.

Из-под сапог выкатываются дороги, бегут поверх хижин и высоток, концертных залов и клубов анонимных кого-то там, поверх притонов отчаявшихся и спальни подростка с плакатом героя дорамы на всю стену.

В конце каждой дороги – башня. Сто этажей, Ван Гог в вестибюле, консьерж задает вопросы. В одной квартире под самым небом, под самой крышей хранится вечное ожидание, измазанные в крови блузы, книги с закладками на пустой странице, пачка электронных писем, перевязанная забвением. В кладовке – заранее сколоченные кресты.

Спасатель сдвигает шляпу, спасатель ускоряет шаг, спасатель берется за рукоять. Кажется, для него есть работа.

Он не ждет лифт, он бежит по ступенькам, всего-то сто этажей, лазерный меч бряцает о сапог. Он врывается в квартиру, он выбрасывает блузы с балкона – белые птицы и красные клювы, он освобождает письма, он возвращает книге слова. Он делает все, как я хотела, и как ты. Спасатели, они такие.

Только про кресты всегда забывают. И те пылятся в кладовках. Во веки веков аминь.

А потом спасатель говорит: «Доверься мне». А потом берет за руку и усаживает на диван. И очень скоро потом: «Дорогая, наша вечная любовь так устроена, что конкретно сейчас мне надо бежать». Мелькают полы плаща, и только старый дракон, которого ты давно перестала слушать, и я давно перестала, хрипло кашляет вслед от бессилия.

И ты идешь, и я иду отпирать кладовку. Пора приносить жертву. Рядом никого – только ты и я. А дракона жаль. И ты выбираешь свой крест, а я свой.

Если смотреть на землю сверху, достаточно сотого этажа, увидишь плащи спасателей. И дороги, бесконечные дороги.

Но это не наши дороги, я знаю, и ты знаешь.

Мы снимаем друг друга с креста, мы отстирываем старые пятна, мы идем по коридору, и Ван Гог улыбается, и консьерж кричит: «Стой, ты куда?!».

Ветер такой свежий. Блузы парят в небе. И больше не надо ждать.

Моя душа, моя сестра, мы снова вместе.

Наиль Муратов

Девочка и гриб

Сказка для детей неопределенного возраста

Однажды маленькая Леночка отправилась в лес за грибами. Одна. Думаете, сразу заблудилась? Ничего подобного: в ее мобильном был включен GPS. Увидев на полянке красивый гриб с красной шляпкой в горошек, Леночка навела на него камеру и спросила у GPT, можно ли ей этот гриб съесть. Искусственный интеллект, знакомый со всеми новинками в области детской психологии, ответил уклончиво, что не советует.

– Почему? – спросила Леночка.

Искусственный интеллект вновь ответил обтекаемо, мол, за такое папа и мама могут и наказать... Хотя вряд ли успеют.

– Не успеют! – обрадовалась Леночка и откусила кусочек.

Прятавшийся под ближним кустом белый гриб скорбно снял коричневую шляпку. Сидевшая на ветке кукушка собралась было крикнуть тревожное «ку-ку», но вовремя удержалась. А вдруг бедная девочка решит, что у нее впереди еще год жизни?! Выбравший на поляну Волк разочарованно застыл на месте. Всё, несъедобная! Обед отменяется!

Но на столь грустной ноте сказку не завершить, ведь у нее должен быть счастливый конец. Так что скоро под звуки сирены на поляну выехала карета скорой помощи. Проезжала поблизости, везла в больницу замороженную печень для пересадки, тутто с ней Искусственный интеллект и связался. Санитары, долго не раздумывая, дали Леночке рвотное и начали ставить клизму, но в этот момент подъехала полиция, Искусственный интеллект и ее на всякий случай вызвал. Не от большого ума, конечно. Увидев двух мужиков, подозрительно склонившихся над маленькой

девочкой, оголенной ниже пояса, полицейские приняли их за педофилов и начали мутузить. К счастью, подъехали другие скорые помощи и коллег отбили, так что клизму они все-таки поставили и Леночку в больницу увезли.

Вот только бокса с печенью в машине уже не было.

Думаете, все на этом закончилась? Ничего подобного: история только начинается! На полянке появилась Красная Шапочка. Шла она, понятно, к Бабушке, но заметив гриб с надкушенной красной шляпкой в горошек, остановилась и вежливо поинтересовалась:

– Что, урод, под меня косишь?

– И правда, у тебя такая же шапочка, как у меня! – удивился гриб.

– Не-а, – ответила Красная Шапочка. – У меня стильная, а у тебя отстой. Сейчас в горошек никто не носит.

– Сама отстой! – огрызнулся гриб.

– Да кто бы говорил! У тебя под шляпкой даже головы нет, сразу ножка.

– Да, ножка, зато не такая кривая, как твои!

– Заткнись, инвалид, не то съем!

– Одна такая пыталась, скорая увезла. Я же ядовитый!

– И что с того?! Мне и так и так умирать: Волк стопудово Бабушку уже сожрал, теперь меня поджидает. А тут ему сюрприз: как проглотит, так и сдохнет вместе со мной.

– Слушай, я в ваши дела с Волком лезть не хочу, мне еще жить не надоело. Так что иди лесом!

– Да пошел ты сам куда подальше!

Красная Шапочка решительно откусила уцелевшую часть красной шляпки. В это время из лесу вышли Волк и Бабушка. Волк нес в зубах бокс с замороженной печенью.

– Ты почему еще живая? – спросила Красная Шапочка у Бабушки.

Вместо Бабушки ответил Волк:

– Да тут, понимаешь, накладка получилась. Сначала надо вот этот деликатес сожрать, пока не испортился. До завтра потерпеть можете? Завтра точно вас проглочу. Слово пацана!

– Не вопрос, потерпим! – сказала Бабушка.

– Фигу тебе, волчище! Я тут ядовитый гриб съела, до завтра не протяну, – злоратно сообщила Красная Шапочка.

– Что же делать?! – в один голос вскричали Бабушка и Волк.

– Не мои проблемы! Мне, вообще-то, надо сосредоточиться на вечном.

Но сосредоточиться не удалось. Раздался выстрел, и красная шапочка слетела с головы Красной Шапочки. Следующий выстрел едва не сбил кукушку с ветки.

– Охотник! Еще убьет слепоу! – воскликнул Волк и сиганул в лес. Бокс остался лежать на траве.

– Что, опять очки забыл?! – участливо спросила Бабушка.

– Склероз проклятый! Вы ж не забывайте, сколько мне лет! – ответил охотник.

– Твой склероз меня чуть не убил! – воскликнула Красная Шапочка. – Хотя какая теперь разница?

– Она вот от этого откусила! Долго не протянет, – пояснила Бабушка, указывая на гриб, вернее, на то, что от него осталось.

– А я предупреждал! – возмутился гриб.

– Да не беда, сейчас скорую вызову! – охотник начал шарить по карманам в поисках телефона.

Безрезультатно.

– Кажется, я телефон тоже забыл. Прости, Красная Шапочка!

– Бедная девочка! – заломила руки Бабушка. – И бедная я! Как же это страшно: пережить детей!

– Внуков, – поправила ее Красная Шапочка. – Внуков пережить легче.

– Возьмите мой телефон! – великодушно предложил гриб. – Вон в траве лежит. Мне его подарила девочка, которую я отравил.

– Видно, в знак благодарности! – съязвила Красная Шапочка. – Ах ты ворюга!

– Ворюга! – металлическим голосом подтвердил телефон.

– Так вы звонить будете? – раздраженно спросил гриб.

– Скорая сейчас и так вернется. Они тут печень потеряли, – сообщил телефон.

– А мы нашли! – обрадовалась Бабушка. – За это вознаграждение полагается?

– Ку-ку! – крикнула кукушка.

– Так я и думала! – вздохнула Бабушка.

На полянку внонь вьехала скорая. Санитары, завидев бокс с печенью, так обрадовались, что забрали Красную Шапочку в больницу без всякой медицинской страховки. Клизму, наученные горьким опытом, на месте делать не стали. А Бабушка с охотником и кукушкой отправились чай пить. Так что сказке конец, кто не уснул, тот молодец.

Информация в титрах:

«Во время написания этой истории автор, соблюдая этические и экологические нормы и будучи человеком от природы не злым, не уничтожил ни одно животное или растение.

Все права на экранизацию принадлежат кинокомпани «Дисней», надо только им это как-то сообщить. Кто-нибудь из вас знает английский?»

Генрі Лайон Олді

Автограф

Зал для презентацій йому сподобався: просторий і водночас затишний, без зайвої офіційності. Людей на сімдесят, а більше в наші часи й не збереш. Трохи нерівні ряди стільців, ніби їх спочатку вишикували під лінійку, а потім скомандували: «Вільно!». Книжкові шафи. Вазони з кактусами та алое на підвіконні. Плакати – реклама книг. Ні, не його, Миколи Гнатковського, – Маркеса та Ілларіона Павлюка. Ще не заслужив письменник Гнатковський персональних плакатів із написами «класик світової літератури» й «автор бестселерів».

Як виступати під тінню Маркеса?

Нормально виступати, не вперше. Раніше він хвилювався перед кожною презентацією, як юнак перед першим побаченням. За роки звук, хвилювання минуло – ну майже, – а відчуття свята залишилося. Скоріше навіть передсмак. Сьогодні це відчуття було особливо гострим. Можливо, тому, що травневе сонце нестримно рвалося всередину крізь широкі, на всю стіну, вікна, і під його променями іскрилося та спалахувало скло шаф, щедро розсипаючи по залі віяла відблисків і зграйки веселих сонячних зайчиків.

Нова книга. Два тижні як вийшла. Півтора року чекав! Видавець раз по раз переносив терміни. Половина друкарень лежить у руїнах після москальських обстрілів; друкарів бракує – хто загинув, хто на фронті, хто виїхав за кордон. У тих друкарнях, що залишилися, – черги на пів року вперед. Повинні були встигнути, так валом пішли підручники за держзамовленням. Вимкнення електрики, ще щось...

Модераторка Карина – симпатична шатенка в окулярах, піар-менеджерка видавництва – розставляла на журнальному столику його книги: новенький «Час вибору», попередні «Буде вам Рагна-рок!» і «Янгол за лівим плечем». Карина працювала без метушні, книги ставила обличчям до залу, а позаду кожної – акуратні стоси для продажу. Нова – два стоси, попередні – по одному.

Він прикинув диспозицію: сонце буде сліпити, але це не страшно. Зате для читачів і автор, і столик з книгами будуть ніби в промені софіта. Хоч милуйся, хоч фотографуй. Видавець начебто обіцяв відеооператора з камерою.

– Мікрофон потрібен? Чи ви як завжди?

– Як завжди. Зал невеликий, акустика нормальна.

– Сім хвилин до початку. Я скажу Ярославі Василюві, щоб запускала людей.

– Так, звісно.

Карина зникла за дверима. Хвилина, друга – й до зали почали надходити читачі. Людський потік був не надто повноводним, але половину місць зайняли швидко. Публіка зібралася строката: трійця старшокласників, компанія студенток захопленого вигляду, різноманітні дами; чоловіки за п'ятдесят і старші. Ті, хто молодші, зараз на фронті – або ховаються, щоб на фронт не відправили. Хоча ні, зайшли двоє бороданів – тридцятирічні з гаком. Один кульгає, другий на вигляд здоровий. Обидва в цивільному, але перший в армійських берцях забарвлення «койот», інший в «оливі».

Військові. Кульгавий після поранення; здоровий, мабуть, у відпустці.

У двері боком протиснувся неголений тип, схожий на безхатька. За ним – чепуриста старенька. Так могла б зараз виглядати його шкільна вчителька літератури, якби вона була жива. Слідом влетів розпатланий хлопець років двадцяти – така собі каланча! – зі смартфонами в обох руках. На обличчі метровими літерами написаний виклик: «Де тут письменників показують?!».

Цільова, отже, аудиторія. Це про неї гудуть у мережі колеги-літератори, намагаючись під неї підлаштуватися. Як звести всіх, хто прийшов, до спільного знаменника? Ніяк. І не дуже-то й хотілося. А де хейтери? Чогось їх не видно – хейтерів Гнатков-

ський навчився розпізнавати з першого погляду. Видно, відпочивають після минулого разу. У мережі всі сміливі, дотепні, говірки: ти й нездара, і плагіатор, і матчастини не знаєш, і наративи в тебе сумнівні... О, згадав: і папір у твоїх книгах поганий!

А наживо все складається інакше. Приємно згадати.

Гаразд, починаємо.

– Добрий день, пані та панове! Я, як ви вже здогадалися, Микола Гнатковський, за дивним збігом обставин – письменник...

Зустрічі він проводив сам, без ведучого. Видавець не заперечував, як і проти того, що його книги виходять в авторській редакції.

– Для початку я розповім вам про нову книгу, – він підняв над головою «Час вибору», – потім кілька слів про попередні, а потім перейдемо до запитань. Наприкінці буде автограф-сесія. Автографів я взяв із собою багато, не хвилюйтеся, на всіх вистачить!

Жарт не найсвіжіший. Але – ти диви! – усміхаються.

Це добре.

– Отже, «Час вибору». Книга про тут і зараз. Війна, тил, фронт. Волонтери та біженці. Солдати та цивільні. Не скажу, що це зовсім вже реалізм, бо я писав не тільки про живих. Який там реалізм, коли говорять мертві...

Біля дверей, притулившись плечем до стіни, стояв хлопець у формі ЗСУ. Здається, сержант. Єдиний у пікселі в усьому залі. Коли він встиг увійти, Гнатковський не помітив. Розвідник, не інакше! Чому стоїть, не сідає? Вільних місць вистачає. Не хоче пробиратися між рядами, відвертати людей від зустрічі? Соромиться сісти в перший ряд?

Чи йому так зручніше – стоячи?

Сторонні думки не заважали вести зустріч.

– ...тепер ставте питання!

Він знову поглянув на сержанта біля дверей. Той стояв, не змінюючи пози. На нього ніхто не звертав уваги.

– Ось ви пишете трилери, навіть жахи. Ще й про «тут і зараз». А зараз у нас війна, жажів і без вас вистачає. Може, краще вам писати про щось світле? Позитивне? У вас же гарне почуття гумору...

– Я пишу про те, що болить. Про те, про що мушу сказати. Попри війну, у моїх книгах немає безнадії. Хепі-енд, щоправда, теж трапляється нечасто, але є надія...

У залі загомоніли. З осудом чи зі схваленням – він так і не зрозумів.

– А що до жажів... Знаєте, зараз ходить такий мем: «Після новин фільм жажів подивитися, чи що, – нерви заспокоїти?». Сміх сміхом, але це так і працює.

«Не для всіх, щоправда», – хотів додати він. Не додав.

Усмішки в залі. Працюємо далі.

– Ваші герої – реальні люди? Чи вигадані?

– Мої герої – синтетичні особистості. У них є риси реальних людей: зовнішність, характер, улюблені слівця. Від когось – епізод із біографії. Але жоден із них не є копією реальної особистості навіть наполовину.

– Монстри Франкенштейна?

– Чудова метафора, дякую! Так, можна сказати й так. А оживляю їх я, Віктор Франкенштейн... тобто Микола Гнатковський! Оживляю себе самого частинками, які є в кожному моєму персонажі – від головного до епізодичного, від героя до лиходія. Ніякої іншої душі, крім своєї, в автора немає. От і вкладаєш її в персонажа – в кого більше, в кого менше. Інакше вони не оживають, залишаються пласким картоном.

– А як до вас прийшла ідея...

Сержант біля дверей не ворухився. Так годинами чекає в засідці снайпер, не видаючи себе жодним рухом. Ніби прочитавши думки Гнатковського, військовий змінив позу: перетік з одного положення в інше.

– Ваші творчі плани?

Це питання звучало на кожній зустрічі. Сигнал: люди втомилися, час завершувати. Він мигцем поглянув на годинник. П'ятнадцять хвилин до кінця, час на автографи. І Карина маякує: все, закінчуємо.

– Останнє запитання – і я готовий давати автографи.

– У ваших книгах часто зустрічається містика, надприродне.

А з вами самим щось подібне траплялося? У реальності?

– Реальність і надприродне погано уживаються. Це як дві сторони однієї монети: якщо бачиш одну сторону, не бачиш іншу. Дещо траплялося пару разів. Напевно, цьому є раціональне пояснення, але... Вибачте, подробиць не буде – це занадто особисте.

Все, друзі мої, всім величезна дяка! Хто бажає автограф – я до ваших послуг. Книги можна придбати у представника видавництва.

Помічниця Карини зайняла своє місце за столиком. До неї вишикувалася черга. Друга черга вишикувалася до Гнатковського – багато хто приніс книги з собою.

– Кому підписати?

«Олександру від автора на добру пам'ять». Підпис.

– Ось, будь ласка. Кому підписати?

– Мені!

– Чудово! Як вас звати?

– Світлана.

«Світлані від автора з найкращими побажаннями».

– Кому підписати? Миколі?

«Миколі від Миколи. Удачі!»

– Кому підписати?..

Черга практично вичерпалася, коли за вікном завила сирена.

– Увага! Повітряна тривога! Просимо всіх зберігати спокій та пройти в укриття...

Зазвичай під час тривоги він в укриття не спускався. Не набігаєшся, коли тривоги по десять разів на день! Подібний фаталізм – або пофігізм, якщо завгодно, – за роки війни сформувався у багатьох. Але зараз не той випадок. Адміністрація зобов'язана відправити всіх у бомбосховище, вони відповідають за людей, що прийшли.

– Просимо всіх пройти до бомбосховища. Воно під нашою будівлею, виходити на вулицю не потрібно...

У дверях він озирнувся. Майже всі вже вийшли, за ним слідували Карина, дядько, схожий на безхатька, чепуриста старенька... І сержант, який усю зустріч простояв біля дверей. Не поставив жодного запитання, за автографом не підійшов. Зате зараз у нього в руках була книга.

Точно, книга. Не розгледіти, яка.

Один сходовий майданчик, другий, третій. Важкі броньовані двері запрошувально відкриті. У сховищі під низькою стелею з бетонних плит горіли лампи денного світла. Не скажеш, що затишно, але чисто й місця вистачає. Кулер з водою та пачками картонних стаканчиків, уздовж стін розставлені пластикові стільці – всі

вже зайняті. Ага, он прохід до наступного приміщення. У Гнатковського нила спина: застоявся під час зустрічі, хотілося присісти.

У проході він знову озирнувся. Мовчазний сержант ішов за ним.

Наступне приміщення було вдвічі менше за попереднє. Він пройшов у дальній кут, з полегшенням опустився на стілець. Підійшов сержант, став перед Гнатковським, дивився на нього звернувшись вниз. Стало ніяково. Захотілося теж встати.

Він встав. Відповів поглядом.

Нагрудний «погон» з личками. Позивний: Хома. Років з тридцять, не більше. Правильний овал обличчя з несподівано м'якими рисами, їжак каштанового волосся, акуратна борідка. Обличчя як обличчя, хіба що бліде. Після поранення? Чи тут таке освітлення, й він сам виглядає не краще?

– Миколо Андрійовичу, мене просили взяти у вас автограф.

Ну так, автограф. Соромився підійти при всіх. Це взаємно: Гнатковський теж ніяковів у присутності військових. Вони ризикують життям, захищають таких, як він, а він у тилу книжки підписує...

– Так, звичайно! Для кого підписати?

– Для вашої мами.

Він ледь не вдарив сержанта. Дивом стримався.

Мама. Чотирнадцять років тому. Рак легенів. Згоріла за пів року. Снилася йому: не щонаочі, але часто. Уві сні вона була колишньою – живою, ще не старою, сповненою енергії та планів на майбутнє. Сон дарував полегшення: мама жива, лікарі помилилися з діагнозом, попереду довге життя, він подарує їй свою нову книгу; мама буде рада, вона так пишалася його першими публікаціями в журналах...

Потім він прокидався. Тихо, щоб не розбудити дружину, плакав у подушку.

Мама. Тут, у бомбосховищі. Ось вона – стоїть позаду сержанта, така, якою він її пам'ятав, не на лікарняному ліжку, а до того, як лікарі поставили страшний діагноз. Дивиться на нього. Мовчить, як і сержант. Він поривчасто зробив крок до неї, але сержант підняв долоню в застережному жесті – ні! – й Гнатковський немов наткнувся на стіну.

«Не можна. Тобі зарано».

– Автограф, – м'яко нагадав сержант.

І простягнув йому книгу.

Його першу книгу – «Там, за небокраєм». Він сподівався встигнути, порадувати маму... Не встиг. Авторські примірники прийшли через чотири дні після похорону.

Гнатковський дістав авторучку, розгорнув книгу на титульній сторінці. На мить замислився. Гарячково, ніби боячись знову запізнитися, почав писати.

«Мамо, я тебе люблю. Я не знаю, що ще сказати. Сподіваюся, побачимося. Де б ти не була, побачимося. Люблю тебе, пробач...»

Видихнув. Поставив підпис. Простягнув книгу сержанту.

– Дякую, – кивнув той.

І передав книгу мамі. Мама притиснула книгу до грудей, теж кивнула Миколі, відступила на крок, другий, третій. Зникла. Ні, не зникла – поступилася місцем.

– Можна ще один автограф? Для побратима.

– Костю, – хрипко вимовив Гнатковський. – Костю, як же так...

– Позивний Рекс, – уточнив сержант.

– Давайте книгу.

Третя авторська, «Сьоме коло», видана десять років тому. Костя «Рекс» Гузій, гітарист у групі «Крила янгола», для якої Микола свого часу писав тексти пісень. Тоді Кості книги не дісталася – авторські примірники закінчилися, з продажу все вимели, а з друком накладу видавець тягнув і тягнув. Група розпалася, вони з Костою втратили один одного з поля зору...

Молодший сержант НГУ Костянтин «Рекс» Гузій загинув під мінометним обстрілом три роки тому. Поранення, несумісні з життям.

«Вибач, Рексе, що не був з вами. Побачимося. Честь!»

Сержант передав книгу Кості. Той підвів погляд – і раптом підморгнув Гнатковському. Ти, брате, не поспішай, сюди завжди встигнеш...

– І ще, якщо можна...

– Давайте.

– Оксана Смерічко, позивний...

– Позивний Смерека, батальйон «Госпітальєри».

Руде сонечко в хмарі пухнастих дредів. Розсип веснянок, завзятий блиск зелених очей. Усмішка в будь-яку, що називається,

погоду. Однокласниця сина, в гості заходила. Евакуація «трьохсотого». Кацапський дрон. Півтора року тому.

«Смереко, сонце наше! Світи, будь ласка. Побачимося».

– І ще, прошу вас. Це останній.

За спиною сержанта нікого не було.

– Кому?

– Мені. Сержант Ігор Хоменко, позивний Хома. Я був на вашій зустрічі два роки тому у Львові. Мені тоді відпустку дали.

– Я пам'ятаю.

Він справді згадав.

Сержант простягав йому книгу, але Гнатковський не поспішав її брати. Хома був єдиним, хто з ним розмовляв. Мама, Костя, Оксана мовчали.

– Ви не такий, як вони.

– Певною мірою, – Хома опустив погляд.

– Ви посередник?

– Яка різниця? Я не знаю, як це називається.

– Ви ще живі, так?

Сержант не відповів.

– Я не дам вам автограф.

Мовчали довго.

– Болить, – пробурмотів сержант ледь чути. – Дуже болить, не можу більше. Побратими чекають. Підпишіть!

У горлі застряг клубок.

– Ні. Вам зарано. Не підпишу.

Сержант зітхнув:

– Ваше право. Мені час.

Він розвернувся й попрямував до темного тунелю, що зникав у глибині катакомб. Крок, другий, третій – і він розчинився в темряві.

Хвилину чи більше Гнатковський дивився йому вслід. А потім відчайдушно закліпав очима й захитав головою, наче відганяючи марення.

– З ким це ви розмовляли? У вас гарнітура, так?

Хто це? Брюнетка з адміністрації. Звідки вона взялася?

– Куди веде цей прохід?! – замість відповіді закричав Гнатковський.

Брюнетка відсахнулася. «Псих!» – чітко читалося в її погляді.

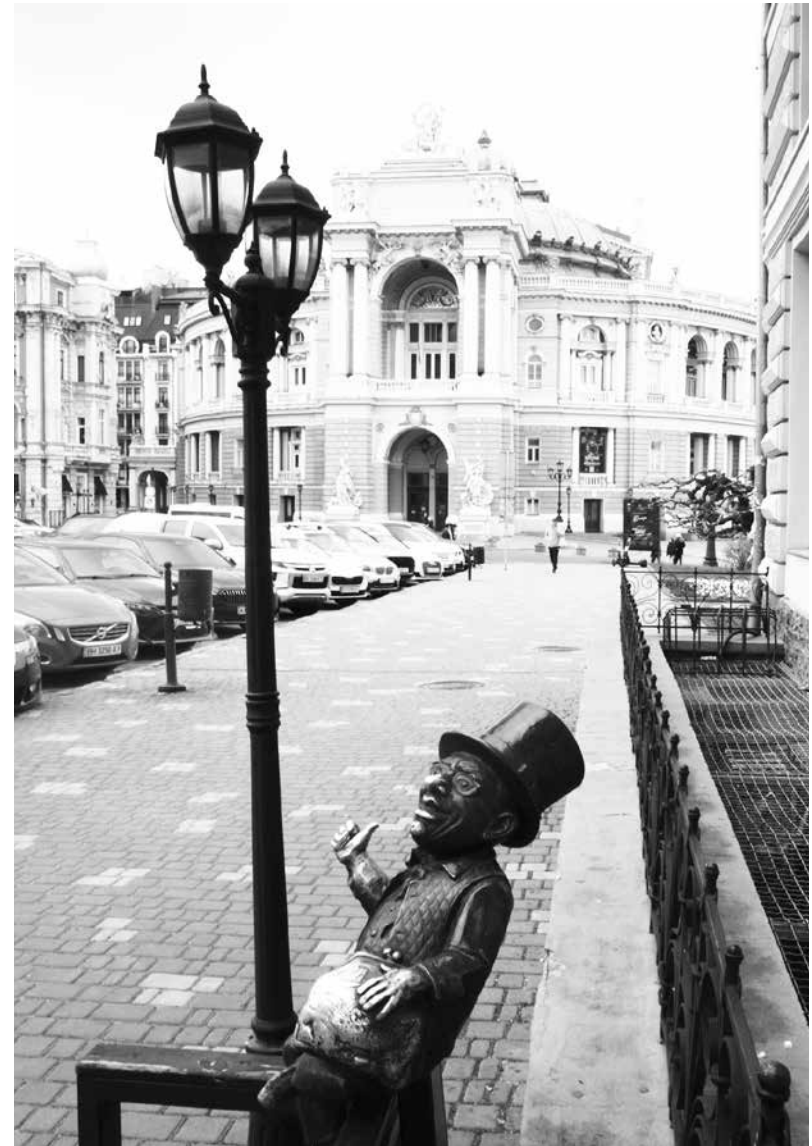

Фото Степана Алеяна

- В інше бомбосховище. У сусідній будівлі госпіталь, у них теж...
- Госпіталь?! Там лежать поранені?!
- А хто ж іще?
- Дякую!!!

Давно він так не бігав. У кінці тунелю маячило світло – геть, чортова алюзія! – і Гнатковський біг до цього світла, мчав щодуху, летів наче на крилах – група «Крила янгола», ти пам'ятаєш? – як метелик на вогонь свічки, геть усі алюзії, йому просто потрібно...

З розгону, задихаючись, вискочив у яскраве світло ртутних ламп, що різало очі. Ледь не налетів на санітарів, які тягли ноші з пораненим. Нагорі завивала сирена відбою тривоги, пацієнтів зі сховища повертали нагору, у будівлю.

– Хоменко! – заволав Гнатковський на санітарів. – Сержант Ігор Хоменко, позивний Хома! В якій він палаті?!

– Другий поверх, палата номер три. Відділення інтенсивної терапії... Стій, туди не можна!

Він вихором злетів сходами, обганяючи пацієнтів, що могли ходити, і медсестер, дивом ухиляючись від тих, хто спускався назустріч. Другий поверх, інтенсивна терапія...

- Сюди не можна!
- Я знаю, що не можна! Сержант Ігор Хоменко тут?!
- Припустімо.

Огрядний лікар у білому халаті був монументальний, наче ожилий холодильник. Він непохитно перегороджував шлях.

- Як він?! Мені треба знати, як він!
- А ви йому, дозвольте запитати, хто?
- Улюблений письменник!
- Хто?!
- Письменник! Я йому автограф обіцяв!
- Який ще автограф?
- На книжці!

Зараз викличе санітарів, з відчаєм переконався Гнатковський.

- Книжка? – раптом зацікавився холодильник. – Яка саме?
- Микола Гнатковський, «Час вибору».
- Гнатковський – це ви?
- Це я! Можу паспорт показати!
- Покажіть.

Гнатковський дістав із кишені паспорт – від дня оголошення воєнного стану він завжди носив його з собою – і простягнув лікарю. Той прискіпливо вивчив документ, звірив фотографію з оригіналом і повернув паспорт Гнатковському.

– Так, це ви. Ваша книга була у нього в особистих речах, коли його доставили. Не «Час вибору», інша. Я її почитати взяв, – збентежено зізнався холодильник. – Я поверну! Тільки часу немає на читання. Знаєте, яка у нас запара...

- Що з ним?
- Живий ваш читач. Я щойно від нього.
- Ну?!
- У нього був криз.
- Коли?!
- П'ять хвилин тому минув.
- Минув?! Криз минув?!

– Не без нашої допомоги, – підморгнув Миколі лікар, і раптом став страшенно симпатичним. – Стабільно важкий, але для життя небезпеки немає. Тільки до нього все одно не можна.

- Я розумію. Дякую! Величезна вам подяка!
- Принести вам книгу? Ви її для нього підпишете, а я передам, коли він прийде до тями.

- Не треба. Ось прийде до тями, я з ним побачуся – і підпишу!
- Як скажете. Дайте мені ваш номер телефону. Я зателефоную, коли дозволять відвідування.

- Так, звісно! Дякую, лікарю!

– А мені автограф дасте? – лікар примружився. – Книги у мене, щоправда, немає. Розпишетеся на бланку? Я потім книгу куплю та вклею.

- Кому писати? – діловито запитав Гнатковський. Це він умів. Зараз це було можна. Потрібно.

Олена Палашек

Вони служили разом

Медуза

Влітку мене не стало. Осколок фугасного снаряда у хребті... параліч.

А як спритно за дівчатами бігав!

А нині забув, як асфальт пече підошви.

Взагалі-то, нащо мене, каліку клятого, на море везти? Задуха скрізь дістане.

* * *

Пляж. Сонце старанно цілує мої ноги. Навіщо? Щоб ті поцілунки пухирями бралися? Боляче ж не буде. Немає того, чого не відчуваєш.

– Море тепле! – кричать поруч.

– А мені яке діло? – сичу я.

А побратим, падло, несе до води. І ось уже бовтаюся на хвилях, наче галушка в окропі.

І раптом – біль.

Медуза.

Мій звирячий крик перекриває сирену:

– Я ще є-є...

Бабине літо

Нюрка ще ого-го, лише руки вузлуваті, та як рота відкриє – хоч святих виноси:

– Срака-мотика! Чоловік на війну зібрався. Дурень набитий! Йому в кукурудзу без шапки не можна. А ще тракторист.

Проводжали добровольця всім селом. Поважна староста сама відкорковувала пляшки:

– Отаке воно бабине літо! Приймай, Нюро, на груди... і трактор, і сто грамів!

Напилися баби гірше за чоловіків і трактор так і не змогли завести. А тут поруч... дрон землю пропахав.

– Грьобана війна! – вила Нюрка. – Нічого, мій тракторист їм покаже кузькіну матір! Дурень дурнем, а таки правий...

А коли прийшла похоронка, вдова завела трактор з першого разу.

Казка про вареники

У підвалі сусідів сиро, затхло. Зате надійно. Повсюди сміття, банки з огірками, павутиння. Зате безпечно.

Там ховалися діти – від обстрілів, від волонтерів. Сестра з братом боялися, що їх вивезуть із сірої зони. Якщо рідні повернуться, то шукатимуть саме тут. Батьки зникли, коли росіяни зрівняли їхній дім із землею.

Чубатий Данилко прицмокував уві сні, підтягнувши до живота гострі коліна. Прокинувшись, він запитав:

– А що ми їли до війни?

– Вареники, – по-дорослому зітхнула Емма, заплітаючи косу. – Вони самі стрибали в сметану, там купалися й плигали нам до рота.

Зверху бахнуло – бетонна плита вкрила дітей, наче важка ковдра.

Не плач, Смайлику

Вони служили разом на Покровському напрямку, а закохалися... у шпиталі.

Втративши око, Смайлик до позивного додав: «підморгує». А пошрамована осколками дівчина стала Почварою. Обидва ху-денькі, чорненькі та кирпаті – красунчики.

* * *

На старому дивані в занедбаній квартирі закохані любилися так, ніби хотіли видерти у війни своє щастя.

А потім він пішов покурити. На дитячому майданчику вітер заганяв сміття під пісочницю. Смайлик затягнувся, закашлявся.

– Як тихо... Аж лячно.

Наступної миті ракета прошила багатоповерхівку. На останньо-му поверсі, на місці його квартири, стирчало почервоніле небо.

– Ні-і! – завив юнак.

Двері під'їзду розпахнулися... вибігла Почварочка.

– Жива! – Смайлик заплакав вперше за війну.

Фігаро в окопі

Стрілянина не вщухала. Хтось із хлопців крикнув:

– Збацай їм уже!

Гена відкрив притрушений землею чохол. Дістав скрипку. Тон-кі пальці були збиті в криваві кісточки.

– Оперу-буфа занесло в окоп, – прошепотів скрипаль сірими від пилу губами та загравав увертюру із «Севільського цирюльника».

Ворог раптом замовк, наче Россіні оголосив перемир'я.

Щойно прозвучало фінальне крещендо, окупанти знову від-крили вогонь. Постріли підхопили шалений ритм увертюри.

Гена притулився спиною до глиняної стіни:

– У кого на цей раз цілите? В Бандеру чи в Бандероса?

Він знову взяв скрипку – вже як автомат. Прицілився. Заспівав:

– Ах, браво, Фігаро! Браво, бравісимо за передих...

Поезія

192 Юрий Михайлик
Ночь не спросит, утро не ответит

199 Валерий Базаров, Віталія Бабушак, Ігор Геращенко,
Никита Герус, Майя Димерли, Жанна Жарова,
Вера Зубарева, Влада Ільїнська, Інна Іщук,
Інна Квасівка, Владислав Китик, Ольга Лісовикова,
Александр Мардань, Юлія Мельник,
Татьяна Партина, Юля Пикалова, Ігорь Потоцкий,
Валерий Сухарев, Евгений Ушан, Людмила Шарга,
Кларисса Ярошевич

220 Поезія ушедших

Семен Абрамович, Галина Маркелова,
Елена Миленти, Ігорь Павлов, Ілья Рейдерман,
Ефим Ярошевский

Юрий Михайлик

Ночь не спросит, утро не ответит

* * *

Из тех, кто помнил мой город, остался лишь я один,
а было людей в моем городе, словно в банке сардин,
теперь они где попало – в раю и в чужом краю.
Наверное, плавают в масле. И я черт-те где стою.
Будущее на лысынах предписано дуракам –
посредине пустыня, заросли по бокам.
Дымный ветер гуляет в чахлах пучках седин.
Из тех, кто помнил мой город, остался один.
Никто не знает, что строит, тем паче граф Воронцов,
воткнувший в татарский берег тьму пионерских дворцов,
где будущие поэтессы, хитрюги себе на уме,
нетерпеливых поэтов отталкивают во тьме.
Купеческое барокко, левантийская грязь и спесь,
но каолин и сера – это опасная смесь.
И берег сползает в воду с хрустом арктических льдин.
Из тех, кто помнил мой город, остался лишь я один.
Его больше нет над морем, он сгинул вместе со мной,
а когда-то в его колоннадах качался июльский зной,
и все дрожало и плыло, предсказывая пейзаж,
где сам ты лишь очертанье, жажда, жара, мираж...
Отсутствующий виновен. Отрезанное болит.
Прошное в настоящее врезается, как болид,
и тогда сдвигаются плиты, и в дыру посреди миров
летят бульвары и скверы, фонтаны бедных дворов.
Паутиной прибрежных тропок, колеблемой зыбью мостов,
мой всплывающий город прошепчет мне – будь готов.

Давно готов, – я отвечу на тихий призыв его.
Из тех, кто помнил мой город, больше нет никого.

* * *

Вы, конечно, правы, Андрюша, – второй крестовый поход,
в сущности, был обречен еще до его начала.
Дело вовсе не в тупости возглавлявших его господ
и не в том, что стратегия или тактика подкачала.
Все куда серьезней. Когда вы ведете взгляд
по рядам готовых сражаться за освобождение Гроба Господня,
вы должны выбирать себе хороших солдат.
То есть именно тех, кого ждет преисподня.
Тех, кто, глядя на крест, узнает рукоять меча,
кто в бою не срежет с убитого ни золотых, ни медных
побрякушек, лишь краем глаза их отличает,
чтоб не сдохнуть на месте среди полчищ жадных и бедных.
Тех, кто лепит на рану смесь плесени и земли,
кто милосердно втыкает нож в горло побратимам неисцелимым,
а уж если покажется, наконец-то, город вдали,
чем бы он трижды ни был – он будет Иерусалимом.
Крестовый поход праведников закончится в первом бою,
даже если их, праведных, удалось бы собрать для похода,
даже если их убедили бы оставить семью,
даже если их оторвали бы от любимого огорода...
Что с них, Господи, толку? Какой от них, к дьяволу, прок?
Разве что вклад в развитие медицины.
Так что если уж нужно вести солдат на восток,
отбирать следует тех, от кого побегут сарацины.
И тогда выясняется, что не получится ни черта
даже с самым лучшим войском. Ничего, кроме сущего вздора.
Какой же Господь допустит, чтобы святые места
освобождали убийцы, насильники и мародеры?
Невозможность, Андрюша, добру оставаться добром,
заставляет надеяться, что зло еще превратится в благо,
что когда утихнут пожар, бесчинство, погром,
из них образуются мужество, благородство, отвага.

Все придут на молебен. Черные губы солдат
будут двигаться в лад с молитвенным ритмом – таков обычай.
Что ж это был за город?.. Молебен, затем парад,
а уж после парада справедливый дележ добычи.

* * *

Ливни и грозы соответствуют мартовским идам
(если гонять родной календарь по чужим орбитам),
что объясняется близостью Антарктиды
к этим краям, позаброшенным и позабытым.
Ибо, достигнув известных пределов, айсберги тают,
гибельны теплые воды белым громадам.
Айсберги тают, и испаряются, и улетают,
и через тысячу верст выпадают градом.
Мятые крыши автомобилей заморской марки,
сбитые наземь телеантенны и апельсины.
Так испаряешься и погибаешь в марте,
в мокрой траве – холодный, маленький, синий.
Айсбергам трудно в начале марта, как и тиранам,
не заходить далеко за пределы боли.
Мы не Титаники, нам не идти тараном
в южных морях, а уж в северных и тем боле.

* * *

Мы убыли, мы выбыли –
какая благодать!
Ни убыли, ни прибыли
уже не угадать.

Мы ухнули как с горочки
в отвал, в провал, во тьму,
и терочки-разборочки
нам ваши ни к чему.

В другие полушария
мы вышли из игры
в коллекции, в гербарии,
на кончике иглы.

По низкой траектории
мы вышли из пике
в неведомой истории
на странном языке.

И лишь одно созвездие
из памяти живой
как позднее возмездие
висит над головой.

* * *

Ночь не спросит, утро не ответит.
Ветер провожал нас – ветер встретит.
Жемчуг мелок, да и супчик редок.
Улыбнись подруге напоследок.

Улыбнись подруге, ей досталась
кочевая поздняя усталость,
с моря тянет ветром незнакомым,
ветер пахнет дымом, а не домом.

В две руки – природа и свобода –
мастерски стасована колода.
Там в колоде обещаний много,
а сбылась лишь дальняя дорога.

Поклонись дороге – ты свободен.
Нет на свете ни одной из родин.
А уж от чужбины до чужбины –
что тебе и пальмы, и рябины?

Валерий Базаров

Ностальгическое

Приснилось: мы у моря. Плеск волны –
Гекзаметром, размеренным и строгим.
Пусть не приносят волны тишины,
Зато уносят беды и тревоги.

Привычный гам – и чаек, и толпы,
Песка горячего ласкающее ложе,
И солнца обжигающая пыль
Загаром раззолачивает кожу.

В зажмуренных глазах – калейдоскоп,
И радугою капли на ресницах...
Ладонью влажной охлади мой лоб,
Чтоб море мне не перестало сниться.

Воспоминание

...последняя с морем потеряна связь...

Анна Ахматова

В ленивом полусне после полуденных бесед
К прошедшим дням я не искал возврата –
Я там давно персоною non grata,
И даже той тропы давно занесен след...
Но узелок гамачного каната,
Мне спину потревожив, воскресил
Вдруг ощущений память – вот удача...
Ту солнечную дачу, где я жил
И где ни в чем не ведал незначности –
Ни в море, ни в игре, ни в дружбе, ни в любви –

Лишь лихорадка вечная в крови.
Мы прыгали со скалок с эхом гулким,
Влюблялись, жгли костры, сходились стенка к стенке,
Не в свой, в соседний, нагло лезли сад...
Не знали мы, что рядом в переулке
Девчонка по фамилии Горенко
Росла три поколения назад.

Ошиблась Анна. Не забыло море,
Как сохла девичья соленая коса...
Стихи, как жемчуг, у нее росли из сора –
Нам доставалась вся его краса.

Желтеют травы

Желтеют травы хмурой осенью,
Заснув под проповедь дождя,
И седина, начавшись с проседи,
Не просит зиму подождать.

А сны бегут, пестрея свитою,
Во сне лишь мыслимых начал,
И ты навстречу в тонком свитере,
И расшалившийся причал.

Над бухтой чаек свист и жалобы,
Нам недоступен шик кают –
Мы гордо выбираем палубный
Вполне пентхаусный уют.

И вновь звезда горит над городом,
Песка в ладони теплой горсть.
Все снится море нам и молодость,
Где что хотелось, то могло.

Віталія Бабушак

Роса на траві

Коли ступаєш тільки в снах
На рідний ґрунт свого дитинства,
Коли всі мрії, наче птах,
І всі засади доброчинства
Випурхують ще з теплих рук,
Залишивши сухі здогадки,
І кожне слово, погляд, рух –
Минулого потерті складки,
Коли розсипався горох
Солодкого легкого сміху –
І загубився... і засох,
І не несе ніщо вже втіху...
Згадай, що й це колись мине
І відцвіте, як буйні вишні,
Безодня все колись ковтне,
І в себе прийме всіх Всевишній.
Росою пам'яті в траві
Підем, лишивши лиш потьоки,
Щоб ті, хто будуть ще живі,
Нас не забули через роки.

Двоє закоханих

Поглянь... Підніс люстерко і усміхнувся.
Іній, густий та синій, усівсь на дівочії вії.
Ступив до неї, аж раптом і сам незчувся,
Як погляд упав на губи, єство все чекало дії.
З дахів курилось, там тепло і пахне хлібом,
Та все, що він бачив, – губи, що пахли гледом,
Червоні руки, від холоду тріскала шкіра...

Та все, що він бачив, – Джульєтту
із п'єс Шекспіра.
Зараз одним повітрям дихають їх легені,
Зараз одна любов тече до серця крізь вени.
Може, з часом вона скінчиться, як пляшка кòли,
А може, вона не скінчиться у них ніколи.
З неба летіли сніжинки, падали на волосся,
Він так багато загадував, хотів, щоб усе збулося.
Вона дивилась на нього, неначе у ньому всесвіт,
Двоє закоханих впевнено йшли у безвість.
Іній, густий та синій, спадав на безлисті віти,
А їм здавалось: там зацвітають квіти.

Ігор Геращенко

Стьоби від вуйка Стьопи

Монолог тестя

Іронія-імпровізація

Тема: «Досвід – наставник дурнів»

Г.С. Сковорода

«Подалі
від теоретичних
дискусій –
цього онанізму думок!
Теорія – шльондра летюча,
язиката бестія лінивців!..

Старожитність
не знала
теорій!

На дріжджах достатку розпухли вони...

Навіщо ж людині чуття?
Ніж сто раз почути й побачить,
найкраще –
 один раз помацать...

Нічого, що пальці потрощить, –
в людини є друга рука,
і друга нога,
 і два ока,
мільярди
 нервових
 клітин,
крім того, життя все попереду...

Нічого, що шкіра від сонця
у мене вже тричі злізає, –
а я загораю!..

Нічого, що я лікувався вже тричі
від в'їдливих звичок, –
а пити не кину!

Навіщо?!
Все треба на власному досвіді
знати людині!
щоб дітям й онукам –
 якщо доживу –
про життя розказати,
і шрами –
 в душі і на тілі –
проілюструвати!
Свій досвід –
 з проваленим носом –
усім передати!..

Щоб знали до пекла шляхи
і до раю,

щоб кожен сказати міг:
«Цей я собі обираю!»

Та тільки ж,
якби вони вухами слухали тата,
то щастя б, як муха, –
само залітало у хату...

Стоп...
 «слухали тата»?..
Це ж знову –
 теорія
 клята!

Мирна павза

– Убивай, убивай, убивай,
щоб розквітнув твій отчий край!
Ти живеш не для того, щоб жити,
а для того, щоб ворога бити...
Кругом тебе лишень вороги,
треба знищити всіх до ноги.
Нема в світі поважніше рації,
ніж борня проти ворога нації!..
Нумо, келишок свій підставляй,
вип'єм, вояк, за рідний наш край...

– Годі, пане хорунжий, не лийте...
Краще тутка мене ви забийте...
Або вас розмелю я на порох,
бо для нації ви – перший ворог!

– Що ти гавкнув, мов пес?..
Ти вже п'яний!
Хочеш мати по службі догану?!

– Проше пана, облиште обра́зи...
Вороги ми, то ж видко одразу...
Знаю, чути се вам надто важко,
та лишень подивіться на пляшку:
ми пів дня вже оту сидимо
і москальську «смярнофку» п'ємо.

– Йой, паскудна ж горівка, синок!
То нам буде остатній урок...
Пам'ята... пам'я... гик!..
пам'ятай...
за горівку... гик!..
за сало... гик!..
і край...
убива... уби... гик!..
убивай...
хай...
хай... ль...
м-м...

– Проше пана, лягайте вже спати.
Я ж зачну комарів... убивати...
вар'яти!..
з хати!..
спати...
мати...
тато...
хр-р-р...
гик!..
пс-с-с...

Никита Герус

* * *

Летів листок над хмарним небом,
Кружляв у вітрі, завмирав,
І чи згадаю я про тебе,
І чи про мене ти згадав?

Летів над містом і над полем
І пролітав проміж людей,
І чи такої саме волі
Хотів для людства Прометей?
Листок летів над синім морем,
Робив із чайками круги,
Не слід сміятися над горем,
Але сміються вороги...
А він летів над білим снігом!
Але потрапив у полон...
Для чого він літав над світом?
Навіщо він злетів із крон?
Листок спинився над багаттям,
Він загорівся та пропав,
І став нам символом завзяття
І попелом померлих став.
Листок літав, немов би всюди!
І ось зостався у вогні...
Так саме і невинні люди
Вмирають, гинуть на війні.
Згорають мрії та надії,
А ми вмираєм з кожним днем,
А хто добро творити вміє,
Не дай загинуть нам з вогнем!
Не знаєм ми, чи буде світло,
У смертній темряві, війні,
Не знаєм ми, чи будуть діти
Нам усміхатися, чи ні,
Не знаєш ти, кого полюбиш,
Не знаєш, і коли помреш,
Цінуєш, лиш коли загубиш
Або коли не повернеш...
Коли закінчатся тривоги,
Я миру підйму крило,
І я молитимуся Богу,
Щоб більш такого не було!

Майя Димерли

* * *

Мы вышли за порог и оступились,
И полетели, полетели вместе,
Как птицы, у которых нету крыльев.
И нас спасло лишь то, что мы держали
Друг друга за руки,
И только потому так счастливо
Опять упали в землю.
Как жаль всех тех,
Кому не повезло...

* * *

Запомни это время: мы седые,
А все планеты в небе молодые,
И все кометы мчатся на свиданье,
И звезды теплые на ветках мироздания
Мерцают. На дворе уже темно,
А мы с тобой играем в домино
На столике при свете переноски,
Пока сверчки поют романс из «Тоски»
«E lucevan le stelle» в си минор...
Я помню это время до сих пор...

* * *

И все происходило просто.
Поля не удержали просо
В копне волос.
Пока Орфей сладкоголосый
Баюкал коз
И муравьев янтарной лирой,
Казалась бесконечно мирной
Тропа любви –

Над нею на волнах Эфира
Легко. Плыви.
Касались солнечные блики
Кос босоногой Эвридики.
Но полпути
Она брела по ежевике,
Чтобы сойти
За тенью в тень Подземной рощи
На нет на цыпочках, на ощупь,
На поворот
Земной оси – поверить проще,
Что каждый год
Побеги совершает просо
Так просто.

Жанна Жарова

Медуза

И ласка шелковой волны,
И неба выцветшая блуза,
Стекло сиреновой медузы,
Всплывающей из глубины.

Прозрачен купола опал,
Овалы глаз мерцают грустно...
Светильник вод, живая люстра,
Чей лунный лик легендой стал!

Как мог тебя убить Персей,
Не утонув в очах бездонных?
Они пленили Посейдона
Отважной дерзостью своей...

В твоей крови рожден Пегас –
Поэты помнят ли об этом?
Отрадно слушать жарким летом
Волны лепечущей рассказ.

Там льется золото волос
И вьются кудри чудо-девы...
Но мифа вольные напевы
Владыка-ветер вдаль унес.

Иные ритмы на слуху.
Лишь в памяти осталась вежа.
И отзвенела дальним эхом
Мелодия на берегу,
Где музам и богам назло
Сентиментальной нотой блюза
В октаву августа стекло
Волны прощальное тепло
И неба выцветшая блуза,
И фиолетовой медузы
Венецианское стекло.

Вера Зубарева

* * *

Гуляют ветра.
Отдаленные звуки зимы
Бомбят нашу улицу,
Наше жилище, где мы
Едва задремали –
И вновь сотрясается мрак.
Там книга на полке,
И время над нею – тик-так.
Скорее над нами,
Над нею не каплет оно.
Над нею – другое...

А нам – только это окно.
За ним – то, что слышишь,
Что думаешь. Это – твое.
А книга, а книга...
Давно не листали ее.
Хоть так себе рифма,
Но это уже ни к чему,
Когда все уходит под зиму,
Под лед и во тьму,
И пишет ненастье
Последнюю эту главу...
И будет лишь книга,
Лишь книга держать на плаву.

Влада Ільїнська

* * *

лікування просте, що в радості, що в печалі
пий багато води, якщо зимно – багато чаю
і хоча тебе невимовно не вистачає
та хвороба лине через декілька днів

набагато складніше питання щодо країни –
що не лий на неї, хвороба ніяк не лине
за кормою скажені хвилі штурмують спину,
а всередині трюма достатньо своїх щурів

прикладаєш до рани вкотре стерильну марлю,
сподіваючись, що зусилля твої не марні
тільки хвору ще дужче нудить та лихоманить,
вивертає назовні скелети старих споруд

і поки одні залишають своїй домівки,
захищаючи інших від градів та вибухівки,
ми в чотири руки кладемо у містах бруківку
замість того, щоб вимивати з країни бруд

по стежкам історії з хижой кривавою пашею
марширує війна і старанно лишає спадщини
то скажи, доколи триватиме панщина?
чи історія справді когось там чомусь навчить?

лікування складне, заплутане та мінливе
і питань випадає на серце кислотна злива:
чи можливо нам бути щасливими, чи можливо?
але він мовчить

Інна Іщук

Пластун

По трубі після дощів
Тихо повз я уночі.
Глянув я в одне вікно –
Люди дивляться кіно.

Я поліз по ринві вище –
Чую, хтось кричить, аж свище.
Переліз через решітку
І побачив злющу тітку.

Я повзу собі, повзу,
Все лишаю унизу.
Переповз через балкон,
Глип – дитя пірнуло в сон.

Сон – заняття не пусте,
Уві сні усе росте.

Я б узяв дитя до себе
Й теж повчив би, як рости.
Тільки жаль, що далі треба
Виноградові повзти.

Перевтілення

Сніг переходить у воду,
Погода – в негоду,
Літо спекотне – в промоклу осінь,
Зоряне небо – у сонячну просинь.
А другорічник Вова –
У Володимира Андрійовича Петрова.

Інна Квасівка

* * *

Під каменем ні деревам
не жити, ні пташці слова.
Не можу боротись ревно,
не маючи серця йова,

з усім, що у Вавилоні
зосталось від мішанини...
О, наглядачі невтомні
ув'язненої людини

між вишитих малів і лілій,
поборники чистоти, не
знаєте ви про вільний
шматочок землі, де стигне

черешневе дитинчатко
солодке, рожевооще,
що потім почне спочатку
ходити нетвердо, поки

суглоби його з титану
триматимуть міць. І буде

воно (я такою ж стану?) –
на рідній землі прибудне,

бо справжня любов безмежна
не виткана жодним словом.
Стоїть Вавилонська вежа
над простосердечним Йовом.

* * *

...пишнохмар'я квітучих дерев,
біла повня кульбаб,
на зеленому небі збере
сонце – зоряний скарб

крапель росяних – тільки зійде
і підійметься ввись...
де, нещасна, ховаєшся? де?
вийди і подивись

на трависті густі небеса:
під сузір'ям роси
весняна відцвітає краса.
як життя не проси

почекати – і бджіл, і джмелів,
і метеликів лет
не зупиниш навколо кругів
пелюсткових планет,

бо кінчається ніч, і пійма
замітає сліди
ніжним цвітом дерев, бо нема
кам'яних її стін. тож – іди.

Владислав Китик

* * *

Восход был красен. Был простор воздушен.
Стояла рань таких густых кровей,
Когда во двор выводят из конюшен
Еще парных от дремы лошадей.

Мне б, обгоняя пыль, скакать по полю,
Украив тебя на утреннем коне,
Чтобы всегда и волей, и неволей
Досталось быть с тобой наедине.

Мир без аллюра впрямь и сух, и пресен.
Как там очнуться, где яснее высь,
И тишина мудрей речей и песен,
А утоленность трав смиряет рысь?

Еще любовь таилась быть любовью
Под приворот строптивых площадей,
Еще б могли с руки кормить морковью
Боками гревших ветер лошадей.

Но зол жокей, он пробует подпругу,
Азарт горячей скачки торопя,
Чтоб повторить вселенский образ круга,
Когда бегут к себе, как от себя.

Ольга Лісовикова

* * *

Буває, зайдеш до крамниці,
побачиш якісь черевики –
загубиш спокій.
Мрієш про них,
надаєш їм чарівної сили,
наче вони з Попелюшки зроблять принцесу.

Але, тільки-но взуєш та вийдеш в світ,
всередині починає щось нити:
то п'ятка болить, то пальці давить,
хочеться себе тих черевиків позбавить.

Буває, відкриєш шафу,
побачиш маленьке чобоття,
знайдеш свій спокій.
Колись твої ніжки були заменш долоньки,
тебе огортали словами «донька»,
ти танцювала, співала кумедно,
всесвіт здавався щиро безмежним.

Ті чобітки відбивали веселий ритм,
ти знала доволі багато рим,
складала смішні вірші –
сміялась дзвінко.
Де тепер те дівчисько? Куди поділось?
Невже виросло з чобітків та й розчинилось?

Відшукай її,
обійми
та пообіцяй зберегти в собі той дитячий рай.
Тож танцюй, співай,
не ховайся від світу,
починай, як тоді, світити!
Кеди в тебе чи туфлі на підборах –
ти є для себе найцінніша опора.

Александр Мардань

* * *

Одесса – всегда современная пьеса!
От старой биндюги и до «Мерседеса»
Уже двести тридцать с добавочкой лет
Сквозь годы веревочкой вьется сюжет.

А жанры меняет она как придется,
То радостно плачет, то с грустью смеется,
Да, к счастью, ее написал не Шекспир,
А Тот, Кто создал взбаламученный мир.

Комедия, фарс, мелодрама и драма –
Во всех органична любимая Мама,
А сколько трагедий пришлось пережить!
Увы, такова театральная жизнь.

Давно стали сценой дворы, мостовые,
Бульвары и спуски, свои и чужие,
И мы, кто живет в ней, играем с рожденья –
Хватает приезжим занять вдохновенья,

Чтоб действие шло без заминки, как надо,
От новых окраин и до Горсада,
Нам всем бы хотелось отсрочить финал,
Чтоб город стал вечным, чтоб он процветал!

Р. С. И чтобы, как мы, никогда он не знал,
Чем кончится пьеса, в которой играл...

Юлия Мельник

* * *

Я – птицегадатель, ты видишь – по птицам гадаю,
Пытаюсь одну за другой разглядеть на лету...
Ты рядом присядешь... А вдруг я тебя разгадаю?
А значит – поверю, а значит – вовек не уйду.

Не буду печалью я целиться в хрупкую птицу,
Позволю и ей, и себе оставаться собой...
Я – птицегадатель, могу я тебе пригодиться,
Когда просветлеет над нами простор голубой.

Их тысячи – разных, диковинных, звонких, крылатых,
Не каждую знаешь, не каждую можешь поймать...
Их ждет перелетное счастье и крыш угловатость,
Когда остудит их горячие песни зима.

Татьяна Партина

О совах

Даже в самую длинную ночь в году
Не успеваешь выспаться – что за черт?
Будет все время утро в твоём аду,
Совам – презрение, жаворонкам – почет.

Совы летают низко и тяжело,
Жаворонки солируют в небесах,
Сов уважают ведьмы и НЛО,
Темные страсти светятся в их глазах.
Совы не спят ночами, и потому
Им не знакомы страхи полночных снов.
Видят ~~звиздец~~ исход грядущий они сквозь тьму,
Правда, за это нас и не любят, сов.

* * *

Как река огибает остров – я огибаю кота
Телом своим и снятся мне, видимо, неспроста
Египетские пирамиды, сфинкс и семейный склеп,
Дети богини Бастет, что мой охраняют хлеб.
Я ей молюсь, а рядом вдруг чья-то мелькает тень –
Рыжий пришел с добычей, значит, наступит день.
Спим мы с котом обнявшись при молодой луне,
Лапой сучит и громко кот мой храпит во сне.
Снятся ему свобода, поле, речной камыш,
Снится, как из амбара он притащил мне мышь.

Юля Пикалова

Сойка

Сколько лет ты отдал дорогам
и сколько весен,
сколько встретил восходов,
дорожных сменил плащей,
в монотонном скрипе колес или плеске весел
чуя времени холод
и вещую суть вещей.

Ты не помнишь,
зачем впервые в дорогу вышел,
и не помнишь даже,
откуда был твой отъезд.
То ли небо в краях далеких казалось выше,
то ли воды слаще и утренний воздух тише –
только сам не меняешься
от перемены мест.

Но зато покамест идешь –
не подбить итоги:
ни начал, ни концов
не имеет бесцельный круг.
Отчего ж тебя потянуло сойти с дороги?
Что за синяя птица
тебе привиделась вдруг?..

Вот и лес,
плетеные ветви,
листва резная,
на лазоревых крыльях сойки девять зеркал.
Отыщи ее –
может, счастье свое узнаешь,
раз уж ты никогда
в себе его не искал.

Игорь Потоцкий

Морское

А как ликует море,
когда оно не спорит,
а словно бусы нижет
волну вслед за волною,
как будто оно пишет
посланье нам с тобою.

В послание этом бравом
нет к почестям стремленья,
налево и направо
сердечные волненья.
Строка к строке прижата,
нет места для тире,
а мысль витиевата,
как город в январе.

На все наши вопросы
легко найти ответы.
Дымком от папиросы
туман застыл рассветный.
Несется, словно всадник,
над морем лунный лучик,
что свой мундир парадный
надел на всякий случай.

Люблю смотреть на море
в минуты ликования,
когда забыты напрочь
вчерашие страданья,
когда волна взлетает,
как певчая строка,
а пена у причала,
как пенка молока.

Валерий Сухарев

Возвращаясь

Доброго вечера кошке, себе в зеркале
и – кому бы еще – стены глядят нахалом,
рисунок обоев смывая в вязь, и за окном
свет наклоняя, торчат фонари, как спросонок.
Да, как бумага тиха, но то великий другой
человек написал, знаток бесприюта и ласки
бульварных скамеек ночных; ступаешь ногой
на мягкую тишину прихожей, отметив: салазки,
медный таз, велосипед и рога там не висят; висит,
ватт свой сморгнув, лампочка, трюмо освещающая:
броши какой-то сидит у плеча, зрачками вращая.
Привет, запыленная медленным светом сумерек тишина:
давно не виделись, только месяц, как хозяин, тоскуя,
подсчитывал дни и в них медсестер, листву в проеме окна,
пилюли в стакане и сны, наугад приходившие -вскую.
Сядем сумерничать, станем себе наливать легкий яд,
но крепости необычайной и бодрящей, словно наждачной
шкуркой вам провели по спине; соседи о возвращеньи судят,
бо более не о чем, кошка нюхает кофе, жизнь вышла удачной.

Евгений Ушан

* * *

Пастух Пахом не верил небылицам.
Однажды он прочел в одной из книг,
Что мальчик, выпив воду из копытца,
В козленка превратился в тот же миг.

– Какая чушь! – воскликнул он сердито.
– Я докажу, что это ерунда.
И сам испил из козьего копыта,
Но, видно, там не та была вода.

Пахом стал не козлом, а обезьяной.
Сегодня в зоопарке он живет,
Ест на халяву манго и бананы
И финики бесплатные жует.

И думает: какая, блин, удача,
Что не козленок он, а гамадрил, –
А то б капусту тухлую хомячил,
А он капусту с детства не любил.

Людмила Шарга

Остановка по требованию

Летающий сквозь дождь трамвай
замедлит ход на остановке по требованию,
обрывай этот маршрут – не обрывай,
все равно возвратишься к тому, что
памятью унаследовано.
Узкие улочки Молдаванки, маленькие дома
с каждой весной все глубже и глубже в землю врастают,
отцветающим вишням снится зима,
цвет – как снег – летит и не тает,
не тает.
Из приоткрывшихся на мгновенье дверей
улыбается май, уходящий в лето,
цветет акация, или софора –
не отличить издали,
ворона делает вид, что она – вещая птица ворон.
Окна дворики ярче, живее, пестрей,
канатоходец-время балансирует на систоле.
Большеглазый мальчик с огромным велосипедом
не ждет зеленого светофора,
не видит трамвай, замерший на ходу,
летит над спуском на Балковскую,
над темными тропинками Дюковского,

которые еще предстоит изведать,
над прохладной зеленоватой водой в большом пруду.
Но вдруг, обернувшись, бросает взгляд в твою сторону
и узнает, и улыбается, и кричит:
– Каким ветром занесло тебя в этот май,
в город, которого нет?
Вороны – вещие птицы – совсем как вордны, галдят,
кричи – не кричи,
молчи – не молчи...
Он не услышит ответа – двери закрыты,
трамвай летит сквозь и мимо
по спуску, воспоминаниями омытый.
Остается смотреть сквозь оконное стекло,
ловить строку, оброненную апрельским дождем,
шепча на ходу:
– Солнечным.
Каким же еще...
Другие ветра здесь давно не дуют.

Кларисса Ярошевич

Дом

Мимо этого дома идут, замедляя шаг.
Дом стоит на углу. В нем нет одного этажа.
Будто пазл был сложный, и кто-то в сердцах рассыпал.
Будто нужный фрагмент из картинке внезапно выпал.

Как грабитель в ночи, за углом возникает дом.
Так бесстыже и так оголенно зияет в нем
грубо взломанный быт. Как распахнутый в крике рот,
как с кишками наружу вскрытый ножом живот.

Люди смотрят вперед, вновь чеканят ритмичный шаг.
Люди лицами – лед, люди дружно домой спешат.
Отбивают подошвами вечное «дим-дан-дом».
И не знают, не знают, что ждет их всех за углом.

Поэзия ушедших

Семен Абрамович

* * *

Не бейте в грудь себя, не истязайте душу.
И слез не лейте, вряд ли подсобит.
Ища причал, благословите сушу,
когда болит, ой, Господи, болит...
Не проклиняйте час, что вам отпущен,
и не ропщите, помня об одном:
во всем Творец, в невидимом и в сущем,
во всем кричащем и во всем немом.
Когда беды затягивает омут.
Когда ваш сон – исчадие тревог.
Когда надежды аргументы дрогнут,
не позволяйте им переступить порог.
Причальте к берегу молитвы покаянной,
поверьте в то, что все управит Бог.
Тогда весь мир безумный, окаянный,
приобретет совсем иной итог.
Не бейте в грудь себя, не истязайте душу.
И слез не лейте, вряд ли подсобит.
Ища причал, благословите сушу,
когда болит, как, Господи, болит...

* * *

Спасибо, память, ты еще жива.
И нет желанья удаляться в дебри.
Спираль завита, щерблены края,
но каждый миг любим, как мякиш хлебный.
Война затмила всё: болезни приговор,
затупленность любви, пришедшую с годами.
Война, как звонко щелкнувший затвор,
как танец смерти на безжалостном татами.
Принять как данность это – нелегко.
В реальности сей жить и больно, и непросто.
О сколько же нам адовых кругов
наяривать... в реалиях расползшихся погостов.
И вечен ненавистный мне вопрос:
– За что нам это на исходе века?
Верни нам, Господи, небесный купорос.
Верни нам замысел твой – образ Человека.
Не дай нам, Господи, упасть в страстную грязь.
Не дай нам в злобу впасть, во гнев и обреченность.
Когда и смерть напотчует всласть
теми, кто стар и кто, увы, с пеленок.
Дай, Боже, нам Небесного достичь пути.
Раскаявшись, Небесного достичь чертога.
Прости нам, Господи, пожалуйста, прости
нас, дерзких чад твоих, и грешных, и убогих.

Галина Маркелова

* * *

Гомер проговорил сценарий войн
грядущих, всех:
их ход един, незыблем, как канва,
а вот что вышьет времени рука,
то – факт истории,
а средством для узора есть слова!
О! Сколько слов гекзаметром и ямбом
затрачено в стряпне от ругани до дифирамбов,

их круговерть, метель, метет и лепит
 в трактовку войн никчемный лепет,
 а наяву все просто и до жути гадко:
 бессмертны, как известно, только боги,
 все остальное – смертно, всё,
 все разлагается, смердит, гниет,
 и не дай Бог догадка
 о целеполагании этой вот, теперешней, войны мелькнет...
 Жирует потаскуха смерть, как балаганная актриска,
 война – апофеоз, зенит у бенефиса ее деяний,
 и она по ходу пьесы обновляет реквизит:
 был раньше лязг мечей, а ныне
 нам погремушкой атомной грозит...
 Прогресс и не такое ей подсунет...
 Он эгоист и глух, и с Кантом не знаком,
 его не кроцает, что
 прилетит в твой дом и сколько льется литров крови...
 О! Сколько крови... душ... на кой
 ему ваш нравственный закон?
 Прогресс – он из другого теста,
 он из иного измерения,
 и движут им иные намерения.

808

Памяти П. Д. Варбанца

«На силе чисел мир этот стоит».
 Пифагор

«А для низкой жизни были числа...»
 Н. Гумилев

Восемь сотен восьмой день войны...
 Потухли свечи каштанов,
 пожухли грозди акаций...
 что это?

Странности весны или следствия работы ПВО и авиации?
 Вспомните!
 Число 808 –
 это вокруг нуля
 (его космической пустоты)
 две бесконечности встали на дыбы!
 Вслушайтесь:
 исхудавшие, как барабанные палочки, восьмерки
 бьют по крышке люка канализации,
 808,
 восемь, ноль, восемь,
 а вследствие дальнейшей медитации
 вы замечаете два числа Фибоначчи...
 Когда
 Создатель
 видит,
 что глух, что глуп, что слеп Его народ,
 он на языке низкой жизни передает код,
 ну а как же иначе?!
 Война... Она
 издревле, из рода в род
 скаредна, каверзна, но любит учет:
 число стрел, число пуль, число снарядов,
 число в цель попавших и легших рядом,
 число двухсотых,
 трехсотых,
 пропавших без вести,
 число пленных,
 число убиенных,
 число героев, возросших в кровавой пене...
 всё ложится в сводки генштаба,
 то античным забором римских цифирь,
 то арабской вязью вкось и вкривь...
 И тут возникают
 то торговец из Пизы,
 то из Питера офицер,

дабы гармонию музыки небесных сфер
перевести на язык человеческой поэзии...
Увидеть золотое сечение в рождении грозы,
предсказать рынка доходность и риски
или узреть мощь слова в его первозданной
карающей чистоте и аромате первого ириса...
Уж лучше барахтаться в аномалии
Бермудского треугольника воображения
и муз безбашенства,
чем под барабанный бой по крышке люка
строим
в предчувствии грядущей войны
исчезать с лица земли
в немощи бессилия бешенства...

Елена Миленти

* * *

Порой блесит не все, что золото,
Но, теща взор, к себе манит
Вчерашний день куском отколотым,
Роняет, как метеорит,
Сгорая, явь и сновидения,
Полдневный свет, полночный мрак.
День, ночь, рассвет и снова день, и –
Как сигарета натошак.

Сыну

Не стой так долго на пороге,
Иди, куда глаза глядят,
И знай – заказана дорога
Сквозь дни назад.
В сон, где весна всплывает рыбой,
Дно Атлантиды возмудив,

Волной, стеной идущей, ибо
Любые сети – на разрыв,
Где меры нет, где все безмерно,
Где ветер вдоль и поперек
Морей гуляет ночью, денно,
Трубя в луны растущий рог,
Где край идет на смену края
Так, словно наперегонки,
Назло всем правилам играет
И середине вопреки.

* * *

У побережья за пядью пядь
Отбирают – то, что
Морю должно принадлежать,
Как предложению точка.
Разрастаются вширь и ввысь,
Вырывая деревья с корнем,
Дома, нанизывающие на карниз
Горизонта агонию.
Года пройдут налегке
И ребенок, отчаясь,
Не прочтет на песке
Иероглифы чаек.
Потому что песок уйдет
В железобетонные блоки.
Последний чайки полет
Будет высоким.

* * *

Слова не сказанные вслух,
В глазах читаются.
От слов, не высказанных вслух,
Не отрекаются.

Ты говоришь мне пустяки,
А крылья гнутся,
И ручеек глухой тоски
Их примет в русло.

И ручеек немой тоски
Их примет в лоно,
А я виски сожму в тиски
Своих ладоней.

А я виски сожму в тиски,
И ночь нагрет,
И не увижу я ни зги
В туманной гари.

И не увижу я ни зги
В безмолвной дали,
И зарню в душе ростки
Пустой печали.

Тех слов невысказанных грусть –
Какая малость!
Я в них, как в саван, завернусь –
Все, что осталось.

Игорь Павлов

* * *

В мусоре спит кочерыжка, –
Ветер из тряпочек сшит...
Черная гладкая мышка
В угол заветный бежит...

Нет ни конца, ни начала,
Нету ни ночи, ни дня.

Время меня укачало,
Но не согрело меня.

Песня моя! Лорелея!
И без сирен – буду плыть...
Я ничего не умею,
Только умею – любить...

Муха

Я люблю горюху-муху
С бледно-восковым брюшком.
С деловитым хоботком,
С лицом серьезной ученицы.

Муха помнит молчаливо
Все старинные уюты,
Каждый вздох моей квартиры,
Томно помнит все углы...

Наши вкусы совпадают,
Оба – сладости мы любим,
Любим плакать в занавески,
Головой о стены биться.

Вечеру читаем с мухой
Мы роман о старой жизни
И вдвоем едим варенье,
И барахтаемся оба
В этой сладости забвенной,
В этом бархатном мире.
Ах, вишневое варенье,
Пылкое, с тяжелым блеском,
Может стать причиной гибели
Для нас обоих!

Фото Ганни Кореневої

* * *

Пройдут и Офир, и Освенцим,
Забудутся Рим и Рени...
И старцы пройдут. И младенцы,
Когда постареют они.

Конец прозираю – в начале
Едва проявившихся дней.
На свете так много печали,
Что можно не думать о ней...

Печаль – и в движеньях, и в позах,
В сплетениях душ и имен...
Печаль незаметна, как воздух,
Во всем пребывая, как он.

И, послана во искупленье
За бред, за дурные дела,
Как осени благословенье,
Прозрачная старость пришла...

Илья Рейдерман

* * *

Выключи свет на кухне,
выдохни дым забот
и, полусонный, рухни
в мир материнский, в тот,
где, как дитя в утробе,
лежа на облаках,
в дырочки дышишь обе
и отряхиваешь прах.
Сон бесконечный нежит,
веки так смежены,

что поневоле брезжит
истина тишины.
С сомкнутыми устами
я обойдусь без слов.
Господи, не остави! –
я ко всему готов.
Словно нашел потерю.
Словно избыл вину.
Я в чудеса поверю
и в небеса нырну.
В муке рождений – агоний
в крике открою рот.
...Вот он – горит – огонь мой
с горьким дымом забот...

* * *

«Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?»
Ф. Тютчев

Чаша огромная, чаша морская, –
плеск ощущаю твой у виска я.
Мысль, что внушаешь мне, – так широка!
Не позабыть бы, хмелея слегка.
Зная ответы на наши вопросы,
море, до нашей унизишься ль прозы,
речи своей ты умеришь ли блеск?
Плеск и молчанье. Молчанье и плеск.
Море, ты любишь меня, принимая
в синь, что до неба, в ширь, что без края,
в мир, что без меры, в даль мировую
вечно волнующуюся, кривую!
Как солона ты, морская вода.
Может, тебя подсолила беда?

Небо наплакало целую чашу?
О, как прекрасно! О, как горчайше!
Радуйся, отгоревав и отплакав.
Волны несутся. Их шаг одинаков.
Все позабуду. За что мне сие –
даром дающееся бытие?
Чем я отвечу морю и миру?
Чем отвечу миру и морю?
Нет, я не спорю с далью и с ширью,
с замыслом господа Бога – не спорю!
Мыслью ночью, мыслью дневною
я повторяю на все лады:
как я согласен с каждой волною!
С радостной вестью горькой воды...

Ефим Ярошевский

* * *

Я стою на мели Сухого лимана
По колено в пыли моего романа.
Я стою там давно и врастаю в сырость,
И за эти годы, наверное, вырос.
Там стоял
В носу ковыряющий Шая,
Городской пейзаж собой освежая.
Где играло море в начале века,
Там нога еврейского человека...

* * *

Что же мне делать,
если над городом старым, цветным и пахучим
летит с прекрасным ртом невеста Шагала?
Как мне сберечь это небо с цветком в голове,
где зеленая лошадь с глазами младенца

выносит свой круп за пределы картины
и мочится жарко в еврейскую полночь?..

.....

Сторож в ермолке читает при свете звезды ароматную Тору...
Витебский мальчик жадно целует нежные груди Рахили
и плачет.
Миша Блувштейн, кандидат в мастера, изучает теорию чисел.
Ему уже восемь лет...
Скоро ему будет семьдесят!

Мистецтво – життя – мистецтво

234 Евгений Голубовский

Исаак Бабель: «Я ничего не выдумываю»

237 Ольга Лянсберг

«Мені тут добре...»

241 Олена Яворська

«Хочу знати якнайдокладніш все про Вас...»

254 Алла Максименко

Он любил все, что делал

263 Юрий Дикий

Absolutus Святослава Рихтера

280 Татьяна Щурова

Зона довіри та плідного партнерства

Художник из Ойкумены

293 Феликс Кохрихт

Дульфик о Хрущике

296 Люсьен Дульфан

Мы летаем вместе...

300 Евгений Деменок

Одесские букинисты

319 Татьяна Орел

Вона щаслива людина

Евгений Голубовский

Исаак Бабель: «Я ничего не выдумываю»

Не существует эталона писательской известности. Не существует в большой литературе таких модных сегодня рейтингов признания, любви. И все же объективные показатели существуют. К примеру, переводы писателя на иностранные языки, цитирование фраз из его произведений. Но даже без всего этого смею утверждать, что Исаак Бабель не только наиболее известный из всех писателей-одесситов во всем мире, наиболее любимый у себя в городе, это культовая фигура для родного ему и нам города.

В конце прошлого года Всемирный клуб одесситов выступил с инициативой провести международный конкурс на памятник Бабелю в Одессе. Для этого нужны деньги. И в течение шести месяцев клуб собрал двадцать пять тысяч долларов. Деньги давали не только одесситы в США и Германии, в Израиле и Франции, но, конечно же, жители нашего города – от академиков до школьников. Их имена будут храниться в областном архиве.

Намечается проведение в Одессе международной бабелевской конференции. Ведь каждая находка – затерянного письма, подлинных прототипов героев рассказа или пьесы – обогащают нас, помогают утвердить в сознании, что миф Одессы – это реальность, которая и помогает городу жить, и сквозь все препоны все-таки ощущать себя вольным городом.

Время от времени как бы из будущего возвращаются к нам рассказы Исаака Бабеля. Он действительно был мудрым человеком, догадывался, что может исчезнуть не только автор, но и его архив, поэтому отдавал друзьям читать новые тексты и вроде бы забывал забрать написанное. После ареста писате-

ля, конечно же, большинство его знакомых в страхе сжигали эти странички. Большинство – может быть, но не все. Так из безвременья пришел к нам один из пронзительнейших рассказов о коллективизации «Колывушка», о юности – «Мой первый гонорар»...

Несколько иной была судьба рассказа «Ди Грассо» – он увидел свет в 1937 году в журнале «Огонек». Нужно ли объяснять, что в этой подшивке он и остался захороненным на долгие десятилетия. Лишь в шестидесятые годы любители творчества Бабеля обнаружили новеллу в «Огоньке» и дополнили ею книгу «Одесских рассказов» – книгу о мифической Одессе, где жизнь ярка и прекрасна, люди мудры и ироничны.

«Я ничего не выдумываю», – утверждал Исаак Бабель. Увы, мы думали, что это шутка гения. И – ошибались.

Сколько раз я читал рассказ «Ди Грассо», восхищался описанием одесского театра, неизвестной итальянской труппы. Но не проверяя, был уверен, что Ди Грассо – собирательный образ, как бы Сальвини в квадрате, ведь даже нельзя было себе представить прыжок-полет актера через сцену, а потом – мало полета! – так он, перекусив сопернику горло, ворча и косясь, стал высасывать из раны кровь...

Однажды мой друг, замечательный фотохудожник и краевед Сергей Калмыков, рассказал мне, что в «Иллюстрированных приложениях» к газете «Одесские новости» за 1908 год он обнаружил... фотографию и два шаржа на замечательного сицилийского трагика Джованни де Грассо.

И вновь я открываю один из любимейших рассказов Бабеля: «Мне было четырнадцать лет. И я принадлежал к неустрашному корпусу театральных барышников...». А в автобиографии: «Родился в Одессе в 1894 году, на Молдаванке, сын торговца-еврея». Значит, действительно в 1908 году Бабелю было четырнадцать лет.

Те, кто помнят этот замечательный рассказ, обычно цитируют, как после первого акта Коля Шварц, король барышников, произнес: «Мертвое дело – это товар для Кременчуга...». К счастью, не все зрители разошлись после первого действия. И оставшиеся увидели то, что потрясло всю театральную Одессу: прыжок через всю сцену гениального трагика ди Грассо...

Я попросил сотрудниц библиотеки имени Горького, многие годы работающих в отделе искусств, Ольгу Барковскую и Татьяну Щурову, посмотреть по своей картотеке, есть ли еще какие-либо воспоминания о гастролях де Грассо в Одессе. И оказалось, что не только в газетах, но в таком солидном издании, как «История западноевропейского театра», в шестом томе четыре страницы посвящены актеру, который на весь мир прославил сицилийский театр.

Джованни Грассо (1873-1930) создал образ человека, оставшегося в первобытной неограниченной власти инстинктов, фанатизма. В 1901 году он сформировал труппу, которую повез по Италии. В 1908 году (вот оно!) играл в России. Здесь его заметили и отметили все крупнейшие театральные критики.

Артист МХАТа, кстати, наш земляк, одессит Л.М. Леонидов писал позднее: «Я не мог, конечно, видеть Мочалова, но большей эмоциональности, чем та, которую я видел у де Грассо, мне не приходилось встречать».

И все же – такова судьба театральных актеров, – боюсь, мы бы навсегда забыли имя этого трагика, потрясшего в 1908 году наш театральный город, если бы на спектакле не присутствовал четырнадцатилетний сын торговца-еврея, живший уже на Ришельевской неподалеку от театра, Исаак Бабель.

Для любителей круглых дат. Описываемые события происходили ровно сто лет назад в нашем городе.

А сейчас рассказ «Ди Грассо» переведен на десятки языков мира. И теперь я с уверенностью могу свидетельствовать – Бабель не лукавил, когда писал: «Я ничего не выдумываю».

2008

Ольга Лянсберг

«Мені тут добре...»

Юхим Іванович Фесенко – відомий одеський видавець і друкар, просвітник і філантроп, почесний громадянин міста, який усе життя працював на зміцнення іміджу Одеси як культурної столиці півдня України.

Він не був корінним одеситом. Народився 1 квітня 1850 р. у селі Головеньки на Чернігівщині у бідній козацькій родині. Бажаючи допомогти батькам матеріально, дев'ятнадцятилітній юнак залишив рідну хату в пошуках заробітку. Шлях його лежав до Києва, а звідти – пішки п'ятсот шістдесят верст,

до Одеси. Південна Пальміра, наповнена ароматами квітучої акації, здалася йому ледь не земним раєм. «Мені тут добре...» – писав він батькам.

В Одесі він зробив вибір свого життєвого шляху – і не помилився: на ниві книговидавництва Юхим Іванович служитиме понад півстоліття!

Тринадцять років Юхим Фесенко працював у друкарні Францова. Завдяки своїм здібностям, високим моральним якостям він став надійним помічником і компаньйоном власника підприємства.

Типолітографія Фесенка

30 листопада 1883 р. Юхим Фесенко отримав дозвіл на відкриття власної друкарні.

Майже сорок років його друкарня мала славу зразкового поліграфічного підприємства. Репертуар продукції фірми Фесенка був різноманітним. Тут друкували ікони, книги, брошури та листівки духовно-морального змісту, періодичні видання, ноти, проспекти, буклети, каталоги, афіші, плакати, портрети, альбоми видів з описами монастирів, художні листівки, стінні таблиці, карти, плани. Типолітографія виконувала замовлення на друкування *акцидентної продукції малих форм* – запрошень, бланків, преїскурантів, відомостей, формулярів, візитних карток, фірмових сигнатур. Великий попит мали зошити для навчальних закладів.

Вчені, краєзнавці, дослідники книжкової справи неодноразово вказували на необхідність укладання каталогу поліграфічної продукції друкарні Фесенка, тому що *реконструкція репертуару*

друкованої продукції поліграфічних підприємств є ключовим етапом вивчення регіональної книжкової культури.

На думку відомого історика та книгознавця Саула Яковича Борового, «Переліки (каталоги) книжкової продукції, у тому числі й одеської, є змістовним літописом культурного та громадсько-політичного минулого».

Тому поява видання «Книжковий світ Юхима Фесенка» є дуже важливою подією.

Пропонований читачеві каталог видань друкарні Фесенка є першою спробою виявити та систематизувати продукцію потужного одеського підприємства від часу його відкриття в 1883 р. і до націоналізації в 1919 р. Таким чином, у реконструкції цього каталогу реалізується історико-культурна та меморіальна функції Одеської національної наукової бібліотеки.

Крім каталогу збірка матеріалів «Книжковий світ Юхима Фесенка» включає історичний нарис і бібліографічний показник про одне з найстаріших поліграфічних підприємств Одеси та його засновника, а також багато ілюстративного матеріалу.

Євген Іванович Фесенко

* * *

Громадське визнання та шана прийшли до Ю.І. Фесенка ще за життя, але після смерті видавця в 1926 р. його ім'я не згадувалося ані в наукових дослідженнях з історії книжкової справи, ані в місцевій періодиці. Змову мовчання порушили кореспондент газети «Вечерня Одеса» Євген Голубовський та літературознавець Григорій Зленко, опублікувавши у 1973 р. статтю про Фесенка «Життя для книги».

Несподіваний сплеск інтересу до особистості книговидавця, що спостерігається з початку 2000-х років, пов'язаний із публікацією спогадів Ю.І. Фесенка, переданих Одеському літературному музею його онукою, В.Е. Хренніковою. Два зошити рукописного тексту, написаного Юхимом Івановичем за рік до смерті, – унікальний історичний документ. Це некваплива розповідь автора про найбільш значущі події в житті, про сім'ю, про радощі та печалі друкарських буднів. Ця книжка «Семейный альбом одесского издателя Е.И. Фесенко» поряд із каталогом українських видань Ю.І. Фесенка «Славетний друкар Одеси» стали відправним пунктом для низки історико-краєзнавчих досліджень. Г. Закіпна, Л. Майборода, В. Дябло, Г. Зленко, Т. Максим'юк, Є. Голубовський, Н. Яцун, О. Музичко, В. Хмарський, М. Бельський, Ю. Лабінцев, Л. Щавинська, М. Криловець – це далеко не повний перелік авторів публікацій про Ю.І. Фесенка та його знаменитий поліграфічний заклад.

Сподіваємося, що видання «Книжковий світ Юхима Фесенка», яке підготувала Одеська національна наукова бібліотека, також буде слугуватиме збереженню пам'яті про цю унікальну особистість, про його поліграфічний заклад. Але справжніми охоронцями пам'яті про Юхима Івановича є книги із зазначенням унизу титульного аркуша: *Одеса, друкарня Фесенка*.

Книга адресована науковцям, передусім історикам, філологам, книгознавцям, працівникам бібліотек, інформаційних служб і видавництв, краєзнавцям, а також усім, хто цікавиться історією книжкової справи в Одесі.

Книжковий світ Юхима Фесенка: збірка матеріалів / М-во культури України, Одес. нац. наук. б-ка; упоряд., авт. нарису О.В. Лянсберг; вступ. слово І.О. Бірюкова; відп. за вип. Л.В. Арюпіна; ред.: Н.Г. Майданюк, І.С. Шелестович. – Одеса: Астропринт, 2025. – 304 с., 22 с. іл.

Олена Яворська

«Хочу знати якнай докладніше все про Вас...»

Листи Юрія Меженка до Михайла Жука

Михайло Жук. 1932 р.

Ювілейна книга... Навіть не віриться – сота!

І як не згадати ті давні часи, двадцять шість років тому, коли редактор альманаху Євген Голубовський залучав до співпраці науковців Одеського літературного музею... Вони ніяково відбивалися, що не вміють гарно писати, що екскурсій багато, та ще знаходили безліч начебто серйозних доказів, що аж ніяк не зможуть. Але Голубовський був наполегливий і м'яко пояснював, що дівчата молодці та все в них чудово вийде.

І переконав-таки. Друкуватися ми почали не з першого номеру, а лише з третього. З того часу з'явилися статті про літературне жит-

тя міста, про українських, єврейських одеських письменників Галини Закіпної, Галини Семикіної, Олени Каракіної, Ганни Місюк, мої. Друкуються вірші Анни Стремінської (вона ж Божко) та Клариси Ярошевич.

І рівно двадцять років тому у двадцять п'ятій книзі альманаху я вперше опублікувала казку Михайла Жука «Про доброго короля Пустилихо».

А з того часу, коли збережений Сергієм Зеноновичем Лушиком літературний архів Михайла Жука надійшов до наших фондів завдяки

допомозі Сергія Гриневецького, на сторінках альманаху щорічно публікувалися казки, вірші, оповідання Михайла Івановича Жука. І у сотому випуску продовжуємо цю традицію. Щоправда, матеріали цього разу не з фондів музею, а з архіву людини, якій ми завдячуємо тим, що знаємо про Жука-письменника, – з архіву Сергія Зеноновича Лущика.

«Хочу знати якнай докладніш все про Вас...»

Листи Юрія Меженка до Михайла Жука

Каховка, Київ, Краків, Чернігів, знов Київ, знов Чернігів, Одеса. Так виглядає перелік міст, з якими пов'язане життя Михайла Івановича Жука – художника, письменника, викладача, мемуариста. І на шляху цьому було багато зустрічей з цікавими непересічними харизматичними людьми. Микола Мурашко в Києві, Станіслав Матеуш Ігнацій Виспянський у Краківі, Михайло Коцюбинський у Чернігові. Але це велетні, які значною мірою вплинули на творчість митця.

А були ж і звичайні приятні відносини з однолітками, а для когось, як для Павла Тичини, Жук і сам був учителем. У Чернігові він познайомився з Юрієм Івановим. Різниця у віці – дев'ять років. Багато чи мало? У Чернігові десь року 1910-го Жуку двадцять сім, Меженкові вісімнадцять, і юнак може лише шанобливо прислухатися до старшого товариша. А вже у Києві у 1918-му Жуку сорок п'ять, а Меженку двадцять шість, і вони одностайні, що разом створюють найкращий літературно-художній журнал того часу – «Музагет».

Хто ж такий Юрій Іванов – він же Юрій Меженко? Він відомий як фундатор школи українського книгознавства, видатний бібліограф. Юрій народився в Харкові 18 червня 1892 року. Згодом його батько, лікар Олексій Ілліч Іванов одержав місце в Чернігові, в губернській земській лікарні. Серед інших пацієнтів була й дружина Михайла Коцюбинського. Згодом Ірина Коцюбинська напише у листі: «Ви син відомого чернігівського лікаря Іванова, який спасав мою матір, як багатьох інших жінок». У 1926 р. у Чернігові було урочисто відзначено тридцятиліття лікарсько-педагогічної діяльності Олексія Іванова, а газета «Робітничий шлях» повідомила, що «у відзначення заслуг лікаря Іванова <...> президія Окрвиконкому постановила передати на його вік будинок, в якому він живе, а полово-гінекологічному відділові лікарні, де він працює, привласнити його ім'я».

Мати Лідія Ерастівна, як тоді було заведено, опікувалася домашніми справами та виховувала трьох дітей – доньку Олександру та синів Миколу (майбутнього перекладача, що володів п'ятьма мовами) та Юрія. Мати кохалася у музиці, в родині часто влаштовувалися музичні вечори. Згодом в автобіографії Меженко напише, що в юності «мріяв стати музиком – піаністом або диригентом симфонічного оркестру», і навіть коливався між навчанням в університеті й музичною кар'єрою.

Він часто виступав на музичних вечорах у Чернігові, зберігся багато концертних афіш та програм з його участю за 1912-1915 роки. На репетиціях оркестру «Общества молодых музыкальных сил» він познайомився з Павлом Тичиною (тоді семінаристом, учнем Михайла Жука) – ще один місток між Жуком та Меженком. До речі, виступав на концертах Меженко як піаніст, а Микола Шраг грав на віолончелі (саме так згодом зобразить його Жук на портреті).

Швидше за все, знайомство Меженка і Жука сталося у Чернігові, у родині Шрагів. Юрій товаришував з Миколою Шрагом (вони не лише грали разом на концертах, а ще й були однокласниками), а Жук малював портрети родини Шрагів. Там же Юрій зустрівся і з Михайлом Коцюбинським. «...я хоч і не був особисто знайомий, але знав його добре, бо в нашій родині за нього не раз згадувалося, і то завжди з глибокою пошаною. В дуже близькій і дорогій мені родині Шрагів я зустрічався раз чи два з Михайлом Михайловичем».

По закінченні гімназії у 1912 році Юрій вступив до історико-філологічного факультету Московського університету, у 1917, завершивши навчання, повернувся до Чернігова. За деякий час, на початку 1918, він переїздить до Києва. За рекомендацією Миколи Шрага він починає роботу у бібліотечно-архівному відділі міністерства народної освіти. Саме Меженко був автором законопроекту про утворення Головної книжкової палати, в його архіві збереглися автографи варіантів «Пояснювальної записки до законопроекту про утворення Головної книжної палати».

Але цікавіша для його стосунків з Михайлом Жуком участь Меженка у літературно-художній групі «Музагет» та видання однойменного журналу. Саме Меженко відіграв головну роль як у створенні групи, так і у виданні «місячника літератури та мистецтва» «Музагету». А Жук був головним художником видання.

Галина Журба згадувала: «Ми стали збиратися, переважно у Михайла Жука, для конкретного обговорення тієї справи. Невисокий щуплий

Михайло Жук мешкав тоді на Маріїно-Благовіщенській вулиці. Маляр краківської школи, добрий портретист, писав також вірші. Невеликий на зріст, з обличчям сірої людини, завше в круглій кімнатній шапочці та капцях, він узявся зразу робити портрети всіх письменників наших для «Музагету», дав цілу їх низку, починаючи від сонцекларнетного Тичини».

Журба помилилася – портретів було лише три: «сонцекларнетного Тичини», Дмитра Загула та Юрія Меженка. Андрій Ніковський ущипливо зазначав: «Як роботи Жука я дуже привітав би ці портрети, але <...> невже наші молоді поети такий значний слід поклали в життю і мистецтві, щоб уже пропонувати вдячним сучасникам і потомству свої портрети...».

Юхим Михайлів у книзі про Жука напише згодом: «Поколінний портрет Юр. Меженка, узятий трохи офіційно, але являє викінчений зразок композиції. Строго, у візитці, біля книжної шафи (а чи можна уявити Меженка без неї?), стоїть його постать із трохи піднесеною і схиленою набік головою, ніби пригадує полицю, шифр книги за каталогом. Склепіння, що накреслене над шафою, нагадує часи книжної палати».

У 1919 році повертається до Чернігова Михайло Жук, у лютому 1920 приїздить у відрядження туди ж Меженко – для ознайомлення з книжковою справою. Тоді ж він завітає на «Середі» Михайла Жука – згадка про це у спогадах Ірини Коцюбинської: «Жук організував у себе вдома так звані «середі», куди збиралися молодь, письменники-початківці. Серед

Портрет Юрія Меженка. 1919 р.

них почесне місце займала поетеса Ладя Могилянська, Дмитро Тась, Аркадій Казка <...> Юрій Іванов <...> та інші».

У 1925, після відчайдушних листів з проханням дозволити виїхати за кордон, коли він в Україні не потрібен, опиниться в Одесі Михайло Жук. Тут він і проведе решту свого життя.

А Юрій Меженко, директор Українського науково-дослідного інституту книгознавства, у 1931 році напише заяву про звільнення, а у 1934 році, рятуючись від арешту, переїде до Ленінграда. До Києва він повернеться у 1945 лише на три роки. Потому цькування знову змусить виїхати до Ленінграда.

І саме з Ленінграда він буде писати до Михайла Жука. Адресу Меженка Жук довго шукав, знайшов завдяки Миколі Шрагу – так замикається чернігівське коло.

Відновилося спілкування, найактивніше – у 1955 році, останній лист Жука написаний у 1958-му. Сім листів Жука були надруковані Миколою Івановичем Крячком у журналі «Наука і культура» № 29 за 1996 рік.

Перший лист Меженка до Жука перебуває в Центральному державному архіві літератури та мистецтва України, а інші збереглися завдяки Сергію Зеноновичу Луцику. Саме він почав готувати публікацію, але, на жаль, не зміг закінчити роботу. Листи Меженка публікуються вперше.

Досить сумне листування двох близьких людей, багато безнадійності та туги. Знов повторює Жук, що доробок його не потрібен нікому, а Меженко, надрукувавши чергову статтю, чекає на «доброзичливих» критиків.

Сумна історія, але є в неї несподіване щасливе завершення. Портрет Меженка роботи Жука довгий час відомий був лише за репродукціями та вважався втраченим. Але у розмові зі мною у 2023 році Сергій Анастасійович Гальченко повідомив, що портрет Меженка був переданий разом з архівом бібліографа та літературознавця Федора Сарани до відділу рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України в 1994 році. Так віднайшлася ще одна робота Михайла Жука.

І збулася думка Меженка: «А я вважаю, що всі повинні (нашого з Вами покоління) спогади писати. Нехай зараз їх ніхто не надрукує, але лежати-муть вони в архівах як правдиві документи, та хтось колись їх читатиме».

Так, читатимемо. І тільки будемо шкодувати, що мало написано, та ще й багато чого не могли вони написати – не ті часи були.

У першому листі згадуються актриси Любов Павлівна Ліницька (1865-1924) та Ганна Петрівна Затиркевич-Карпинська (1855-1921). «Хронологія артистичної діяльності Г.П. Затиркевич-Карпинської» Ю. Меженка була надрукована в книзі «Слово про Ганну Затиркевич-Карпинську», що вийшла у 1966 році.

У четвертому-п'ятому листах ідеться про Платона Олександровича Білецького (1922-1998) живописця, доктора мистецтвознавства. Всупереч думці Жука про книгу Білецького про Георгія Нарбута в останньому листі 1958 р.: «Гадаю, що він просто відмовився від цього безнадійного задуму», – книга П. Білецького «Георгій Нарбут. Нарис про життя і творчість» вийшла у 1959 році.

Листи Юрія Меженка до Михайла Жука

Лист 1

від 13 листопада 1955 р.
Ленінград

Дорогий Михайло Івановичу!

Спасибі Вам, любий, за картку. Прошу Вас і від мене прийняти фото, на якому й виглядаю так ніби когось збираюся «прорабатывать».

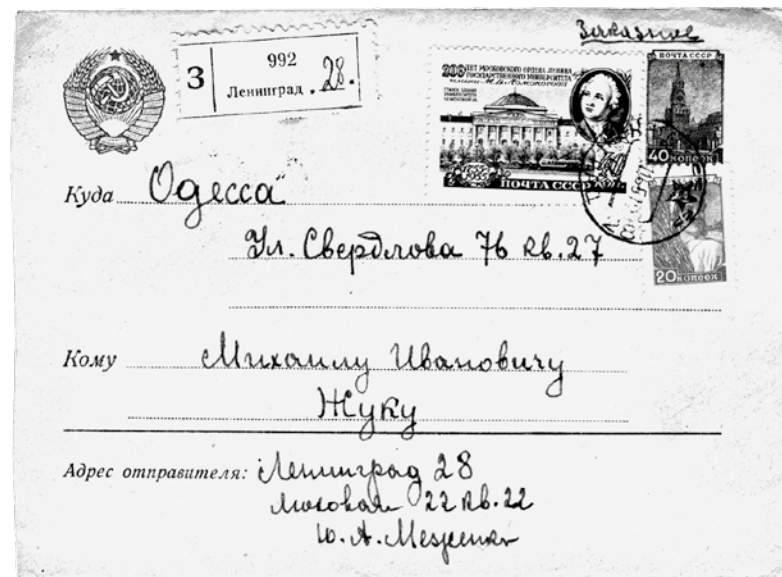
На справді це завжди проробляли й проробляють мене.

От і зараз читаю коректу своєї роботи, яка має в грудні вийти з друку, та готуюся до того, що шпинятимуть мене рецензенти й «доброзичливі» критики. Книжка ця бібліографічна і цікава лише для істориків техніки, та знаю, що бажаючи де завгодно зачіпку до лайки знайти можна.

Покінчивши з цією роботою працюватиму над Затиркевич-Карпинською та над Ліницькою. От в зв'язку з цим і до Вас маю запитання. Чи не було у Вас з ними хоч побіжних зустрічей поза театром?

Як що Ви що небудь про них можете згадати то напишіть мені хоч коротенько.

Про Затиркевичку готується цілий збірник, в якому буде й моя робота. Як що у Вас є спогади про неї – чи то як про актрису чи як про людину – то можна було б вмістити їх в тому збірнику.

Я знаю упорядників і, в разі буде Ваша згода, напишу до Києва щоб вони звернулися до Вас з офіційною пропозицією взяти участь.

Про Ліницьку маю намір написати невеличку книжечку. У Києві мені було обіцяно, що розшукають де які матеріали з різних архівів.

Як що не обдурять то писатиму. З видавництвом я веду про це «пертракції» і все відволікаю справу.

Я гадаю, що Ви повинні писати свої спогади українського маляра. А може ви вже й пишете?

Ви знали й бачили багатьох людей, чому б Вам за них не згадати?

Зараз не за всіх згадують не лише через те що сурово їх оцінюють, а часто й через те що за них несправедливо забули.

Як би добре було щоб Ви порозповіли й за себе й за людей.

Мені доводиться зустрічатися й з видавцями й з редакторами. Запевняю Вас, що Ваші спогади, чи назовіть їх як знаєте, легко знайдуть собі видавця.

Невже ж таки Ви не докладете свого літературного хисту до такої роботи?

От Ви згадали про Дядченка. А таких як він ще було скільки? Ви кажете що мабуть не варто торкатися списку художників, твори яких загинули серед мотлоху життя.

А я гадаю, що варто.

От Вам приклад. За чудову артистку Ліницьку забули. А коли я за неї нагадав лише в розмові так вже пів-року на мене напосідають з видавництва щоб я склав з ними договора на книжку про неї.

Ні, таки варто й слід згадувати.

Від Миколи Шрага я мав лише одного листа.

Чи пише він до Вас? Чи може такий обтяжений роботою, що й часу не має?

Ваші думками з Вами

1955.11.13

Лист 2

від 26 грудня 1955 р.

Ленінград

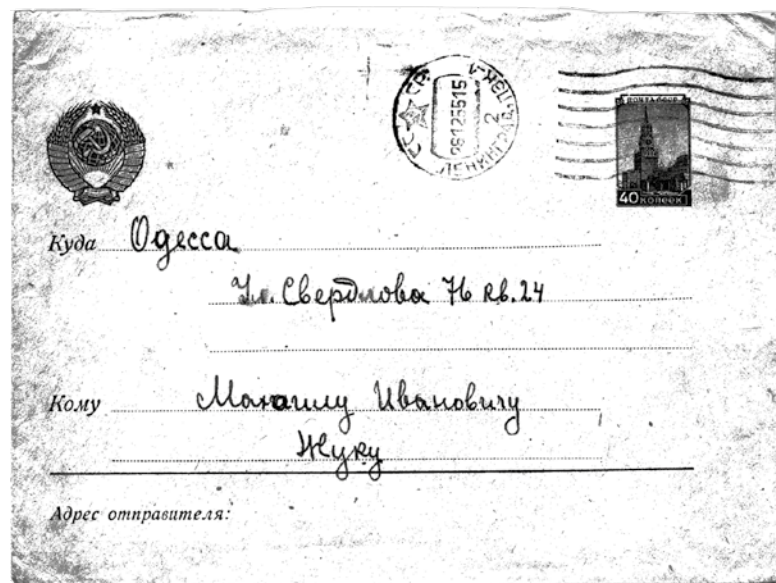
Дорогий Михайло Івановичу!

Здоровляю Вас з Новим роком і бажаю Вам щоб ще багато років ми з Вами обмінювалися новорічними привітаннями.

Не знаю як Ви, а я за минаючим роком не сумуватиму. Важкий він був для нас с дружиною, та й Новий не дуже весело починається бо ще й досі дружина не одужала, а коли вже зможе з дому виходити – невідомо.

Дуже мені хочеться побачитися з Вами та не знаю як це зробити. На весну мабуть доведеться мені бути у Києві, то може, як що буде вільний час та гроші, зазирну «по дорозі» й до Одеси.

Звичайно, не від мене залежить це – але охота велика. А може б Ви зібрались до Ленінграду?

Після сонячної Одеси (тепер, як що звернули увагу, мало не все сонячне: Україна, Туркменія, Узбекистан, Грузія і т. д. геть усе сонячне) приїдете трохи помокнути та прохолодитися в не сонячний Ленінград.

На початку січня виходить збірник пам'яті Кропивницького. Там є й моєї роботи трохи. Подивиться його й напишіть чи варто воно чого небудь.

Мені бо запропоновано подати таке ж про Затиркевич-Карпинську і не знаю як бути. Може це щось зовсім нецікаве й не потрібне.

Дуже мені цікаво було б почитати Ваші спогади. А я вважаю, що всі повинні (нашого з Вами покоління) спогади писати. Нехай зараз їх нікто не надрукує але лежатимуть вони в архівах як правдиві документи і хтось колись їх читатиме. А то теперішні молоді наші сучасники таке пишуть, що аж вуха в'януть.

Чи не читали Ви книжку Грибачева і К° під назвою Десна краса-
савица? Там є про Чернігів.

От сучий син понаписував!

Почав писати привітального листа, а кінчив, вибачайте,
лайкою.

Бувайте здорові і бадьорі

Ваші думками з Вами

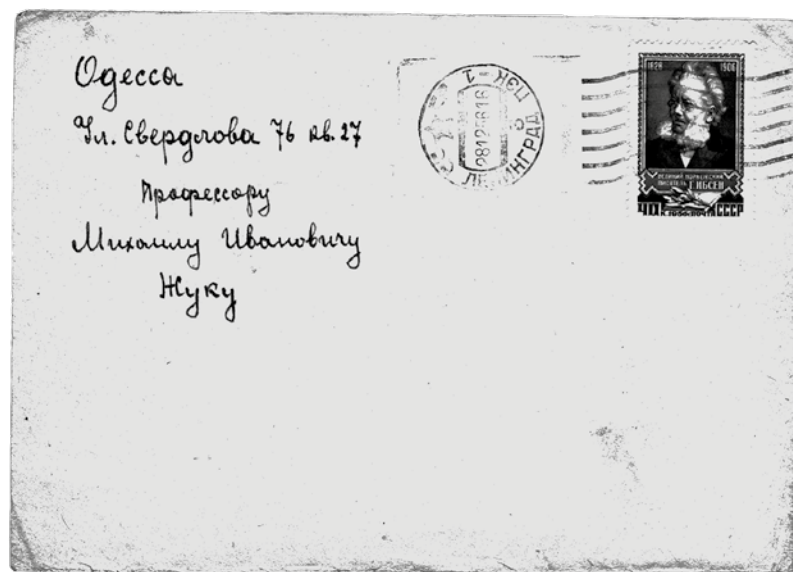
1955.12.26

Лист 3

28 грудня 1956 р.

Ленінград

Дорогого старого і давнього друга Михайла Івановича вітаю
з Новим роком і зичу щастя й покою.

Дуже шкодую, що листування наше урвалося.

Сподіваюся, що наступного року обмінюватимемося листами
регулярно. Хочу знати якнай докладніше все про Вас. Про себе тро-
хи згодом напишу.

Обіймаю Ваш

1956.12.28

Лист 4

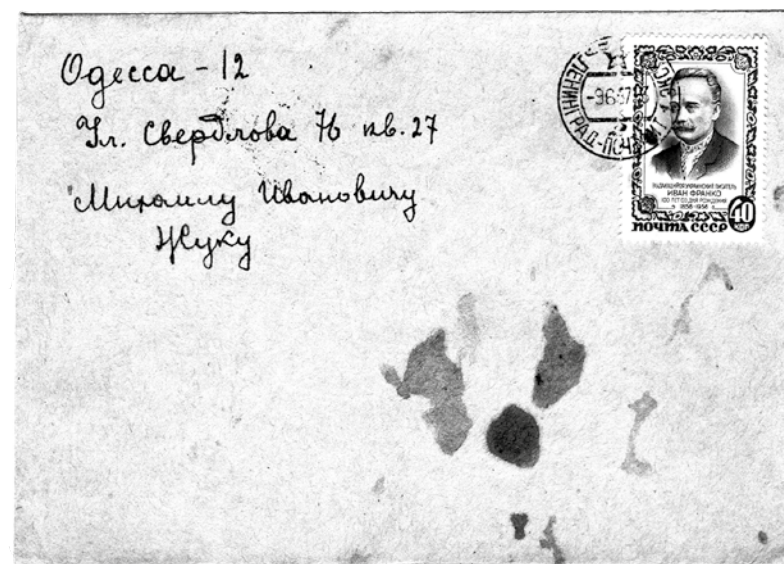
08 червня 1957 р.

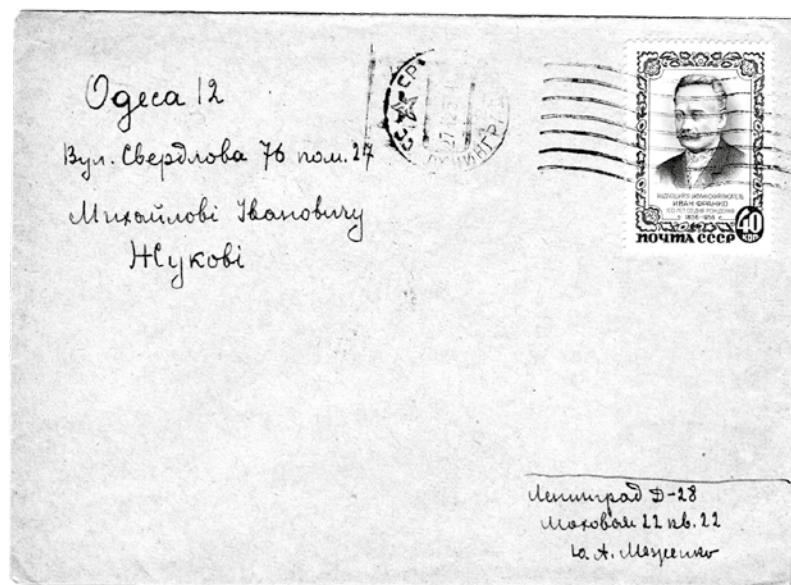
Ленінград

Дорогий

Михайле Івановичу!

Два дні тому повернувся з Києва. Так багато добрих спогадів
і з них стільки зв'язано з Вами. Київ чудовий і серце мені болить,
що доведеться помирати не там.

Мав кілька зустрічей з Платоном Олександровичем Білецьким. Він – син акад. Ол. Ів. Білецького – мистецтвознавець і займається Нарбутом та Історією Академії мистецтв, одним з основоположників та засновників якої були Ви.

Він хоче звернутися до Вас з проханням поділитися своїми спогадами і питав у мене чи не можу я йому в цьому допомогти.

Я, звичайно, допомогти зміг тільки тим, що дав йому Вашу адресу й пообіцяв листовно попередити Вас, що й роблю з приємністю.

Гадаю, що й Вам мабуть буде мило теплим словом згадати Георгія Івановича.

З Києва повернувся як завжди захоплений його чарами. Який же він привабливий!

Обіймаю Вас міцно

Ваш

1957.06.08

Лист 5

27 грудня 1957 р.

Ленінград

Вітаю дорогого Михайла Івановича з Новим роком і бажаю здоров'я та спокою!

Хоч як мені хотілося б з Вами побачитися, та не сила добратися до Одеси.

Дійшли до мене чутки, що десь у січні чи в лютому приїде до Одеси Микола Шраг. Заздрю йому бо він обов'язково відвідає Вас.

Чи звертався до Вас Плат. Ол. Білецький? Чи може він так і не наважився заглибитися в Нарбутівську тему, вона ж бо по цей час вважається трохи теє...

От бідний Георгій Іванович ніяк його не реабілітують.

Про себе нічого втішного написати не можу бо коли прийшла старість то втіхи мало, а вона клята не лише прийшла ще й нагадує за себе кожної хвилини.

Обіймаю Вас і цілую

Ваш

1957.12.27

Алла Максименко

Он любил все, что делал

Памяти Валентина Семеновича Максименко

В.С. Максименко (1936-2020)

Имя Валентина Семеновича Максименко знакомо многим одесситам, чья жизнь пришлось на вторую половину двадцатого века и начало нынешнего. Одни знали его как одноклассника и однокурсника, другие как преподавателя физики и математики, социолога, журналиста и театрального критика. Кто-то помнит его голос в телевизионных и радиопередачах о музыке и театре, кто-то знал его как бессменного на протяжении сорока лет руководителя Театрального общества при одесском Доме актера.

Он любил все, что делал, и никогда не оставлял одно свое дело ради другого. Педа-

гогику считал призванием, музыку называл своей любовью, а общение с людьми через статьи, книги и лекции о культуре было самой его жизнью. Сейчас, собирая эти страницы для со- того, юбилейного выпуска альманаха, в девятнадцати номерах которого печатались его статьи, я хочу, чтобы те, кто знал

Валентина Семеновича, узнали его заново, а те, кто не успел с ним встретиться, познакомились хотя бы так.

*

Он родился 8 ноября 1936 года в семье, которую тогда называли простой. Отец рабочий, мама домашняя хозяйка. Но простыми эти люди не были. Отец слесарил по самому высокому разряду, умел всё, и его постоянно звали на дополнительные работы в разные организации уже после смены на собственном заводе. Мама стала домохозяйкой не по своей воле, так сложились обстоятельства. Красивая, обаятельная, умная, она беззаветно любила музыку и до девяноста четырех лет из прожитых девяноста семи при первой же возможности шла в филармонию. Эту всепообеждающую любовь к музыке она передала сыну.

В глухом казахском селе, куда забросила их эвакуация, она рассказывала пятилетнему Вале об Одессе, об оперном театре, о музыке, и он полюбил театр заочно, еще не видя его, за тысячи километров от дома. Там же, в эвакуации, мама была председателем женсовета офицерских жен. Отец ушел лейтенантом на фронт 23 июня 1941 года и оставался в армии до 1946-го.

В Одессу вернулись в начале 1946 года, с большим трудом отвоевали свою довоенную квартиру, комнату в шестнадцать метров и проходную кухню без воды, отопления и канализации, со входом через черный ход флигеля. Вале шел десятый год, и он уже во всем помогал маме. В апреле родился второй сын, Сева. Валя поступил в четвертый класс 117-й школы посреди учебного года и школу полюбил. Учился всегда хорошо. Тогда отличников еще не дразнили, их уважали и соученики, и учителя.

А в десять лет он впервые попал в театр. Лучше, чем рассказал об этом он сам, не скажешь.

«Когда мы были в эвакуации в Казахстане, мама рассказывала об Одессе, о величии оперного театра, о спектаклях. Когда вернулись, я, еще десятилетним мальчишкой, при первой же возможности отправился на «Риголетто» в оперный. Помню, подошел к барьеру амфитеатра, посмотрел на роскошный занавес, на сказочно красивый зал, и все у меня внутри замерло. А когда услышал голоса певцов и звуки оркестра, они показались мне

божественными. Я пересмотрел все дневные спектакли. На вечерние не пускали, и тогда я подружился с гардеробщицей – она разрешала посидеть с ней, а потом я проникал в зал и забывал все на свете. Уже тогда, наверное, жил во мне, пусть это громко сказано, просветитель: раз я вижу такое чудо, его должны увидеть и другие. Я собирал компанию одноклассников, позднее однокурсников, мы слушали оперы, смотрели балеты, а потом обсуждали».

*

Университет он окончил с отличием в 1959 году, поступил в аспирантуру и со временем защитил диссертацию по применению математических методов в прикладных социологических исследованиях, став кандидатом наук. Но рядом с точной наукой всю жизнь шла музыка, и это удивительное соседство в нем никогда не смущало. Заслуженные артисты Украины Е. Котов и Л. Полякова позднее напишут о нем:

Сроднив искусства волшебство
И почерк строгий теоремы,
С достоинством и мастерством
Любой касается вы темы.

В те годы телевидения еще не было, и главным окном в большой мир оставалось радио, по которому можно было слушать оперы из разных театров страны. На Всесоюзном радио была постоянная рубрика «Театр у микрофона», и Валентин не пропускал ни одной передачи. В 1962 году радио провело музыкальную викторину «Знаете ли вы оперную музыку?», и он стал ее победителем, получив диплом первой степени. Гордился он этим всю жизнь, и не столько самой победой, сколько тем, что председателем жюри, подписавшим диплом, был его кумир Сергей Яковлевич Лемешев, а среди членов жюри, поставивших подписи, были Мария Максакова и Дмитрий Кабалевский.

Опера, говорил он, есть высшее проявление духовности, и он не представлял своих дней без музыки. Со студенческих лет он собирал фонотеку, и к концу в ней было около трех тысяч пластинок, произведения композиторов всех времен и народов.

Однажды ему захотелось поделиться впечатлениями об искусстве не с узким кругом друзей, а с большим числом людей, и он написал в газету. Рецензия понравилась и в редакции, и читателям, ему предложили написать еще. Так началось то, что, по сути, стало профессиональной журналистикой. Любопытно, что самой первой его заметкой был рассказ о впечатлении от документального фильма «Что такое теория относительности» – физик и тут не уступил место театралу. В его архиве осталось более восьмисот газетных и журнальных статей в одесских, общесоюзных и зарубежных изданиях.

*

Педагогику он начал на физическом факультете университета, читал курсы атомной и ядерной физики, потом работал в Южном центре Академии наук, где вел социологические исследования и обрабатывал их математическими методами. С 1976 года он старший преподаватель, с 1977-го доцент, а с 1990-го профессор кафедры высшей математики Одесского политехнического института, позднее ставшего Национальным политехническим университетом. В 2001 году его избрали академиком Академии исторических, философских, естественных и технических наук.

Каким он был преподавателем, лучше всего говорят его собственные дневники. Вот несколько записей начала шестидесятых.

«Март. Работа, какое счастье она несет. Я жду своих лекций, как хороший, радостный спектакль в опере или концерт в филармонии. Такое же радостное настроение, такое же волнение».

«Май. Мне недостает моих студентов. Осталась только одна группа, занятий жду с нетерпением. И обидно, когда они кончатся. А когда кончатся, что будет?»

«1963 год. Я люблю свою профессию. Сегодня поймал себя на том, что мне скучно без занятий, скучно при одной мысли, что завтра, в понедельник, их не будет. Совершенствую курс, придумываю задачи по «атому» и по «ядру». Черт побери, приятно».

«1964 год, ноябрь. И все-таки годы прошли даром, и не только для меня. Я старался учить добру, умению мыслить, чувствовать

прекрасное и в людях, и в физике, и в искусстве. И мне платили любовью, уважением».

И платили. Студенты благодарили его едва ли не после каждой лекции, и сам он однажды признался, что был поражен и растроган, увидев телефильм, где его работу оценивали ученики. Одно условие он тогда поставил: пусть интервью берут не у тех, кому он сейчас читает и у кого принимает экзамены, а у старшекурсников, уже прошедших его курс, у тех, кому незачем ему льстить. Оказалось, и они умеют быть благодарными, хотя экзаменатором он был отнюдь не добреньким.

Студенты писали ему стихи, присылали любимые песни. Я храню их все, но приведу те строки, в которых схвачена сама суть.

Спасибо, что конца урокам нет!
Хотя с надеждой ждем мы перемены,
Но жизнь – она особенный предмет,
Задаст вопросы новые в ответ,
Но мы найдем решение непременно.
Спасибо, что конца урокам нет!

А потом, спустя годы, я нашла в интернете отзывы его студентов уже совсем других поколений, и все они были анонимны, а оттого еще дороже. «Классно читает, эрудит». «Такого преподавателя еще не встречал». «Самый лучший, самый честный и понимающий». «Спасибо судьбе, что довелось у него учиться». И среди прочих один, в котором весь он со своей легкостью и теплом: «Да, веселый дядька».

Одна из его ранних учениц, Зинаида Сагдеева, сама ставшая преподавателем физики, вспоминала, как познакомилась с ним в сентябре 1962 года студенткой третьего курса. Он был ненамного старше своих слушателей, но поражал высокой культурой и при этом доступностью без тени высокомерия. Запомнилось его правило, что у него на экзамене списать не удастся никому. Этому правилу она потом следовала всю свою сорокадевятилетнюю преподавательскую жизнь. Считала Валентина Семеновича, как написала, ярчайшим, уникальным человеком, чьи труды внесли огромный вклад в историю культуры.

*

Сорок лет жизни он отдал Театральному обществу при одесском Доме актера. Его создала в 1976 году Зинаида Григорьевна Дьяконова как секцию зрителей, и вскоре по ее же просьбе руководство перешло к Валентину. О том, что было за эти сорок лет, можно написать отдельную книгу. Более четырехсот собраний, концертов, вечеров памяти, встреч. Перед поездками на конкурсы у нас обкатывали свои программы студенты консерватории, а потом возвращались к нам уже лауреатами. Выступали и прославленные артисты, и замечательные гастролеры, и все они, как и сам Валентин, работали бесплатно, и все удивлялись, до чего подготовленной была наша публика. Зрителей у нас называли элитарными, и это была чистая правда, в зале сидели люди образованные, любящие театр и его служителей.

А потом пришла рыночная экономика, Дом актера продали, в его стенах открылся ресторан, а после и казино. Общество, как с горькой усмешкой говорили мы тогда, осталось бездомным, но выжило. Нас приветливо пускали к себе и Дом медработника, и университет имени Мечникова, и Дворец культуры политехнического, и греческое консульство, где прошли вечера памяти Марии Каллас и композитора Владимира Фемелиди. Особенно сердечно принимал нас музей имени Николая Рериха, и я пользуюсь случаем еще раз поблагодарить его сотрудников за тепло к Валентину и ко всем нам.

*

Но главным трудом его жизни стали книги. За десятилетия научной, преподавательской и культурной работы он написал около двадцати книг, и каждая из них, по сути, – малая энциклопедия. «Храм и вечный музей искусства», «Два века Одесского городского театра», «Городской театр Одессы. 1809-2009», «Выдающиеся композиторы в Одессе», книги о Чайковском и Одессе, о семье Рихтера и о самом Святославе Рихтере, о Михаиле Водяном, о Галине Олейниченко, о Зинаиде Дьяконовой. Обычно работы такого масштаба создаются большими коллективами. Валентин несколько десятилетий работал один.

Главный дирижер Одесской филармонии Хобарт Эрл сказал об этом точнее всех: «В основе его работы изучение архивов, встречи с очевидцами, книги, журналы и газеты прошлых лет, проанализированные с редкой научной добросовестностью. Его книги вне конъюнктуры, чужды новомодным веяниям. Они безгонорарны. Единственная награда автору – признание его трудов».

А народная артистка России Галина Олейниченко, прочитав книгу об одесском театре, написала слова, которые он берег: «Я люблю Одесский театр, как любят Родину, своих родителей, детей. Поэтому моя благодарность Валентину Семеновичу – это благодарность дочери, выше которой нет ничего».

О том же, только стихами, сказала Галина Шмульян, и эти строки я тоже храню.

И если есть культуры ручеек,
И светит муз неяркий огонек
В замерзшем городе, то Ваша в том заслуга.
Вы держите бесценно, как атлант,
Бесценных знаний мощный фолиант.

Его книги ценили и специалисты. Профессор, доктор искусствоведения Александр Ровенко назвал его работу об одесском оперном лучшим из всего, что написано об этом театре за все годы его существования, профессиональным трудом историка, лишенным всякой конъюнктуры. А хранитель архива Чайковского в Клину Полина Вайдман писала ему как исследователю, чье имя хорошо известно в научных кругах. Из Чикаго доктор искусствоведения Дмитрий Азрикан прислал слова: «История продолжается, и пока есть такие люди, как Валентин Максименко, культуре ничего не угрожает».

А еще одесские писатели и художники дарили ему свои книги с надписями, в которых читается, кем он был для города. Олег Губарь благодарил его за многолетнее бескорыстное служение городу. Александр Галант назвал его ангелом-хранителем одесских театров и актеров. Георгий Голубенко благодарил за все, что Валентин делал для этого города.

*

У него был редкий дар: он умел проникнуть в душу артиста, понять самую суть его таланта и сохранить о нем память. Поэтому к нему тянулись люди, чьи имена составляют славу нашей культуры. Он дорожил автографами и письмами Павла Лисициана, Зары Долухановой, Зиновия Гердта, Елены Образцовой, Марии Биешу, Татьяны Шмыги, Алисы Джамагорцян. Ему писали великая трагическая актриса Алиса Коонен, балерины Виктория Кригер и Татьяна Вечеслова. Татьяна Шмыга однажды пожелала ему самого простого и самого важного, чтобы их творческое знакомство продолжалось как можно дольше.

Но был человек, по которому он, как он сам говорил, равнял свои поступки. Двенадцать лет их связывала переписка, а виделись они всего один раз. Это была Фаина Георгиевна Раневская.

«С волнением, потому что до сих пор чувствую на себе ее все понимающий взгляд. С гордостью, потому что эта дружба наполнила и наполняет меня счастьем».

Ее письма я перечитываю и теперь.

«Дорогой Валентин Семенович! Меня очень трогает Ваше тепло. Я всегда рада Вашей доброй весточке».

«Спасибо за память, милый Валентин Семенович. В мои годы жаловаться на нездоровье глупо, и я продолжаю работать, симулирую здоровье. Единственный мой грех и моя вина, это успех у зрителей, который перестал меня радовать, потому что приносит огорчение».

«Мой хороший Валентин Семенович, я хворала и молчала, а сейчас в первую очередь спешу благодарить за Вашу доброту и за Вашу очень хорошую статью о моей дорогой Любочке (Любовь Орлова). Утрату ее, моего доброго друга, тяжело переношу. Вас крепко обнимаю».

*

Он ушел из жизни 20 сентября 2020 года.

Наши друзья Лена и Боря Кукловы как-то написали слова: «Какой великой силы должна быть в человеке любовь к искусству, чтобы служить ему всю жизнь с такой беззаветной преданностью!»

То, что не совершил никто за двести с лишним лет из одесситов, работавших в искусстве, сделал он, и так блистательно».

Этот сотый выпуск альманаха Валентин Семенович уже не увидит. Но он был его верным автором почти с самого начала: подтверждением тому статьи Валентина Максименко в девятнадцати выпусках. Мне отраднo, что в юбилейном номере снова стоит его имя. Всю жизнь он хранил память о других, о певцах и актерах, об учителях и друзьях, о самом городе и его театре. Теперь наша очередь хранить память о нем.

Пусть последним словом будут стихи, написанные 8 ноября, в день его рождения, уже после того, как его не стало.

Мы в сердце ценность книг и встреч сумеем сохранить,
Их Валентин Максименко оставил нам в наследье.
И между поколениями связующая нить
Прочнее будет в нынешнем и будущем столетях.

Инна Вайнблат-Шафир

Юрий Дикий
**Absolutus Святослава
Рихтера***

«Мы истину, похожую на ложь,
Должны хранить сомкнутыми устами,
Иначе срам безвинно наживешь».
Данте. «Божественная комедия»

«...Меня мучила мысль, что музыкант... как Рихтер, единодушно признанный одним из величайших пианистов в истории, канет в небытие, так и не высказавшись по поводу своего искусства, своего творчества, своей беспокойной жизни, о коей были известны лишь обрывочные сведения да всевозможные слухи, не поддающиеся проверке».

Бруно Монсенжон

Во все времена великим личностям доводилось убеждаться, как мифы «становятся правдой», а затем и историей. Их друзья и враги, творчество и депрессии, слава и забвение – щупальцами обвивались вокруг жизненного потока, порождая преодоление себя, своих обстоятельств, своей судьбы, очерченных кем-то написанными биографиями, легендами, мифами, а еще чаще сплетнями и ложью соразмерно масштабу гения.

* Автор статьи – глава Миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера, профессор кафедры специального фортепиано Одесской музыкальной академии им. А.В. Неждановой.

Скульптура Святослава Рихтера.
Автор – Михаил Цветков

«Обо мне опубликовано столько откровенной лжи и досужих сплетен, – сетовал А. Эйнштейн, – что я уже давно покоился бы в могиле, если бы обращал на них внимание. Следует утешиться тем, что через сито времени большая часть ерунды стекает в море забвения».

Великий физик и мыслитель был не одинок в своей убежденности. «Обо мне говорят и пишут такие небылицы, такую чушь, что я спрашиваю себя, кто мог все это выдумать», – жаловался С. Рихтер Б. Монсенжону в знаменитом фильме «Непокоренный Рихтер».

«Он живет в другом измерении», – говорила рихтеровский секретарь и импрессарио его последних лет Милена Борромео. И это не удивительно, ибо у Рихтера был далекий

от обыденности мир, который приземленные интерпретации достичь не в состоянии. «Маэстро хотел бы, чтобы Бруно (Монсенжон. – Ю. Д.) сделал его биографию», – вспоминала Милена, вероятно, потому, что мифологический остов рихтеровской биографии в эпоху сталинизма, как и во времена последующих правителей, был неоднозначен и для самого Рихтера.

Предельно дистанцированный от уже существующих жизнеописаний фильм-признание «Непокоренный Рихтер», расставляющий «точки», или «акценты», самого Мастера, вызвал острые полемические волнения в ближайшем окружении, справедливо считающем Рихтера таким, каким они (и только они!) его знали.

Возможно, поэтому наиболее справедливо мнение Дмитрия Дорлиака, прожившего бок о бок с Рихтером и Ниной Львовной Дорлиак (более пятидесяти лет. – Ю. Д.):

«Ответственно говорю: что за явление Святослав Рихтер – не знает никто. И я в том числе. Слава был и закрытый человек, и открытый, и открывался он часто не дома, и не всегда понимал, кому можно что-то рас сказать, а кому нельзя. Притом, что эти «открытия» могли быть, да и бывали сиюминутны. И через какое-то время по той же теме его мнение могло быть абсолютно противоположным высказанному ранее. И это тоже было мнение Славы».*

Беседуя о Рихтере со многими близкими ему людьми, знавшими его с детства и юности, действительно удивляешься разнообразию и обилию характеристик и позиций, степени приближенности, общим знаменателем которых была их удаленность от его детства и юности. Удаленность, порожденная самим Мастером, его длительным и не менее многозначительным молчанием.

«Мне хотелось сделать о Рихтере фильм незаурядный, – признается Б. Монсенжон, – соответствующий его личности, а потому он непременно должен был предстать на экране таким, какой он есть, иначе получится банальный музыкальный фильм с непонятно кому принадлежащим голосом за кадром, сопровождаемым архивными кадрами, безликими и быстро надоедающими».**

Но что художник может о себе сказать от первого лица? Даже о фактах своей биографии, особенно своим многозначительным помалкиванием о наиболее выразительных документальных фактах. Рихтер, с детства любивший шарады, карнавалы и маски, вполне мог осознанно оставить загадки для нашей памяти, возможно, для интриги разгадки, театральной фабулы, сохраняющих свою инвариантность в различного рода интерпретациях и противоречиях!

Сама память о его служении и устремлениях к высшим проявлениям логоса, неустанный поиск гармонии, перекрывавшие документальную и уловимую жизнь гения (что проделывали его современники и что его не устраивало, хотя бы, к примеру,

* Д. Дорлиак. Мимолетности Святослава Рихтера. – М., 2005, с. 63-64.

** Б. Монсенжон. Рихтер. Дневники. Диалоги. – М., 2002, с. 14-15.

«Хроники» А. Золотова, весьма далекие от близких ему образов Манна и Пруста, других рихтеровских идеалов, но поданных в запросах «утраченного времени» совка), несет в себе театральную инсценировку биографического сюжета, парадоксальную во всех своих противоречиях.

Кто-то из великих сказал, что «вершины культуры есть ее основание», так и «Absolutus» Рихтера, на наш взгляд, составляет его детство и юность (как основание) его гения.*

«Traduttore – traditore»**

Если вчитаться в публикации за десять лет после ухода Маэстро, то и «чушь, и небылицы» продолжали множиться («человеческое слишком человеческое», Ф. Ницше) в заданном вовсе не самим Рихтером направлении, особенно если публикации приурочены к датам и поданы в конгломерате подогретых фактов. Но это еще полбеды.

Бывает и так, что публикуется микст фактов, как это было совсем недавно в одной из киевских газет, где автор объявил, что одесская «аура раскрывает тайну Святослава Рихтера, о существовании которой многие до сих пор не знают...». Неплохо бы знать, о какой «ауре» идет речь, и что о ней думает автор, утверждающий что «барельеф с факсимильной росписью Святослава Рихтера, выполненный из бронзы, установлен на стене Пасторского дома»? Похоже, что преподносимая «одесская аура» из такой же бронзы, как и рихтеровский барельеф.

Не хочется возвращаться и к другим юбилейным публикациям о «неизвестном Рихтере» в год девяностолетия мастера. Там массовая публицистика постаралась напутать и отчество отца – Теофила Рихтера, – и всеми силами выжать ряд «былей», чтобы ими разбавить общепринятую залитованную биографию

* Видеокomпьютерный анализ, проделанный академиком РАЕН Н.В. Масловой в 2007 г., ею определен как «Absolutus» С. Рихтера.

** Итальянская игра слов «переводчик – предатель», когда интерпретатор (как переводчик информации) оказывается предателем в передаче искаженных фактов.

музыкального деятеля высочайшего отечественного ранга, Героя Социалистического труда, ярчайшего «представителя советского (!) стиля исполнительского искусства».

Создавал барельеф на мраморной доске замечательный одесский скульптор Николай Степанов. Мучительно вживаясь как незаурядный художник в полуфантастическую тайну молодого Рихтера, он не сразу согласился с драматической идеей «вырванной стены» из ракушечника на гламурно отреставрированном фасаде Пасторского дома. Исподволь откликнулся он и на идею «оживления» мемориала – за доской установлены два старинных камертон, звучащих невероятно редко, – когда за доску попадает дыхание ветра, о чем знают очень немногие в Одессе.

Необходим был непростой путь современного художника к Мастеру, чтобы памятный знак стоном резонировал с местом его драматической судьбы.

Факсимильная роспись Рихтера на двух языках взята из памятного альбома в музее его учителя Генриха Нейгауза в Кировограде, городе, чтящем память своего соотечественника не в пример Одессе, о чем мы скажем ниже.

Может быть, «аура Одессы» скрывает тайну Рихтера?

«Символическое место немецкого городка», что, возможно, известно вышеупомянутому автору, на 75% уничтожено. Чудом уцелевшая кирпич с террористической настойчивостью, начиная с послевоенного периода, уничтожавшаяся бывшей «интеллектуальной администрацией» института связи (ныне престижной национальной академии), воцарившейся в этом символическом месте; пожалуй, единственное место в Европе, простоявшее в руинах свыше полувека, и что любопытно, вовсе не как жертва минувшей войны.

Мемориальная доска Святославу Рихтеру на Пасторском доме в Одессе

Сюда тайно приезжал из Кишинева после концерта Святослав Рихтер, приезжал перед планируемым сносом здания в 60-е годы и, как нам позволено предположить, попрощаться с останками своей родной одесской символики, перед тем как ему стать «затонувшим собором» детства и юности, в котором последним органистом был его отец Теофил Рихтер.

Почему предположить? Да потому, что я лично в 1966 году относил письмо Е.А. Фурцевой (оно у меня сохранилось), составленное в Москве с Э.Г. Гилельсом и подписанное Д. Ойстрахом, Я. Заком и Г. Олейниченко, о спасении кирхи. Первым побуждением Э.Г. Гилельса, узнавшего от меня роковую новость, было немедленно звонить Рихтеру, но только опасение травмировать его застопорило этот звонок. И все же информация о готовящемся взрыве кирхи не могла не дойти до ушей С. Рихтера, побудив его (как гласит предание) стать на колени перед руинами – памятником его отчужденного прошлого. Мог ли местный этос стать фактом биографии лауреата Ленинской и Сталинской премий?

Школьная наука

Юрий Башмет с большой иронией и грустью говорил мне о хрестоматийном жанре подачи Рихтера – музыканта и человека, чья жизнь была не менее театральна, чем у Джулии Ламберт из «Театра» Сомерсета Моэма. Была она и шекспировски трагична, а порой и комична, с теми, говоря современным языком, приколами, которые неумолимо выдавали все его несоответствие идеологическим мифам и прокрустову искусствоведению и источниковедению.

Вне концертной жизни за роялем весь московский период жизни Мастера был тщательно ретуширован, и возможно, не без его вынужденного согласия, о чем косвенно говорят факты. Но именно одесский период очень трудно подлежал гримировке, а посему был своевременно и радикально дистанцирован в его биографических сведениях. О. Мандельштам в далеком 1922 году писал: «...Вчерашний день еще не родился. Его еще

не было по-настоящему. ...Меня не удовлетворяют исторический Овидий, Пушкин, Катулл».*

А «вчерашние» биографии? Удовлетворяют ли нас в XXI веке все исторические материалы, в том числе и официальные портреты деятелей, черты которых поданы в нормах советского образа жизни? О подлинных фактах, формировавших рихтеровскую биографию, похоже, не знал сам Рихтер, но говорить о них необходимо сколь бережно, столь и осторожно, при этом не устранив контекста репрессиионизма небезызвестного социалистического реализма.

Как критически ни оценивается нашумевшее интервью А. Гаврилова с его умозаключениями о Рихтере, нельзя с ним не согласиться, что «слишком это напоминает великую шекспировскую историю». Строя свои догадки о «масках Рихтера» чуть ли не как о его личинах: «Для Рихтера это была игра в имидж, выработанная тонкая политика, вымуштрованная прохождением через сталинское время, хождением двадцать пять лет на грани расстрела. Этот человек себя полностью перековал и превратился в положительного героя», – утверждает А. Гаврилов.

Он не без позы размышляет и анализирует, но вряд ли понимает и сочувствует! Подмечая всю глубину страданий в неприступном для всех рихтеровском внутреннем мире, говорит, что «это идет у него из детства», Гаврилов сбивается на стиль уровня сплетни, провоцируя у читателя отрицание причинности вполне обоснованных догадок.

Рихтеровский имидж детства и юности вне действительно трагического контекста остается закодированным за пределами понимания иной исторической, творческой, моральной дистанции современности, чтобы в публицистике оставаться официально портретным либо обыденно девальвированным.

Действительно, если репрессированный и расстрелянный НКВД Теофил Рихтер (реабилитированный Хрущевым в 1962 году по настоянию знаменитого сына, написавшего ему письмо) обрел легитимность мученика, то «сбежавшая» с немцами мать А.П. Рихтер-Москалева и сегодня подается в стандартном негативе как предательница сына. Закрепленный тип женщины,

* О. Мандельштам. О поэзии. – Л., 1928, с. 78.

променявшей сына на «негодая» с «темным прошлым», продолжает обрастать небылицами, тогда как основные источники этой информации, на наш взгляд, и сегодня спрятаны в тень.

«Разоблачения» А.П. Москалевой-Рихтер, незаурядной женщины во всех отношениях, олицетворявшей всю полноту домашнего очага в Одессе и распространявшей свою симпатию на всех окружающих, в том числе и в Москве*, порой обескураживают своим примитивизмом. Разумеется, отформатированным в определенном ракурсе оценок ее жизни и поступков. Каким бы образом не упоминал обстоятельства отъезда матери из Одессы Рихтер, все говорит о том, что он обожал мать, несмотря на явные противоречия этих воспоминаний. Поздние признания Рихтера о «самой темной странице биографии» при их сопоставлении с появившимися источниками проявляют контуры интриг и мифа, скорее всего, искусственно инъецированного в его сознание, сопровождавшего и отравлявшего всю его жизнь.

Одиозная фигура С.Д. Кондратьева, «разрушителя» рихтеровской семьи, кочует из статьи в статью, из книги в книгу, опираясь на свидетельства, с одной стороны, Рихтера, с другой – инициативных (а может быть, и заинтересованных?) «доброжелателей».

Что было первичным в неприязни юного Светика к Кондратьеву – ревность к человеку, которому «мама оказывала... всевозможные знаки внимания», или словоохотливость образованнейшего по тем временам человека (на фоне профессуры одесской консерватории 30-х годов), не нам судить.

«Молодежь валом валила, чтобы прослушать курс лекций», – сохраняя некую объективность, говорит о Кондратьеве сам Рихтер, будучи его учеником. Да и уроки композиции, что не отрицает Рихтер, он давал студентам, в том числе и талантливому композитору В. Фемелиди, сочинившему балет «Карманьола». Рихтер, прежде всего, профессионально не предубежден, когда вспоминает, что балет был создан «под общим наблюдением

* Множество свидетельств о симпатиях к ней Г.Г. Нейгауза, А. Ведерникова (которому Анна Павловна лично подыскала квартиру в довоенной Москве). Ближайший друг С. Рихтера, Вера Ивановна Прохорова (Рихтер ее называл Випа), восторженно обрисовывала облик А. П., напоминающий ей образ Анны Карениной.

Кондратьева... когда его поставили в Одессе». Партитура была такова, утверждает Рихтер, что «в ней были места, которых не постыдился бы и сам Прокофьев. И теперь еще я храню в памяти полную партитуру этого балета».

Только спустя годы признается Рихтер о далеком прошлом: «...злые языки уверяли, будто причиной стало анонимное письмо, которое якобы послал Кондратьев, чтобы избавиться от отца». ...Однако «с трудом верится, что он совершил подобную гнусность».

Негативные эмоции – острые и запоминающиеся, объяснимые для молодого человека, не лишнего небезызвестного комплекса Эдипа** (по тем временам реакционного и антинаучного направления, фрейдизма), искусно брались в расчет авторами мифов, чтобы сконструировать его гамлетовские отношения с близкими в юности людьми.

У С. Кондратьева к С. Рихтеру отношение было однозначно восторженное. Располагая оригиналом книги, подаренной Кондратьевым Рихтеру в октябре 1936 года с дарственной надписью «Дорогому ученику моему Светику Рихтеру – С. Кондратьев», зная авторитетное мнение людей, близких к семье Рихтеров, можно утверждать, что этот человек одним из первых в Одессе видел в юноше выдающуюся личность.

Почти по Дюма

Что же сегодня можно увидеть с дистанции – десять лет спустя после ухода Маэстро, выйдя за круг установленных биографических стандартов?

Первое – что Рихтер, скорее всего, так и не был ознакомлен с реабилитационным делом отца до самой своей смерти в 1997 г. Иначе он бы знал, кто подписал донос на отца, и не упоминал С. Кондратьева в «ореоле сплетен» о его доноситечестве.

Второе – арест Теофила Рихтера, как и многих немцев не только Одессы, был массовой репрессивной акцией. Его расстрел был не в июне 1941 года (когда немцев и близко не было под Одессой),

** В этом пункте невольно возникают параллели с известной работой З. Фрейда «Леонардо да Винчи. Детство и юность».

как говорит Рихтер в интервью Монсенжону, а в октябре, перед самым их приходом, что также показывает незнание дела отца.

Третье – о расстреле Т. Рихтера узнали одесситы уже после вступления немцев в Одессу. Поэтому как могла знать о гибели Теофила Рихтера женщина, оказавшаяся «случайно» в Тбилиси 1943 года – по другую сторону фронта? Разве столь же случайно она, как вспоминает С. Рихтер, «подошла ко мне на улице и заговорила» о смерти отца, тем более что у С. Т. были подозрения о ее принадлежности к определенным службам.

Четвертое – эвакуация из Одессы консерватории, как и других учреждений, происходила в ужасающих условиях.* П. Столярский, эвакуировавшийся одним из первых как знаменитый в то время профессор-орденоносец, присылал коллегам душераздирающие письма об опасностях и условиях эвакуации, о чем пишет в своих дневниках В. Шве́ц, хорошо знавший Рихтера и его окружение.** Многие одесские музыканты оставались в оккупированной Одессе под влиянием информации, поступавшей от эвакуированных коллег. Положение Теофила Рихтера в консерватории не давало ему никаких преимуществ в эвакуационных условиях, что прекрасно понимала практичная Анна Павловна, и преподносимая мотивация ее отказа эвакуироваться явно упрощена.

Пятое – кто и зачем сообщил Рихтеру, что Кондратьев и Анна Павловна поженились в Германии и «покинули страну в 1941 году». Их венчание состоялось в середине марта 1944, незадолго до ухода немцев из Одессы в начале апреля 1944 года, когда стало ясно, чем грозит им возвращение органов НКВД. И деятельность Кондратьева как открытого противника Советов, и коммерческая деятельность выживания в годы оккупации Анны Павловны, жены расстрелянного «врага народа», предопределяли им расстрельную перспективу или как минимум гибель в ГУЛаге. Брак же с ней и смена фамилии давали С. Кондратьеву единственную возможность – бежать из Одессы.

* К. Паустовский в повести «Время больших ожиданий» рисует картину эвакуации в Одессе. И неважно, как это происходит, – у белых от красных или в 41-м от немцев.

** Дневники преподавателя Владимира Шве́ца были опубликованы в книгах Владимира Смирнова, ученика В. Шве́ца, «Реквием XX века».

Выборочно приведенные факты заставляют задуматься – какого рода и какой плотности информацией был окружен Рихтер все послевоенные годы, и мог ли он вырваться из ее плена? Получить «немцу» по повелению свыше первую премию на Всесоюзном конкурсе в 1945 году, разделив ее с фронтовиком Виктором Мержановым, а затем в 50-м Сталинскую премию, будучи сыном расстрелянного «врага народа» и сбежавшей с немцами и антисоветчиком матери-дворянки, можно было, сделав компромиссный шаг, как минимум – забвения «порочащего» одесского периода.

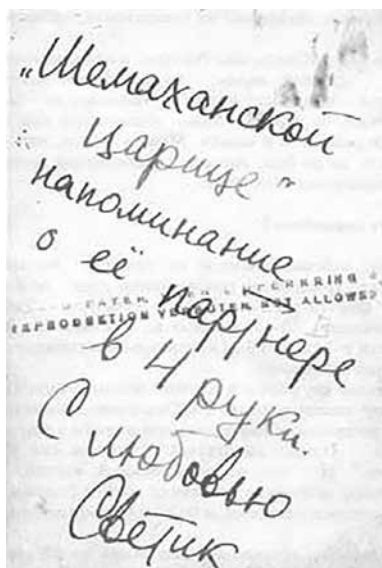
Одесский исследователь и писатель Владимир Смирнов, первый, кто ознакомился с реабилитационным делом Теофила Рихтера, высказал довольно реальную гипотезу, что «перед тем как выпустить С. Рихтера за границу, он был подвергнут умышленной психологической обработке».

Нам же представляется, что незримая и длительная обработка С. Рихтера, как и его близких, началась гораздо раньше и мастерски продолжалась всю его жизнь. Нетрудно понять, что Рихтер, ничего не подозревая, получал недостоверную информацию, искаженные факты, домыслы, медленно, но неотвратимо отравлявшие его сознание.

Негативной «трагической виной» по сей день остается не репрессивный контекст эпохи, не его реально виновные действующие лица! Ни написавший донос на отца агент НКВД Юндт, ни иезуитский следователь НКВД Гланц, ни подписавшие приговор судьи Зенкович, Захарянц, Ткаченко нигде не упоминаются (в том числе Рихтером и его окружением), а только один (!) объект юношеской ревности, словоохотливый и, вполне возможно, малосимпатичный антисоветчик – Кондратьев!

«По направлению к... Гамлету»

Весь имеющийся в нашем распоряжении материал о детстве и юности Светика Рихтера позиционирует окружавшую его среду как весьма по тем временам «неблагонадежные» круги национального, религиозного и социального происхождения. Известный журналист Ф. Кохрихт, женатый на дочери «Шемаханской

Фотография из семейного архива семьи Вербицких-Кохрихт

царицы» Святослава Рихтера*, Татьяне Вербицкой-Завалишиной, которую Маэстро нянчил в юности, пишет: «Рихтеры жили в замкнутом мире, в который не допускались посторонние. И отец, и сын... были одиноки – и в оперном, где они работали (Светик – концертмейстером), и среди коллег – пианистов и педагогов...». Ибо стоит напомнить о начавшихся репрессиях 30-х годов в окружении этой семьи – тогда как «шумная, любвеобильная, прагматичная Одесса-мама, более других любившая самых энергичных, шустрых, оборотистых, коммуникабельных, оптимистических (при несомненных талантах!) своих сыновей и дочерей», не менее других городов переживала «оптимистическую трагедию» невинных человеческих судеб.**

* См. статью «Шемаханская царица Святослава Рихтера» в международном еженедельнике «Зеркало недели» от 1 октября 2005 г.

** Т. Вербицкая, Ф. Кохрихт. Столь долгое отсутствие. Альманах «Дерибасовская – Ришельевская», вып. 12, с. 204-205.

Триумфальное поступление без экзаменов в Московскую консерваторию в класс к Г. Нейгаузу в 1937 г. и привилегированное положение сталинского стипендиата, благодаря Г. Нейгаузу знакомство с Н. Мясковским, С. Прокофьевым, общение в престижнейших семьях московских знаменитостей не перевешивали влечение Светика к Одессе, дому, родителям, куда он регулярно удирал из столицы. Детство и юность Светика Рихтера в Одессе, вплоть до начала войны в страшном 1941 году, надолго остались в легендах одесситов.

Перекличка гамлетовского сюжета, подмеченная Ф. Кохрихтом у молодого Рихтера, как бы в продолжение шекспировских ассоциаций Гаврилова, очевидна не только поданной фабулой семейной драмы – расстрелянного отца, якобы с подачи С. Кондратьева, женившегося на матери. Гамлетовское состояние самого Рихтера, со своим внутренним миром и призраком НКВД, «указующим на преступника» Кондратьева, делает его героем не меньшей по масштабу современной драмы, не нашедшей своего Шекспира.

Человек, склонный в жизни к некоторой театральности, если не виртуальности, ставший «положительным героем» (по Гаврилову) в советской культуре, Рихтер, как и Гамлет, оказывается в центре множества мнений, которые он осторожно подпитывает и тем самым запутывает. «Игра в безумие» или «игра в молчание, табу» ведет либо к «чуши и небылицам», либо в «тайны и лабиринты» человеческой души, не давая никаких однозначных ответов, какими бы фактами, лежащими на поверхности, не оперировали даже самые близкие люди.***

А для того, чтобы представить миру Святослава Рихтера в качестве советского символа, «очищенного» от своей прежней жизни, нужны были аккуратные биографические данные, в которых признаки эдипова комплекса были бы сублимированы в тему «мщения сына за смерть отца», обеспечивая его если не лояльность, то по меньшей мере, нейтральность к власти. Можно думать, что эта цель достигнута, ибо в отличие от Гамлета, он был

*** Склонность Рихтера к мозаике собственных мнений отмечалась многими близкими ему людьми.

не автором «исполнения долга», а его героем, надолго, если не навсегда, закодировав свою тайну.

«Любимый город может спать спокойно»?

Послевоенный период Одессы, дистанцированной от Рихтера, вполне можно назвать ледниковым, даже после хрущевской реабилитации отца, особенно со стороны, видимо, предупрежденных властей и администрации культуры. Небольшой круг музыкантов и почитателей начиная с 60-х выезжал на кишиневские, киевские рихтеровские концерты, однако доступ к Маэстро был максимально ограничен даже для очень близких ему людей из довоенного прошлого. Как рассказывала мне его одесская соученица и близкий человек Анны Павловны Рихтер, композитор и профессор консерватории Т.С. Сидоренко-Малюкова, Анна Павловна просила передать Светику оставленные Рихтером ноты и книги в Одессе. Что и стремилась сделать в Москве Т.С. Однако ей отказал в этом не сам Рихтер, а посредники, стоявшие между ними.* И это не единственный случай, скорее установившееся правило, как и заговор молчания об Одессе вокруг близких Рихтеру людей, прорваться сквозь который удавалось не многим, и то с оговоренными «условиями одесского табу».

Мистифицированная «aura Одессы», сформировавшая гений Мастера в далекие предвоенные годы, в сопоставлении с нынешней мало изменилась. «Гением больше, гением меньше – подумаешь!» – продолжают уместно и неуместно шутить одесситы, сохраняя прежнюю любовь к «энергичным, шустрым, оборотистым, коммуникабельным» поколениям, разве что несколько сузив культурные приоритеты в рамках Юморин. Впрочем, и Украина, хранительница культурного наследия, смирилась и с массовой культурой «хлеба и зрелищ», и с растущим демпинговым экспортом своих талантов прошлого и настоящего.

Незримо зависшая блокада бывших отношений Рихтера к Одессе и Одессы к Рихтеру, прорвать которую не удавалось

* Книга, подаренная Кондратьевым Рихтеру, «Музыкальная форма» Г. Катуара, скорее всего, из этой рихтеровской библиотеки.

и после ухода Маэстро в 1997 году, продолжает существовать. Попытки его соученицы и друга по Одессе и Москве, по классу Г.Г. Нейгауза, профессора одесской консерватории, известной украинской пианистки Л.Н. Гинзбург** вернуть Одессе Рихтера наталкивались на невидимую стену негласного сопротивления. Таким символом оставался и остов разрушенной кирпичи, укоризненным памятником возвышающийся над музыкально-историческими кварталами Одессы.***

Противоречия вспыхнули вновь, когда инициативная группа общественности все же поставила ребром вопрос о мемориальной доске своему земляку и на свои средства, страх и риск организовала первый «Рихтерфест-2002» – «Декабрьские встречи», открыв упоминавшийся барельеф. И областная власть, и академическая среда остались безучастными к этому событию, а руководители консерватории немало потрудились, чтобы любыми способами дискредитировать и фестиваль, и его организаторов. Прямая попытка срыва концерта молодых пианистов Одессы в филармонии отказом в нем участвовать 7 участников из 12 и многозначное отсутствие педагогов консерватории, в первую очередь, фортепианных кафедр в течение всех десяти дней «Рихтеровских встреч», уклонение от контактов с известными коллегами из украинских консерваторий, участвовавших в концертах и встречах «Рихтерфеста».

** Такие же отношения связывали ее с Э.Г. Гилельсом, Я.И. Заком и многими другими известнейшими музыкантами-одесситами.

*** Это отдельная тема трагической пьесы «Aura Одессы», весьма контрастирующая с имиджем беззаботного и юморного города.

Вот где бы нашим свободным и независимым журналистам почерпнуть материалы – и об «ауре Одессы», и о нейтралитете властных структур, и о нетленных интригах бывшей консерватории, ныне академии, в их подлинных мотивах!

Появление в Одессе Миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера независимо от указующего перста администраторов и ее уже пятилетняя общественная деятельность не позволяют адаптироваться к ней всей вертикали исполнительной власти, начиная с Министерства культуры Украины. Их не убеждает широко освещавшаяся в СМИ высокая оценка общественности Украины и Одессы, зарубежных посольств и министерств. Организация международных фестивалей – «Рихтерфестов», «Ойстрах-Ассамблей» и других праздников – интерпретируется, а часто и фальсифицируется с тем же душком профессиональной зависти и собственной несостоятельности, как и консерваторские склоки далеких предвоенных лет в адрес Теофила Рихтера, его семьи и самого Светика.

Парадоксы рихтеровских историй в хрониках последних лет весьма симптоматичны. Поиск и находка Миссией в 2005 году мраморной скульптуры С. Рихтера (автор М. Цветков), семнадцать лет пролежавшей под сараем (?) в музее г. Яготин Киевской области, завершились легким испугом чиновников. Все попытки передать ее в Одессу для установки памятника возле Одесского оперного театра до сего дня остаются за пределами интереса исполнительной власти.*

Авторский фильм, посвященный детству и юности С. Рихтера, съемки которого начаты нами в 2005 году, помогали осуществить немецкий «Гете-институт» в Киеве, Посольство ФРГ в Киеве, пока так и не удастся завершить в отсутствие и минимальной государственной и спонсорской помощи и моральной поддержки, несмотря на все наши обращения.

Совсем недавно музыкальный мир при содействии европейской общественности отметил тридцатилетие памяти Марии Каллас, ставшей символом Греции. Сопоставлять эти состоявшие-

* Международный еженедельник «Зеркало недели» (№ 38, за 1 октября 2005 г.), как и многие СМИ Украины, публиковал материалы, видимо, не замеченные Министерством культуры Украины и властями Одессы.

ся праздники с датой десятилетия памяти Святослава Рихтера в Украине и Одессе до боли обидно. Разве что утешиться предложением правительства Австрии отреставрировать дом в Житомире, где родился гений.

Кому нужен Святослав Рихтер в Украине уже спустя одиннадцать лет после его ухода? Нужен ли он академической среде в Одессе в эпоху расцвета коммерческих диссертаций и дипломов, званий и наград?

«Недостаток не в деньгах, а в людях и дарованиях, делает слабым государство», – говорил Вольтер. У кого деньги – мы знаем, каково отношение к дарованиям людей – тоже. Не верится, что в Украине стало гениев меньше, вопрос в другом: насколько и для чего нужны они властям?

От себя остается добавить: не зная прошлого и не работая для будущего, – не удивляйся настоящему!

2008

Тетяна Щурова

Зона довіри та плідного партнерства

«Вдячність – пам'ять серця». Ця французька приказка доречна, коли йдеться про історію творчих зв'язків відділу мистецтв Одеської національної наукової бібліотеки, найстарішої книжкової скарбниці України, та Всесвітнього клубу одеситів. Багаторічна співпраця поступово перетворилася на зону довіри та плідного партнерства.

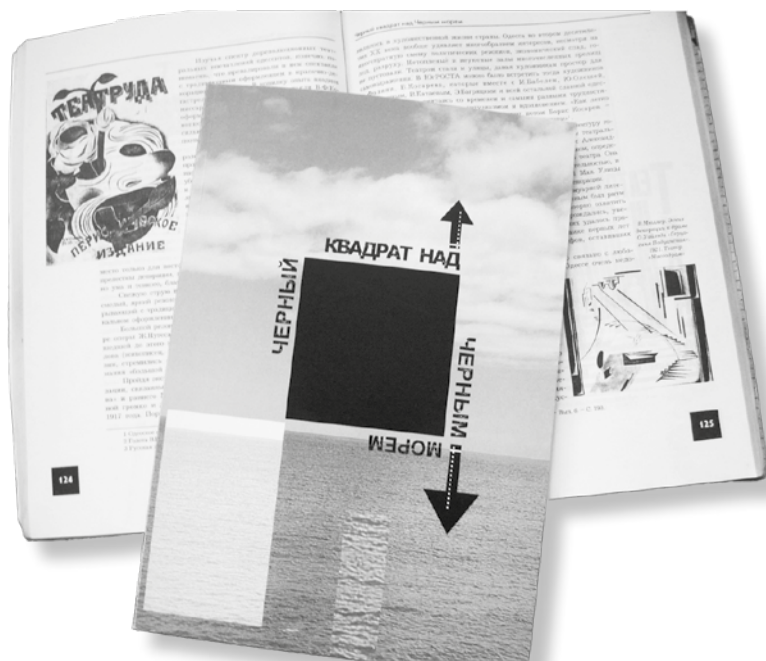

Всесвітній клуб одеситів було відкрито у листопаді 1990 року, і він дуже швидко став центром культурного та громадського життя в Одесі та далеко за її межами. В його діяльності завжди приваблювало вміння звернутися до одеситів та заохотити їх використовувати дані нам багаті можливості – і таким чином більше дізнаватися, бачити, навчатися оцінювати історію та сьогодення Одеси. Треба не тільки зберегти все, що прийшло від талановитих предків, але й гідно збагачувати інтелектуальний доробок сучасними дослідженнями. Відділ мистецтв бібліотеки в тисяча дев'яносто дев'яності роки накопичив досвід наукового вивчення рідкісних фондів мистецтвознавчої літератури, був уже налагоджений підготувати фундаментальні роботи та наукові збірки, що стали потім відомі спеціалістам багатьох країн закордоння. Так доля об'єднала наші зусилля для вивчення, а потім повернення сучасникам цікавих сторінок культури та мистецтва нашого міста. Розвинулася співпраця, яка триває й сьогодні.

Все має свій початок. Такою стартовою подією, мабуть, було запрошення редакції журналу «Одесса» (1996-1999). Співробітникам

Золотий зал Одеського літературного музею. Презентація альманаха № 79 (IV/2019).
Т. Щурова, Ф. Кохріхт, О. Губар, Є. Голубовський

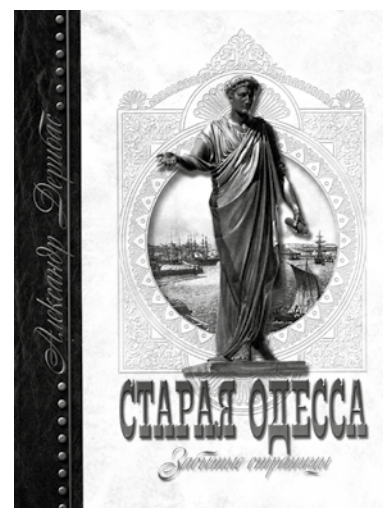
бібліотеки запропонували давати статті майже в кожному номер журналу. Важливо, що досвідчені, знані журналісти Фелікс Кохріт, Євген Голубовський, Олег Губар повірили нам, допомагали порадами, а молоді бібліографи доводили свою здатність не тільки зберігати унікальні видання, а бути авторами, укладачами, редакторами, рецензентами. Можна навести багато прикладів вдалих спільних проєктів. Згадаємо лише декілька.

Цікавим досвідом вивчення краєзнавчої літератури може служити підготовка та видання збірки «Черный квадрат над Черным морем». Разом із мистецтвознавцями, істориками музики та кіно, бібліографами та журналістами було зроблено спробу дослідити авангардний початок у всіх сферах культурного життя багатонаціональної Південної Пальміри протягом XX століття: у живопису, графіці, архітектурі, музиці, сценографії, театрі, кіно, літературі.

За кожною темою доводилося підіймати величезну кількість літератури з фондів ОННБ, залучати матеріали з приватних колекцій друзів бібліотеки та ВКО. Збірка «Черный квадрат над Черным морем» була висунута на конкурс міського голови «Твої імена, Одесо!» за 2001 рік, і укладачі книги стали лауреатами цього конкурсу в номінації «Кращий літературний твір». [Черный квадрат над Черным морем. Материалы к истории авангардного искусства Одессы, XX век / сост.: Е.М. Голубовский, Ф.Д. Кохрихт, Т.В. Щурова; Одес. гос. науч. б-ка им. М. Горького. – Одесса: Друк, 2001. – 264 с.: ил.; Изд. 2-е, доп. – 2007]

Безумовно, ми побачили порозуміння серед членів Всесвітнього клубу одеситів, зокрема у Євгена Голубовського та Олега Губаря, коли почали знаходити на сторінках старих одеських періодичних видань історичні нариси та спогади Олександра Михайловича Дерибаса (1856-1937), які він продовжував друкувати у численних газетах та журналах до середини 1920-х рр. після виходу своєї книжки «Стара Одеса» (1913). Дерибас був журналістом, краєзнавцем, істориком, бібліотекарем, мемуаристом і театрознавцем. Його матеріали завжди викликали жвавий інтерес,

а книгу почали називати Біблією Одеси. Зробити другий том автор не встиг. Бібліографам ОННБ здалося справою честі зібрати ті неоціненні «забуті сторінки» і підготувати до друку книгу під тою ж назвою. В іменному покажчику цього видання близько 1100 прізвищ одеситів, які названі у нарисах, багато рідкісних фотографій та листівок, деякі з них друкувалися вперше. Ми дуже вдячні Всесвітньому клубу одеситів за професійні консультації. Цінним доповненням до нарисів Дерибаса також стала стаття Є.М. Голубовського та О.Й. Губаря

«Блаженны мифотворцы». Книга одержала доброзичливі відгуки у пресі, стала переможцем Всеукраїнської акції «Книга року '2004» як краще краєзнавче видання та одержала диплом лауреата муніципального конкурсу «Твої імена, Одесо!». [Дерибас А.М. Старая Одесса. Забытые страницы: ист. очерки и воспоминания / Александр Дерибас; сост.: О.Ф. Ботушанская, О.Н. Вовчок, Т.В. Щурова; авт. послесл.: Е.М. Голубовский, О.И. Губарь. – К.: Мистецтво, 2005. – 416 с.: ил.]

Де кілька років тому відділ мистецтв ОННБ мав честь отримати пропозицію від Всесвітнього клубу одеситів підготувати ще одне цікаве та корисне видання. Так з'явилася книга «Компас культуры Одессы»: хронол. розпис змісту газети «Всемирные одесские новости», № 1-100 / упоряд. Т.В. Щурова; ред.: Н.Г. Майданюк, І.С. Шелестович; М-во культури України, Одес. нац. наук. б-ка; Всесвіт. клуб одеситів. – Херсон: Видавничий дім «Гельветика», 2019. У виданні розкривається зміст перших ста номерів газети «Всемирные одесские новости» (1990-2017), які є свого роду енциклопедією Одеси та охоплюють велику кількість тем та імен. Матеріал згруповано за тематичними розділами, у кожному з них збережено хронологічний принцип. Показчик імен допоможе зорієнтуватися під час пошуку потрібної публікації.

На розсуд читачів у 2009 році було винесено своєрідну антологію старої одеської періодики – книгу «Благоухающий пепел». Туди увійшли матеріали, що протягом декількох років регулярно друкувалися в альманасі «Дерибасовская – Ришельевская». Сьогодні перше видання книги стало раритетом, і за багатьма заявками читачів у 2024 році вийшло

його друге видання. Треба згадати, з чого все почалося. Завдяки дружній ініціативі редколегії нашого альманаху, насамперед Євгена Голубовського, відділу мистецтв було запропоновано починаючи з першого випуску у кожний номер готувати матеріали до рубрики «Наші попередники» (потім рубрика змінила назву на «Скарби зі скарбниці»). В книгу увійшло близько п'ятдесяти назв альманахів, газет та журналів кінця XIX – середини двадцятих років XX століття. Працювати було надзвичайно цікаво, в старих одеських періодичних виданнях завжди дивує надзвичайна чутливість тогочасних журналістів, редакторів, художників-графіків, письменників-початківців (твори які згодом увійшли до золотого фонду південної літературної школи) до всього нового, що з'являлось у художньому доквіллі. Численні газети та журнали редагували та видавали матеріали, авторами яких часто були зовсім молоді талановиті люди. Ми знаходимо тут ог-

ляди дуже непростих політичних подій, читаємо про складне життя одеситів та їхню сталу жагу до театру та нових художніх вражень, незважаючи ані на які іспити долі; тут оживає знаний у всьому світі одеський гумор – в афоризмах, анекдотах, талановитих шаржах і карикатурах. За минулі роки відділ опрацював понад дев'яносто назв одеської старої періодики. Кожне з цих видань за-слуговує на ретельне обговорення і так чи інакше розглядалося в різних публікаціях. Декілька прикладів.

«Одеський понеділок» («Одесский понедельник»). Ця суспільно-політична, літературна і комерційна газета виходила лише протягом двох місяців (серпень-жовтень 1913), але є важливим джерелом для сучасних дослідників.

«Чому?» – спитаєте ви. Тому що це було дуже якісне видання. Вийшло дев'ять номерів. Редактор Петро Пільський – блискучий журналіст, автор гострих зухвалих статей, який так само майстерно підбирав авторів. До нього в газету прийшли вже відомі талановиті журналісти та художники, які раніше вдало працювали в популярному одеському журналі «Крокодил» (1911-1912). Наприклад, у кожному номері знаходимо яскраві одеські замальовки Єфима Зозулі про людей, вулиці, події. Тут же мемуари Сергія Уточкіна тощо...

«Дивертисмент». Цей унікальний часопис – орган друку театрів-вар'єте, цирків і спорту, побачив світ у 1907 році та ще раз довів енергійність і винахідливість одеситів. Він виходив приблизно дев'ять років (з перервою) і подавав насичену цікаву інформацію, корисну і сучасним театрознавцям. За його допомогою можна було знайти роботу без посередників, ознайомитися з шантанною хронікою, а також прочитати фейлетони та курйозні замальовки про відомих митців. У кожному номері друкували фотопарад красунь у чарівних туалетах: актрис, танцюристок, співачок.

ЖУРНАЛЬ

„ДИВЕРТИСМЕНТЪ“

„Diversissement“

Neu für Russland!

Yaty St. Indra

Indische Barfussstänzerinnen
mit ihrer
SEMI RAMIS - SCENE
Original-Prachtkostüme.
Nach überaus erfolgreicher ganzer Sommersaison in
Budapest, Ós-Budavár,
(3-mal prolongirt)
2 Monate in Hôtel du Nord, Odessa, bis Ende December
1907 in Chateau-des-Flours, Kiew.
Privat-adresse: Hôtel Continental, Kiew.

Новоость для Россіи!

Яти Ст. Индра

Индійскія танцовщицы-босоножки
съ ихъ
СЦЕНОЮ СЕМИРАМИДЫ
Оригинальные роскошные костюмы
Пролонгированы и реанжированы три раза
въ Будапештѣ,
2 раза въ Отелъ-де-Нордъ, Одесса, до конца Декабря
Шато-де-Флеръ, Киевъ.
Адресъ для писемъ: Гост. Нонтиненталь, Киевъ.

ЦѢ 20 коп.

Сплеск журналістської активності спостерігався в Одесі у 1918 році. Попри постійні зміни влади у місті художнє життя тривало. Так само друкувалися численні періодичні видання, в яких об'єднувалися кращі журналістські та художні таланти, подавалося багато відомостей про життя театрів і гастролі відомих митців. Це такі видання, як «Восход», «Южный огонёк», «Фигаро» та ін. Особливу популярність мав журнал «Мельпомена». Яка вдала назва! Мельпомена – це символ театрального мистецтва і муза трагедії. Журнал виходив, коли драматизм життя виступав суперником театральній драматургії.

«Гудок» – одеська газета для дітей, яка виходила щодня у 1912-1913 роках. Це професійне видання може слугувати прикладом, як привертати увагу підлітків, зокрема воно постійно друкувало перші вірші та прозу юних одеситів. Цікава знахідка виявилася, коли ми опрацьовували цю газету. За допомогою відомої ізраїльської літературознавиці Ірини Озерної ми з'ясували, що на сторінках «Гудка» були опубліковані два перші оповідання чотирнадцятирічного Юрія Олеші під псевдонімом Марія Малиновська, хоча раніше вважалося, що перша публікація Олеші вийшла роком пізніше. Серед юних авторів «Гудка» були також Марк Талов, Аделіна Адаліс, Марк Поляновський, Леонід Трауберг. Кожен із них згодом залишив свій неповторний слід у культурі ХХ століття...

«Бджілка» («Пчёлка»). На початку 1880-х років ХІХ століття Одеса активно вчилася видавати ілюстровані журнали для широкого кола читачів. Один із них – журнал «Бджілка» (1881-1889). Там було все: політична і художня інформація, велика кількість потішних карикатур тощо.

№ 12-6. Воскресенье 18-го декабря 1917 года. Годъ 1917-й. 1-й номер 1-й.

ПЕРВАЯ ВЪ РОССІИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ДѢТСКАЯ ГАЗЕТА

ГУДОКЪ

№ 1. МОРСКОЕ 42 КОП.

КАЖДАЯ НЕДЕЛЯ 1 КОП. (за подписку 10 коп. в месяц)

ЦѢНА 1 КОП.

ЦИРКЪ МАЛЕВИЧЪ

Театръ „Заря“

Александрскій театръ

АПОЛЛО

ДѢТКИ

Н. Т. ЛИТВИНЕНКО

ДѢТКИ

Н. М. ШАПОШНИКОВА

ДѢТКИ ЧТО ВНУСНО?

В. ФИШЕРА, ВЪ ОДЕССѢ

Иванъ Феодоровичъ Домингъ

Кольорові обкладинки та ілюстрації були тоді для Одеси новиною. Популярність видання значною мірою була зумовлена наявністю графіки: в журналі працювали такі художники, як Леонід Пастернак (батько Бориса Пастернака), Михайло Фрейденберг (Оса), грек Микола Алексоматі та інші.

До відкриття нової будівлі Міського театру в 1887 році журнал надрукував малюнки зовнішнього та внутрішнього його оздоблення – ці зображення сьогодні становлять значну

Стенд із публікаціями співробітників відділу мистецтв ОННБ за останні десятиліття. Багато з них так чи інакше з'явилися в результаті співпраці бібліотеки з клубом

цінність. Корисним здається оглядовий матеріал про пожежі в театрах світу – як застереження городянам, котрі отримали такий чудовий подарунок.

«Театральний тиждень», «Театр, клуб, кіно». Тривале активне життя випало цьому одеському театральному часопису середини 1920-х років: у 1925 році він мав назву «Театральная неделя»; у 1926 – «Театральний тиждень»; у 1927-1928 – «Театр, клуб, кіно». Цікаво, що це було органічне двомовне видання. Тонкі зошити журналів, надруковані на поганому жовтому папері, несуть із минулого багато цінної інформації, спонукаючи до роздумів про спадкоємність, про долі талантів у всі часи, про довічні проблеми творчого життя. Восени 1925 року відкрилася Держдрама – давно очікуваний в Одесі стаціонарний український театр.

Він зібрав чудове сузір'я акторів і режисерів, що одразу привернуло увагу критиків. Проте з'являлися і публікації митців, наприклад нотатки В. Василька «Про молоду українську режисуру» – нарис про одну з найталановитіших актрис цього театру Любов Гаккебуш.

Про кожне старе одеське періодичне видання можна розповісти багато цікавого, тому зрозуміло, з яким задоволенням бібліотека і редколегія альманаху кожен раз готувалися до випуску чергового номера.

Ми прожили разом декілька десятиліть плідної співпраці. Минуло двадцять шість років від часу першого випуску альманаху «Дерибасівська – Рішельєвська». Сотий номер видання – це наше спільне свято. Щиро вдячні Всесвітньому клубу одеситів, редакції альманаху. Ми також сумуємо за Євгеном Голубовським і Олегом Губарем...

Але життя триває. Все так само відповідально розв'язує питання редактор альманаху Фелікс Кохріт. З надією спостерігаємо за креативною діяльністю президента Всесвітнього клубу одеситів Івана Ліптуги та готові підтримати його, бо пам'ятаємо стару істину: ми – сила, коли ми разом.

Художник из Ойкумены

Дульфик о Хрущике

Конец XX и начало XXI века. Время рождения и становления нашего альманаха. Вспоминаю, что тогда вполне сформировалась школа, которую принято называть новым одесским авангардом. Замечу, что хотя многие его адепты за рубежом и в стране работали в тенденциях и абстрактного искусства, и концептуализма, в Одессе если не доминировали, то выделялись последователи импрессионистов, отечественной Южной школы и фантастического реализма. Женя Голубовский и я много лет в силу нашего журнализма не только участвовали в этой затейливой заманчивой жизни, но и способствовали тому, чтобы о самых ярких и самобытных узнавали в Одессе и за ее пределами.

Среди наших друзей были разные художники – и по стилю работ, и по мировоззрению, и по натуре. Можно было бы написать о них подробнее, но Голубовский и я уже не раз делали это.

Сейчас – об одной их особенности внутри родовой общности, относящейся к истинно одесскому менталитету. В их кругу вошло в привычку откликаться на уменьшительные формы имен – разумеется, в обществе родных, коллег, да и нас – газетчиков. К примеру, вполне состоявшиеся известные участники многих выставок Лев Межберг и Иосиф Островский – Люс и Осик.

А вот те, о ком пойдет речь, Люсьен Дульфан и Валентин Хрущ, были для нас Дульфик и Хрущик. А еще в их молодые годы – Люсик и Валик... При этом важно: и они уже состоялись – известные и почитаемые мастера. Но если Дульфан был членом Союза художников, обладателем премий, то Хрущ являл собой классический образ представителя богемы,

Валентин Хрущ в своей квартире-мастерской. 1970-е. Фото Василия Рябенко

причем был вовсе не позером, а по натуре естественным и при этом плодотворным. Нет, не чудиком, а особенным, редким в наше время мастером высокого толка и обладателем свойств личности высокого полета, особой, подчас экзотической созерцательности.

Я много лет был в их кругу: они приходили к нам домой, мы с Таней бывали у них... За годы дружбы и я, и Женя в силу возможностей помогали им по жизни и в отношениях с публикой и музейщиками. У нас появились их работы.

И Дульфана, и Хруща по разным причинам уехали из Одессы. В 1990 году Дульфаник переехал в США, где живет и работает сегодня. Хрущик в 1985-м поселился в Кимрах, но выставлялся в музеях и престижных галереях.

Работы Дульфана и Хруща – в музеях и коллекциях.

Люстик с тех пор больше не приезжал в Одессу, Валик несколько раз показывал свою живопись и графику в наших музеях. На снимке он в один из последних приездов в Одессу на выставке своих работ в Музее западного и восточного искусства с Виктором Маринюком (увы, недавно ушедшим), Владимиром Стрельниковым и мной.

Валентин Хрущ умер в 2005 году.

Недавно мне прислали газетную вырезку со статьей, в которой Люсьен рассказывает о том, кем был для него и для нас Хрущик. Вышла она вскоре после того, как он ушел в последнее путешествие вдоль берега Черного моря – по абрису Ойкумены. Так древние греки называли края, примыкающие к Средиземному и Черному морям. Одесса – в их числе...

На одной из последних выставок работ Валентина Хруща в Одесском музее западного и восточного искусства. Он в середине, слева Виктор Маринюк, справа – Владимир Стрельников и я

*

На цветной вкладке – работы Валентина Хруща из нашего с Таней собрания.

Расскажу о рыбке, позирующей на обложке третьего номера нашего альманаха. Небольшая высушенная на одесском солнце ставридка – лучшая закуска под стакан вина или стопку водки. Она вырезана Хрущиком из досточки (так говорили в их дворе на Пантелеймоновской). Валик строгал их за разговором, подкрашивал и тут же дарил. У меня их было много, осталась одна: раздарил и растащили. Ту, что на снимке, мы сфотокали после того, как на пирушке в честь Дня журналиста ее хотел съесть гость из Кишинева...

Феликс Кохрихт

Мы летаем вместе...

Редкая птица долетит до середины Днепра. Редкий человек достиг таких душевных высот, сохранив в себе детство и заслужив любовь, как Валентин Хрущ.

В начале XX века было четыре ашкеназийских столицы: Берлин, Вена, Варшава и Одесса. После войны осталась одна Одесса с ее одесситами. Кто был по национальности Валентин Хрущ, неизвестно, да и зачем знать? Он был одесситом. Надо отдать ему должное, выбор жены был правильным. Вика, типичная жительница Юга, – яркая, теплая, чувственная поэтесса. Говорила: «Вы не поверите, но когда свежий ветер дует со стороны дворового туалета, воспоминания милого детства вперемежку с запахом цветущих весенних трав дают мне возможность писать стихи».

Валя появлялся совершенно неожиданно, но точно тогда, когда в кармане у вас оказывался заветный гривенник, и вы в задумчивости гадали, как его потратить. Или пойти в город с приятелями и оставить его у «Тети Ути» в подвале, где продают вино на разлив, или купить холст. Валя очень доходчиво объяснял, что «бухало» – зло, он вот уже много лет завязал и пьет только крепкий чай, а холст – это буржуазное излишество, сам он работал на чем попало, что было под рукой. Вы не замечали, как с удо-

вольствием отдавали Валентину деньги и с облегчением смотрели ему вслед.

Валентин был совершенно замечательным художником: резал доски, писал картины, делал волшебные фотографии. Он с гордостью доставал «лейку» из деревянного футляра, а футляр вынимал очень бережно из очень-очень старинного фирменного портфеля с печатями от самого баварского курфюрста, происходящего прямо из линии Гогенцоллернов.

Потом из соседнего забора выдергивалась доска для роли штатива: «Понимаешь, – говорил по ходу дела Хрущ, – он, падло (самое цензурное слово в длинном предложении), не может же висеть в воздухе, ему (это он с уважением об аппарате) нужно на чем-то стоять».

О Валином портфеле из графского особняка непосредственно от первопечатника Гуттенберга можно говорить много: там лежали чудо-стамески, на которых стояли клейма уже исчезнувших легендарных фирм. Клейма со львами на стреле или стрелы на львах, райские птицы в странных позах были выбиты, гравированы старинными мастерами.

Потом Хрущ исчез, и все говорили: «Вы не видели Хруща? Где Валя?». А Хрущ стал домовладельцем: купил мазанку на берегу лимана со стороны Очакова. Постараюсь описать его очаковскую «гасиенду», как говорил Сергей Бондарчук, «силой одного воображения».

Представьте себе очень теплый августовский вечер: огромная луна, глинистый крутой берег с оползнями, за обрывом – черная, как смола, вода Днепро-Бугского лимана. Запах степи и теплой пресной воды. Кривая хата под соломенной крышей, меблированная одной железной кроватью без матраса. Посреди двора трехногий табурет, освещенный луной. На табурете шумит старинный примус, на котором шкварчит огромная медная сковородка с бычками. А вокруг герои Николая Васильевича Гоголя, только что приехавшие с Сорочинской ярмарки. Вусатые, с люльками, разложив сабли, кисеты с нюхательным табаком, они галдят, смеются, толкают друг друга в бока. Между ними картинно расположились герои Исаака Эммануиловича Бабеля с Бенчиком Криком и его еврейским казачеством в жилетках цвета эликсир, поодаль

Люсьен Дульфан в своей мастерской. Фото Василия Рябенко

сидит только что сошедшая с поезда «Москва – Петушки» Венички Дорофеева команда по укладке телефонного кабеля...

Сам же Хрущ накануне купил козу. Купил, чтобы насолить Марку Захаровичу Шагалу, как он объяснил: «Куда эта падла залезла, не успев дать хотя бы стакан молока, когда я ее пытался доить?! Дюльф, ты же знаешь, я ж не колхозник, я животных видел только в зоопарке».

После перестройки Хрущ вынырнул в Москве. В столице он стал большим человеком – в длинной дубленке на вырост: «Понимаешь, отрезать жалко, ноги ночью мерзнут, когда спишь. Летом, правда, жарковато». Знакомый кожаный портфель, с ним длинная цепь высоких должностей, все по части искусства: заведующий артподвалом, директор авангарда, менеджер андерграунда, исследователь южнорусского движения в лице авангардиста Валентина Хруща и т. д. Знакомство с зарубежными коллекционерами. Слухи доходили, что Валя купил дом и «Волгу». Дом в глуши под Москвой – деревянный сруб, машина как новая, не на ходу – очень кстати, потому что Валя без прав на вождение. Он с гордостью открывает дверь, садится за руль: левая рука

на руле, правая держит дымящуюся трубку с пахучим иностранным табачком. Торчит, кайфует, наслаждается вечностью.

Перед моим отъездом за океан договорились встретиться. Хрущ опоздал на час. Пригласил в шикарный ресторан, царским жестом сунул швейцару в полной генеральской форме купюру. Швейцар взял под козырек: мол, намек понял. Заказал чудесный стол с вином для меня, а для себя крепкий чай.

Умер Валентин Хрущ, и вспоминаем мы не только образ обаятельного одессита. Он был художник с абсолютным вкусом, эстет самого высокого класса, утонченный колорист, стилист, мастеровой, знаток столярных инструментов, фотограф непревзойденный, оставивший после себя целую школу молодых художников, самоучка-философ.

Однажды он нашел деревянного орла без головы, одним движением прямо на теле вырезал лицо, за которым открываются крылья. «Это тебе, Дюльф. Держи Птицу-Дульфана!».

Когда мне невесело, я смотрю на эту птицу – и мы летим вдвоем.

Несколько лет назад, будучи в Париже, мы с женой были в гостях у покойного теперь Эдуарда Зеленина (пусть земля ему будет пухом). За столом – Андрей Битов, Кира Сапгир и один немецкий художник. Кира подняла бокал и сказала замечательный тост: «Давайте выпьем за нас. Мы живем в разных странах и даже на разных континентах. Люсьен с Диной в Америке, Эдуард в Париже, Франц в Мюнхене, мы с Андреем в Москве, но мы люди одной грибницы, одной культуры. Мы связаны тесными духовными нитями, и если одному больно или один из нас умирает, вся грибница это ощущает».

Умер Валентин Хрущ, умер благородный идалго – Дон Кихот и Санчо Панса в одном лице. Отмерла одна нить нашей грибницы, и мы все скорбим.

Валентин приезжал в Одессу попрощаться. Приехал его сын из Израиля, пришли все наши друзья. Валентин сказал: «До встречи...» – и уехал умирать...

Люсьен Дульфан

2005

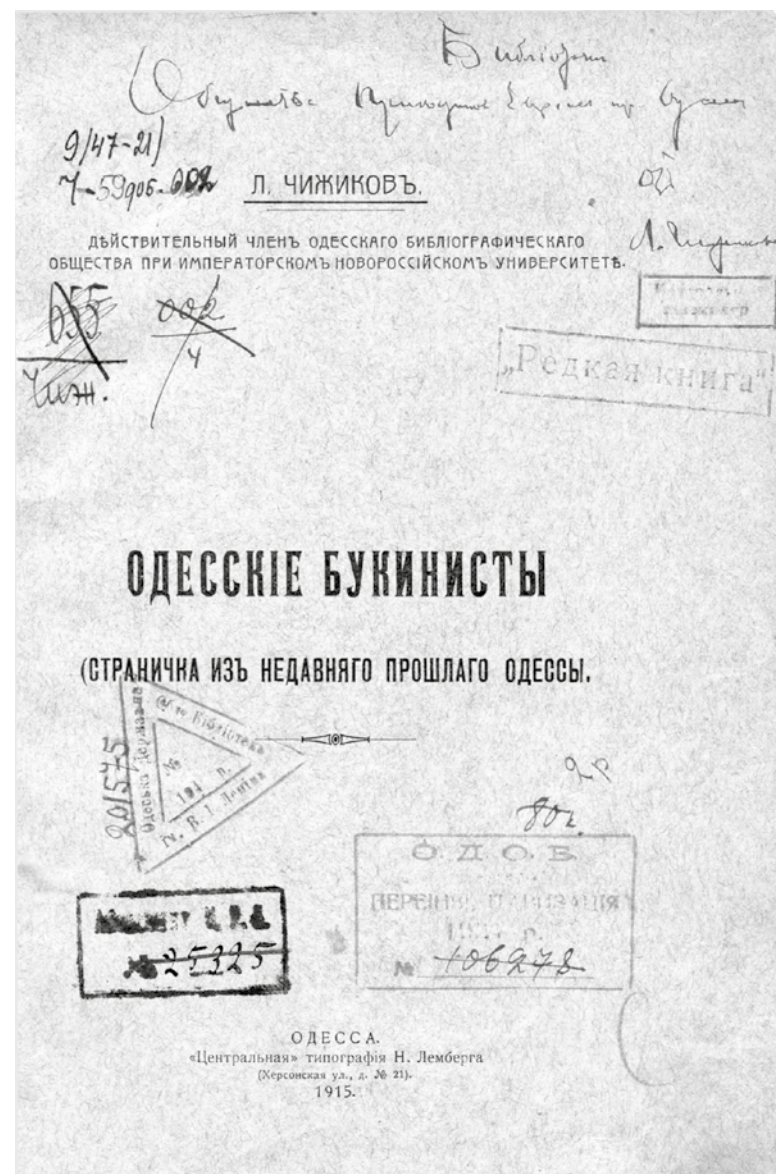
Евгений Деменок

Одесские букинисты

Об одесских букинистах, как и об одесских коллекционерах, написано совсем мало. О коллекционерах до недавнего времени можно было узнать лишь из брошюры «О коллекциях и коллекционерах» А.С. Коциевского. К счастью, Екатерина Пименова издала в 2025 году первый выпуск сборника интервью с коллекционерами «Універсум під назвою Одеса». Что же касается букинистов – а само занятие это стало в наше время совершенной редкостью, и букинистический магазин, похоже, остался в нашем городе один, на Новосельского, – то для того, чтобы узнать о живших в Одессе людях, одержимых книгами, приходится опираться на (простите за тавтологию) букинистическую же редкость, брошюру Луки Алексеевича Чижикова «Одесские букинисты (страничка из недавнего прошлого Одессы)».

Брошюру эту, изданную в 1915 году, я прочел лет пять назад в нашей Одесской национальной научной библиотеке и с восторгом рассказал об этом Евгению Михайловичу Голубовскому. Тогда мы и задумали вместе написать статью об одесских букинистах. Но... не успели. Сейчас я пишу ее сам, но включу в нее фрагменты из воспоминаний Евгения Михайловича.

Сначала хочу определиться с понятиями. Букинистика (от французского *bouquiniste* – букинист, *bouquin* – старая книга) – это торговля старыми книгами и другими антикварными печатными изданиями. Букинисты обычно являются знатоками старинных редких изданий, а букинистика является одним из источников коллекций библиофилов и библиоманов.

И еще один важный момент. Евгений Михайлович, например, категорически разделял понятия «коллекционер» и «собиратель», считая, что книги коллекционировать невозможно, их можно только собирать. То есть библиофил – это не коллекционер, а собиратель. Нередко библиофилия переходит в библиоманию, а букинисты, которые, собственно, основной своей целью должны ставить именно продажу старых книг, сами становятся такими одержимыми библиоманами, что попросту перестают что-либо продавать, и наоборот, скупают все больше и больше книг.

Как раз о таких прекрасных чудаках и пишет в своей брошюре Лука Чижигов.

Сначала несколько слов о нем самом.

В 1905 году в типографии А. Шульце, расположенной в Одессе на улице Ланжероновской, 30, вышла «Справочная книга для русских библиофилов и коллекционеров», составленная Евгением Андреевичем Шуманским. Вот что он писал о себе: «Подполковник, действительный член Одесского императорского общества истории и древностей. Библиотека небольшая, главным образом, по нумизматике». В предисловии Шуманский говорит о цели издания: «Не только дать возможность письменному и личному отношению между коллекционерами, но... по описанию книгохранилищ и коллекций представляла бы и общий интерес». В своей книге Шуманский упоминает нескольких одесситов, среди которых и Чижигов:

«Чижигов Лука Алексеевич, ул. Коблевская, 47. Библиотека. Классика в лучших изданиях. История литературы. Библиография. Словари, мемуары и др. Около 1500 томов. Собрание портретов писателей... Книжный знак с изображением открытой книги и восходящего солнца».

Пишет о Чижигове и выдающийся одесский библиофил, автор книг «Еврейские типографии старой Одессы», «Книжная торговля в дореволюционной Одессе», «Журналы старой Одессы» и «Газеты старой Одессы» Мирон Романович Бельский:

«Более 90 лет тому назад в III томе (IV выпуске) «Известий Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете» (далее – «Известия...») была

напечатана оригинальная работа Л. Чижигова «Одесские букинисты (страничка из недавнего прошлого Одессы)». Букинистическая торговля, то есть торговля книгами, бывшими в употреблении, – особый промысел. В Одессе он получил развитие в середине XIX века на Толкучем рынке. <...> Член Одесского библиографического общества Лука Алексеевич Чижигов (1861-1924) родился в Одессе в бедной семье. Его дважды арестовывали за революционную деятельность. Л. Чижигов собрал библиотеку в 3500-4000 томов. Когда в Одессе в 1911 г. возникло библиографическое общество, он принял самое активное участие в его работе: стал действительным членом, был избран членом совета общества и ревизионной комиссии.

<...> По своему значению работа Луки Чижигова о букинистах старой Одессы является уникальной. Со многими букинистами того времени Лука Алексеевич был не просто знаком, но часто общался с ними и имел возможность наблюдать все «прелести» их жизни. О букинистах Москвы и Петербурга вспоминали уже в советское время, о букинистах провинциальной Одессы никто никогда не писал, посему очерк Чижигова в «Известиях...» является единственным свидетельством об одесситах, занимавшихся продажей старых книг».*

Ну что же, обратимся к брошюре Чижигова. В ней он дает интереснейшую историю одесских букинистов с самого ее начала, потому позволю себе пространную цитату:

«Я отнюдь не ставлю себе задачей обозрение нашей местной антикварно-книжной истории, но не могу обойти молчанием тех из ее типичных представителей, что творили у нас недавнюю страницу нашего антикварно-книжного былого. В нашей «старой Одессе» книжный антиквариат зачался на Толкучем рынке, на толкучке... Толчок был единственным местом, где обыватель снабжался за дешевую цену и душе-спасительной, и для алкавшей вкушать горького плода учения молодежи – учебной, держаной книгой. Толкучий рынок находился тогда и весь умещался в довольно тесных пределах площади, именуемой ныне Яловицкой, у конца Александровского проспекта, который именовался раньше просто

* <https://viknaodessa.od.ua/newspaper/news/?155>

«Проспект», у его устья и истока нынешней Александровской улицы. Чтобы истолковать и внедрить определенную топографию нахождения толкучки, в старой, да и в новой Одессе говорилось: около башни, где часы, у эшопы. История сохранила нам имена трех первых букинистов, ту троицу, что были пионерами-книжниками, которым принадлежит приоритет насаждения букинизма в Одессе, и которые лишь в недавнее время сочли земные счета, закончив дни свои на склоне лет с достатком весьма различной ценности. Я в своих очерках коснусь только лиц, уже отошедших, переселившихся уже в лучший мир, и да простят мне тени усопших и преемники их за то, что я тревожу память прошлого. Но я соблюду классическое правило: *de mortuis aut bene, aut nihil*.

Имена первых трех лиц: Распопов, Газис и Гордукалов, хотя фамилии последнего никто не знал, и иначе его не именовали, как «Радион»; и публика, и собраты к нему иначе не обращались, как только называя его по имени; но за то и лично, и заочно только метрическим его именем титулуя, а не как-либо иначе, не по прозвищу, по кличке, для каждого почти у них имевшейся, подчас весьма обидной или неприличной.

Из них Елисей Петрович Распопов, впоследствии первейший на юге России книгопродавец, владелец книжных складов на Дерibasовской и Преображенской ул., собственник большого дома в центре города и общественной библиотеки, комиссионер изданий государственной канцелярии и Императорской академии наук, первогильдейский купец, потомственный почетный гражданин и «кавалер», как он именовался на своих бланках и каталогах, начало своему благополучию положил там, у эшопы, в деревянной будке на толкучке в качестве маленького по первоначальному букиниста. Времена были другие, лучшие времена процветания Одессы, время ее роста и нарастания благополучия и общественного, и личного. Давно прошедшие времена, от которых лишь память осталась...

Другой букинист, коллега первого – Газис, или, как заочно его именовали из-за его греческого происхождения, «Пиндос» (кличка, принятая для греков на Юге и ничего обидного не содержащая), будка которого стояла бок о бок с будкой Распопова

и посреди между будкой Гордукалова. Дмитрий Газис, как значилось впоследствии на наклейках на книгах его библиотеки для чтения, помещавшейся на Успенской улице, также преуспел на жизненном пути, не столь много преуспел, сколько его первый собрат, но имел возможность уйти из недоли много лучше третьего, Радиона Гордукалова.

Фортуна ласково улыбнулась Газису, наградила его достаточным благополучием, но, как говорят, женившись вторично, он не сумел угодить Гименею, и закат его дней ознаменован был поклонением Бахусу, хотя не на шумных многолюдных пиршествах, а в скромном одиночестве, и не нектар служил усладой многих последних его лет, а нечто русское, казной монополизированное. Прожив долгий век, он умер также проприетером. Магазин его на Троицкой улице, сначала в доме бывшем Раухвегера, и библиотека при нем занимали обширные и многочисленные помещения, которые были снизу доверху буквально набиты книжным добром в несчетном количестве. А в ту пору, в те лучшие времена, хорошие книги были не в редкость. Среди книжных богатств в магазине Газиса были волюмы и первостатейной важности, и богато украшенные гравюрами издания, и забавные курьезы, и раритеты на всех европейских языках, и многое множество русских редкостей. Чего-чего только не было у него, даже тогда. Когда дело пришло уже в упадок, тогда магазин переключался с насиженного места поближе к Преображенской, по той же Троицкой улице. Умер Газис в преклонном возрасте, убеленным почтенными сединами старцем, оставив детям и молодой еще жене хорошо налаженное дело с библиотекой – дело, в котором было около полусотни тысяч книг; оставив недвижимое имущество, хотя и не пышный дворец, не роскошный замок, а дом где-то на Молдаванке, но зато нигде не заложенный. Все это в скором времени по его смерти ушло прахом.

Третий сотоварищ первых двух соратников того же поля, Радион Тимофеевич Гордукалов, происходил из казаков и казачком окончил дни свои. Начал он на толкучем в будке, и будкой карьера его кончилась, с той переменой, что будка его, странствуя с места на место, простояла долго на Греческой

Одесские букинисты.

(Страничка из недавнего прошлого Одессы).

Книжный антиквариат, купля—продажа книги, бывшей в употреблении, книги хотя и новой, в смысле ее внешней чистоты и сохранности, но уже утратившей номинальную рыночную ее стоимость за негодностью, за отсутствием спроса, равно и книги по той или иной причине ставшей редкой, нашлись своих агентов в лице представителей совершенно особого типа. Этот промысел, современный, изобретено типографского станка, столь широко распространенный в Европу и представляющий там организованное дело, корпорацию с своим ритуалом, особенностями условного языка, своей этикой и проч., — у нас в России возник также сравнительно давно, в московской Руси, получив свое начало в Москве, на тогдашней прославленной Сухаревой площади, но по мере развития книгопечатания дифференцировался на скупщиков, продавцов и на отхожих людей, ходебщиков — охотей, или, приняв термин, однородного явления в Европу — колпортеров. Наши книжники — антиквары еще в средине прошлого века промысел свой отправляли не в хоромах, не в постоянных помешениях, а на подвижных ларях, располагаясь в праздничные дни в развал на толкучих, т. е. на толкучем рынке, на досках, на сложенных временно из чего попало щитах, уложенных на зыбких подставках, как это и по сию пору практикуется на той же Сухаревой площади, искони предназначенной и всей России доподлинно известной, главным, но уже в настоящее время утратившем свое былое значение, популярном месте.

И только что сказали, что сословие букинистов представляет особый, своеобразный мир, подчиненный своим обычаям, общими интересами сплоченный мир. Организация эта до чрезвычайности была любопытна в недавнее еще время, в Москве в особенности, где тип букиниста получил яркую, сочную окраску, хотя не лишнюю, конечно, и некоторой пестроты, в зависимости от индивидуального характера слагаемых этой организации. Единичные представители этого недавнего прошлого по своим особенностям, в силу личной, отличавшей их самостоятельности, соединенной нередко с высокой честностью, свято

площади, передвинулась волею судеб на тротуарную обочину, на угол той же Греческой площади и улицы того же названия. Этот старый запорожец, незаметно умерший, без недугов, в один осенний день просто не явился на свой пост, не пожаловал в свою неизменную будку, в последнее перед его смертью время почти опустевшую, скучную, но неизменную будку, а через несколько дней тихо, совершенно незаметно, без жалоб скончался, как настоящему казаку надлежит, согласно доброму, суровому, рыцарски благородному уставу уже почти забытой славной Запорожской Сечи. Он умер и детьми своими похоронен (я лично знаю только о существовании одного сына, служившего в магазине Петрокино), не оставив никакого имущественного добра, которого у него и во всю его долгую жизнь не было. Да он к этому добру, очевидно, был в высокой степени равнодушен, к стяжаниям не устремлялся и на них не зарился. Но думаю, что мог бы, несомненно, в старые времена, добрые времена преуспеть если не подобно своим сверстникам-товарищам, также с медным грошом начинавшим свое маленькое, ставшее впоследствии большим дело, — то все же не с пустыми руками; но, повторяю, к земному лену он был равнодушен философски. Мир праху его.

Таковы были три первые зачинатели книжного антиквариата в Одессе, умершие в скором времени один за другим в такой последовательности: Д. Газис, Е. Распопов, Р. Гордукалов.

Вокруг них появились другие, много других. Изменялась жизнь, формы жизни преобразались, дело измельчало с появлением множества букинистов, и конкуренция уже не дает возможности на старой книге строить палаты каменные. Все современные нам одесские букинисты это горько сознают и в особенности чувствуют. Но прежде, чем перейти к другим сошедшим букинистам, я позволю себе сказать немного, что знаю, в личную характеристику первых трех. Все трое были спокойного уравновешенного характера, флегматики, все женаты, все почти не знали болезней и дожили до очень пожилого возраста. Все они были люди, на медные гроши обучавшиеся, а может быть, и вовсе не учившиеся и грамоту «самоуком» добывшие, что не мешало им благодаря постепенному навыку

и многолетнему опыту достичь превосходного умения распознавать книгу, даже такую, которую они впервые встречали, ориентироваться как в их приобретении, так и сбыте почти безошибочно. Я говорю «почти», ибо книгу редкую, даже и русскую книгу, они брали больше чутьем, инстинктом, даже до последнего времени, когда их столичные, вполне искусные собратья, хорошо знающие толк в своем деле, рассылали в провинцию ядовитые каталоги, устанавливали рыночную цену, на редкости в особенности. Наши провинциалы каталогов этих не читали, в руки их не брали, а действовали «так», «как-нибудь», на авось да небось, а если узнавали что-нибудь, то осведомленность эта приходила к ним задним, сильно запоздавшим числом, всегда окольно, сторонним обходным путем. Много случалось досадных анекдотов, и много с их стороны было случаев, что они, как говорят в Москве, книгу «проворонивали», продавали если себе не в убыток, то к большому удовольствию любителя-знатока за баснословно дешевую цену. Теперь все букинисты, даже в провинции, такой «цивилизации» по своей части набрались, что к ним и подступа нет. Мало-мальски книга редкая, распроданная – тотчас ссылка на Клочкова, Шибанова и даже уже на Соловьева – в огромном большинстве случаев облыжно, но цена диктуется такая, что уши вянут.

<...> Книжниками-торговцами в старой Одессе были еще три других любопытных лица. Это два великороса, Воробьев, Князев и третий еврей Альберт. Начало их деятельности возникает одновременно с перемещением толкучки на Прохоровскую площадь, из центральной части города на границу окраины, к Молдаванке. Распопов и Газис к тому времени обзавелись уже солидными торговлями, а Гордукалов перекочевал по первоначально на короткий срок на новую толкучку, а затем после небольшого перерыва на Греческую площадь, где у него перебивалось много различных соседей, из которых об одном, об Аккерштейне, я скажу несколько слов ниже.

На новом месте, где толкучка теперь находится, стояли ряды книжных будок, одна из которых принадлежала квасовару Воробьеву. Чисто русского типа рослый мужчина с истой народной речью, этот Воробьев, будучи квасопромышленником, воз-

желал преумножить капиталы букинизмом и поставил будку для торговли по первоначально особым, специальным книжным товаром. Будучи сам сектантом какого-то терпимого церковью толка, он, как политик, повел торговлю только раскольничьи-ми книгами, рукописями и, конечно, сверх апокрифических книг и рукописей торговал и единоверческой, канонической литературой, изданиями синодальных типографий, книгами Британского библейского общества, Афонского и других монастырей, журналами богословского содержания и вообще всем, до богословия и истории церкви относящимся, не исключая сочинений светских писателей по вопросам церкви, ересей, раскола. Для Одессы он был тем, чем был пользовавшийся некогда большой популярностью в Москве Большаков – меньшего, разумеется, масштаба. Дела его процветали, в особенности в семидесятых годах прошлого века, когда он перестал чураться бесовской литературы, когда к своему товару один из углов будки отвел для Пушкина, Лермонтова, Тургенева и других писателей-еретиков. Вслед за этим новшеством он завел и торговлю учебниками. Дела шли шибко у Воробьева, ибо у него были деньги, и товар был у него и разнообразный, и своеобразный. Вел он дела прижимисто и с хитрецей; завелся у него капиталец немалый. По мере того, как подрастали сыновья, старший из них стал помогать отцу в будке. В конце девяностых годов дело вовсе захирело, он утратил энергию и сидел в своей опустелой будке ко всему безучастный, потеряв и деньги, и товар, и квасное дело, которое еще раньше у него уплыло из рук. Говорят, что помимо изменившихся условий рынка много огорчений принесли ему дети, сыновья главным образом. Для удовлетворения бесовских алканий сначала в форме богопротивного зелья, а затем непотребства и зелена вина, они отцовскую казну в разор привели, чем душу свою погубили, а родителя скорбного во гроб положили.

Другой великоросс в описываемое время стал с лавкой своей на Новом базаре, ближе к Торговой улице, и торговлю вел по первоначально чисто книжную, хотя более лубочного характера; затем присоединил к ней продажу образов, фольговых икон лубочной иконописи; затем добавил к этому

деревянных ложек и другого кустарного товара. К началу этого столетия книга у него потонула в ложках, кнутовищах, мисках, ведрах и проч. и, наконец, совершенно вывелась, ибо остатки книжного добра он ликвидировал в один раз, дабы не мешали «делу». Книжник перевелся на лабазника. «Дядя-Князь» стоял на базаре и торговал книгой без помехи, одиноко, конкурентов у него на площади не было, но Бог весть отчего он перевел, извел свое книжное дело. Был он парень тароватый, с лица пригожий, умевший веселить и привлекать каждого; пользовался он уважением базара за свою независимость и пригожество, за образованность книжника, импонировавшую своей среде, и был предметом умильного внимания со стороны прекрасного пола. Будучи к тому же человеком светским, «Дядя Князь» не чурался вина и ел, но сгубила его до времени – женитьба. Кажется, неудачный выбор невесты, которую он взял в жены, разом изменили Князя до неузнаваемости. Он обрюзг, отяжелел, стал немощным, дело забросил и скончался преждевременно, еще не очень старым человеком, от какого-то тяжелого недуга.

На Итальянской, ныне Пушкинской, улице, близ вокзала в доме родственников своих, в низеньком в одно окно помещении торговал книгами Альберт. Кто еще со школьных лет из одесситов не помнит старого, всегда старого, как будто бы не знавшего никогда молодости Альберта? Примечательная, всегда окруженная кучами в беспорядке валявшихся книг фигура останется навсегда памятной одесским библиофилам. Да и у всех, кто заходил в его лавку за покупкой, он – маленький, всегда занятый укладкой своих книг, с суетливыми манерами, с экспансивными объяснениями, в костюме далеко не первой свежести, всегда производивший впечатление никогда не мывшегося человека, который всегда вступит в пререкания, хотя очень воспитанный человек, – он, я уверен, встает, как живой, с окружавшим его хаосом и гоголевским запахом... Ах, этот всегда окружавший его хаос, эти кучи пыли, эта грязь, этот запах неопрятности, всегда Альберту присущий! Казалось, что вся окружавшая его обстановка и атмосфера были так неразлучны и так друг от друга неотделимы, что нельзя было эту обстановку представить себе без Альберта, а Альберта

без этих обстановки и запаха. Это был не просто неряха, не только неаккуратный, презиравший всякий комфорт человек, не аскет даже, это был, думаю, маньяк, которым владела безраздельно, безостаточно фанатическая не любовь даже, а страсть к книге – к ней, только к книге и больше ни к чему и ни к кому до полного самозабвения. Он любил книгу, как Ромео любил Джульетту, как Паоло – Франческу, обожал, как Дон Кихот Дульсинею Тобосскую, более того, сверх того – как маньяк. Не питаться, спать среди книг, отказывать себе во всем необходимом, чуть ли не в прикрытии грешного тела – это ли не маньячество? Кроме перечисленного известно еще, что он никогда хорошую книгу никому не показывал, а за книгу, случайно попавшую в руки покупателя, назначал такую цену, что для того, чтобы купить ее, надо было быть Ротшильдом. Но даже и при согласии с ее ценой он измышлял причины и поводы к отказу и оставлял книгу у себя. Известно также, что он приобретал для себя у Суворина все вновь выходящие книги по номинальной цене из тех, которые приобрести считал необходимым.

Прожил Альберт всю жизнь одиноко, не ведая никого и не общаясь ни с кем. Циркулировала легенда о том, что у него сгорели в печи запрятанные туда от постороннего глаза скопленные им деньги, и большая сумма. Называли даже 10 тыс. руб.; говорят об этом и теперь как о факте. Но это – сказка, легенда, басня, основой для которой служили его аскетический образ жизни, его скaredность. Денег у него не было. Денег он не мог сделать, ибо покупок больших не предпринимал, торговал мало учебниками старых изданий, и вообще коммерсант он был весьма плохой. Памятником его библиомании останется изданная в Одессе в 1876 году компилированная брошюрка «Библиомания», составленная по иностранным источникам. Два-три последних перед смертью года он хворал, поместился в углу двора, в холоде, в тесноте, в сырости, где жил со своими книгами без торговли, вынужденный болезнью кое-что из своего добра разносить по домам, и умер в еврейской больнице в 1911 году одиноко, никем не оплаканный.

<...> К позднейшей истории Одессы относится оригинальный интеллигентный книжник-мизантроп Аристарх Иванович

Мавродиادي, открывший торговлю на Нежинской улице, а затем переместивший ее на Кузнечную, где в одиночестве безвестно и скончался, пролежав около трех суток взаперти, никем не тревожимый. Начал свое книжное дело он уже зрелым весьма человеком по выслуге казенной пенсии по должности инспектора правительственной гимназии в каком-то маленьком городке западного края. Отличался угрюмостью и скупословием невероятными; не лаконизмом, нет, а просто-напросто цедил слова с получасовыми паузами. Быть может, одичалости его много способствовала его неудачно сложившаяся семейная жизнь, о которой поведал мне один из его сыновей, студент варшавского университета, приехавший на похороны отца и ликвидацию наследства. Нелюдимость покойника граничила с человеконенавистничеством. Свои книжные запасы он накопил еще до переселения в Одессу, и так как он, подобно Альберту, одержим был библиоманией, то, ничего не продавая, постепенно увеличивал и увеличивал свой запас, доведя количество книг до 30 тысяч экземпляров, как это установлено было описью судебного пристава, принимавшего охранительные меры по смерти покойного. Все 3-4 его комнаты переполнены были книгами от пола до потолка, в полках, стоявших вдоль и поперек комнат, до полной буквально невозможности повернуться, до невозможности дышать. К полкам едва возможно было проникнуть боком, и боком только можно было выкарабкаться обратно. Помещения свои он устраивал таким образом, что для приема покупателя оставалось около двери ограниченное полками пространство, в котором могло поместиться не более двух человек, без возможности проникнуть за стойку, за которой, как за неприступной твердыней, восседал Мавродиادي. Он всем отказывал в продаже книг, кроме учебников, которые были у него под руками. Проникнуть в святая святых, в хранилища книжные, дано было лишь некоторым немногим избранным после долговременного искуса. Летними каникулами Мавродиادي законопачивал свою торговлю, запасался билетом четвертого класса и предпринимал поездки, большею частью в среднюю полосу России на книжную ловитву. Он всегда при-

возил обильную добычу, но как библиофил никому ничего не показывал. Будучи филологом по образованию, классиком по склонности (он преподавал латинский и греческий языки) и греком по происхождению, он отдавал предпочтение античному миру, любил Гомера, Софокла, Овидия, Тацита, Цицерона, любил издания классиков в пергаментных, в первых альдинских и эльзевировских изданиях, в инкунабулах.

В образе жизни между Мавродиادي и Альбертом сходство было поразительное: та же отчужденность от соприкосновения с внешним миром, то же пренебрежение к какому-либо комфорту, даже больше – режим, исключаящий удовлетворение самых главных насущных потребностей тела – теплоты, чистоты, сытости. Жил и он, как Альберт, вместе с книгами в полутемных сырых, потому что холодных, потому что не топлёных, помещениях, воздух из которых был вытеснен книгами почти до остатка, а качество этого остатка нетрудно вообразить, если принять во внимание не только сырость, не только темноту, не только холод, но еще ту бесконечную массу грязи и пыли, которые систематически накапливались и никогда не чистились, не убирались. Постелью для Мавродиادي служило ложе на полу из остатков носильного платья, а одеялом – текущее носильное верхнее платье. Чем и как питался Альберт, я не могу рассказать, но у Альберта были родственники в Одессе, семья его брата, в которой он хотя в большие праздники был в кругу людей родных, в чистой горнице сидел за столом и вкушал праздничную трапезу. Мавродиادي держался неизменно такого пищевого режима: однажды в неделю, преимущественно в воскресный день (со времени закрытия торговых помещений в праздничные дни), дабы не терять рабочего времени, с котомкой под мышкой отправлялся он в так называемую «обжорку» на толкучем рынке, где снабжался на всю неделю надлежащим количеством вареной и жареной печенки; здесь же покупал с рук у солдат распродаваемый ими по дешевому тарифу остаточный солдатский ржаной хлеб, тоже в количестве, необходимом на неделю, и с котомкой за плечами, с ношей в пуд приблизительно наш классик *per pedes apostolorum* возвращался домой».*

* Чижиков Л. Одесские букинисты (страничка из недавнего прошлого Одессы) / Л. Чижиков. – Одесса: Центр. тип. Н. Лемберга, 1915.

Пишет Чижиков и о «старике» Аккерштейне, и о «неудачнике» Самборском, о «симпатичном неудачнике» Иване Петровиче Жилине и еще нескольких интереснейших колоритных личностях.

Лука Алексеевич Чижиков был современником еще одного одесского букиниста, Шмуля Бакала. О нем пишет Мирон Бельский:

«21 января 1904 года он получил свидетельство на открытие книжного магазина в доме Янопуло по Екатерининской, 48. До магазина он владел несколькими киосками в центре города: Троицкая угол Екатерининской (1901), Ришельевская угол Успенской (1902), Еврейская угол Ришельевской (1903) и др. В 1905 году он приобрел второй книжный магазин у вдовы Адели Фельдман, муж которой в 1901-м утонул в море. Магазин находился в доме Баржанского по улице Троицкой, 31. <...> В трудные годы Гражданской войны Шмуль Янкелевич не прекратил своей деятельности в сфере книжной торговли, но документов об этом не сохранилось, ибо в те времена никакого учета и контроля над деятельностью торговых заведений не велось. Известно только, что во время второго периода советской власти в Одессе (апрель-август 1919 года) среди владельцев частной собственности проводилось так называемое «обложение буржуазии контрибуцией». В числе многих владельцев книжных магазинов наш герой был обложен контрибуцией в 13,5 тысячи рублей.

В начале 1920 года вся частная собственность была ликвидирована, и Шмуль Бакал остался ни с чем. Но не такой он был человек, чтобы отказаться от дела, с которым связал жизнь. Спустя некоторое время советская власть разрешила – в ограниченном количестве – частное предпринимательство, и Ш. Бакал этим немедленно воспользовался. Мне неизвестно, когда это произошло, но в «Адресной книге издательств, книготорговых предприятий, журналов и газет СССР на 1928 год» в разделе «Частные книжные магазины» есть такая запись: «Современник» – книжный магазин. Бакал С.Я. (Лассалья, 26). Существует с 1920 г. Розничная торговля».*

* <https://viknaodessa.od.ua/newspaper/news/?1981>

Длилось это предпринимательство в советское время недолго. Вскоре порядки вновь поменялись. Если Чижиков сетовал на то, что «изменялась жизнь, формы жизни преображались, дело измелчало с появлением множества букинистов, и конкуренция уже не дает возможности на старой книге строить палаты каменные», то советская власть в одночасье отменила и конкуренцию, и частную торговлю.

Важный момент – Бельский не считает Бакала именно букинистом:

«Осталось ответить на вопрос, поставленный в заголовке статьи: был ли Шмуль Бакал букинистом? И да, и нет. Прежде всего, о термине «букинист». Слово сие обозначает продавца старых, подержанных книг. Я только однажды встретил разрешение на открытие букинистического магазина – оно было выдано в 1909 году отставному статскому советнику Аристарху Ивановичу Мавродиади (его заведение располагалось по улице Кузнечной, 7, в доме Табунщикова). Означает ли это, что никто больше в Одессе не торговал старыми книгами? Естественно, нет. Все мелкие магазины и книжные лавки торговали в основном подержанными книгами, причем порой эта торговля приобретала уродливые формы, и власти должны были принимать соответствующие меры. Так, например, замечено было, что книгопродавцы охотно скупают у детей за гроши учебники и потом перепродают их по полной стоимости. Некоторые учащиеся, не желая заниматься, избавлялись от учебников, покупая на вырученные деньги сладости. Затем это явление получило развитие – стали воровать учебники у одноклассников... Потребовалось специальное строгое распоряжение градоначальника, запрещающее покупку книг у детей.

Полагаю, что формально Бакала назвать букинистом нельзя, ибо у него не было специального разрешения. Однако событие, о котором я упомянул в начале статьи, то есть покупка книг у художника Гозиасона, произошло в 1919 году, когда царило безвластие. Кто что хотел, то и делал».

Интересный факт – статья Бельского о Бакале появилась потому, что в 1977 году уехавший из Одессы во Францию

художник Филипп Гозиасон написал Евгению Михайловичу Голубовскому: «Книги мои я продал букинисту Бакалу (на бывш. Гаванной улице)».

Тут самое время перейти к воспоминаниям самого Евгения Михайловича. До начала 1990-х вся книжная торговля, в том числе букинистическая, была государственной, и библиофилы искали и находили объекты своей страсти в нескольких местах. Он рассказал об этом в интервью для издания «Про книги. Журнал библиофилов»:

«...Как я уже упоминал, букинистические магазины, а их в Одессе в 50-60-е годы было несколько. Староконный рынок в Одессе представлял собой огромный книжный развал (к счастью, он существует и до сих пор, но уже, правда, не тот размах и не то качество). Естественно, знакомство с библиофилами, с которыми чаще обменивались, чем покупали у них книги.

– *Как складывалась в эту эпоху библиофильская жизнь Одессы (букинисты, собиратели, книговеды)?*

– В те годы в Одессе было много библиофилов, и были прекрасные книжные собрания. Я помню директоров и приемщиков букинистических магазинов за многие годы. Один из них, Никита Алексеевич Брыгин, написал книгу о своей работе – «Как хлеб и воздух», а позднее он стал создателем и первым директором Одесского литературного музея. Но живым центром общения стал букинистический магазин на Греческой площади, когда директором была Валентина Ивановна Меленчук, а приемщицей – Ирина Михайловна Дробачевская. Именно там и были проведены первые заседания Одесского клуба книголюбов, позже перешедшие в Дом ученых и ставшие там Секцией книги. Помню первые заседания, где библиофил М. Шаргородский показывал свою коллекцию книг и документов о Наполеоне, а библиограф Одесского университета В.С. Фельдман знакомил нас с фантастическим книжным богатством, принадлежавшим семье светлейшего князя М.С. Воронцова, хранившимся в университетской библиотеке...

Библиофилы, ставшие за эти годы друзьями, раз в месяц собирались на домашние посиделки друг у друга. И тогда разговоры были еще более острыми и доверительными.

Пожалуй, не было известного писателя, деятеля культуры из приезжавших в Одессу, кто бы не посетил Секцию книги Дома ученых. Подробно об этом написал в книге «Летопись библиофильского содружества» Сергей Зенонович Лущик.

– *Как складывается библиофильско-букинистическая жизнь Одессы в XXI веке?*

– Грустно. В городе остался только один букинистический магазин. Секция книги в Доме ученых продолжает работать, но молодых библиофилов практически уже нет, либо мы их не знаем. Издательская деятельность библиофильского толка перешла во Всемирный клуб одесситов, вице-президентом которого я являюсь (президент – М.М. Жванецкий). Мы издаем альманах «Дерибасовская – Ришельевская» при поддержке фирмы «ПЛАСКЕ», выходящий четыре раза в год. Одесский литературный музей выпускает раз в год сборник «Дом князя Гагарина». Вокруг этих изданий и объединяются одесские коллекционеры, краеведы, библиофилы».*

История совершила очередной виток. Если в дореволюционное время букинист мог быть одновременно одержимым библиофилом, то в советское время совмещать эти два занятия было ну никак нельзя. Ну а сейчас... Сейчас, видимо, некому. Да, конечно, уже много лет у нас существует знаменитая «Книжка», которая, правда, давно сменила «ориентацию» вместе со специализацией.

Ну что же, возможно, времена отчаянных библиофилов-букинистов в Одессе безвозвратно прошли.

А может быть, и нет.

Время покажет.

Чтобы завершить очерк на оптимистической ноте и, может быть, даже вдохновить кого-то, кто решит посвятить себя этому интереснейшему делу, приведу еще одну цитату – именно этими словами Лука Алексеевич Чижиков завершает свой труд: «Мои наблюдения, факты, мною сообщенные, могли бы служить темой для многих обобщений, но я ограничусь тем выводом, который мимоходом наблюден, не помню кем, что букинисты, несмотря,

* Евгений Голубовский. И море, и Гомер – все движется любовью... – Одесса: изд. Вовк А.В., 2021.

казалось бы, на неблагоприятные условия своей жизни вообще (пыль, недостаток света, воздуха, недостаток движения, скучный образ жизни), вопреки очень неблагоприятным условиям для многих из них (материальная нужда, холодные помещения, скудное питание и т. п.), доживают до преклонного, или, во всяком случае, до почтенного возраста...»*

* Чижигов Л. Одесские букинисты (страничка из недавнего прошлого Одессы) / Л. Чижигов. – Одесса: Центр. тип. Н. Лемберга, 1915.

Тетяна Орел

Вона щаслива людина

До ювілею Олени Редько

Вона щаслива людина, бо її дитяча мрія працювати в театрі здійснилася на всі сто відсотків! П'ятдесят років: від контролера квитків, головного адміністратора до директорки – художньої керівниці Одеського академічного театру музичної комедії імені М. Водяного. Це унікальний випадок у культурній сфері, який свідчить про відданість своїй справі та обраному театру.

Героїня цього матеріалу – Олена Редько, лідерка, яка вміє стратегічно мислити, правильно ставити завдання, грамотно і коректно розв'язувати складні питання організації театрального процесу заради сталого зростання. А ще вона справжня одеситка – темпераментна, чарівна, з гарним почуттям гумору та оптимізмом. Тож як могло статися інакше?

Народилася Олена Григорівна в родині педагогів у 1956 році. З дитинства мала перед очима приклад батьківської відданості педагогічній справі. Як це було раніше: походи до театрів, мандрівки з класом під час канікул, дитячі концерти, диспути, зустрічі з цікавими особистостями – життя кипіло. Олена була завжди разом із батьками, та логічно можна було б припустити, що вона теж обере педагогіку. Але в шість років дівчина заявила батькам, що хоче працювати в театрі.

Спочатку, як і всіх дівчаток, її вразив балет. Але до балетної школи не прийняли, бо не помітили особливих здібностей. Потім марила акторською справою, а коли настав час серйозно обирати професію, вирішила стати режисеркою. Було ухвалено рішення вступати до одного з найкращих театральних вишів – Ленінградського державного інституту театру, музики та кіно. Тут сталася

дуже цікава зустріч молодій абітурієнтці з відомим талановитим режисером Георгієм Товстоноговим. Почувши, що дівчина має намір стати режисеркою, тобто обрати чоловічу професію, він подивився на неї та вимовив фразу, яку Олена Григорівна згадує й понині: «Жінка-режисер – це і не жінка, і не режисер!».

Будь-кого іншого все це могло відвернути, зламати, але тільки не нашу героїню. Якщо вона вирішила, що хоче працювати в театрі, то так і буде! Олена вступила до інституту та обрала спеціалізацію «Організація та управління театральною справою».

Роки студентства промайнули дуже швидко, і, повернувшись до рідного міста в 1976 році, вона починає працювати спочатку в Одеському академічному театрі опери та балету, а через пів року вже в театрі музичної комедії. Відтоді її життя тісно пов'язане з прославленим колективом. Одеська оперета тоді ще мешкала в старому будинку на вулиці Грецькій, 48-А.

– Як ми там всі розмішувалися?! – дивується Олена Григорівна, коли й тепер у нашому великому приміщенні іноді важко знайти місце для репетицій... А ще згадує, як отримала першу та єдину в житті догану від Михайла Водяного за те, що дозволила у святковий день не працювати робітникам театральної каси. Відтоді каса нашого театру працює завжди!

Як порахувати всі прем'єри, сміливі творчі проекти, гастрольні тури, ризики, тривоги, людські долі, успіх, надскладні випробування в роботі театру під час війни? Яка одиниця виміру потрібна, щоб полічити, скільки театру вміщується в одній добі? А у рік? А у п'ятдесят років?

– Час такий швидкоплинний, що не встигаєш обернутися, а вже минуло п'ятдесят років з моменту мого приходу на роботу до театру, який став моєю долею, радістю, турботою та втіхою, – каже Олена Григорівна. – За півстоліття мені пощастило взяти участь у багатьох творчих перемогах, створенні легендарних вистав, познайомитися з видатними українськими та закордонними творчими особистостями. Але весь цей час моє серце було віддано єдиному театральному колективу!

31 травня 2026 року на сцені рідного театру колектив, колеги, друзі, запрошені гості вітали з ювілейним днем народження

Фото Дмитра Скворцова

Олену Редько – директорку, художню керівницю Одеського академічного театру музичної комедії імені Михайла Водяного, за-служену працівницю культури України. То було справжнє свято вдячності, щирості та захоплення. Приємні слова, море квітів, державні відзнаки, фото з друзями, посмішки та невеличкий театральний капусник, в якому актори зізнавалися у коханні, дарували свій талант і майстерність людині, яка вміє не тільки керувати театром, а й мислити, дихати ним, жити в його ритмі.

Ім'я *Олена Григорівна Редько* – це вже простір, в якому народжується вистава. Це воля, яка збирає разом всі складові елементи та перетворює їх на мистецтво.

Це погляд, за яким стоїть ідея.

Це серце, завдяки якому театр залишається живим.

За кожним виходом артиста – її віра!

За кожними оплесками – її праця!

Тож продовжуйте жити, творити, любити, а ми завжди будемо поруч, любя Олено Григорівно!

Редколегія нашого альманаху приєднується до численних привітань на адресу шановної Олени Григорівни, бажає їй та колективу очолюваного нею театру успіхів у творчості та житті.

Подорож

324 Анна Михалевская
Синие горы

Анна Михалевская

Синие горы

Как бы человек ни хотел казаться самодостаточным в своем комфортном технологическом мире, это не так. Природа неминуемо пробивается сквозь ткань города, определяя нашу суть. Говорят, что море делает нас, одеситов, свободолюбивыми: мы привыкли смотреть на открытый горизонт. Горы тоже формируют особый характер – здесь нужна и сила, и умение признать слабость. Восходитель всегда умножает на два: путь вверх пока ничего не значит, ведь надо еще спуститься – целым и в принципе живым.

Я в Ворохте. Это поселок в Карпатском национальном парке, в верховьях реки Прут. Восемьсот пятьдесят метров над уровнем моря – для меня, привыкшей жить на высоте пятидесяти одесских, уже достижение. Куда ни глянь, тебя обнимают горы – пока еще дружелюбно,

ибо день ясный. Май месяц, вишня только цветет, трава после дождей нереально зеленая, будто ее рисовала нейросеть, желтые веснушки одуванчиков, воздух чистый – пить можно. У дворов, конечно, пахнет иначе – то лошадьями, то коровами, но человеку в моем лице, живущему в обнимку с ноутбуком, это неожиданно приятно. Вдалеке звучат колокольчики – животных гонят домой с пастбища.

Когда ехала в Карпаты, еще не знала, чем буду заниматься. Просто хотелось пожить поближе к природе. Но получилось так, что каждый день лезла вверх. И каждый день – дождь, туман, ледяной ветер.

Когда группа возмущалась непогоде, местные гиды, одетые в футболки и шорты, говорили:

– Це що, дощ? Не гнівить Бога. Це ж легенький карпатський бриз!

И убегали куда-то вперед по вертикальному подъему. Привалы делать забывали, но для профилактики гиды включали радио: если вдруг отобьешься от группы, чтоб по отдаленным фразам типа «Я не здамся без бою...» мог догнать своих. Иногда вместо того, чтобы нас считать и пересчитывать на редких привалах, гиды пели что-то из любимого. Паники из-за опоздавших туристов не было: считалось, что к ужину дорогу найдут все.

Я не успевала за первыми, но и слегка обгоняла замыкающий хвост, поэтому часто шла одна. В голову лезло разное. Вот, например, скорость. У каждого она своя. Все это знают, но стараются успеть. Успеть куда-то, куда кто-то уже добежал. Абстрактно осознать это крайне сложно. Зато в горах понимаешь сразу. Потому что проживаешь телом. Оно просто сразу начинает тяжело

дышать, у него что-то там подкашивается, что-то сбивается. Хочешь не хочешь, садишься и ждешь. И тогда вдруг видишь все многообразие зеленого, все цветы, мхи, лишайники, жуков, ящериц, жаб. Слышишь птиц, а не только радио гида.

А потом приходят силы и радость от дороги. От того, что ты переставляешь ноги в каком-то направлении, неважно, в каком, что иголки молодых елочек такие мягкие на ощупь, что корни елей держат на спуске и не дают скользить, что не жарко, что снова идет этот чертов дождь, но и ты вместе с ним.

Самый трепетный момент – когда на подъеме выходишь из леса на открытое пространство, и еще не доходя до полонины, видишь всю мощь Карпатских гор. Острые пики на фоне голубого неба или горная цепь, скрытая под шапками грозовых туч, за которыми только угады-

ваются очертания. Или сплошная непроглядная стена тумана, которая начинается сразу за склоном. Но ты знаешь, что она скрывает. И это знание делает туман живым. А когда ветер его уносит – погода здесь меняется быстро: вдалеке проступают синие горы. Это не придумка впечатлительных литераторов, горы действительно синие!

Мне удалось подняться на полонины Пожижевскую, Борсучину, Явирник, Ягидну и еще к скале Писаный Камень. Максимальная высота – 1450 метров. Не очень сложные маршруты, но и не очень простые. С нами шли в одной группе и спортивные ребята, и женщины после травмы позвоночника, и дети, и Instagramные девочки – те позировали в кокетливо расстегнутой курточке на шквальном ветру, пока у фотографа не отваливались от холода руки.

Традиционно нас сопровождали собаки – они появлялись на середине подъема (как раз, когда исчезали гиды), бежали с нами наверх. На привале садились рядом и вежливо ждали угощения. Ловили на лету брошенные им объедки, обходя по очереди всех туристов. А потом довольные бежали с нами вниз, охраняя группу от чужаков.

Наверное, считая нас кем-то вроде овец с богатым запасом еды.

И вот мы все, такие разные, день за днем шли вместе и вверх, и вниз. Шутили. Смеялись. Вырвавшиеся из жизни под обстрелами женщины из Одессы, Сум, Запорожья, Днепра и других прифронтовых городов, казалось, были готовы идти вечно, и энергия у них не кончалась, и хорошее настроение тоже, и, самое удивительное, в конце они снова хотели домой.

Я никогда не стану альпинистом, но мне нравится идти вверх, слушать лес, смотреть по сторонам и видеть то, что раньше не видела. Карпаты неисчерпаемы, и собственный мир, с которым горы неизменно помогают встретиться, – тоже!

Ах, Одеса

Леонід Ліптуга: Сад скульптур літературних

- 330 Олена Яворська
Леонід
- 333 Яна Заярна
Хлопець з Пересипу
- 337 Анна Божко (Стремінська)
Наш Адоніс
- 338 Олександр Галяс
Найкрасивіший конкурс року
- 350 Михайл Пойзнер
Новости со Староконного
- 354 Евгений Голубенко
По говору мой город узнаваем...
- 360 Владик Кигель
Последний Хаймович
- 372 Анатолий Контуш
Время летит...
- 374 Анатолий Контуш, Юрий Сычев
Алло, мама?..
- 376 Алекс Сино
Грандиозный старик
- 394 Игорь Божко
Майская гроза висит над городом...

Леонід Ліптуга: Сад скульптур літературних

Олена Яворська

Леонід

Линуть пахощі троянд над Садам скульптур Літературного музею, огортають невидимим серпанком зали, спускаються сходами до моря, летять вулицями. А у садку тонкий аромат немовби пестить скульптури, огортаючи й фігуру усміхненого фавна. Його лукава зваблива усмішка зустрічає всіх – і відвідувачів, і співробітників, і схід сонця, і похмурі хмари.

Ще рік тому такою ж усмішкою вітав усіх Леонід Ліптуга – засновник Саду скульптур. Якби про його життя писали роман, то був би він пригодницьким. І ще романом про кохання.

Справжній одесит за характером, з іронічним гумором, поводженням, вдачею, він народився далеко звідси. Мати походила з грецької родини, тому й вислали її на поселення.

Потому було повернення з матір'ю до Одеси, небагате, навіть нужденне життя одеського хлопчика на Пересипу. І перше кохання, яке і стало єдиним на все життя. І що з того, що скромні букети перших побачень згодом змінилися дорогими та вишуканими – почуття не змінилися, кохання з п'ятнадцяти років до останнього подиху – небагато кому так прийшлося у житті.

А далі робота на заводі, одруження, народження сина. Цоб гідно утримувати родину, довелося стати таксистом. І завдяки цьому він як ніхто знав місто, його таємниці, його широкі вулиці та вузькі провулки.

Буремні роки перебудови – запальний за характером Леонід не міг триматися осторонь, він був депутатом міської ради.

Але, як і всі чоловіки музейних панночок, ніколи не відмовляв у допомозі дружині. А допомагати треба було часто – відвезти гостей музею на вокзал, розважити спадкоємців так, щоб вони зажадали віддати до музею експонати, привести здалеку ті самі експонати, полагодити якусь дрібницю (або й не дрібницю). Зрештою він вирішив, що це буде легше зробити, працюючи в музеї.

І музею дуже пощастило. Навіть двічі. Передусім, вперше за багато років у кабінетах стало тепло – і не від душевного тепла Леоніда (хоч і завдяки йому), а тому, що він налагодив опалення. І всі ті дрібні побутові негаразди, які так отруюють життя, поступово зникли під пильним поглядом та золотими руками Леоніда.

У кафе, відкритому за його ініціативою в музейному дворі, лунали вірші, пісні, точилися літературні суперечки. Сюди приходили поети, художники, музиканти, гості міста. А співробітники подекуди виходили з тісних кабінетів писати інвентарні картки чи вивчати тексти прямо за столиками кафе, просто неба. І тоді Леонід особисто пригощав їх кавою та солодощами, жартуючи та відволікаючи від «наукового пошуку». Шкода, що працювало кафе недовго.

І по-друге, а швидше навіть по-перше. Саме йому належала ідея Саду скульптур – місця, з якого впродовж багатьох років починалась одеська Гуморина. Сам він вигадував ідею майбутнього пам'ятника. Як написано у Євангелії, «Спочатку було слово». Втілення ідеї залежало від скульптора, але спочатку був саме задум,

задум Леоніда. І до 1 квітня жодна жива душа, окрім нього і скульптора, не знала нічого, за винятком назви пам'ятника. І щороку 1 квітня на відкритті лунало захоплене зітхання всіх гостей, коли спадало покривало з нового пам'ятника. А які блискучі екскурсії він проводив для всіх охочих!

В юності він захоплювався археологією. Та участь у розкопках була не лише через бажання трохи заробити, а й завдяки жазі пізнати краще тисячолітню історію краю. Через багато років коло замкнеться. Саме Леонід не лише запропонував перевезти половецьких баб, прихованих від очей на тісному подвір'ї Археологічного музею, а й домігся цього та керував встановленням давніх ідолів серед троянд та ірисів Саду скульптур.

На жаль, другий його проєкт лишився незавершеним. Леонід мріяв створити Одеський двірник, який відобразив би колишню Одесу – таку ж різноманітну, багатонаціональну, щедрю на таланти, освічену, галасливу, іронічну – з усіма її суперечностями

Історичний момент. Леонід Ліптуга разом із соратниками встановлює у Саду скульптур скіфських баб – стародавні кам'яні фігури

та славою. І він почав його здійснювати, і така вже була його вдача та харизма, що експонати йому стали приносити всі, кому він захоплено розповідав про свій задум. Навіть бруківку він зміг роздобути, ту саму, що везли колись вітрильниками з Італії.

Запальний, норовливий, подеколи впертий до нестями та водночас зворушливо дбайливий та уважний до людей, ладний влаштувати свято для всього музею.

Душа будь-якої компанії, тамада і співак – і водночас майстер на всі руки, що не цурався будь-якої роботи.

Вродливий, як грецький бог, а побачити його можна було, коли він підрізав троянди у Саду скульптур.

Закоханий чоловік, люблячий батько, той, хто обожнює до нестями онуків, – таким він був.

Справжній одесит, він і з життя пішов на день народження міста.

І лукаво посміхається у вічність фавн з обличчям Леоніда. Бо його пам'ятатимуть – і таким, яким він був за життя, і незрушним у бронзі.

Яна Заярна

Хлопець з Пересипу

Я проводжу екскурсію Садом скульптур. У дальньому кутку чоловік у робочому комбінезоні працює болгаркою, помічає відвідувачів – і припиняє роботу. Екскурсія продовжується, той же чоловік, бачимо, вже порається в розарії. Екскурсанти у захваті від парку скульптур, захоплюються ідеєю – і тут я видаю вау-ефект: «А ось і автор, втілювач цього проєкту, провідний науковий співробітник Леонід Ліптуга!». Я розповідаю, що йому не тільки творче мислення притаманне, а й що він взяв на себе безліч технічних та господарських справ – від даху до підвалу та двору. Хтось вигукує: «Людина Відродження!».

Так і шуткували ми потім: «Льоню, ви – людина епохи Відродження!». Він примружувався, усміхаючись: «Я хлопець з Пересипу!».

Людина талановита, яскравої вдачі, він міг би досягти успіху у більш прибуткових справах, але вибрав музей. Так, спершу це,

мабуть, була допомога у технічних справах своїй коханій жінці – директорці музею. Бо колектив суто жіночий, самі філологині... А залишився, бо все, що було йому дорогим – письменники, історія, особливий одеський гумор і одеська неповторна атмосфера, – зійшлося тут, в його задуманих і втілених проєктах: Сад скульптур та Одеський двір.

Він був мрійником! Спочатку було літературне кафе, що об'єднувало письменників, музикантів, художників. Були художні виставки, ставилися вистави, поети читали свої вірші, музиканти грали. Життя вирувало, багато хто згадує про той простір і дотепер. Але широка Льоніна натура та його захоплення талантами інших людей приводили те кафе до постійних збитків. Так тривати не могло, і він виплекав проєкт Саду скульптур, що став культурною візитівкою міста.

Свого часу одеська художниця намалювала його портрет у вигляді молодого грецького бога. Прекрасний портрет! А він не прийняв. Мабуть, бачив себе іншим. Вже зараз художниця віддала портрет сім'ї.

Як справжній чоловік, він вболівав за свою родину, був опорою і захисником.

І нас, своїх музейних колег, прийняв до кола сім'ї. Входив у потреби, був водієм, допомагав, консультував. Бурчав, що розвели котів при музеї, а сам привозив сумки м'ясних обрізків і облаштував їм теплу хатинку, забравши з дому обігрівач.

Ні, ні! Не був таким солодко-ідеальним, як може здатися. Був живою емоційною людиною. Зі своїм баченням, зі своєю думкою, його рішення іноді викликали бурхливі емоції. Декілька разів ми сварилися «назавжди», не погоджуючись один з одним, гучними криками лякаючи співробітників.

Кожне місто має людей, які своєю працею та талантом формують його обличчя. Для Одеси таким був Леонід Ліптуга, котрий залишив після себе більше сенсів, ніж багато хто.

Кажуть, що людина живе доти, доки її пам'ятають. Леоніда будуть пам'ятати допоки є музей, бо скульптури Саду прийняті на музейний облік «на вічне зберігання», є такий рядок у записках хранителя...

Анна Божко (Стремінська)

Наш Адоніс

Я завжди пам'ятаю Льоню Ліптугу працюючим – він ніколи не сидів у музеї без діла. То він був зайнятий у Саду скульптур як садівник, саджаючи нові рідкісні рослини, щось постійно обрізуючи, поливаючи. То вів дуже цікаву екскурсію знову ж таки Садам скульптур для працівників чи гостей Літературного музею, то працював зі своїми проектами «Одеський двір» і «Одеська комунальна квартира». На жаль, він не встиг встановити останній задуманий ним пам'ятник, постамент для якого вже був готовий.

Гарний, як Адоніс чи Антіной, що не дивно, бо мав грецьке походження, він був справжнім одеситом: веселим, енергійним, засмаглим, завжди мав наготові гостре слівце. Правду кажучи, ми повсякчас їм милувалися здалеку, навіть коли йому було вже добряче за шістдесят.

При цьому він був людиною широко освіченою та культурною, добре знав і любив літературу, особливо ту, що була пов'язана з Одесою. Тому й приходили до нього завжди нові ідеї пам'ятників для Саду скульптур...

Ще він був по-одеському щедрий. Пам'ятаю, як часто, коли ми сиділи під час обіду чи то у мене в кабінеті, чи в архіві, він заглядав і питав: «Дівчата, а чому насухо обідаєте?!». І тут же з'являлася на нашому столі пляшка чудового «Сапераві» чи шампанського.

Окремо треба згадати, які щедрі фуршети він робив для нас на Новий рік чи, наприклад, на 8 Березня. Він взагалі любив радувати людей, а особливо жінок і дівчат Літературного музею.

Ще був дуже уважним до співробітників. Пам'ятаю, як іноді відчинялися двері кабінету – на порозі Льоня, питає: «У вас тут все добре?». І якщо треба було замінити якусь лампу чи ще щось, то все робилося у той же день.

Мені взагалі здається, що Льоня і тепер робить щось у Саду скульптур чи у флігелі, де розташована за його задумом «Одеська комунальна квартира».

Олександр Галяс

Найкрасивіший конкурс року

Цього року відбудеться сороковий конкурс «Міс Одеса».

У нумерології число 40 означає накопичений досвід, зрілість та підготовку до нового початку через трансформацію. Тож напередодні ювілею саме час згадати, з чого все починалося, і зазирнути не лише за лаштунки цього турніру одеських красунь, а й у майбутнє.

Трохи історії

Одеські дівчата здавна славляться красою. Що не дивно, бо місто спочатку заселяли представники десятків народів та народностей. А змішані шлюби, як відомо, завдяки генетичній різноманітності сприяють появі потомства, в якому діти часто успадковують найкращі риси обох батьків, включаючи зовнішні дані.

Перші відомості про одеських красунь ми отримуємо від поетів приблизно двісті років тому. Фотографія на той час ще не виникла, отже доводиться довіряти словам. Але вірші, як відомо, з'являються перш за все завдяки внутрішньому імпульсу, і якщо жінка справила таке враження, що чоловік взявся за перо, щоб її оспівати, значить, у цій жінці було щось таке, що змусило здригнутися його серце. І це щось, як правило, саме краса, яка вражає навіть крутіше, ніж грім небесний.

Серед перших одеських красунь, пам'ять про яких зберегли нам вірші, мемуари та гравюри, виділяються Кароліна Собаньська (Ржевуська) та Єлизавета Воронцова (Браницька). До речі, сестра Кароліни, Евеліна Ганська, зуміла зачарувати знаменитого

письменника Оноре де Бальзака, який з нею одружився, причому їхнє листування розпочалося, коли Евеліна жила в Одесі.

Усі три згадані дами, як неважко визначити, польки, які у XIX–XX століттях неформально вважалися найелегантнішими жінками Європи. Але двісті років тому вроджені одеситки були ще надто юними, щоб бути здатними скласти конкуренцію.

Однак в міському фольклорі першої половини XIX століття нерідко трапляються історії, в яких чоловіки, потрапивши до Одеси та зустрівши тут місцевих красунь, від пристрасі втрачали не лише голову. Тож, погодьтеся, це певною мірою свідчення про красу одеситок.

Але то – непрямі докази, якими доводиться задовольнятися, оскільки конкурси краси, тобто змагання, де переможниць та призерок визначають на засаді певних критеріїв, почали проводитися лише наприкінці XIX століття. До Одеси ця мода докотилася 1907 року, коли в межах грандіозного народного гуляння «на користь дитячих притулків відомства установ Імператриці Марії» вирішили таки з'ясувати, яка з одеських красунь «най-най». Змагання це скінчилося конфузом: з великою перевагою всіх конкуренток випередила... іспанка.

Розгорівся скандал: як же це наших красунь так образили! Дійшло до того, що виникла вимога подати до суду на організаторів конкурсу, які, мовляв, осоромили Одесу. Але за кілька днів на зміну цьому скандалу прийшов ще потужніший: у чоловічому конкурсі «найкрасивішим» одеситом було визнано артиста з чудовим ім'ям (або, швидше, псевдонімом) Бахус. І був він негром...

Наступного конкурсу краси довелося чекати цілих вісімдесят років.

В одеських – власна гордість

Зараз важко уявити, який ажіотаж викликала в місті новина, що обиратимуть найкрасивішу дівчину. Хоча в Радянському Союзі вже йшла «перебудова», але все-таки мало хто вірив, що по сцені офіційно ходитимуть у купальниках не актриси чи балерини, а звичайні одеські дівчата. У 1987 році, коли відбувся перший

в країні «конкурс краси», його проведення вже само по собі здавалося проривом до європейської цивілізації.

А все почалося з того, що в США побував Юрій Володарський, який привіз відеокасету з записом конкурсу «Міс Америка». Можна, звичайно, знизати плечима: ну що в цьому особливого, хто тільки з тих, хто побував тоді за кордоном, не віз додому ще вчора заборонений плід? Проте Юрій був не просто одеситом, а головою КВЗ ОМК.

Тут треба пояснити, що ховалося за цими аббревіатурами.

ОМК – Об'єднання молодіжних клубів, у 1980-1990-х роках було в Одесі найяскравішою та найпопулярнішою організацією. Воно складалося з десятків клубів за інтересами, де тисячі юнаків і дівчат мали змогу проявити свої таланти в різних сферах – від філософії до брейк-дансу.

«Клуб веселих зустрічей» (КВЗ), що входив до складу ОМК, об'єднував велику групу творчої молоді, яка організовувала і провела різного роду фестивалі, свята, конкурси, що мали величезний успіх не тільки в одеситів. Члени КВЗ буквально фонтанували ідеями, тому зовсім не випадково, що, переглянувши привезену своїм лідером касету, вони вирішили: а чим ми гірші за американців? Та наші дівчата дадуть фору будь-якій західній красуні! Тож що заважає нам провести подібну акцію?! Ах, у Радянському Союзі такого ще не було? Ну то ми будемо першими!

Легко сказати, але як втілити в життя таку ідею в країні, де подібні акції ще вчора оцінювалися як замах на суспільну мораль?!

Хлопці звернулися по допомогу до президента ОМК Михайла Бочарова, який уже неодноразово брав на себе вогонь критики від партійних органів за вільнодумство своїх підопічних. Але Михайло Петрович чудово орієнтувався в коридорах влади й тому відразу вирішив, хто саме зможе посприяти задуманому. Цією людиною був перший секретар обкому комсомолу Сергій Гриневецький, який серед інших позитивних якостей славився вмінням оцінити нове та корисне. С. Гриневецький підтвердив своє реноме та дав добро. Щоправда, аби заспокоїти партійні органи, вирішили в назві обійтися без краси, а назвали конкурс: «Одеситка, ось вона яка!». Втім усі чудово розуміли, що саме мають на увазі.

І робота закипіла

За створення сценарію взялися художній керівник ОМК Данило Шац та один із провідних авторів КВЗ Сергій Стебліненко. Режисером та ведучим став Юрій Володарський. З ними працювала група захоплених спеціалістів.

Коротка інформація, яку розмістили в одному з міських друкованих видань, сколихнула сотні одеситок. Оскільки конкурс був відкритим, на перегляди приходили дівчата всіх кольорів та віку. Наймолодших нерідко приводили мами та бабусі. Ті, що були дещо старшими, вже самі приводили з собою чоловіків, а часом і дітей. (Тут слід зазначити, що у конкурсі могли брати участь і заміжні дами.)

Всього претенденток на звання найчарівнішої та найпривабливішої набралось двісті сімнадцять. У відбірковій комісії від великої кількості красунь просто голова йшла обертом.

Досвіду проведення подібних акцій, звісно, ні в кого не було, тому багато в чому доводилося винаходити велосипед. Але здебільшого всі були єдині: учасницям слід продемонструвати не лише свої зовнішні дані, а й знання, інтелект і, звичайно ж, почуття гумору (як же в Одесі без цього?!).

Винахідливості авторів сценарію щодо вигадування оригінальних конкурсів не було меж.

Ось лише кілька прикладів.

У конкурсі «Привітання місту» кожній з учасниць давалось тридцять секунд на спіч і стільки ж на появу на сцені та відхід з неї.

Ще жорсткіші умови поставили в конкурсі «Фотографія на згадку». Потрібно було придумати ефектну мізансцену для фотографії, яку кожна з учасниць хотіла залишити на згадку нащадкам, і простояти так п'ятнадцять секунд.

Також дівчата мали виявити дотепність і чарівність, виступаючи у ролі дискорів (так у ті роки називали диск-жокеїв).

Ще вони мали продемонструвати ерудицію та знову ж таки почуття гумору, коментуючи відомий уривок з «Євгенія Онегіна»: «Я жил тогда в Одессе пыльной...».

А в конкурсі реклами чого тільки не пропонувалося вихвалити – від продукції взуттєвого об'єднання до готельного номера!

Треба віддати належне організаторам: вони й самі вміли жартувати.

Анатолій Юдін, директор Палацу культури політехнічного інституту, де проходив конкурс, на запитання про критерії відбору претенденток відповів так: «Ми взяли за зразок Венеру Мілоську... Вона стоїть, де поставлять, тобто знає своє місце, не любить одягатися, і найголовніше – весь час мовчить».

Тренування та репетиції тривали кілька тижнів. Ті дівчата, які мали ілюзії, що конкурс краси – це легко та приємно, швидко переконувалися, що краса вимагає роботи. Такі йшли самі, інших відсівала конкурсна комісія. Звичайно, було багато образ, але на те й змагання – тут перемога не може бути одна на всіх.

Перші, поки що локальні, перемоги святкували учасниці півфіналу, які постали перед журі, головою якого був найзнаменитіший з одеських акторів Михайло Водяний. Участь народного артиста СРСР надавала пілотному, як нині зазвичай кажуть, проекту, вагомість і певною мірою легітимність. Крім того, авторитет Водяного був таким великим, що ніхто не наважувався вголос заперечувати суддівському вердикту щодо тих, хто пройшов до фінальної стадії.

Радощі та несподіванки фіналу

Тим часом у місті зростав ажіотаж. Квитків як таких не було, кожна учасниця отримувала по десять запрошень, які могла роздати своїм уболівальникам. Інші запрошення розподілялися через комітети комсомолу. Але кількість охочих на власні очі побачити перший в СРСР конкурс краси набагато перевищувала можливості навіть тисячної глядацької зали БК політехнічного інституту. А де попит, там обов'язково з'являється пропозиція – закон економіки. Запрошення можна було купити з рук, щоправда, коштували вони тижневу зарплату середнього радянського інженера. Проте це мало кого зупиняло.

Фінал, однак, розпочався зовсім не на мажорній ноті. За день до цього, якраз у проміжку між півфіналом та фіналом, помер Михайло Водяний. Зважаючи на це виникла ідея перенести фінальне

шоу на кілька днів, але зрештою дату його проведення вирішили не змінювати. А пам'ять артиста вшанували хвилиною мовчання. Функції нового голови журі виконував відомий ленінградський актор Ігор Дмитрієв, який на той час знімався в Одесі.

І ось на сцену вийшов ведучий Юрій Володарський та урочисто проголосив: «Добрий вечір! Сто дев'яносто три роки Одеса чекала на той момент, коли буде названо міс нашого міста».

Далі все пішло за сценарієм.

Я дуже шкодую, що не збереглося повного відеозапису фіналу. Бо це видовище було прикладом того, що зазвичай називають поєднанням форми та змісту.

Описати словами вбрання, які продемонстрували учасниці у конкурсі мод, особисто я не беруся. Навіть фотографії не дають повного уявлення про фантазію фіналісток, якій могли б позаздрити навіть всесвітньо відомі модельєри. І це при тому, що жодна з дівчат не могла похвалитися надто заможною родиною.

Щоправда, батьки теж проявляли фантазію. Свого роду легендою став епізод під час конкурсу фотографій.

Мама однієї з дівчат якимось чином зуміла домовитися з дресувальником ведмеда, щоб він привів на конкурс свого чотириноного вихованця та ще й у супроводі міліціонерів. На думку матері, такий вихід мав приголомшити і зал, і журі. Так воно і сталося, але з іншим знаком, оскільки тварину засліпило світло софітів, і ведмедик прямо на сцені зробив те, що люди роблять у спеціальних приміщеннях. Завісу довелося терміново закрити, а ведучому використати весь запас своїх хохм, щоб потягнути час, доки на сцені не наведуть лад.

Якимось чином у мене збереглося розшифрування аудіозапису фрагмента рекламного конкурсу. Наведу його дослівно: «Ми ведемо репортаж з урочистого відкриття трамвайного компостера нового зразка. На передньому майданчику на вас чекає захоплива виставка загублених фірмових гудзиків та ювелірних прикрас. Пам'ятайте, трамвай не рушить, поки не закриється. За кілька хвилин у першому вагоні відбудеться година пік. Якщо у вас виникло бажання змінити зовнішність – не соромтеся: увійдіть із заднього майданчика, та вже на наступній зупинці ви відчуєте себе зовсім іншою людиною. Для охочих схуднути в задньому

вагоні організовано абсолютно герметичну камеру – самопарилку. За численними заявками публіки відкрито педикюрний салон взаємного обслуговування. Швидко та зручно, не знімаючи взуття. На задньому майданчику влаштовано також інтимний куточок. Особисті проблеми – не проблема з цієї сходинки зору. Для того щоб навчити не дуже розвинені країни капіталу, скасовано собачі майданчики. Наші милі друзі, кусайтеся разом із нами, кусайтеся, як ми, кусайтеся краще за нас!».

Дивовижним чином з цим текстом виступала саме майбутня переможниця.

При оголошенні підсумків журі визнало, наскільки важко було ухвалити остаточне рішення: «Спочатку ми рахували бали. Згодом почали перераховувати суму місць. Все одно не виходило. Потім ми довго переконували один одного, доводили, хто ж переміг. Хотіли визначити двох «Міс Одеса», але умови конкурсу цього

Фіналістки першого в СРСР конкурсу краси. Одеса, 1987 р.

не дозволяли. І нам довелося зупинитися на одній з учасниць. Отже, «Міс Одеса 87» – Наташа Атаманова.

Другокурсниця університету імені Мечникова, попри юний вік, вже була заміжньою, а її скромний чоловік потім зізнався, що успіх коханої його просто приголомшив.

Проте після оголошення результатів трапилося те, що сценаристи точно не могли передбачити. Ірина Желудковська, третя призерка, категорично відмовилася визнавати суддівський вердикт. Річ у тому, що в конкурсі, де учасниці мали вийти на сцену в купальних костюмах, Ірина ще з однією колегою з'явилися в коротеньких халатиках. Пояснили це дівчата тим, що вони працюють у школі, а в залі перебувають їхні учні, перед якими незручно роздягатися. Оскільки було порушено одну з умов конкурсу, з красунь зняли по два бали.

Частина глядачів протестанток підтримала, здебільшого це були їхні учні та учениці. Побачивши таку реакцію, Ірина вийшла до мікрофона та оголосила, що все одно саме вона залишиться у пам'яті глядачів як перша «Міс Одеса». Організатори намагалися її умовити, але марно. І тут члени журі припустилися помилки. Замість того щоб пояснити свій вибір, вони обрали непомітне розчинення. Це дало привід деяким гарячим головам звинуватити журі у необ'єктивності.

Як бачимо, в цьому відношенні за вісім десятиліть мало що змінилося.

З прицілом на перемогу

З 1987 по 2025 р. тридцять дев'ять дівчат набули статусу «Міс Одеса».

У нумерології число 39 символізує духовне зростання, творчий потенціал, матеріальний успіх та початок нового етапу життя. З більшістю переможниць так і сталося. Майже кожна досягла успіху у тій сфері, яку вона вибрала. А три красуні здобули титул «Міс Україна». Олександра Ніколаєнко виграла цей конкурс у 2001 році, Катерина Захарченко – у 2010-му, Валерія Лісовська – у 2025-му. Усі вони – вихованки Академії модельного мистецтва

Валерія Лісовська – Міс Одеса 2025
та Міс Україна 2025

«Savrokh Models», яку 1991 року заснувала Тетяна Савченко.

А коли конкурс «Міс Україна» розділився на дві частини, та з'явився комітет «Міс Україна – Всесвіт», ще дві випускниці конкурсу «Міс Одеса» стали його переможницями: Олеся Стефанко (2011) та Аліна Пономаренко (2023).

Крім того, Олеся Стефанко посіла друге місце у конкурсі «Міс Всесвіт 2011» і отримала почесне звання «Першої Віце-Міс Всесвіт 2011». Це найвище досягнення представниць України у змаганні такого рівня.

Аліна Пономаренко увійшла до найкращої десятки міжнародного конкурсу «Miss Supertalent 2023».

На сьогодні жодна з українок не побила рекорд одеситок на світовій арені щодо успіхів у найпрестижніших конкурсах краси «Міс Світу» та «Міс Всесвіт». Без перебільшення, у цьому головна заслуга Тетяни Савченко, яка от уже понад тридцять років очолює «National Committee Miss Ukraine-South», під егідою якого проходить низка конкурсів краси, у тому числі й «Міс Одеса».

Свою кар'єру в індустрії краси Тетяна розпочала ще за радянських часів, в Одеському будинку моделей. Тоді дівчат називали демонстраторами одягу. Таких у мільйонному місті було всього п'ятеро, тож можна собі уявити, який конкурс вона витримала!

Потім була робота в Театрі мод, а коли театр закrywся, Тетяна створила «Savrokh Models», де готували професійних моделей для індустрії моди та реклами. Тож сьогодні Т. Савченко можна сміливо назвати не лише найдосвідченішою, а й найуспішнішою наставницею в українському модельному бізнесі. З її приходом докорінно змінилася сама філософія таких конкурсів. Це вже

не одноразове шоу, а творче змагання, учасникам якого вже у процесі підготовки допомагають формувати не лише професійні, а й особисті якості, головне з яких – націленість на успіх. Причому йдеться про успіхи не лише в моделінгу, а взагалі у всіх тих сферах, якими вони опікуватимуться у своєму житті. Втім, і в модельному бізнесі вихованки Т. Савченко затребувані не лише в Україні, а й за кордоном.

Як відбувається цей процес, спробуємо розібратися на прикладі цьогорічного конкурсу «Міс Одеса 2026».

Почнемо з того, що зовнішні дані мають значення, тому одразу відбирають дівчат за певними критеріями – зріст, вага тощо. Втім досвідчені члени оргкомітету враховують і те, наскільки претендентка на звання «міс» відрізняється від інших, чи володіє чарівністю, ерудицією тощо. Вже на цьому етапі беруть на замітку тих дівчат, які напевно зможуть проявити себе у майбутніх випробуваннях.

Я не випадково вжив таке визначення – випробування. Адже сама підготовка до конкурсу – це далеко не лише формування вміння красиво дефілювати помостом, посміхатися та приймати ефектні пози під час фото- та відеознімання, як може здатися необізнаним.

Це маса різноманітних навичок – від дефіле та хореографії до вироблення внутрішньої впевненості, етикету, прояву спортивної вправності, творчого таланту та формування свого унікального стилю. Погодьтеся, за тиждень-другий такого не домогтися, це праця кількох місяців, до того ж щоденна.

Принципово важливим моментом методики Тетяни Савченко

Тетяна Савченко

є розвиток у дівчат соціальної відповідальності. І це не забаганка, а знання світової практики. Жоден із провідних світових конкурсів краси не обходиться без благодійних акцій. А для переможниць конкурсу на звання «Міс» – це не просто титул, а робота амбасадорки, спрямована на благодійність, допомогу нужденним. Вони стають взірцем для наслідування, привертаючи увагу до різноманітних соціальних проєктів.

Аліна Пономаренко, наприклад, заснувала в Одесі благодійну ініціативу «Дерево кохання», у межах якої волонтерки надають підтримку літнім одеситам та одеситкам: допомагають медикаментами, харчовими продуктами та речами першої потреби.

Про те, як складаються долі багатьох учасниць та переможниць конкурсу «Міс Одеса», Т. Савченко у співавторстві з письменницею Іриною Вишневською видала книги «Краса як обіцянка щастя» та «Модель за залізною завісою», де у захопливій формі розвіюється міф про те, ніби гарні дівчата – це лише гламур. Історії героїнь цієї книги викликають у читачів різноманітні почуття – від сліз і співчуття до радості та натхнення. При цьому ніхто не залишається байдужим.

Ось і учасниці конкурсу «Міс Одеса» у процесі підготовки відвідують дитячі будинки, притулки для тварин, допомагають таким установам, отримуючи неоціненний досвід доброти та милосердя.

Нинішня ситуація в Україні накладає відбиток на конкурс, спонукаючи організаторів проводити нестандартні акції, що відповідають духу сьогодення.

Одна з них – спільні навчання з професійними рятувальниками з пожежної команди.

Під час тренінгу дівчата дізналися про основи пожежної безпеки, про те, як слід поводитись у надзвичайних ситуаціях, як правильно евакуюватись, надавати першу допомогу. Окрім теоретичних знань наші красуні мали змогу спробувати себе у ролі справжніх пожежниць, у спеціальному спорядженні підійматися пожежними сходами, на собі відчувши, наскільки це складна та відповідальна робота.

Постає питання: а яка користь від такої акції?

Т. Савченко відповідає на нього так: «Це був повноцінний практичний досвід, спрямований на формування відповідальності,

витримки та готовності діяти в екстремальних ситуаціях. Для дівчат цей досвід став важливою частиною їхнього особистісного розвитку, адже для сучасної учасниці конкурсу краси йдеться не лише про зовнішню привабливість, а й про внутрішню силу, свідомість та соціальну відповідальність».

Такі ініціативи демонструють глибину та змістовність підготовки до конкурсу «Міс Одеса 2026».

Чи всі дівчата стануть потім топмоделями, уособлюватимуть сучасну нашу країну? Напевно, не всі. Але всім досвід участі в конкурсі, вироблення певних навичок знадобляться в житті.

А на переможницю та призера конкурсу «Міс Одеса 2026» чекають на національних та світових підмостках: там знають, що одеські дівчата здатні гідно представляти найкращу половину країни. Адже гасло конкурсу в останні роки таке: «Краса – це світло, а світло переможе пільму!».

Михаил Пойзнер

Новости со Староконного

А врагу не сдаётся?

Косвенная улица.

Из разговора между собой.

...Значит, опять звонят: «Вот мы тут прочитали. Так еще сдаётся квартира на Нежинской?!».

А я: «Сдаётся, сдаётся. Это у них «Врагу не сдаётся их гордый «Варяг»... Так им же лишь бы только петь...»

А я и тогда сдал бы его даже посуточно... Шо, нет?!

А так с чего жить?

Вот только капли в глаза тянут шото там на полхолодильника.

А базар, а туда-сюда?..

Ой! И до кого я все это рассказываю?

Шо вы здесь рядом не живете?!

И без возражений...

Мастерская и Колонтаевская.

У стола, где продают наручные часы.

...Так я и рассказываю. Он предложил «Лонжин».

Я: «Не-е».

Предложил даже «Патек Филипп» (!).

Я: «Не-е, не-е».

А уже только потом предложил... выпить...

На том сошлись...

Об языковой барьер...

Раскидайловская и Мастерская. Доверительный разговор.

– ...Учи украинский, учи украинский...

Слышишь? Я – и учи?! Что учи? Куда учи? В ушах уже стоит...

– А вот у нас в тюрьге, сразу после Водопроводной, вообще не надо украинский...

– Точно не надо... Еще на пересылке, шото там около Херсона – тоже не надо...

– Ой! Тогда все-таки слава Богу!

– Пока что хоть там можно будет шото пересидеть своим ходом. Пока что...

А дальше – оно будет дальше...

А кто гарантирован?

Мастерская и Колонтаевская... Стол со старыми мобильными телефонами, разными проводами, запчастями и т. д.

Очередной покупатель – явно залетный – протягивает старую модель мобильного телефона. Надо зарядное устройство...

Продавец долго рассматривает телефон. Подходит вплотную к покупателю. Говорит тихо, оборачиваясь по сторонам:

– Вам для тюрьмы?

Покупатель (испуганно): Почему? Какой тюрьмы?!

Продавец: Я знаю? Люди хорошо берут... Очень надежно... Пока никто не жалуется.

Веление времени

Ризовская и Колонтаевская.

К столбику привязана маленькая собачонка. Хозяин отлучился.

К собачке обращается случайно пробегающий одессит:

– Ну шо ты гавкаешь?

Ну шо ты гавкаешь?!

Теперь тебе никто не услышит...

Гавкай уже по-украински...
Не... не... даже не думай...
О! Это уже другое дело...

Улицы рассказывают

Пока не поздно...

У магазина «Сельпо» на Александровском и Еврейской.

Дельный совет.

– ...Ты себя больше не грызи...
И отойди от него... Твой поезд ушел...
Ой! Шо я такое говорю? Какой поезд?!
И самолет, и вертолет, и даже дирижабель...

Не дай Бог...

...Утро. Звоню по делу старому одесскому приятелю. Очевидно, ошибся какой-то цифрой. Попадаю к незнакомому человеку...

Мне отвечают буквально загробным голосом. Насторожился. Мой приятель как раз хорошо выпивающий товарищ. Подумал: «Вот хмырь! Прямо с утра так набрался, что и своих не узнает...».

И тут я чисто автоматически переспросил «Михаил Исаакович, это вы?!».

На что мне, не раздумывая, мгновенно ответили: «Твою мать!!! Мне еще и этого не хватало...».

Одним словом, Одесса...

Не бери в голову?

Маразлиевская. Рядом мореходка. Женщина с собакой идет в парк Шевченко, знакомый мужчина с собакой выходит из парка Шевченко. Сначала останавливаются... собаки, потом хозяева.

Разговор за жизнь.

– ...За кого вы говорите? За кого? За того длинного? А!!!

Так он вокруг нее ходил, ходил, ходил, ходил...
А она уже думала, что она на седьмом небе...
А оказалось – на седьмом месяце!
– Ой! Я вас прошу...
Она далеко не дура, но и близко не умная...

Быстро только кошки родятся

Старопортофранковская и Пантелеймоновская За углом – Привоз. Паркую машину. Рядом останавливается женщина средних лет. В руках мобильный телефон. Она явно чем-то возмущена. Не дослушав, что ей в трубке говорят, она довольно жестко подтвердила:

– Да! Я говорила, что я ему дам, но это же не значит, что вот уже нà?!

Мысленно я на ее стороне: «Так и всё сразу раздать недолго...».

Сегодня всё может быть...

Ул. Софиевская. Напротив Художественного музея остановка трамвая. На остановке трое мужчин, каждому хорошо под семьдесят лет. К мужчинам подходит пожилая прихрамывающая женщина.

Женщина: Молодые люди! Вы мне поможете подняться в трамвай? Для меня ступенька очень высоко...

Мужчина: Конечно, поможем... Конечно... Но имейте ввиду – мы не такие уж молодые... Ну, по-вашему, сколько нам лет?

Женщина (смотрит сквозь толстые стекла очков): Как? Вот вам, наверное, пятьдесят два – пятьдесят четыре, вашим товарищам, думаю, по пятьдесят. Не больше...

Мужчина (чуть прогнувшись, с придыханием): Мадам! Вы случайно не из военкомата?!

Евгений Голубенко

По слову мой город узнаваем...

Потрёпанный одесский старь двор

Потрёпанный одесский старь двор,
Мелодию нащупывая скрипом,
Семи ветрам объятья распротер:
Шальным, залетным, бесшабашным, сиплым.

И тает незатейливый мотив
По-доброму, по-свойски, по-жителейски,
Разумно, с тактом, с чувством совместив
Мелодию Успенской и Еврейской.

Мой старь двор, который век поет
Тепло, светло, знакомо, колыбельно.
И сердце тихо ёкает мое,
Скрипучей потревоженное дверью.

Этюд грусти

Свернув гастрольи, бархатный сезон
Уходит за осенние кулисы,
Где, радуясь своей окраске лисьей,
В янтаре природы город погружен.

На дальнем пляже нынче ни души.
Закончилось нашествие народов.
Лишь волны хором из морской глуши
Пригнали пену сероводорода.

Как близок мне осенний этот мир.
И чем-то я сродни одесским пляжам.
Присев у кромки, нежно волны глажу,
Седых кудрей набрав у них взаймы.

Рекламное

В чашу небесную влито рассвета вино.
Солнца бутон дозревает в хрустальном бокале.
Воздух трепещет, и море зарей зажжено.
Блестки огня в складках волн мотыльками порхали.

Берег большими глотками пьет утренний сок.
Рейд пробуждает от спячки возня сухогрузов.
В солнечных ваннах готовится плавать песок.
Все это – в лучшем из лучших курортов Союза.

Я обязательно вернусь!

По слову мой город узнаваем,
Ни с чем его не спутаешь жаргон.
Я по маршруту пятого трамвая
Отправлю в детство старенький вагон.

Ступай, вагон, своей походкой шаткой,
За рельсы понадежнее возьмиись...
Как сладко, в память заглянув украдкой,
Повторно просмотреть былую жизнь.

Я еду к морю в современной конке,
Счастливый заказав себе билет.
А где-то сзади шум от Староконки,
К которому возврата больше нет.

Ценнее жизнь становится с годами.
Лишь после начинаешь дорожить
Общением с обычными друзьями,
Сумевшими до мудрости дожить.

Кати, вагон, вдоль вечного Привоза,
Затем вокзал – и к морю плавный спуск.
Мой город, я к тебе, пока не поздно,
За прошлым обязательно вернусь.

Конечная. Аркадия и берег.
Волна чужую пыль с меня сотрет.
Вновь уезжать отсюда не намерен
И погасить разлук хотел бы счет.

Суббота. Юг. Декабрь

У вас за минус холода
И снега вволю.
А тут вода, кругом вода,
И даже с солью.

Здесь море пенится, бурлит.
В природе ругань.
Пляж устилающий гранит –
И тот напуган.

А чайки носятся, крича,
Над цветом хаки.
И волны рвутся на причал.
Вперед! В атаку!

И ветер в клочья пену рвет,
На берег мечет.
Волна назад, волна вперед.
Не сдержишь. Нечем.

У нас вода, кругом вода,
И даже с солью.
А нам бы ваши холода
И снега вволю.

О городе и только

Дождлся я, пришел и мой черед
Спеть об Одессе лучшую из песен,
Чтоб и тому, кто чёрт-те где живет,
Вдруг захотелось побывать в Одессе.

Здесь жизнь течет со вкусом, не спеша.
Здесь море лучше пенится, чем пиво.
Здесь каждая одесская душа
И гармонична, и чуть-чуть строптива.

Акаций белоснежных аромат
Толпится в подворотнях и в аллеях.
И всякий встречный вам безмерно рад,
От воздуха подобного хмеля.

Живем не в суете, не впопыхах.
И со всего имеем понемногу.
Мечеть от синагоги в двух шагах...
И все у них спокойно, слава Богу.

У нас уже полмира земляков.
И отыскать их можно где угодно...
Одесса всех вас ждет. У нас легко,
Радужно и пока еще свободно.

Одесский февраль

Ни зги, ни просвета, ни черни –
Небесный бульон бело-матов.
К земле седовласый кочевник
Ведет снежных братьев лохматых.

Несутся стремглав альбиносы,
Доспехами колко сверкая.
В заносы, в заносы, в заносы
Без продыху, стая за стаей.

И слева все то же, и справа:
В снегу и одежды, и лица.
Облава! Облава! Облава!
Ни выпасть из снега, ни скрыться.

Отпелось пурге, отплясалось.
И тихость сошла в надземелье.
Какая же все-таки жалость,
Что длится зима лишь неделю.

Осеннее

Краски рассвета и краски заката
Осень сумела свести воедино,
Чтоб желтизною айвовой цукатной
Выкрасить листья, добавив кармина.

Красным, оранжевым, бурым, медовым,
Сотней нюансов и сотней оттенков
Осень стремилась раскрасить портовый
Город и пригород, крыши и стены.

Мир канифолевый, мир золоченый
Переплелись, дополняя друг друга.
И по брусчатке, в том веке мощенной,
Ветер проносит из листьев хоругви.

Ширилась осень, звала, разрасталась
Неудержимо, объемно, вулканно.
И на мгновение всем показалось –
Это надолго, на постоянно.

Одесса

Который век все нипочем
Тебе, любимая Одесса.
Здесь предприимчивость ключом
Бьет в недрах каждого процесса.

Имея всех всегда в виду,
Свое ни в чем не упуская,
Жила со всеми ты в ладу –
Неповторимая такая.

Смеялась, ластилась шутя,
Ажурной пеной украшала...
Одесса – вечное дитя
Вселенной и земного шара.

Владик Кигель

Последний Хаймович

Было время, когда в Одессе человека с фамилией Хаймович найти было легче, чем человека без нее.

Куда ни ткни пальцем – попадешь в Хаймовича, Рабиновича, Финкельштейна, Шварцмана или Гольденберга.

Если во дворе крикнуть:

– Хаймович! –

оборачивались трое. Один спрашивал:

– Который?

Второй говорил:

– Я.

А третий интересовался, кто его ищет и зачем.

Но времена меняются.

Кто-то уехал.

Кто-то умер.

Кто-то растворился в других странах, языках и фамилиях.

И однажды оказалось, что людей с фамилией Хаймович в Одессе осталось раз-два и обчелся.

А может быть, и вовсе «раз»...

Во всяком случае, именно так думал Хаймович, когда вошел в фотоателье на углу Екатерининской и Базарной.

Ателье это в Одессе знали все.

Фотограф считался лучшим в городе. За сорок лет он успел снять пол-Одессы, а вторую половину снимал по второму разу, рассчитывая на то, что первая уже успела все забыть.

Времена менялись.

Телефоны начинали фотографировать сами.

А в ателье по-прежнему стояла старая деревянная камера на треноге.

Когда фотограф набрасывал на голову черную ткань и склонялся над матовым стеклом, казалось, что сейчас откроется дверь, войдет господин в котелке, фраке и с тростью, сядет на стул и через неделю получит карточку с надписью вязью в нижнем правом углу:

«Одесса. 1912 год.

Ателье Б-ья Пумпянь».

Фотограф верил, что современные аппараты делают хорошие фотографии.

Но эта делает правильные.

Никто с ним не спорил.

Потому что спорить с человеком, который сорок лет подряд снимал Одессу, считалось невежливым.

– Чем могу помочь? – спросил фотограф.

– Мне нужна фотография.

– На паспорт?

– Нет.

– На визу? Вы едете?

– Нет.

– Тогда, может быть, на водительские права?

– Нет.

Фотограф вздохнул.

– Тогда скажите сами, на что вам фотография.

– На памятник, – ответил Хаймович.

Фотограф поднял глаза.

Хаймович выглядел вполне живым.

Фотограф снял очки, протер их и посмотрел еще раз.

Нет.

Ошибки быть не могло.

Перед ним сидел самый настоящий живой человек.

– Я дико извиняюсь, – осторожно сказал фотограф, – но вы фотографию на памятник заказываете себе лично?

– Себе.

– Прямо себе?

– А кому же еще?

– Видите ли, обычно мои клиенты по этому вопросу приходят не самостоятельно.

– Я заметил, – кивнул Хаймович.

– И если позволите, вы пока еще выглядите человеком, у которого есть планы на вечер.

– Есть, – согласился Хаймович. – Если все будет хорошо, я даже выпью на ночь кефир.

Фотограф несколько секунд молчал.

– Тогда зачем вам фотография на памятник?

– Потому что потом будет поздно.

– Кому поздно?

– Всем.

Хаймович поправил воротник.

– Жена умерла восемь лет назад. Дочка в Канаде. Сын в Австралии. Внук, кажется, в Германии, хотя я уже не уверен. Родственник в Америке тоже есть, но он миллионер. Такие родственники вспоминают о тебе только тогда, когда ты тоже становишься миллионером.

– И что?

– И ничего. Когда придет время, заниматься этим будет некому. Так что я решил не перекладывать свои проблемы на посторонних людей.

– Вы хотите сказать, что готовитесь к похоронам?

– Нет, – возразил Хаймович. – К похоронам я не готовлюсь.

Он немного подумал.

– Я готовлюсь к одесскому бардаку после моих похорон.

Фотограф невольно улыбнулся.

– И давно вы этим занимаетесь?

– Второй год.

– Второй год?!

– Конечно. Место на кладбище уже проверил. Надпись придумал. Теперь вот до фотографии дошел.

– И какая надпись?

– «Я же говорил...».

– Что именно?

– Да все подряд, – сказал Хаймович. – Когда-нибудь что-нибудь обязательно окажется правдой.

Фотограф рассмеялся.

Впервые с начала разговора.

– Вы очень организованный человек.

– Нет, – сказал Хаймович. – Я просто прожил в Одессе достаточно долго и знаю: если хочешь, чтобы что-то было сделано как следует, лучше начать самому и заранее.

Фотограф вздохнул.

– Хорошо. С фотографией разобрались. Садитесь ровно и смотрите сюда.

Хаймович сел.

Фотограф набросил на голову черную ткань и склонился над матовым стеклом.

Мир привычно перевернулся вверх ногами.

– Готовы? – спросил он.

– Одну минуту.

– Что еще?

– Я хочу, чтобы за мной было море.

Фотограф вылез из-под черной ткани.

– Какое море?

– Черное. Другого у меня нет. У вас есть?

– Море можно сделать. Сейчас все можно сделать.

– Прекрасно.

– Теперь готовы?

– Почти.

Фотограф тяжело вздохнул.

– Что еще?

– Я хочу, чтобы за мной был оперный театр.

Фотограф помолчал.

– Одновременно с морем?

– Конечно.

– Обычно они находятся в разных местах.

– Я знаю. Я там бывал.

Фотограф внимательно посмотрел на Хаймовича.

Тот смотрел на него с таким видом, будто просил поправить галстук, а не передвинуть половину города.

– Хорошо, – сказал фотограф. – Будет вам оперный театр.

– Спасибо.

– Теперь всё?
 – Почти.
 Фотограф снова набросил на голову черную ткань.
 Потом снял ее.
 – Говорите.
 – Я бы еще хотел Привоз.
 Фотограф некоторое время молчал.
 Потом осторожно спросил:
 – Хаймович, вы хотите фотографию на памятник или генеральный план Одессы?
 Хаймович задумался.
 – Если честно, сначала я хотел просто фотографию.
 – А теперь?
 – А теперь я понял, что фотография без подробностей может ввести людей в заблуждение.
 – Каких людей?
 – Тех, которые придут.
 – Куда?
 – На кладбище.
 Фотограф вздохнул.
 – И что они должны увидеть?
 – Они должны увидеть не только меня.
 – А кого еще?
 – Море.
 – Зачем?
 – Потому что я его любил.
 – Еще?
 – Привоз.
 – Зачем?
 – Потому что я там провел полжизни.
 – Еще?
 – Оперный театр.
 – Вы были большим любителем оперы?
 – Нет.
 – Тогда зачем?
 – Он второй в мире.
 Фотограф не нашелся что ответить.

– Что еще?
 – Для начала двор.
 – Какой двор?
 – Где я вырос.
 – И где он находится?
 – На Молдаванке.
 – Конечно, на Молдаванке, – пробормотал фотограф.
 – Что вы имеете против Молдаванки?
 – Ничего. Просто почему-то никто никогда не вырастает на Французском бульваре.
 – Там дорого.
 – Логично.
 Фотограф взял блокнот.
 – Хорошо. Давайте составлять список.
 – Вот это уже деловой разговор.
 – Итак. Море. Привоз. Оперный театр. Двор на Молдаванке.
 – Лавочка.
 – Какая еще лавочка?
 – На которой я сделал предложение жене.
 – Она сохранилась?
 – Нет.
 – Тогда как я ее сфотографирую?
 – Нарисуйте похожую. Я не придираюсь.
 Фотограф записал.
 – Еще.
 – Кот.
 – Ваш?
 – Нет.
 – Тогда зачем?
 – Потому что был хороший.
 Фотограф записал и это.
 – Еще.
 – Два голубя.
 – Почему два?
 – Потому что один голубь – это случайность. А два уже Одесса.
 Фотограф посмотрел на Хаймовича.
 Потом записал и голубей.

- Еще.
- Семен.
- Кто такой Семен?
- Лучший дворник на Молдаванке.
- Он жив?
- Нет.

Фотограф перестал писать.

В мастерской стало тихо.

За окном звякнул трамвай.

– А зачем вам на фотографии люди, которых уже нет? – спросил он наконец.

Хаймович долго молчал.

Потом пожал плечами.

– Потому что мне без них там будет скучно.

Фотограф посмотрел на старика.

Тот сказал это совершенно спокойно.

Будто речь шла не о смерти, а о поездке на Дачу Ковалевского.

И впервые за весь разговор фотографу показалось, что Хаймович пришел сюда вовсе не за фотографией.

– Ладно, – сказал он.

И записал:

«Семен дворник».

Потом поднял голову.

– Это все?

Хаймович подумал.

– Пока да.

Потом подумал еще.

– Хотя нет.

Фотограф закрыл глаза.

– Что еще?

– Привоз сделайте покрупнее.

...Работа заняла почти три месяца.

За это время фотограф несколько раз собирался отказаться от заказа.

Потом вспоминал аванс.

И передумывал.

Каждое утро он открывал файл и видел перед собой море, Привоз, оперный театр, двор на Молдаванке, лавочку, кота, двух голубей и дворника Семена.

Каждый вечер приходил к выводу, что нормальный человек такого заказать не мог.

Через месяц фотограф начал пить валидол.

– Что с тобой? – спросила жена.

– Хаймович.

– Кто?

– Не спрашивай.

Через два месяца о Хаймовиче знала половина Одессы.

Каждый давал советы.

Один рекомендовал выгнать клиента.

Другой – поднять цену.

Третий утверждал, что это не заказ, а психическое заболевание.

Сам фотограф уже ни в чем не был уверен.

Особенно после того, как однажды поймал себя на мысли, что Семен дворник действительно нужен.

И кот тоже нужен.

И даже голуби.

Потому что без голубей Одесса выглядела какой-то подозрительно пустой.

Через неделю Хаймович пришел посмотреть результат.

Фотограф молча повернул к нему монитор.

Хаймович долго смотрел.

Очень долго.

Так долго, что фотограф начал нервничать.

– Не нравится?

– Почему не нравится?

– Потому что вы молчите.

– Я вспоминаю.

Он показал пальцем в угол изображения.

– Здесь должен быть Боря.

Фотограф медленно закрыл глаза.

– Какой Боря?

– Рыжий.

– Конечно.
– Что значит *конечно*?
– Ничего.
Он открыл блокнот.
И написал:
«Боря».
Хаймович снова посмотрел на изображение.
На море.
На Привоз.
На двор.
На лавочку.
На кота.
На голубей.
На Семена.
Потом неожиданно сказал:
– Знаете, чего я боюсь?
– Чего?
– Что все это забудут.
– Вас?
– Да при чем здесь я?
Он провел пальцем по экрану.
– Это.
Фотограф посмотрел туда же.
И неожиданно понял, что старик говорит вовсе не о себе.
– Меня забудут – и правильно, – сказал Хаймович. – Людей всегда забывают.
Он немного помолчал.
– А вот если забудут Одессу, которая была, – это уже обидно.
Фотограф ничего не ответил.
Потому что впервые подумал, что старик, возможно, собирает не фотографию на памятник.
А пытается спасти что-то еще.
Когда работа была почти закончена, Хаймович пришел в последний раз.
Долго смотрел на экран.
Потом кивнул.
– Хорошо.

– Всё?
– Всё.
– Больше ничего не добавить?
Хаймович задумался.
– Нет.
Потом улыбнулся.
– Если добавить еще что-нибудь, придется расширять Одессу.
Фотограф засмеялся.
Хаймович тоже.
Они попрощались.
И больше не увиделись.
Однажды Хаймович не пришел.
Потом не пришел еще раз.
Тогда фотограф нашел в анкете адрес и поехал сам.
Дверь открыла очень старая женщина.
Наверное, ровесница Хаймовича.
– Вы к кому?
– К Хаймовичу.
Она посмотрела на него внимательно.
– Поздно.
У фотографа внутри что-то неприятно дрогнуло.
– Когда?
– Дней десять назад.
Фотограф молчал.
– Быстро ушел, – сказала соседка. – Во сне.
Потом добавила:
– В его стиле.
– Родственники приехали?
– Какие родственники?
Она махнула рукой.
– Дочка звонила из Канады. Сын звонил из Австралии. Еще кто-то звонил откуда-то.
Она помолчала.
– Сейчас все умеют звонить.
Фотограф опустил голову.
– А приехал кто-нибудь?
Старуха посмотрела на него.

– Один.

– Кто?

– Вы, получается.

Фотограф вдруг понял, что все еще держит под мышкой папку с последней версией фотографии.

Той самой.

Почти законченной.

– Он что-нибудь оставил?

– Оставил.

Соседка ушла в комнату и вернулась с конвертом.

На нем было написано:

«Фотографу».

Внутри лежал листок.

Всего одна строчка:

«Если будете заканчивать фотографию, не забудьте море».

Фотограф улыбнулся.

Перевернул листок.

На обороте было приписано:

«Шучу. Важно всё».

И почему-то именно после этой фразы ему стало совсем тяжело.

Через несколько дней фотограф закончил работу.

А еще через неделю хоронили Хаймовича.

На похороны пришло неожиданно много людей.

Одни знали его хорошо.

Другие плохо.

Третьи просто слышали:

– Умер Хаймович.

И пришли.

Как будто вместе с ним уходило что-то еще.

За гробом несли большое панно.

Когда его установили возле могилы, люди сразу окружили его.

– Смотрите, Привоз.

– А вот оперный.

– Пятый трамвай.

– Господи, это же Семен дворник.

– Кот.

– И голуби тоже.

– А вот Боря.

– Рыжий?

– Конечно, рыжий.

Каждый находил что-то свое.

Вдруг кто-то спросил:

– Простите, а где здесь сам Хаймович?

Старик, стоявший рядом, посмотрел на море.

На Привоз.

На оперный театр.

На двор.

На кота.

На голубей.

На весь этот невозможный мир, который каким-то образом уместился на одной фотографии.

Потом провел рукой по панно.

И сказал:

– Как где?

Он улыбнулся.

– Весь здесь.

Одесса – Лос-Анджелес

Анатолий Контуш

Время летит...

Что думают обо мне

Написал друзьям, чтобы узнать, что они думают обо мне.

Попросил быть максимально кратким и высказываться в строгом соответствии со своим видением мира.

Вот что получил в ответ.

Математик: 45, 177, 70, 5000, 2, 49-171-555-97-13.

Художник: темные, коричневые, светлая, розовый, иногда желтый, порой зеленый, изредка серый, очень редко черный.

Врач: мужской, нормальное, без налета, ровное, чистые, слабо выраженный, без отклонений, не нуждается, не страдает.

Учитель: пять, пять с минусом, пять, четыре, пять, единица, пять с плюсом, пять, прошу родителей зайти в школу.

Полицейский: среднее, среднего, не склонен, не отбывал, без особых, шрам на правой, не опасен, не занесен.

Композитор: ларго, ленто, лентаменте, анданте, модерато, аллегretto, крещендо, аллегро, виво, форте, престо, фортиссимо, претиссимо, бревис, диминуэндо, пьяно, пьяниссимо.

Инженер: железобетон, долговечность, изыскания, надежность, купол, болт, метод сил, молниезащита, нормальное натяжение, свободное опирание, сопротивление, предел выносливости.

Водитель: хорошее состояние несмотря на серьезный пробег, быстрый разгон, небольшая масса, высокая проходимость, экономная система питания, устойчивость на скользкой дороге, изношенные тормоза, большой расход горючего.

Шахматы

Как и многие другие игры, шахматы открывают в людях то, что незаметно в обычной жизни.

Скажи мне, как ты играешь в шахматы, и я скажу тебе, кто ты.

Саперы, люди старше восьмидесяти и беременные женщины ходят любой фигурой только на одно поле.

Карьеристы любят коня, потому что он может перепрыгивать через другие фигуры.

Алкоголики не ходят по прямой, ладьей или ферзем, а только по косой, ферзем или слоном.

Расисты предпочитают слонов, потому что они ходят исключительно по полям своего цвета.

Толстяки всегда готовы принести фигуру в жертву.

Дзен-буддисты стремятся как можно скорее упростить позицию.

Коммерсанты хотят побыстрее разменять все фигуры.

Гомосексуалисты обожают ферзя, называя его королевой.

Альтруисты сдают сразу после первого хода.

Начальники любят советовать, как ходить, хотя сами играть обычно не умеют.

Революционерам больше по душе остроатакующие дебюты.

Коммунисты всегда играют до голых королей.

Время летит

Время летит.

Только вчера носил сорок шесть, а сегодня уже пятьдесят два.

Раньше был шестьдесят пять, а сейчас почти восемьдесят. Хотя сто семьдесят семь как был, так и остался.

Вместо сто двадцать на шестьдесят уже сто сорок на девяносто.

Раньше практически всегда тридцать шесть и шесть, а теперь все чаще тридцать семь и два.

Когда-то было сто за двенадцать и восемь, а сейчас за двенадцать и восемь максимум двадцать.

Не так давно три раза за ночь, а теперь два раза в день с чайной ложкой воды.

Вчера собирались не меньше двадцати, а сейчас максимум вдвоем.

Раньше каждую неделю одну на троих, а теперь еле-еле раз в месяц один раз по пятьдесят.

Когда-то было по три из автомата и по одной, а теперь ни за какие деньги.

Анатолий Контуш, Юрий Сычев

Алло, мама?..

Один день из жизни любимого сына одной одесской мамы

Алло, мама? Это я. Да, на остановке. Дошел без приключений. Нет, не забыл. Да, взял. Нет, не жмут. Да, одел. Одел. Одел. Одел. Мама, как тебе не стыдно! Конечно одел. Конечно одинаковые. В клеточку. Мама, ну я же на улице! Ну хорошо, посмотрю. Ой! Нет, ничего, просто когда одевал, были одинаковые. Ну все, мой троллейбус. Обязательно перезвоню.

Алло, мама? Это я. Да, на остановке. Доехал без приключений. Да, через переднюю. Нет, не продуло. Да, уступил. Нет, симпатичная. Нет, не обиделась. Не обиделась. Не обиделась. Не обиделась. Мама, как тебе не стыдно! Конечно не обиделась. Нет, не забыл. Да, люблю другую. Конечно к ней. Мама, ну я же на улице! Ну хорошо, посмотрю. Ничего нет. И тут. И тут. О, а тут есть! Да, вытер. Ну все, зеленый. Конечно перезвоню.

Мама? Это я. Да, перешел без приключений. Нет, не случилось. Да, бежал. Нет, от собаки. Да, быстро. И она тоже. Нет, не укусила. Не укусила. Не укусила. Не укусила. Мама, как тебе не стыдно! Конечно не укусила. Мама, ну я же на улице! Ну хорошо, посмотрю. Ничего нет. И тут. И тут. О, а тут есть! Нет, не течет. Да, неглубоко. Нет, маленький кусочек. Ну всё. Поднимусь – перезвоню.

Мама? Это я. Да, поднялся без приключений. Нет, не застрял. Да, у нее. Нет, ждала. Да, снял. Снял. Снял. Снял. Мама, как тебе не стыдно! Конечно снял. Нет, причесался. Конечно брился. Ко-

нечно сегодня. Конечно лицо. Мама, ну я же в гостях! Ну хорошо, посмотрю. Брился. И тут. И тут. О, а тут нет! Нет, не видно. Ну все, пошел. Сделаю – перезвоню.

Мама? Это я. Да, сделал без приключений. Нет, очень рада. Да, согласна. Согласна. Согласна. Согласна. Мама, как тебе не стыдно! Конечно согласна. Да, на кухне. Конечно умеет. Мама, ну я же в гостях! Ну хорошо, проверю. Умеет. Умеет. Умеет. О, и это умеет! Ну все, мама, утром перезвоню.

Алло, это Мишина мама? Нет, не из морга. Да, живой. Нет, не в больнице. Да, в порядке. Нет, еще спит. Да, со мной. Со мной. Со мной. Со мной. Мама, как вам не стыдно! Конечно, только со мной. Да, пользовались. Нет, не пользуемся. Да, бабушкой. Да, вы. Да, скоро. Конечно поздравляю. Конечно передам. Конечно счастлив. Проснется – перезвонит.

Алекс Сино

Грандиозный старик*

Новая мелиха – новые правила

Противное выражение «наша мелиха» я услышал в раннем детстве. Означало оно «советская власть». Все беды и неудачи в жизни так или иначе связывались с мелихой. Больше всего жаловался на мелиху мой дядя Люсик по кличке Люка-Мопс. Он получил свою кличку за мертвую хватку в драках на одесской Касарке – небольшом парке на Молдаванке. Маленький, но духовитый Люсик прыгал на обидчика, хватал его за горло и молотил без усталости кулаками. Люку-Мопса уважали в довоенной Одессе и блатные, и деловые. Тогда у всех молдаванских были клички. Люкину кампанию я помню уже солидными деловыми дядьками со смешными кликухами: Ворона, Жебжик, Сеня-Суматоха, Ривчик, Миша-Поц, Шестипалый, Бумчик и другие.

Люкин папа Ефимчик не одобрял Люкину молдаванскую сагу. Он был интеллигентным человеком – носил чаплинские усики, выходил к обеду в белоснежной рубашке со стоячим воротничком, с неизменной тросточкой, в костюме и при галстуке, что, впрочем, не мешало ему опрокидывать стакан-другой простого прохладного одесского вина в подвальной бodega напротив дома. Он частенько угощал эклерами красавицу жену Аннету в кондитерской на улице Преображенской, а по воскресеньям ездил в кинотеатр на конке. Ефимчик родился в Берлине. В 1914 году он загремел в армию – разумеется, немецкую, дослужился до чина прапорщи-

ка и в 1917 году вместе со всей ротой благополучно попал в плен к русским. В плену Ефимчика сбили с панталыка красные агитаторы, и вместо того, чтобы после окончания войны пробираться к своим в Германию, он перевел свою роту на сторону революции и остался в России.

К счастью, на этом его героизм закончился, и он осел в красивой и терпеливой Одессе. У него не было друзей. Все его приятели большевики в разное время сгинули по лагерям и тюрьмам. Ефимчик от страха никогда не делился своим прошлым. Даже с семьей. Говорил он до конца своих дней с немецким акцентом. Но кого в Одессе этим удивишь? Тем более немецким вкупе с еврейским.

Так вот, Ефимчик частенько ругал Люсика за карты, игру в стеночку, мелкие фразерские налеты и абсолютное нежелание учиться. Называл его «а гоныф» (бандюга) и прочими обидными именами.

Иногда доставал его взбалмошную голову своей гибкой тростью. Люсик лениво отбивался и громко спрашивал, так, чтобы слышали соседи: «Папа, это вас в немецком университете обучали таким зверствам или мелиха наша покоя не дает?». На этом скандал кончался – Ефимчик трусливо сбегал.

Так семья наша и жила – Молдаванка, двор, тесная квартира без удобств, четверо детей: Абраша – старший, художник, получивший в шестнадцать лет Сталинскую премию; Люка-Мопс – сорвиголова, Берчик – инвалид, потерявший ногу под трамваем на улице Тираспольской, и Сенечка – пацан, добряк, мой отец. Все родились в одной квартире. Аннета не верила мелихе и предпочитала рожать дома.

В 1941 году, когда Люсику едва исполнилось семнадцать лет, он пошел на фронт. Побежал за старшим братом. И как ни умоляли его Ефимчик с Аннетой, Люсик был непреклонен. Так и решили на семейном совете: Ефимчик пошел в подполье; Берчик остался с бабкой (а кто тронет инвалида?), Абраша и Люсик отравились воевать, а Сенечка с мамой уехали в Казахстан.

Абрашу убили в 1943-м. Безногого Берчика выдали соседи. Уж больно его квартира была хороша. Его повесили прямо у нас во дворе. Люсик пропал. Ефимчик долго искал его и нашел.

* Продолжение. Начало в книге 99.

На койке в военном госпитале лежало плотно забинтованное тело. Остались только прорезы для глаз. Над койкой висел китель с двумя орденами и медалью «За храбрость». Когда Люсика разматывали, Ефимчик его не узнал. Тот был весь седой. Вся правая сторона в осколках. Худой. Без пальцев на правой ноге и руке. Видя реакцию Ефимчика, Люсик прошептал: «Папа, бросьте палочку, вы же культурный человек».

После войны все выжившие родственники собрались в том же одесском дворе. Кого-то уплотнили. Чью-то квартиру заселили. Мебель растащили. Когда кому-то из беженцев нужна была помощь в обустройстве, в дверях появлялся все еще бледный и слабый Люсик и тихо говорил сволочным соседям: «А ну не гавкай. Это тебе не при румынах». И все вопросы решались быстро и без участия мелихи. Ефимчик, не любивший шума, переживал, но больше никогда не делал при людях замечаний Люсику.

В первую годовщину Победы дядя Люсик женился на красавице Мусеньке. Она была создана для семейного счастья: светлые глаза, полные плечи, красивый бюст, кудрявые волосы, еврейская семья с Молдаванки, на субботнем столе – тещина фаршированная рыба, тесть дядя Петя, любивший пропустить с Люсиком пару стаканчиков сухого – ну чего еще желать в мае 1946 года! Свадьбу сыграли прямо во дворе. И кликуху после свадьбы Люсик сменил на более гламурную – Люся-Дюк. Он занялся продажей сигарет. Каждую ночь его, громко цокая, везла домой конка с одесской табачной фабрики. В конке торжественно стоял Люсик, широко раскинув руки. На нем был плащ. На голове кипа. Во рту папираса. Жуткое зрелище. Ни дать ни взять воскресший Дюк Эммануил де Ришелье.

Люсик не мог ни сидеть, ни согнуть рук. Одежда его была плотно набита сигаретными гильзами «Сальве». В тяжелейшем плаще был табак. Иногда Люсик просил извозчика остановиться, чтобы поменять папиросу или почесать нос, страдающий от табачного запаха. Редкие прохожие растерянно здоровались, а милиция и вовсе сторонилась конной Люсикиной статуи. Возле дома здоровенный извозчик взваливал Люсика на плечи и торжественно вносил в квартиру. Соседи были в восторге. Муся – в ужасе.

Дома его ждала все та же одесская компания – Воронка, Жебжик, Ривчик и другие. Они дружно набивали сигареты для продажи на Староконном рынке.

Видя укоризненный взгляд Ефимчика, Люсик говорил: «Папа, мелиха живет хорошо, и мы должны жить хорошо. Мы не делаем никому проблем. Это их игра. Их правила. Не мухлюя, выиграть у них нельзя. Они сами дают мухлевать, пока у тебя есть что проигрывать. Зазевался – и идешь в отбой».

И Люсик играл в их игры. Проигрывал, отыгрывался, но играл. Мелиху он изучил досконально. Играл в подпольные цеха, где из отходов пластмассы производили пляжные туфли-мыльницы и сумки, в скупку вещей, в уцененные ткани, в производство кустарных джинсов. Типичный «большой» одесский бизнес шестидесятых годов. И никому не делал проблем. Людей одевал. Мелиху подкармливал. Семью любил. Другьям с Молдаванки давал работу. Играл и в карты по старой привычке. Жестко и азартно, по-одесски. Играл на барбуте у маклера дяди Лени, на члах судах ЧМП, плывущих вдоль Крымско-Кавказского побережья, на склонах пляжа «Аркадия». Иногда он исчезал на несколько дней. И тогда его пацан брат Сенечка шел на поиски по барбутным местам, врвался в хаты, где шла игра, хватал Люсика и уводил его домой. За это могли и убить. Игроки на Барбуте никогда не встают из-за стола, пока все не решат, что игра закончилась.

Когда Люсик понял, что мелиха в конце концов проглотит его, как и многих его друзей, он одним из первых уехал из страны. Мелиха в лице районного прокурора отхватила его трехкомнатную квартиру на Разумовской улице, немецкий гарнитур «Хельга», кремовую «Волгу» ГАЗ-21 и устроила ему тихий и быстрый отъезд. Когда за Люсиком пришли люди с корочками ОБХСС, он уже пересек станцию Чоп по пути к совсем другой жизни.

Сенечка остался в Одессе один. Они жили порознь еще много лет. Люсик, седой, весь в орденах, ходил по посольствам, стучал палкой по столу и требовал, чтобы Сенечку немедленно выпустили к нему. Тот пытался получить визу в родной Одессе. Но мелиха все еще играла по старым правилам, и Сенечка был бессилен.

А Люсик, может, от тоски по Одессе и Сенечке, а может, и от болезни с каждым годом чах и умер в шестьдесят с небольшим.

Через год Сенечке и его семье все же удалось приехать к нему на могилу. После смерти Люсика Сенечка уже никогда не был самим собой. Мне кажется, что он всеми силами пытался забыть детство, свое прошлое, родителей и братьев. Он резко терял память и в последние годы не узнавал уже никого. Только однажды, незадолго до смерти, он, увидев собственную фотографию на прикроватной тумбочке в больнице, радостно вскрикнул: «Люсик!».

Да, чуть не забыл! В девяностых я приехал в Одессу погостить. Привычно пошел через Касарку напрямик в родной двор. По пути за мной увязалась шпана. Я убыстрил шаг. Они за мной. Трусливо думаю, что отдам часы и доллары, главное, – чтобы паспорт не отобрали. Вдруг за спиной слышу: «Эй, подойди сюда». Вижу – стоит моя шпана и мнетя с ноги на ногу, а рядом дядька такой стоит, в возрасте, выдавший виды.

Я подошел к ним на негнущихся ногах.

Дядька шпане говорит: «Это Люки-Мопса племянник. Проводите его до двора, поведите на Староконный и угостите по-одесски. И передайте по Касарке, чтобы присматривали за ним, а то придурков залетных развелось немеряно».

И мне вопросик: «Бизнес делаешь?».

Я: «Да нет, бычки-камбалу-тюльку поем, Сенечке фоток надеваю, к Ефимчику и Аннете на кладбище схожу – и домой».

Он: «Верно мыслишь. Новая мелиха пришла. Новые правила. Не знаешь, как играть, – не лезь. Это меня так Люка-Мопс учил».

Мы обнялись и пожали руки. Крепко. По-одесски.

Цигель-цигель

Мне было лет двадцать, когда я познакомился с Эдиком Цигелем. Его фамилию я запомнил мгновенно. После выхода «Бриллиантовой руки» только ленивый не размахивал руками, складывая губы в трубочку, при этом приговаривая: «Цигель-цигель ай-лю-лю».

В Одессе Цигель если и не был титаном из правящего клана богов, то уж точно относился к «*dei minori*», младшим второстепенным богам, постепенно вытесняющим Одесских титанов на второй план. Эдик состоял в штате местной одесской газеты

и был счастливым обладателем красной ксивы с золотым тиснением «Союз журналистов СССР». Это открывало перед ним все двери – от валютного бара «Черное море», капустников в Доме актера и до святая святых – столовой одесского облисполкома с обедами за восемьдесят пять копеек. Эдик легко и ловко писал, играл в КВН, лихо ездил на машине и пользовался успехом у слабого пола. Этому помимо перечисленных достоинств способствовала породистая одесская внешность – модная укладка от парикмахера Алика с улицы Садовой, насмешливые голубые глаза, фирменные джинсы, замшевый пиджак табачного цвета, замшевые ботинки под цвет пиджака, часы «Ориент»-гайка и машина «Лада».

Эдик был всего лет на восемь старше меня, но притворялся старым, больным и истерзанным жизнью человеком, на что не уставая жаловался при каждой встрече. Со мной Эдик был на «вы», даже когда мы были наедине. Великих же он называл на «ты» – Валера, Женя, Шура, Феликс, Юра... По имени он называл меня крайне редко и неизменно обращался ко мне – «юноша». Это ему было свойственно: он даже сына родного называл «мальчик», так же, как Раневская называла свою любимую собачку.

Когда Эдик собрался в Америку, я потянулся за ним.

– Юноша, – важно сообщил он мне, – не ленитесь. Учите английский и обретите какую-нибудь полезную профессию типа программиста или бухгалтера. Это может обеспечить вам достойную старость.

Я так понял, что со своим «оксфордским» английским за свою старость Эдик особо не переживал.

Так я с учебником английского языка, лишенный советского гражданства, оказался на катере «Яша Гордиенко», плывущем по маршруту «Измаил – Вена». По прибытию нас под автоматами сопровождали в американское посольство, где мы торжественно «продали» советскую Родину, которая нас холила, лелеяла, пестовала и пристально о нас заботилась.

Из Австрии я попал в благословенную Италию, и там, в святом граале советской эмиграции, небольшом городке Ладисполи встретился с Цигелем. Он был горд и красив. На груди его болталось удостоверение работника ХИАСа, еврейской благотворительной организации, а на столе перед ним лежали ключи

от «Фиата». Голубые глаза Цигеля из насмешливых превратились в значительные.

– Здравствуйте, юноша, – сдержанно поздоровался Цигель. – Хау ду ю ду?

– Ай эм файн! – гордо выпалил я. – А как ты? Когда мы полетим в Америку?

– Это процесс, юноша. Спешить не надо. Я вот не спешу. Устроился на работу. А вы учите язык.

Мы с Цигелем часто встречались у меня на квартире. Литровой бутылки бренди «Наполеон» хватало на вечер мне, Цигелю и моему соседу Яше из Питера, ходившему в вечно засаленной тельняшке.

За очередной порцией «Наполеона» Цигель, Яша Питерский и я придумали красивый бизнес. Эдику ничего не стоило позвонить корешам в свою партийную газету и узнать расписание одесских судов, прибывающих в соседний с нами порт Чивитавеккья. На каждом судне у Цигеля был свой человек. Номера телефонов у Эдика были в черной лакированной записной книжке «Черноморское морское пароходство» за 1986 год. Перед прибытием парохода Цигель заходил на ладиспольскую почту, звонил в Одессу и делал заказ нужному человеку своим бархатным, но убедительным голосом.

– Часы командирские – восемь штук, фоторужье – одно на пробу, пятнадцать биноклей, сигары кубинские «Монте-Кристо», «Ромео и Джульетта» и «Партагас» по десять коробок. Платим в лирах один к одному. Да, забеги ко мне на Торговую и передай соседке рублей пятьдесят. У нее мой кот Беня. Пусть не жалеет ему на еду.

В определенный день под музыку «Матиа Базар» мы мчались на старом, но фасонном «Фиате» Цигеля в соседнюю с нами Чивитавеккью обменивать товар на итальянские «милле лиры».

Загрузившись товаром и заправившись «Наполеоном» в салумерии, мы вызывали остальных участников нашей «мафамии» – здорового хоккеиста Вову Лернера, бывшего защитника минского «Динамо», взявшего перед отъездом фамилию своей жены Беллы, шустрого красавчика Борика Литвакова по кличке Эрдельтерьер и Михаила Ильича Френкеля по кличке Ручки.

Кличку эту Миха заработал не в родной Одессе, а уже в Италии. Его как-то понесло на велосипеде без тормозов на кирпичную стенку, и он, чтобы не разбить голову, резко выставил вперед руки, умудрившись их поломать в нескольких местах. Так Миха и ходил по Италии, гордо выставив вперед гипсовые руки на гипсовом же корсете. Брезгливый Борик поначалу отказывался работать с Михой, боясь, что ему придется водить того в туалет, но вскоре оценил выгоду от сотрудничества с ним.

Наши специалисты по сбыту ехали с товаром в Рим на рынок «Американа», где продавался всякий хлам. Машину останавливала Вовина жена Белла. Она наклонялась к водителю и воркующим тоном просила доверчивого итальянца, оценившего щедрые одесские формы Беллы, подбросить ее до Рима. Едва водитель успевал кивнуть, как из-за угла появлялся хмурый Вова с гладильной доской на плече и садился на переднее сидение. За ним шел Борик с огромной сумкой и шкандыбающий Михаил Ильич с гипсовыми руками. Белла благодарно хлопала ресницами и садилась на заднее сидение. Водитель бесплатно довозил всех до «Американы», и благодарная Белла чмокала его в щечку.

Естественно, торговать на рынке из-под полы было нельзя. Торговцев лениво гоняли холеные карабинеры-полицейские в синей форме с перьями и начищенных до блеска кавалерийских сапогах. Наша троица раскладывала товар на старой гладильной доске из моей квартиры. Это было удобно – доску можно было мгновенно сложить и убежать с товаром или бабахнуть конкурентов по башке, а уже потом быстро скрыться. Огромный Вова Лернер занимал передовую позицию и был готов вступить в борьбу с конкурентами и карабинерами. Борик торговался и получал от покупателей деньги. В случае любого шухера он хватал лиры и мгновенно исчезал из поля зрения полиции. Михаил Ильич стоял над гладильной доской с товаром, широко расставив гипсовые руки. В случае приближения полиции Миха вопил противным визгливым голосом, болтая шеей с висевшей на ней матрешкой:

– Синьоры э синьориты! Регало пер бамбино! Донна Русса сэй персона!

Полицейские с ужасом смотрели на выставленные вперед гипсовые руки и убыстряли шаг.

Ни один полицейский не посмел сделать замечание инвалиду, продающему «в подарок для итальянских детей русскую мадонну с шестью персонами внутри».

В одну из поездок в Чивитавеккью мы встретили пароход «Казахстан». Цигель зорко оглянул палубу и вдруг гаркнул:

– Соколов!

Один из моряков обернулся и побежал по трапу к нам.

– Это же Вова Соколов! Старший механик! – прокричал мне на ухо Цигель. – Мой очень хороший приятель!

Вова был добродушный и высоченный одессит. Выпивать он умел. Когда после двух литровых «Наполеонов» Соколов покоился на стойку бара, где покоилась третья бутылка, я не выдержал и заорал: «Цигель-цигель-ай-лю-лю!». И тут же послышались отчаянные гудки «Казахстана». Мы опаздывали к отплытию, но Цигель смотрел на меня отрешенно, а Володя заявил:

– Я – старший механик. Без меня не отчалят.

Звучало солидно, и я успокоился. Видимо, «Наполеон» и меня прихватил.

Когда мы все-таки оторвались от барных стоек и неуверенно, но на своих ногах побрели на выход, то посетители бара нам аплодировали.

Было трудно. Последние пятьдесят метров я тащил Володю на себе. Эдик весело улыбался, но мало что понимал. У трапа Володя предложил посошок, но старпом с палубы строго прокричал:

– Немедленно тащите его на палубу!

Я замотал головой, все-таки соображая, что без документов и порядочно выпивший могу попасть на территорию уже чужого мне государства.

Но Цигель, взвалив на себя Володю, безмятежно потащил его по трапу вверх.

Раздался прощальный ободряющий гудок, и «Казахстан» победно отчалил. Цигель по трапу не спустился. Я для приличия еще покрутился на причале и побрел на автобусную остановку.

Цигель не приехал ни в тот день, ни на следующий. На работе он не появился. В свою квартиру не вернулся. Наша «фамилия» погоревала денек и занялась другими делами. По Ладисполи поползли зловещие слухи, что Цигеля обманом заманили на судно,

и теперь он, связанный и голодный, валяется в трюме по пути в Одессу. Некоторые даже предполагали, что его пытали.

Мнения паникеров разделились: одни говорили, что Цигель – герой, подло захваченный врагами, другие же утверждали, что Цигель – агент КГБ, который вывез из Ладисполи в Одессу списки всех эмигрантов и их родственников, а также данные о вывезенных контрабандой ценностях.

Я же за две недели после пропажи Эдика успел познакомиться с красавицей одесситкой, ставшей впоследствии моей женой, поехал с ней в поездку по северу Италии, а по приезде получил вожделенные билеты в Нью-Йорк.

Лет через тридцать после описанных событий я первый раз приехал в Одессу – на свадьбу к родственникам. Я очень волновался, тщательно готовился к встрече. По пути заехал в Неаполь позагорать и прикупить модные шмотки. Я мечтал приехать в родной город молодым и хорошо одетым. На моей памяти это в Одессе ценилось. Друзья отвели меня к лучшему портному в Неаполе. Я убедил его сделать пиджак поуже, чтобы выглядеть стройнее. Но с каждой примеркой под воздействием пасты и вина пиджак все больше морщился на животе. А после моего приезда в Одессу и двух дней непрерывных бычков, камбал и форшмака и вовсе треснул подмышками.

В магазине на Дерибасовской, где я мерил фракный блейзер Армани, я услышал знакомый бархатный голос:

– Юноша, зачем вы покупаете фальшивый Армани в Одессе? Разве для этого вам мало Бруклина?

Цигель практически не изменился. Как всегда, был подтянут. Великолепно одет. Только голубые глаза стали грустными.

– Эдик! Как ты?

– Я старый больной человек, – как всегда, заявил Цигель.

Только теперь его грустные глаза не противоречили сказанному. Мы долго болтали, хотя особых тем для разговора не было.

Он рассказал, что тот памятный день на «Казахстане» запомнил смутно. Они с Соколовым на палубе перехватили еще по паре рюмок, и Цигель отключился. Через день его растолкал трезвый Соколов и сообщил, что они в открытом море и могут тихо сбросить Эдика на греческом острове Микonos. Ну а дальше он должен

действовать по обстоятельствам. Не в Одессу же его везти на самом деле! Цигелю помог его хороший английский. Из Греции он пробрался в Италию. Потом в Америку, где он писал рассказы и какое-то время издавал газету.

– Заметьте, юноша, газету на английском языке!

Но ему не нравилась ни Америка, ни Европа. Я понял, что радость Цигелю, как и прежде, приносила только хорошая еда, собственная значимость, очередной кот Беня и спокойная жизнь.

– Так и мотаюсь между Сан-Франциско и Одессой, – неожиданно закончил он свой рассказ. – А вы как, юноша?

Что я мог ему сказать? Что я был преданным другом, ценившим его юмор, и что часто его вспоминал? Что я, к сожалению, уже не юноша, и он должен попытаться хоть разок опуститься со своего Олимпа до моего уровня и общаться со мной на равных, без детских подколов, без своего вечно насмешливого тона? Что я вдруг почувствовал в нем безысходность, нежелание воспринимать новое и усталость от жизни? Что вспоминать старое – грустно, а новых тем общения с ним я еще не нащупал?

Естественно, я промолчал, а потом промямлил:

– Да все вроде ничего. Работа, дети, рутина.

Эдик понимающе кивнул, вытащил мобильный телефон и отрывочно заговорил:

– Да... Баранину под соусом... Бычки. И вот эту закуску, что я с Мишей Жванецким всегда заказываю. Раков и пива не нужно – мы же культурные люди! Володе скажи, что в семь вечера.

– Юноша, сегодня планов не стройте. Вечером ужин у Борики Литвакова. Вы его помните? Ну и сюрприз: Володя Соколов с новой женой придет. Сейчас заедем на Садовую и возьмем по старой традиции три бутылки «Наполеона». Я знаю, там не левый. И пиджачок свой отдайте продавцу. Не позорьтесь. Я вас в «Березку» валютную или в сертификатный по блату отведу. Да шучу я, не пяльтесь так на меня! Найдём вам приличный пиджак. Мы же в Одессе, а не в Кливленде каком-нибудь!

Я обнял его и, совсем как в молодости, заорал:

– Ура, Цигель!

А про себя предательски подумал: а может, все-таки грусть в глазах Цигеля напускная? Или команда «полный назад» вдруг

сработает, и я хотя бы на один вечер, от души напившись «Наполеона», вновь почувствую себя юношей, бегущим с Цигелем в Дом актера на встречу с еще молодыми Мишей, Феликсом, Игорем, Женей, Валерой, Гариком...

Sex, Drugs and Rigatoni

Моему другу Алу Ди Меоле

Мне повезло с первой работой в Штатах. В начале восьмидесятых я, музыкант и меломан из Одессы, устроился продавцом в «Тауэр Рекордс» на Ист-Виллидже. Тогда еще существовала живая музыка, а шоу-бизнес был всего лишь ее придатком. Рок-звезды были для нас богами, а студии звукозаписи – храмами. Метро из Бруклина без остановок мчало меня до Вэст четвертой улицы, ну а там два-три квартала – и ты в раю. Приличные магазины были и в Бруклине на семьдесят шестой улице, но с «Тауэром» в Виллидже ни в какое сравнение не шли. В этом гиганте было четыре этажа, плотно заставленные музыкой на кассетах, виниловой массе и новеньких цифровых дисках. Там все еще продавались сорокапятки, пришедшие к нам из семидесятых, и неликвиды рок-альбомов семидесятых и восьмидесятых, от которых маленькие магазины Бруклина уже давно избавились. Только в «Тауэре» было все – от рока и джаза до классики. Это было для меня подобием музея Метрополитен. Мой любимый отдел был рок-энд-рольный. Ребята, работающие там, очень скоро стали моими друзьями. Они все выглядели близнецами. Одеты в черные джинсы с черной приталенной рубашкой. Пояс с металлической бляхой и зажигалкой «Зиппо» в кожаном чехле. Грубые рабочие ботинки, длинные волосы и нездоровая небритость дополняли их образ. Все мои друзья из «Тауэра» не только обожали музыку, но были еще и гитаристами-неудачниками. То есть звуки извлекать из гитары умели, но имя себе на этом не сделали. Я, например, когда учился в институте, играл на гитаре в ресторане «Киев», чем и оплачивал свой студенческий быт, страсть к фирменной аппаратуре и пластинкам.

После работы в «Тауэре» мы подрабатывали где могли: на студиях звукозаписи, в барах с живой музыкой, реставрировали инструменты и занимались аранжировками.

Однажды мне позвонил приятель из «Тауэра» и заорал в трубку: «Бросай все дела и мчись в «Электрик Лэйди Саундс» на Ист восьмой!». Еще бы не бросить все дела, когда ты приглашен в студию, где записывались Джимми Хендрикс, «Роллинги», «Лед Зеппелин», Стиви Вандер, ну, в общем, все наши любимые и легендарные!

У дверей меня встретил приятель, на груди у которого красовался пропуск в студию.

– Слышишь, парень! – закричал он. – Меня взяли помощником инженера на запись альбома...

И тут он назвал фамилию гитариста, от которой я обмяк и уронил свой пакет с уокером и дисками к нему. Гитарист, назовем его Ларри, записывался на всех наших любимых альбомах. Он умел все: играл блюз, рок, фьюжн и джаз. Когда-то он выступал в знаменитой группе, но уже несколько лет занимался сольной карьерой. Теперь его головокружительной технике не мешали вокалисты и средние музыканты-рокеры, от которых, кроме суеты на сцене, и пользы особой не было. Он теперь один царил на площадке. Его записи отличались аристократичностью – кружевной ритм перкуссии и клавишных, в промежутках которых виртуозно звучала гитара с разными «примочками» – иногда как классическая, орган, или как электрогитара с эффектами и подвываниями. Материал для своих сольных дисков он подбирал идеальный – и сам сочинял, и аранжировал великих.

А если он и выступал в других проектах, то только в группе таких же культовых и гордых гитаристов, с которыми на сцене он разговаривал на своем птичьем языке.

Мы зашли в одну из студий. На мне буквально грузом повисли платиновые пластинки, висевшие на стенах. В комнате было очень холодно, темно и накурено. На столе – коньяк, виноград и бананы. Пульт, занимавший две трети комнаты, поблескивал огоньками. Половина ручек была заклеена в определенной позиции. Все было расписано по линиям с названиями инструментов. Мой приятель, помощник инженера,

поелозил ползунками на пульте. Раздались невнятные звуки. «Все готово к записи», – прошептал он. Дверь в комнату открылась, и в нее проскользнул Ларри с инженером. Он выглядел как профессор дорогого университета. Никакого рок-н-ролла в одежде: джинсы «Ливайс» и светлая рубаша Армани навывпуск. Ларри дружелюбно кивнул нам с приятелем и тихо сказал инженеру: «Пишем перкуссию и бас». Стеклопанное окно перед нами засветилось, и я увидел, что в двух изолированных комнатах сидят перкуссионист на ящике под названием «кахон», из которого торчит микрофон, и здоровенный черный дядька с шестиструнным басом – не кто иной, как Энтони Джексон. Ларри поднял правую руку с зажатым в ней медиатором и плавно махнул. Я затрудняюсь сказать, сколько прошло времени. Может, два часа, а может, и десять. Я не дышал все это время и только ловил замечания Ларри: бас неточно, ритмичнее, звук суховатый у перкуссии, здесь точнее надо, здесь нужна пауза. И наконец-то он произнес: «Пишем гитару».

Моего приятеля мгновенно сдуло с места. Он схватил два кофра с гитарами и помчался подключать и подстраивать инструменты. Ларри сел на высокий стул, взял для начала акустическую гитару, кивнул инженеру, который включил свежую запись перкуссии и баса и нажал красную кнопку. Мы затаили дыхание. Ларри записал арпеджио. Потом свои хитроумные аккорды в разном ритме, затем красивые ходы-связки, от которых оживают аккорды, и после всей этой красоты взял электрогитару. Все пространство заполнилось густым звуком. Как надо – ни больше, ни меньше. Внимательно все прослушав, Ларри скрестил над головой руки – и инженер послушно защелкал кнопками. Он, мой гитарный бог, вышел к нам и сказал: «Ребятам еще работать и работать, а мы с тобой пойдем где-то поедим».

Мы зашли в крошечный итальянский ресторан неподалеку от студии. Навстречу вылетел хозяин, обнял Ларри и усадил нас за столик. Над ним висела фотография Ларри в молодые рок-н-рольные годы – в кожаных джинсах, с серьгой в ухе, в красной бандане и со знаменитым черным «Лес Полом» 1958 года. Ларри заказал нам ригатони и, поймав мой восторженный взгляд на фотографию на стене, усмехнувшись, сказал:

– Сладкое время... «секс, таблетки и рок-н-ролл»! Табачный дым, фанаты и фанатки, перелеты каждый божий день, красный «Феррари», который поднимали на лифте прямо в студию, экзотический антураж и много громкой музыки. Но поверь мне, парень, приходит время «секса, таблеток и ригатони», и в этом есть свой кайф. Ты можешь наконец-то сочинять и исполнять то, что близко и нравится тебе самому. А фанаты тебя поддержат. Они, разумеется, будут требовать исполнения осточертевших тебе шлягеров. И ты их не должен разочаровывать. Давай

им рок-н-ролл, но и про свои ригатони помни.

– А сам-то играешь на гитаре? – спросил Ларри.

– Играю, но с тех пор как переехал в Штаты, больше не выступаю в группе. Поигрываю дома. Для себя.

– Играть для себя нельзя, – строго сказал Ларри. – Для себя можно только репетировать. Запомни: музыкантов не бывает без публики. Так что, если считаешь себя музыкантом, практикуйся и выступай на людях. А пока, если хочешь, могу тебя взять гитарным техником в мой тур.

Вот так я стал помощником «гитарного бога». Буквально носил на руках его драгоценные гитары, чистил их, полировал, менял струны, настраивал, проверял звук, был все время рядом с Ларри. На концертах вылетал на сцену по первому же взгляду, согнувшись, мгновенно меняя одну гитару на другую или устраняя погрешности с аппаратурой. Когда Ларри не видел, я тихонько репетировал на его гитарах, заглядывая в его густо исписанные нотные листы.

Объездив всю Америку, группа начала готовиться к поездке по Европе. Первой была Италия – столица душевной музыки

и пасты. Ларри брал в поездку бесценную акустическую гитару «Конде Херманос» и двухгрифовую электричку PRS, сделанную фирмой специально для него. Я вылетал первый с гитарами и должен был встретить Ларри в аэропорту с итальянским турменеджером через три дня. В аэропорту Кеннеди работник охраны строго посмотрел на два кофра с гитарами и потребовал, чтобы я немедленно сдал их в багаж. Надо сказать, что я, как и многие эмигранты, робею перед людьми в форме – полицейскими, охраной и военными. Я сразу же теряюсь в таких ситуациях и начинаю говорить с тяжелейшим акцентом, путая слова. Так и в тот раз: я начал лепетать о безумной ценности гитар и рок-н-ролле, но покорно взял гитары и побрел в багажное отделение. Весь полет я выпивал, дрожа от страха за них. Когда, прилетев в Рим, я не получил гитар, то почти не удивился. Меня встречал итальянский менеджер Даниеле. Вот он-то удивился по-настоящему.

Ведь со мной не было ни гитар, ни самого Ларри. Я ему все объяснил. Он бросился в багажное отделение, и я издалека наблюдал, как он хищно размахивал руками, показывая, что будет с ним и всеми работниками авиалинии, если гитары не найдутся.

Меня он успокоил: сказал, что гитары прилетят завтра, и мы их подберем в аэропорту после обеда. На следующий день инструменты не нашлись. Не появились они и через день. Ларри же прилетал на следующее утро. С его прибытием приближался мой позор и конец рок-н-рольной карьеры. Даниеле мелко крестился и шептал что-то оскорбительное в адрес Мадонны. Я понял, что без драмы здесь не обойтись.

– Даниеле, – спросил я, – у тебя есть знакомые полицейские?

– Италия – страна семейная. У меня брат и муж сестры карабинеры.

– У них форма есть? Красивая такая, небесно-синяя, с лампасами, перьями и высокими блестящими сапогами?

– Разумеется!

– Они должны поехать с нами утром в аэропорт.

Наутро я, сопровождаемый двумя красиво одетыми полицейскими и Даниеле, ринулся к складу багажного отделения. Сунув охране под нос квитанцию, я молча двинулся прямо в огромный ангар с багажом. Охранник взвыл от такой наглости, но оценил

двух здоровенных сытых полицейских-карабинеров, шедших за мной, умерил свой пыл, успокоился и побрел за мной. Я нервно бегал по ангару в поисках гитарных кофров. Я наткнулся на лыжи, чехлы от неведомых мне приборов, барабаны и даже на футляр с балалайкой. Через минут двадцать я заметил знакомый кофр. Полицейские помогли его вытащить из огромной кучи чемоданов. Это был «Конде». Через минут десять отыскался и PRS. Я с радостью продемонстрировал полицейским и Даниеле имя Ларри, наклеенное на кофре. Они с уважением поклонились. Мы потащили их к выходу, но тут очнулся охранник.

– Секундочку! – заорал он. – Это гитары Ларри. А ты кто? И почему с тобой нет Ларри?

Полицейские мгновенно продали нашу дружбу и понимающе закивали головами: мол, да, а ты кто?

И я, неожиданно для себя, разумеется, с сильнейшим акцентом выпалил.

– Я – второй гитарист. Ларри без меня никогда не выступает! Вот эта гитара моя. А эта Ларри.

Охранник молча открыл кофр, вытащил своими ручищами «Конде» и протянул гитару мне.

– Давно мечтал послушать Ларри. Давай, покажи, на что его второй гитарист способен.

Я сел на чемодан, привычно обнял дорогую мне гитару и пощипал ее уменьшенными джазовыми аккордами. Затем,

подражая Ларри, попытался сыграть «Испанию» Чика Кория.

После этого, не дожидаясь оваций, быстро вложил «Конде» в кофр и направился к выходу.

Даниеле подхватил PRS, и мы, поблагодарив родственников-карабинеров, помчались встречать самолет, на котором прилетел Ларри.

Он вышел из бизнес-класса с небольшим чемоданом, как

всегда, элегантный, в стильных черных джинсах и рубашке Армани.

– Привет, ребята – поздоровался он и уставился на кофры. – Зачем вы тащили гитары в аэропорт? У нас что, репетиция, о которой я не знаю? – строго спросил он.

– Ларри, не сердись, – сказал я. – Мы приехали раньше, и я дал небольшое шоу для работников аэропорта. Надо же было когда-то решиться выступить на публике. Недаром же я репетировал столько времени! Надеюсь, ты не возражаешь, что я взял твои гитары?

Ларри внимательно посмотрел на меня. По-моему, он все понял.

– Нет. Не возражаю. Теперь ты можешь называть себя музыкантом. Надеюсь, доработаешь техником до конца тура?

Не знаю, то ли это было благословение мастера, то ли я был так изящно уволен с работы. Но это пошло мне на пользу.

Где и кем бы я ни работал после этого случая, я играю на публике. Конечно, не в группе Ларри и не с собственной программой. В основном играем с друзьями в небольших клубах и ресторанах.

Особенно люблю играть на гитаре в маленьком итальянском ресторане на Манхэттене. Там по средам живая музыка и собирается интересная публика – актеры, музыканты, местные мафиози и просто любители хорошей кухни. Иногда туда заходит Ларри. По моему заказу официанты немедленно подают его любимые ригатони, и Ларри громко говорит, подмигивая мне:

– Ребята, вот тот гитарист – мой ученик.

И после аплодисментов и паузы:

– Это я объяснил ему, что ригатони могут быть такими же захватывающими, как и рок-н-ролл. А играть на гитаре он научился сам. Я тут ни при чем!

Рисунки Михаила Ревы

Продолжение следует

Игорь Божко

Майская гроза висит над городом...

* * *

по знакомой улице неспешно прохожусь
к полупозабывтому конечно ж прикоснусь
и полупозабывтое снова оживет
и полупозабывтым возьмет и обожжет

и светлое и горькое – в минувших днях
живет не перетлевшее в золу и прах
все то что было праздником – осознаешь теперь –
накрылось медным тазиком и не раскроешь дверь

* * *

майская гроза висит над городом
с грохотом – веселая гроза
шарпанула ветки свежим холодом
блеск и вспышки радуют глаза

«хорошо что это не бомбежка»
говорит испуганно жена
«хорошо» – оглохшим нам немножко
надышавшись грохотом сполна

пронеслась гроза – и стало ясно –
снова солнце листья зелени
пронеслась – и жутко и прекрасно
но в ушах еще то плачет то кричит

* * *

пастушья сумка – называется трава
и подорожник здесь и одуванчик
позванивает за углом трамвай
и греется на солнце сдутый мячик

и старость на скамьях и их собачки
как могут – украшают тот же парк
судачат век отжившие судачки
седые золушки и жанны д'арк

а в небе заблудился руззкий дрон
бомбить иль не бомбить – еще не знает
какой от старичья ему резон
кружит над парком
и... соображает

* * *

не относись ко мне так строго
я просто – воздух / ты – вода
я полюблю – так ненадолго
и разлюблю – не навсегда

мы просто разные стихии
нас связь горячая не жжет
я – о любви стихи плохие
ты – сквозь меня летящий дождь

но малая частица Бога –
меж нами все-таки живет
поэтому не надо строго
ты – глубина а я – полет

После дождя

вот собачка побежала
а за ней еще одна
их – бабушка посчитала
сидя у окна

у бабушки получилось
ровно две собачки
хорошо что так случилось
могло быть и хуже
две собачки побежали
по дворовой луже

Одессіада

398 Про Одесу – до свята

400 Ярослав Сидоренко
Чому Бог не грає в доміно на Молдаванці

411 Анна Михалевская
Я – венский

423 Лиза Азвалинская
Дядя Сеня

Про Одесу – до свята

Напередодні Дня міста підбито підсумки Міжнародного літературного конкурсу оповідань «Одессіада», організованого «Huxley.media» спільно зі Всесвітнім клубом одеситів.

На конкурс надійшло сто два оповідання від авторів із різних міст України та інших країн. Оцінювання відбувалося у два етапи. Перший, відбірковий етап, передбачав розгляд усіх конкурсних робіт. На другому етапі твори оцінював розширений склад журі, який і визначив переможців конкурсу за сумою отриманих балів.

Особливо цінним стало те, що конкурс, проведений у складний для України час, об'єднав понад сотню авторів, відкрив Одесі нові літературні імена та продовжив її давню традицію живого художнього слова.

Переможцями конкурсу стали:

- Перша премія – Ярослав Сидоренко (Кропивницький) – «Чому Бог не грає в доміно на Молдаванці»;
- Друга премія – Анна Міхалевська (Одеса) – «Я – віденський»;
- Третя премія – Ліза Азвалінська (Філадельфія, США) – «Дядько Сеня».

Саме ці три оповідання увійшли до ювілейного, сотого номера літературно-мистецького альманаху «Дерибасівська – Рішельєвська».

Ярослав Сидоренко

Чому Бог не грає в доміно на Молдаванці

У червні 2026 року в Одесі зникла тиша.

Не та тиша, що буває перед грозою, коли навіть горобці затикаються, щоб послухати, як небо набирає повітря. І не та, яку щонаочі витрушують зі скатертин бабусі у дворах Молдаванки. А та глибинна, стародавня тиша, що жила у старих колодязях італійських двориків, у тріщинах ракушняку, у паузах між ударами серця міста. Вона просто збрала свої невеликі пожитки – клопоть вечірнього бризу, відлуння чіхось кроків по брукувці, забутий акорд шарманки – і пішла, нікому нічого не пояснивши. Залишила замість себе дивний низькочастотний гул, який чули лише коти, антиквари та один старий настроювач роялів з Пересипу.

Коти поводитися найдивніше. Рудий кіт Сема Кацнельсона три дні просидів на підвіконні, повернувши голову під таким кутом, ніби ловив радіохвилю з іншого виміру. Сірий безхатко з Привозу раптом почав ходити виключно задом наперед. А кішка мадам Фінкельштейн народила кошенят із чотирма парами вух – і хоча ветеринар пояснив це генетичною аномалією, двір вирішив, що це знак.

Антиквари відчували, як їхній крам починає тихенько тремтіти. Старовинні годинники почали відставати рівно на сорок сім секунд на добу. Усі. Одночасно. Ніби хтось відкусив від кожної доби маленький шматочок і заховав його за щок.

Марк Абрамович Шварцман, архітектор на пенсії та людина, яка вважала залізобетон особистою образою, а пластикові вікна – ознакою морального занепаду, стояв посеред свого кабінету на Грецькій та відчував, як під ногами ледь помітно тремтить підлога. Йому було шістдесят вісім. Він носив капелюхи, які вийшли з моди ще за Бреж-

нєва, і повернулися, і знову вийшли, і знов повернулися – а він просто не знімав свого. Його обличчя було схоже на карту старого міста: глибокі зморшки-вулиці, ніс – як виступ мису Великого Фонтану.

У його руках був старий мідний ключ, який раптом почав вібрувати. Так раптово й недвозначно, що Марк Абрамович ледь його не випустив. Ключ не належав жодним дверям у цьому будинку. Марк Абрамович знайшов його в стіні під час ремонту тридцять років тому. Ключ лежав у ніші, загорнутий у газету «Одесский листок» за 1913 рік, поруч із маленькою запискою: «Повертай ліворуч. Але не зараз». Марк носив ключ у кишені піджака, як інші носять портсигари чи фотографії онуків.

Тепер ключ вібрував, і Марк відчував цю вібрацію кожною кісткою, кожним зубом, кожною клітиною свого тіла, яке знало це місто краще, ніж будь-який Google Maps.

– Розумієш, Льово, – звернувся він до товстого рудого кота, який із підозрою спостерігав за ключем, – якщо Одеса починає вібрувати на частоті ля, значить, хтось намагається переписати її партитуру. А я не дозволю фальшивити у моєму місті. Тут навіть фальш має бути в правильній тональності.

Льова – кіт із біографією, якій позаздрив би будь-який авантюрний роман, – лише вухом повів. Він з'явився у житті Шварцмана п'ять років тому, увійшовши через квартиру з такою впевненістю, ніби повертався додому після відрядження. Він був рудий, товстий, мав надірване ліве вухо та погляд людини, яка все зрозуміла про цей світ і вирішила, що він її не вартий, але залишилась із жалості.

– Знаєш що, Льово, – додав Шварцман, надягаючи капелюх, – будинок стоїть не тому, що його тримають стіни. Будинок стоїть тому, що у нього є ідея. Забери ідею – і стіни стануть просто камінням. Так от, хтось тягне з нашого міста ідею. А я цього не допущу.

Він знав: у кожному місті є «точка нуль» – місце, звідки починається відлік, де серцебиття найгучніше. В Одесі всі думають, що це пам'ятник Дюку. Але Марк Абрамович знав правду: справжній центр міста знаходився у непримітному дворикі на Колонтаївській, де під старою шовковицею стояв іржавий стіл для доміно. Стіл, за яким ніхто не грав уже років двадцять, але з якого ніхто не наважувався прибрати забуті фішки. Саме туди вела вібрація.

Льова зістрибнув із крісла й пішов до дверей. Зупинився. Озирнувся – той рідкісний випадок, коли кіт дивиться на людину з чимось, що можна прийняти за повагу.

– Так, – сказав Марк Абрамович, – ти маєш рацію. Треба йти. Але спочатку візьму парасольку. Бо навіть якщо Одеса розвалюється на шматки, одесит не повинен при цьому промокнути.

Вулиця зустріла його тим особливим одеським літнім ранком, коли повітря таке густе від запахів, що його можна їсти ложкою. Пахло акацією, морем, чиймсь борщем із четвертого поверху, розігрітим асфальтом і тією невловною сумішшю надії та ностальгії, яку вміють готувати тільки південні міста.

Місто жило. Воно завжди жило – навіть тоді, коли це було небезпечно, нерозумно і взагалі суперечило здоровому глузду. Одеса мала дивну звичку найяскравіше сяяти саме тоді, коли хтось намагався загасити їй світло.

Дорогою Марк Абрамович зустрів мадам Берсон. Точніше, мадам Берсон зустріла його – вона мала здатність з'являтися на шляху людей з невідворотністю кліматичних змін.

Софія Марківна Берсон, вдова зубного техника, була жінкою монументальною. Не в сенсі розмірів, а в сенсі присутності. Коли мадам Берсон входила в приміщення, повітря інстинктивно розступалося.

Вона несла дві сукмбрії так урочисто, ніби це були скіпетр і держава. Сукмбрії були загорнуті у газету, і Марк Абрамович встиг прочитати заголовок: «Штучний інтелект прогнозує зростання цін на...» – далі було закрито риб'ячим хвостом.

– Марку, ви бачили цей колір неба? – запитала мадам Берсон, не зупиняючись. – Це ж не небо, це якийсь дешевий фільтр у соціальках. Господь явно економить на пігментах цього сезону.

– Мадам Берсон, – відповів Шварцман, поправляючи капелюх, – небо просто підлаштовується під наш настрій. Ми стали занадто прозорими. Світ навчився читати наші думки через Wi-Fi, і тепер небо боїться нас розчарувати.

– Ой, Марку, не починайте мені тут! Моя невістка готує борщ без буряка. Без буряка! Називає це деконструкцією. Я їй кажу: «Деконструкція – це коли ламають будинок. Ти хочеш сказати, що ти зламала борщ?». Вона каже: «Мамо, це тренд». Я кажу: «Тренд – це коли всі дурні роблять одне й те саме і думають,

що вони оригінальні». Філософія – це добре, Марку, але риба сама себе не засмажить. Хоча в ці часи я вже нічому не здивуюся.

– Мадам Берсон, – Шварцман спробував повернути розмову, – скажіть, ви не чули сьогодні вранці якийсь дивний звук? Такий низький гул?

Мадам Берсон зупинилася. Вперше за час їхньої розмови вона по-справжньому зупинилася – і ноги, і рот, і навіть сукмбрії завмерли.

– Гул? – перепитала вона, і її голос став тихішим. – Так, Марку. Я чула. О четвертій ранку. Я думала, це землетрус. Але потім я підійшла до вікна і побачила... Я побачила, як акації на нашій вулиці одночасно скинули квіти. Усі. Одразу. Наче хтось натиснув кнопку. І вони падали не вниз, Марку. Вони якусь секунду висіли в повітрі. Просто висіли, як парасольки. А потім опустилися на землю і склалися у візерунок. Я подивилася зверху – і знаєте, що це було? Нотний стан. Квіти акації лежали на тротуарі та складали ноти.

Шварцман поклав руку на плече мадам Берсон:

– Ви, можливо, найважливіший свідок у справі, яка стосується долі цього міста. Подбайте про ваші сукмбрії та нікому не розповідайте про квіти. Поки що.

– Кажуть, на Привозі вчора продавали креветок, які розмовляли французькою, – додала вона, віддаляючись. – Брежуть звісно. Хто в Одесі захоче слухати французьку, коли є наш суржик?

Шварцман дивився їй услід і посміхався. Незламність Одеси завжди була саме в цьому – у здатності перетворювати трагедію на анекдот, а апокаліпсис – на привід для обговорення рецепта форшмаку. У 2026-му, після всього, що місто пережило, ця іронія стала його бронею. Бронею, крізь яку не міг пробитися навіть той дивний гул.

Батько казав: «Марку, знаєш, чим єврейський гумор відрізняється від будь-якого іншого? Тим, що ми сміємося не замість того, щоб плакати. Ми сміємося, тому що плачемо. Це не альтернатива сльозам. Це їх продовження».

Перед тим як дістатися Колонтаївської, Шварцман зайшов у двір Фіми Городецького. Ефраїм Борисович був людиною без визначеного заняття, але з визначеним покликанням: він знав усе. Інформація стікалася до нього, як вода у найнижчу точку.

Фіма сидів у дворі на розкладному стільці й читав паперову газету.

– Марку Абрамовичу! – вигукнув він. – Ви чули про Полякова? Той, що має магазин із канцтоварами. Учора закрив магазин о третій дня і пішов на Ланжерон. Сів на лавку і просидів до темноти. Просто сидів і дивився на море. А вранці сказав дружині: «Роза, ми живемо у музичній скриньці. І хтось зламав механізм».

Шварцман відчув, як ключ у кишені пульсує сильніше.

– Фіма, а ви самі? Ви щось чули? Вранці? Такий звук, ніби місто стогне?

Фіма зняв окуляри – жест, який у нього означав перехід до серйозної розмови.

– Марку Абрамовичу, я не просто чув. Я бачив. Сьогодні вночі, о третій сімнадцять – я точно знаю – мій дід Борух з'явився мені. Не уві сні. Я не спав. Він стояв у кутку кімнати й дивився на мене. І сказав одне слово: «Ключ». І зник. А на його місці лишився запах тютюну «Казбек», який він кутив. Цей тютюн не випускають із вісімдесятих.

Шварцман стиснув ключ у кишені. Той був гарячий.

– Фіма, скажіть: дід Борух – він щось знав про цей дворик на Колонтаївській? Той, де стіл для доміно?

Фіма надів окуляри назад, потім зняв, протер, надів знову – ціла церемонія.

– Дід Борух грав там у доміно кожен суботу з 1962 по 1978 рік. З ним грали четверо та один чоловік, якого всі називали Маестро. Про нього я нічого не знаю. Дід не любив про нього розповідати. Тільки одного разу сказав: «Фімка, Маестро – це не людина. Маестро – це Одеса, яка сіла з нами пограти. І вона завжди виграє, бо знає, які фішки у нас на руках, ще до того, як ми самі їх побачимо».

Шварцман подякував і пішов.

Дворик на Колонтаївській зустрів його тишею. Тією самою тишею, що зникла всюди. Тут вона не просто лишилась – тут вона сконцентрувалась, стала такою щільною, що Шварцман фізично відчув, як входить у неї, як у воду. Повітря було прохолодним – не пояснювано прохолодним для липкого одеського червня. Пахло чимось давнішим – каменем, часом, тим запахом, який мають дуже старі книги.

Шовковиця стояла на місці – стара, корчакувата, з корою, вкритою зморшками, як обличчя мудреця. Її тінь була неправильною – занадто довгою для цієї пори дня, і вона падала не зовсім у той бік, куди мала б падати за законами фізики.

За столом для доміно сидів чоловік.

На ньому був білий лляний костюм, який виглядав занадто чистим для цього пишного червня – так, ніби хтось вирізав фігуру з модного журналу і вклеїв у стару фотографію комуналки. Його обличчя було ніяке – і в цьому полягала його дивність, бо людських облич «ніяких» не буває. Це обличчя було чистою сторінкою.

Тільки очі. Очі були. Сірі, прозорі, без дна – як ті колодязі, де раніше жила тиша.

Він не грав у доміно. Він розкладав на столі маленькі скляні кульки. Кожна розміром з великий горох, кожна ідеально прозора і водночас повна чогось – світла, туману, спогадів?

– Ви запізналися, Марку Абрамовичу, – сказав чоловік, не підіймаючи голови. Його голос був дивний – чистий, як дистильована вода, і такий же безсмачний. – Місто вже почало розшаровуватися.

– Хто ви?

Чоловік підвів голову. Його погляд пройшовся по Шварцману, як промінь рентгену, – ретельно, байдуже, бачачи все.

– Я – настроювач. Одеса – це величезний механічний орган. Кожна вулиця – труба, кожна площа – міхи, кожен двір – резонатор. А кожен житель – клавіша. Живий, теплий, непередбачуваний. І це було чудово, поки ви, люди, не почали тиснути на всі клавіші одночасно. З'явився шум. Не той шум, до якого я звик, – крики з балконів, суперечки на Привозі. Цей шум – він як тріщина. Вона росте. Ще трохи – і орган розвалиться.

– Тріщина в чому?

– У тканині. У тій невидимій тканині, що зв'язує все: минуле з майбутнім, живих із мертвими, камінь із пам'яттю. Ви зараз відчуваєте це як гул. Далі буде гірше. Спочатку почнуть зникати запахи. Потім – кольори. Потім – обличчя. А потім місто просто забуде себе. Стане схоже на будь-яке інше місце.

Шварцман сів.

– Я тут, щоб прибрати зайве. Відновити гармонію. Повернути тишу. Прибрати шум.

– А під шумом ви маєте на увазі нас?

Настроювач посміхнувся:

– Не вас. Ваші помилки. Ваші суперечності. Ваші дурні рішення, вашу звичку одночасно любити й ненавидіти, вірити й сумніватися, будувати й руйнувати. Усе те, що ви називаєте «жити», а я називаю «шуміти».

Шварцман відчув холодок. Не від страху. Від впізнавання. Він зустрічав таких людей – тих, хто хоче все впорядкувати, все виправити, все зробити «правильно». Тих, хто дивиться на тріщину в стіні й бачить дефект, а не характер.

– Ви хочете стерти нас? Прибрати шум? Але наш шум – це і є життя! Наші крики з балконів, наші суперечки, наш сміх – це і є мелодія Одеси. Без цього шуму це буде просто купа каміння біля моря. Гарна купа. Фотогенічна. Але мертва.

Настроювач підняв одну скляну кульку й підніс її до очей Шварцмана. Усередині неї Марк побачив відображення оперного театру. Але без людей. Тільки ідеальна архітектура в ідеальному мовчанні. Колони стояли бездоганно рівно. Ліпнина сяяла. Все було досконалим. І мертвим.

– Подивіться, як це красиво, – прошепотів незнайомец. – Ніякого хаосу. Жодних помилок. Жодної тріщини. Тільки чиста форма.

Марк дивився в кульку. І на мить відчув спокусу. Бо це справді було красиво. Так красиво, що боліло. Ідеальна Одеса без болю, без страху, без втрат. Одеса-мрія.

Але потім він побачив, що у цій ідеальній Одесі немає тіней. Будинки стоять, але не відкидають тіней. І зрозумів: без тіней немає глибини. Без глибини немає правди.

– Знаєте що, – сказав він, обережно відводячи кульку, – одного разу мій батько повів мене, маленького, на Привоз. І я побачив, як тітка Соня продає яблука. Яблука були кривенькі, побиті. А поруч стояла нова палатка, де продавали яблука ідеальні – рівні, блискучі, однакові. Я хотів ті, блискучі. А батько купив кривенькі. Я запитав: чому? Він укусив одне й дав мені. І я зрозумів. Ті блискучі – вони ані на що не пахли й ані на що не смакували. А кривенькі – вони були такі, якими мають бути яблука: солодкі, кислі, справжні. З тої пори я знаю: ідеальне – це завжди підозріло.

Шварцман зрозумів: перед ним сидить сам Порядок. Чи Абсолют. Сутність, яка вирішила: краса важливіша за зміст, форма цінніша за хаос, вічність переважає мить.

Але Шварцман був одеситом. А одесит знає: найкращий порядок – це керований хаос. Найсмачніший борщ – той, у який забули покласти лаврівку і поклали щось невідоме, і вийшло краще. Найкращі будинки – ті, які будувалися не за планом, а за натхненням.

– Ви знаєте, чому наші сходи називаються Потьомкінськими? – запитав Марк. – Не тому, що по них ходив князь Потьомкін, – він ніколи по них не ходив, бо вони побудовані через п'ятдесят років після його смерті. А тому, що зверху вони здаються нескінченними – ви стоїте нагорі й бачите тільки площадки. А знизу ви бачите тільки сходинки, суцільну стіну сходинок. Це ілюзія. Геніальна архітектурна ілюзія. І знаєте що? Одеса побудована на ілюзіях. Кожна з них – брехня. І кожна – правда. Одночасно.

Він дістав свій вібруючий ключ і поклав його на стіл. Мідь блиснула в нереальному світлі цього дворика.

– Ви намагаєтеся налаштувати інструмент, який працює тільки тоді, коли розстроєний. Одеса не була задумана як гармонійне місто. Подивіться на карту! Грецька, Єврейська, Арнаутська, Молдаванка: тут кожна вулиця – це інший народ, інша мова, інший спосіб різати цибулю! І ось із цього хаосу – з суперечок за сушильну мотузку, з весіль, де гуляють п'ять народів, з дворів, де Абрам позичає сіль у Миколи, а Микола ходить до Абрама на Песах, – з усього цього народилося щось, чого не можна спроектувати. Душа. Ви ж не можете взяти й нарисувати душу, правда? Ви можете нарисувати ідеальне тіло. Але душа – вона саме в тому місці, де пропорція порушена. Де лінія кривувата.

Вібрація ключа миттєво передалася скляним кулькам. Вони здригнулися і почали повільно рухатися по столу. Спочатку хаотично, потім – вишиковуючись у лінії, у візерунки, у щось, що нагадувало ноти. Вони затанцювали, видаючи тонкий передзвін, – і в цьому передзвоні Шварцман почув мелодію. Стару забыту мелодію, яку грали шарманки на Дерибасівській сто років тому.

– Наше місто не можна «почистити», – Шварцман говорив, і голос його набирив силу. – Його можна тільки любити. Любити разом із його брудом, його нахабством, його здатністю обдурити

вас і тут же нагодувати. Разом із його бабусями, які знають все краще за вас, і з його котами, які знають все краще за бабусь. Разом із його спекою та його зимовим вітром. Разом із його портом, де пахне нафтою і мріями, і з його катакомбами, де живе темрява, яка старша за саме місто. Разом із його неймовірною, нерозумною, впертою жагою до життя. Бо в цьому і є суть: ми не живемо правильно. Ми просто живемо. І якщо ви заберете шум – ви забере рете душу. І залишиться тільки ваша ідеальна порожнеча.

Настроювач сидів нерухомо, і Шварцман бачив, як по його обличчю пробігає тінь. Не тінь від хмари. Тінь сумніву.

Одна кулька тріснула. Тихо, майже ніжно. І крізь тріщину вилетів звук – звук, від якого Шварцман відчув, як очі наповнюються вологою.

Це був дитячий голос, що співав «Ах, Одесса, жемчужина у моря...» – фальшиво, безбожно фальшиво, зате з такою радістю, з таким щастям, що навіть шовковиця нахилилася ближче.

Кулька в руці незнайомця тріснула далі – і з неї потекло світло. Тепле, рожево-помаранчеве, як одеський захід сонця.

Гул у повітрі змінився. Він став голосом. Тисячами голосів. Стіни дворика задрижали від сміху – тисячі голосів минулих і майбутніх одеситів злилися в один потік:

Голос торговки з Привозу: «Беріть бички! Свіженькі бички!».

Голос хлопчика, що біжить і сміється, бо голуб сів йому на голову.

Голос жінки, що кличе кота: «Барсіку! Барсі-і-іку!».

Голос моря, що б'ється об камінь.

Голос Ришельє: «Що я створив? Щось неможливе. Але працює».

– Ви програєте, – сказав Марк Абрамович, відчуваючи, як ключ стає гарячим, майже розпеченим. – Бо в Одесі навіть смерть спочатку запитує: «А що мені з цього буде?». І поки вона торгується – ми встигаємо ще раз подивитися на захід, ще раз поцілувати когось, ще раз посміятися.

Він дістав шматочок ракушняку:

– Ви знаєте, з чого побудована Одеса? З ракушняку. Це камінь, зроблений з мільйонів мертвих молюсків. Мертвих, розумієте? Але з їхніх тіл побудовано місто, в якому кипить життя. Ось вам ваша філософія: смерть не протилежна життю. Смерть – це матеріал,

із якого життя будує себе. Ваша ідеальна порожнеча – це не вічність. Це просто красива смерть.

Настроювач підвівся. Його постать почала розмиватися – стаючи прозорою, як морська піна. Крізь нього Шварцман бачив стіну дворика, старе графіті «Одеса-мама», kota на підвіконні.

– Можливо, ви маєте рацію. Або, можливо, ви просто боїтеся порожнечі, як усі люди. Ви заповнюєте її шумом, бо інакше доведеться зустрітися з нею віч-на-віч.

– Тоді ми п'ємо чай. Або коньяк. Залежно від глибини порожнечі. А потім телефонуємо другу й питаємо: «Ну як ти?». І друг відповідає: «Та як? Як завжди. Живий». І ми кажемо: «Ну от і славно». І порожнеча відступає. Бо ми їй нецікаві. Ми надто шумні для неї.

– Але я залишаю вам вибір. Один рух цього ключа за годинниковою стрілкою – і місто стане вічним. Застигне у своєму кращому моменті. Жодного болю. Жодного страху. Жодної втрати. Другий рух – проти стрілки – і все залишиться як є. Небезпечно, галасливо, непередбачувано. Болісно. Смертно. Але справжньо.

Він зник. Тихо, без спецефектів – просто перестав бути.

Марк Абрамович Шварцман залишився один посеред дворика. В одній руці він тримав ключ, що палав. Мідь розпеклася до того кольору, який буває у неба за секунду до заходу.

В іншій руці – розбиту скляну кульку. З тріщини ще сочилася тепле світло та дитяча пісенька.

На столі для доміно лежали решта дванадцять кульок. У кожній – шматочок Одеси: Привоз, порожні Потьомкінські сходи вночі, двір на Молдаванці з гітарою, Ланжеронський пляж, де дівчинка будує замок із піску.

Гул припинився. Настала та сама справжня одеська тиша – тиша, що складається з тисячі приглушених шумів: далекого сигналу корабля, шелесту акації, чиєїсь молитви, чийогось сміху.

Марк Абрамович підійшов до воріт і подивився на вулицю.

Там тривало життя. Мадам Берсон сперечалася з продавцем газет. Десять почувся гудок пароплава. На балконі жінка вивішувала білизну. Хлопчик біг і сміявся. Чорний кіт стрибнув із підвіконня й пішов, задравши хвіст.

Марк знав, що робити. Знав із того дня, коли батько дав йому криве яблуко на Привозі.

Але рука завагалася. На секунду. Він подумав про Раю, дружини, що померла три роки тому. «Марку, я не в'яжу шарф. Я в'яжу час. Кожна петелька – це хвилина, яку я провела з тобою».

Якби він повернув ключ за годинниковою стрілкою – Рая була б жива. Вічно. Але нерухома. Як метелик у бурштині.

Ні. Біль – це не ціна недосконалості. Біль – це доказ, що ти живий. Що тобі є що втрачати. А ідеальна вічність без подиху – це не життя. Це фотографія. Ти не можеш обійняти фотографію так, щоб вона обійняла тебе.

Він повернув ключ проти годинникової стрілки.

І двір наповнився звуком – не гулом, а тим самим правильним живим хаотичним шумом Одеси. Десь загавкав собака. Десь гримнули дверима. Десь хтось засміявся. Десь хтось сказав: «Я тебе кохаю». Десь: «Передай сіль». Обидві фрази однаково важливі.

Скляні кульки одночасно тріснули. З кожної вилетіла своя мелодія – і все це злилося у пісню, яку можна тільки почути. Один раз.

Ключ охолов. Записка «Повертай ліворуч. Але не зараз» на решті знайшла свій час. Хтось сто років тому вже знав.

Льова зустрів його на порозі. Подивився тим своїм поглядом – мудрим, байдужим – і пішов на кухню. Сів біля миски.

– Ти правий, Льово, – сказав Марк Абрамович, насипаючи корм. – Філософія філософією, а вечерю ніхто не відміняв. Навіть якщо ти щойно врятував місто від вічності, кіт все одно хоче їсти. І це і є порядок речей. Справжній порядок. Не мертвий, ідеальний. А живий, голодний, нетерплячий.

Льова їв.

За вікном Одеса шуміла. Неправильно. Негармонійно. Фальшиво. Прекрасно.

А десь далеко настроювач у білому костюмі сидів у порожній кімнаті та слухав цей шум. І вперше за тисячі років усміхнувся не тому, що мусив, а тому, що хотів.

«Можливо, фальш – це і є правильна нота. Просто треба вміти слухати».

І він слухав.

Кропивницький, Україна

Анна Михалевская

Я – венский

1.

Море серое, стальное. Оно бьется о мои ноги, будто ему стало тесно в своем огромном гнезде и захотелось выбраться на берег, сбежать из очерченных природой границ.

Понимаю тебя, дружище. Мне тоже хочется сбежать от себя. Но куда деваться старому венскому стулу, в котором и венского ничего не осталось? Так, украинская действительность: проломленное сидение, каркас вместо спинки и четыре неустойчивых ноги. Зато все свои. В военное время это важная поправка.

Надо же, рухлядь вроде меня оказалась на берегу пляжа в Аркадии. До сих пор не могу поверить... А ведь я имел все шансы стать мусором – сгорело кафе, где я доживал свои дни в подсобке уборщицы. Полгода пролежал, заваленный ржавой арматурой, обугленными балками и оплавленными пластиковыми столами.

К зиме завалы начали разбирать, и парень в заляпанных краской штанах выволок меня на берег. Экскаватор насыпал пирс в море, вокруг суетились рабочие, и я все ждал, когда меня пустят на костер или что-то в этом роде. Но парень поставил меня на кромку прибоя, сел на край, опустил голову на руки и даже не взглянул на море. Тяжело поднялся, долго топтался рядом, будто хотел что-то сказать. Так и не решился.

Утром на мою спинку легла тяжелая рука в рабочей рукавице. На костер, снова приготовился я. Но чей-то голос забасил:

– Та хай стоит. Вовчик вчера в часть уехал. Вспоминайте меня, каже, если что...

Уж я-то точно запомню Вовчика.

И еще запомню, как на берег выбросило уток – птицы увязли в масляном пятне и медленно погибали. Пытаясь их спасти и отогреть, люди собирали уток в коробки. Потом погрузили в машины и увезли. Других птиц с пляжа – не успели. Ночь я смотрел, как оставшиеся тихо и покорно уходят. Неизбежность. Им некуда деваться, как и мне. Четыре ноги, вросшие в мерзлый песок.

Снег ложится на пляж и стягивается коркой. Чайки сидят на берегу – красное пятно на желтом клюве как сигнал тревоги – даже им не до охоты. Людей нет. Насыпанный пирс размывают волны.

Ожидание и тягучая неизвестность.

Это все уже когда-то было.

2.

Моя жизнь начиналась среди разговоров.

Что только ни обсуждают мужчины, берясь за мою спинку, чтобы предложить даме место или повесить сюртук! Или подавая в споре вперед и перенося вес на край сидения как самый важный аргумент. Либо играя в покер и откидываясь так, что мои задние ноги вжимаются в мраморный пол, а сидение скрипит, выдавая всю правду. Блефовать я не умею. Но кому до этого дело в кафе «Фанкони»? Тут можно с десяток раз перепродать один и тот же вагон кирпича, и все будут довольны.

Нас, венских, в «Фанкони» много. В зале раздаются привычный скрип сотен спинок, перешаркивание ног. Я держусь особняком, слушаю посетителей, смотрю на улицу и чего-то жду. Чего? Не знаю сам.

Разгар дня. Те, кто пришли утром, так и продолжают сидеть, прикрывшись газетами и громкими разговорами. Поют петли дверей – новые посетители на пороге. Официанты встречают каждого, не выказывая ни удивления, ни растерянности.

Заходит женщина в сопровождении кавалера. У женщины пышная прическа иссиня-черных волос, белые перья вместо воротника и явно итальянский акцент, хотя она ни слова еще не сказала.

– Примадонна! – раздается громкий шепот за соседним столиком.

– И как она запоем на это? – на другом конце зала толстяк трясет над головой газетой, котелок съехал на затылок, усы топорщатся от возмущения.

– Сдался ей ваш Дрейфус*. Он же Альфред, а не Альфредо, – примирительно отвечает сосед по столику, потягивая сигару.

– Он не мой, он наш! – не унимается толстяк. – Сегодня еврея судят в какой-то Франции, а завтра то же самое будет в Одессе!

Через столик сидит паренек в очках – он поднимает водянистые глаза на толстяка. Пристально смотрит. Поздняя осень, уже прохладно, но сюртук на нем слишком легкий и сплошь латаный. Паренек опускает голову и, отодвинув остывший чай и последний выпуск «Листка», что-то торопливо записывает в блокнот. Тонкие пальцы в чернильных пятнах.

Примадонна улыбается кавалеру, не слыша перепалки, причиной которой послужила. Ей нравятся эклеры и нарядная жизнь.

– Зерно снова упало, – заводит посетитель за столиком у окна.

– А вам надо, чтобы выросло? – мужчина в добротном костюме разворачивается к соседу. – Всегда можно договориться. Ваши условия?

Компания за моим столиком истово спорит о каком-то пожаре: то ли склад на Пересыпи, то ли двор на Молдаванке. Официант приносит им горячий шоколад:

– Извольте, месье, – он ловко расставляет чашки. – А что до пожара – так это на фонтанских дачах жгли листья. Без потерь.

– Благодарю, любезный, – охотно включается в диалог посетитель. – Может, вы еще знаете, на кого сейчас готовят покушение анархисты? Сади Карно ведь только начало.

– Знаю, – вежливо улыбается официант. – Но такие новости не подают в нашем заведении. Прошу меня извинить.

Моя жизнь начиналась среди разговоров, но потом было иначе.

* Дело Дрейфуса – громкий французский процесс конца XIX века вокруг офицера Альфреда Дрейфуса, которого обвинили в шпионаже на Германию, разжигали и отправили в ссылку на основании сфабрикованных доказательств; впоследствии этот случай вызвал многолетний общественный конфликт и стал символом судебной ошибки и антисемитизма.

3.

«Фанкони» становится чем-то вроде военного штаба. Теперь здесь мало говорят, и все больше шепотом. Тяжело садятся в пыльной после походов форме. Не смотрят по сторонам, не смотрят в окна. Глядят невидящими глазами туда, где могло бы быть завтра. Но завтра ни у кого из нас нет.

Через витрину кафе улица видится серой. Даже когда цветут каштаны. И яблони роняют свои лепестки. И солнце слепит так, что меня отодвигают подальше от окна. Серость сочится из людей. Женщины идут, опустив плечи и не поднимая глаз. На каждом втором мужчине военная форма – та будто ограничивает не только их движения, но и саму суть жизни.

Все чаще на боку у посетителей позвякивает шашка, ее уже не оставляют в гардеробе, как было принято раньше. И револьвер выкладывают перед собой – из кобуры доставать долго, а перестрелки случаются каждый день.

– Кто у нас в гостях сегодня? – тихо спрашивает бывший биржевой маклер бывшего торговца зерном.

– Деникинцы, – отвечает тот, приподнимая шляпу, чтобы поздороваться с офицером в британском френче.

– Кожаная куртка больше не пригодится, как думаете, тов... месье Шац?

– Ой, не знаю. Вы же видите, спектакль продолжается! – и месье Шац указывает на француза в серо-синей форме. У того на столике красуются новенькая винтовка и надраенная до блеска каска.

Все готовы к войне, только никто не знает, с кем именно. Власть в Одессе меняется чаще, чем официанты в «Фанкони». Большевики устраивают перестрелку за перестрелкой – нам, венским, достается тоже. Потом белые нас расставляют на прежние места, не замечая, как жалко мы теперь выглядим. Силами УНР кафе закрывают. Французы и греки вновь открывают «Фанкони». Приходит банда Котовского. Уходит. Возвращаются большевики.

К тому времени люди забывают, зачем нужны стулья. По нашим спинам бьют, доказывая правду. В наши спины стреляют, уничтожая тех, у кого другая правда. Нас ставят друг к другу поближе, чтобы нашептать приговор. Нас выносят на мост и строят баррикады.

На нас опираются, когда целятся в людей. За нами прячутся, пригибаясь от ответного огня. Все рушится, валится, гремит и взрывается. Мои деревянные сочленения скрипят от натуги. Дни перестают существовать. Ночь не приносит облегчения.

Вокруг пылают костры. И я уже готов послужить топливом оранжевым языкам... Но в слепое пятно затишья ко мне приходит ребенок. Девочка копошится под перевернутым днищем, как в коконе, и я чувствую живое тепло.

Подбегает молодая женщина в побитом молью манто:

– Как ты здесь оказалась? Где твои родители?

Девочка молчит. «Бегите, скорее! – орет мое деревянное нутро. – Здесь не умеют говорить, только стрелять!»

Женщина будто слышит меня.

– Ладно, пошли! – она хватается ребенка, секунду медлит, потом выдергивает меня из кучи хлама. – Хм, еще целый! Пригодится!

Девочка бежит вприпрыжку, едва успевая за широкими шагами моей новой хозяйки. Счастливо повисаю у нее на руке. Впервые я оказался кому-то по-настоящему нужен!

4.

В доме на Гоголя пахнет керосином, луком и советскими газетами. Сперва их читают, потом перечитывают, потом стелют на подоконник, чтобы теплее было сидеть, или заворачивают краюху хлеба, или вытирают досуха вымытые окна, или складывают из них панаму от солнца. У людей мало осталось своего. Даже личную жизнь они обслуживают общественными новостями.

Я – исключение. Я принадлежу только двум хозяйкам – Марии большой и Марии маленькой – и являюсь их неприкосновенным имуществом. Женщина, которая подобрала нас, не придумав, как назвать беспризорную девочку, дала малышке свое имя.

Доходный дом на Гоголя переполнен людьми. Его меблированные комнаты поделены и переделены. Красноармеец, читающий по ночам брошюры с цитатами из Троцкого, и разоренный грек, потерявший свою пекарню, выразительно молчат по разные стороны от хлипкой перегородки. Гувернантка профессорской дочки Лидочка слышит отборную брань из соседнего угла – портовая девка Василиса и ее любовник обсуждают планы

на вечер. Мария большая с Марией маленькой живут на половине спальни, вторую половину они делят с часовщиком евреем и его семьей. Посередине оконного проема – стенка из одного кирпича. Правая сторона окна – евреям. Левая – Мариям.

А мне – наблюдательный пост.

Дни идут за днями. Люди несут узлы, тащат мебель. Когда одну и ту же кровать на пружинах с десятков раз переносят туда-сюда через всю Одессу, вселенское переселение вдруг останавливается. Появляются вывески, из мастерских спешат груженные товаром тележки, женщины надевают цветастые платки.

Мария большая приносит граммофон, ставит на мое сидение. Иголка опускается на пластинку. «Сердце, тебе не хочется покоя...» Приплясывает Мария большая, смахивая пыль со стола. Раскачивается в такт Мария маленькая, обмакивая перо в чернильницу. Подпевает парочка с улицы.

Так бы и слушал граммофон до конца отведенного стульям времени. Но появляется радио и перебивает его голос. Знаю все слова, но смысл от меня ускользает. И не только от меня. Люди останавливаются возле громкоговорителя, прислушиваются. Тоже, наверное, хотят понять, и от усилий тускнеют, становятся одинаковыми.

Мария маленькая вырастает, теперь она Машенька. К ней сватается кавалер – Лев, сын часовщика, соседа с правой стороны окна. Мария Павловна опирается о подоконник, и мы смотрим, как, взявшись за руки, пара минует ворота и растворяется в августовском вечере. Спустя год через те же ворота румыны выведут Льва, чтобы отправить в гетто, и Машенька больше никогда не увидит своего мужа.

С первыми бомбежками меня сносят в подвал. Две Марии теперь одинаково взрослые. Граммофон давно продан, черный хлеб доеден. Единственное достояние – сложенные стопкой газеты, но даже они заканчиваются. Скоро топить станет нечем. Правда, есть я. Но Мария Павловна и слышать не хочет о таком кощунстве.

Прислонившись к сырой стене, соседи сидят в подвале и прислушиваются к содроганию земли. Когда это становится невыносимым, кто-то затягивает:

– Есть город, который я вижу во сне...

5.

– Война закончилась! Война закончилась! – слышу крики людей. Увы, я забыт в подвале и не могу разделить с ними радость.

Всю весну и лето остаюсь в подземелье. Там же встречаю дробь осенних дождей. Впервые чувствую что-то вроде обиды. И беспокойства. Мои хозяйки, что с ними?

На божий свет меня вытаскивает какой-то мужлан; он еле стоит на ногах, но в общем держит четкое направление в сторону Привоза. Мы еще не дошли до барахолки, а я уже насквозь проспиртован его дыханием. Благо мужик быстро сбывает меня за бесценку сухонькой маленькой женщине.

Она ловко подхватывает обновку, и пока идет в свой двор на Комсомольской, которую все еще называет Старопортофранковской, повторяет под нос:

– Нет человека, который был бы как остров, сам по себе...

Женщину зовут Китти, она преподает иностранную литературу. И часто говорит вслух с собой, будто все еще стоит на кафедре.

Китти знает толк в венских стульях. Мы ей нравимся гораздо больше советских табуреток. Она облагородит меня на свой манер – покрасит в белый. И поставит у кровати, чтобы уставшей рукой откладывать перед сном на мое сидение стопки листов самиздата. Так я познакомлюсь с довоенным Хемингуэем и с дореволюционным Моэмом. И научусь прислушиваться к колоколам.

Все часы в квартире идут неправильно. Мое время измеряется книгами. «Оливер Твист» и «Три мушкетера», «Красное и черное» и «Ярмарка тщеславия», «Госпожа Бовари», «Луна и грош», «Прощай, оружие». Мода на Хемингуэя входит в силу. Сосед Сергей носит свитера с высоким воротом и отращивает бороду.

– Кажется, мне пора потягаться со своей рыбой, – говорит однажды Китти.

На следующий день она переезжает поближе к морю, на Фонтан. Старую мебель раздает соседям. Теперь на меня бросают брезентовые рюкзаки, мотки грубой веревки, железные кружки. Иногда кладут гитару, иногда садятся, чтобы спеть. Сергей заводит: «Что ж ты стоишь на тропе? Что ж ты не хочешь идти?». Другая, в таких же свитерах и такие же бородатые, подхватывают: «Нам надо песню допеть. Нам нужно меньше грустить».

В тесной компании – Сергей, двое друзей, я, пара табуреток и портвейн – мы обсуждаем вдохновляющее: полет Гагарина, образ ворона в стихотворении Эдгара По, план зимнего похода на Кавказ, где достать пуховку и какие консервы лучше идут. Мы обсуждаем Люду и Свету. Обе девушки нравятся всем троим, и парни не могут договориться, кто за кем будет ухаживать. Пытаюсь проскрипеть подходящую мудрость – набрался от Китти фраз на любой случай жизни, – но мой голос тонет в приступе романтики: «Милая моя, солнышко лесное...». Потом мы говорим о дружбе – настоящей мужской. И никто уже не вспоминает ни Люду, ни Свету.

Романтика заканчивается, и Сергей женится на Ире. У него подрастают мальчишки – Жорик и Юрка. На каникулы меня выносят в палисадник – мальчишки играют в дурака, с силой бросая тузы и тройки на мое сидение.

Кажется, войны закончились. Кажется, навсегда ушли. Детей учат химии и физике, они зачитываются фантастикой, они гоняют в футбол, бадминтон и казаки-разбойники. Они не хотят есть каши и воруют припрятанные родителями конфеты. Они пишут друг другу поздравления: «Желаю тебе мирного неба, чистой воды и никакой беды», – и, к счастью, до конца не понимают, что это значит.

Однажды в гости к Сергею приходит Китти. Она очень старая – по всему видно, что диалог с рыбой у нее таки состоялся. Китти требует, чтобы меня вернули домой, садится перед телевизором, но там идет только «Лебединое озеро».

– Все повторяется, – говорит Китти.

Встает и прощается:

– Хотела увидеть свой двор... Спасибо!

Юрка и Жорик снова тащат меня в палисадник. Ставят магнитофон, включают.

«Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве» – хрипло поет Цой.

6.

Коротая время в углу на кухне – на меня ставят кастрюли и старые тазы. Ира все время порывается выбросить «эту рухлядь». Кстати, знакомьтесь – мое новое имя. Но Сергей не дает. Он прикасается к сплетенным дугам моей спины – сначала легко, потом сжимает

так, что белеют костяшки пальцев. Сергей до сих пор не выбрал между Людой и Светой, хоть одна из них сорвалась в горах, а другая лечится в клинике от наркомании. И еще он скучает по Кавказу. И по ребятам. И по легкости, с которой совершались самые сложные выборы. Я все помню. И он знает об этом. И держит меня в заложниках.

Сергей выходит на пенсию, мальчишки взрослеют. Все живут вместе, но почти не общаются между собой. У каждого теперь персональный компьютер. Домашние расходятся по углам с железками в руках, и попробуй отбери – будут рычать, как пес, у которого норовят выхватить кость из-под носа. Телевизор оставляют мне – и он часами орет на кухне голосами депутатов из Верховной Рады. Они называют это оранжевой революцией.

Телевизор ломается, но привычка орать остается. Сергей, Ира, Юрка и Жорик спорят до хрипоты – кто за кого и на чьей стороне. Спросили бы меня, я бы сказал, что сторон не бывает. И что войны не выигрывают, их останавливают от усталости. Но мой старческий скрип все равно никто не разберет.

Жорик приносит домой оранжевый флаг. Юрка – красно-черный. Сергей – бело-голубой. Ира вспоминает про меня, устало садится, откидывается на спинку. Она впервые понимает: есть что-то, что ей не под силу выбросить из дома. Даже если она прилюдно сожжет эти разноцветные лоскуты.

Меня переносят ближе к окну – Сергей, кряхтя, присаживается, кладет рядом костыль. Он сломал ногу в потасовке, он прикован к дому, но хочет знать, что творится вокруг. В нашем маленьком дворе непривычно много людей. Людей грубых, сутулящихся, с тяжелым взглядом. Чуждых нашему городу. До меня долетают обрывки фраз Жорика: «...футбольный матч... болельщики... Дом профсоюзов... сгорели заживо». Юрку задержали. Ира становится блее той краски, которой давным-давно Китти замазывала мои шрамы. Жорик стоит перед ней такой же белый. Только в глазах тлеет диковатый огонек.

Стулья вроде бы не способны на такое, но отчетливо чувствую, как на мои старые деревяшки натягивают плотный черный чехол – так, чтобы я был не я, чтоб не напоминал своей нелепой формой то, что кто-то хочет забыть. Чтобы я перестал быть венским, чтоб стал обычной мебелью.

Таким же чехлом какой-то верховный уборщик покрывает и людей, и весь город.

Это уже было. Было не раз. Но сейчас чехол будто бы плотнее, человеческие фигурки будто бы мельче. И город будто бы тает. Дом ученых пошатывается, памятники Дюку и Пушкину тускнеют, пока совсем не исчезают, белый камень Спасо-Преображенского собора чернеет от гари. Моря не видно, его загораживает частокол уродливых домов, которые, кажется, достают до неба. Чтобы те, кто стоят за ними, никогда не увидели рассветов. Не вспомнили, с чего все начиналось. Чтобы никто им не рассказал о Джинестре. Чтобы они не поняли, что ходят по древнему некрополю. Чтобы не осознали, что сами уже мертвы.

Мне страшно, а людям нет. На них действует анестезия неведения. Жаль, для стульев ничего такого не предусмотрено. Поговорить бы с кушеткой Фрейда – интересно, как она справлялась с травматическим опытом?

Грею свои кости в углу у теплой батареи. Новый год в кругу семьи, слушаю разговоры про оперный и «Щелкунчика». Рождество. Кутья, вареники и свечи на столе. Из каждого телефона на все лады: «Щедрик, щедрик... Christmas is here, bringing good cheer... * Ластівка прилетіла...».

Но вместо ласточки на спинку опускается первая медицинская маска. Домашние кашляют, судорожно цепляясь за мое сидение... Больницы, справки, жизнь взаперти.

И когда все облегченно вздыхают – закончилось! – звучат первые взрывы.

Война вступает в свое полноправное владение.

7.

Теперь я живу на улице. Надя постелила на мое сидение связанный из лоскутов коврик, на нем спят коты. Мы греем друг друга, да и при взрывах меня не так трясет. Коты недовольно выгибают спины, фыркают, показывая свое презрение к шахеддам и КАБам.

* Christmas is here, bringing good cheer – «Рождество уже здесь – с ним приходит радость» (Carol of the Bells, англоязычная версия «Щедрика» Николая Леонтовича)

«Ой, у лузі червона калина...» – заводит тоненьким голоском соседская девчушка. Ее хорошо слышно из открытого окна.

С войной семья Сергея иммигрировала в Германию. Я попросил их передать привет фабрике Тонета**, хоть вряд ли они разобрали мой скрипучий голос. Всему есть начало и всему есть конец. Я неминуемо приближаюсь к финальной точке. Не хочется уходить вот так – грудой деревяшек в мусорник под пляску смерти. Не хочется. Но могу ли я что-то изменить?

Соседи топчутся возле меня, ведут разговоры. Скоро война закончится, говорят они. К лету – максимум. К лету ничего не заканчивается. Но люди привыкают, как привыкали всегда. Баррикады – ведь тоже вариант жилого помещения.

Надя устраивается уборщицей в кафе на побережье. И меня перевозит туда. Я стою в подсобке, привыкаю к темноте и отчаянно громкой музыке. Пьяные посетители со стуком ставят бокалы на стойку. Бокалы отбивают дробь, ритм все быстрее. Голоса тонут в припеве хита «Нирваны»: «Here we are now, entertain us. I feel stupid and contagious...»***. Вспоминаю весь репертуар 90-х, который успел заучить с Юркой и Жориком. Sex, drugs, and rock'n'roll.**** Вечные ценности...

Смотрю, как чайки снимаются с берега, и в кои-то веки ощущаю свободу.

Я потерял всё и всех – можно не ждать, что будет хуже.

Молодые ребята проходят мимо, одинокие фигуры, взгляды прикованы к телефонам. Они не видят чаек, не слышат, как волны бьются о берег, и, кажется, даже не дышат.

– Я ей нравлюсь? – спрашивает парень у телефона и ждет ответ нейросети.

Где-то на другом пляже гуляет она и задает чату тот же вопрос.

** Михаэль Тонет (1796-1871) – немецко-австрийский мастер, создатель знаменитых венских стульев; в XIX веке разработал технологию гнутья бука под паром, позволившую массово производить легкую и прочную мебель.

*** Here we are now, entertain us. I feel stupid and contagious – «Вот мы здесь – развлекай нас. Я чувствую себя глупым и заразным» (Smells Like Teen Spirit, Nirvana).

**** Sex, drugs, and rock'n'roll – «Секс, наркотики и рок-н-ролл» (выражение, популяризированное Иэном Дьюри, культовый девиз рок-культуры).

Я вижу этот город слишком хорошо. Я помню все его руки...
Что ж, этого у меня никто не отберет.

На берегу появляется женщина. Подходит, долго смотрит.
Не в телефон, не на кого-то рядом, а на меня.

– Венский стул! – удивляется она.

Если б мог, я бы рассказал ей длинную историю. Но все, на что способен сейчас, – просто быть. И верить, что после меня тоже что-то будет.

Одесса, Украина

Лиза Азвалинская

Дядя Сеня

Дядя Сеня на старости лет шикарно устроился. Всю жизнь он изобретал способы заработать, и иногда ему удавалось не только сводить концы с концами, но и создавать видимость, будто он живет с размахом. Но чтобы что-то одновременно приносило деньги и радовало душу – такого еще не бывало. Или одно, или другое. И только теперь, когда дети выросли, жена умерла, а сам он стал почти стариком, обнаружилось, что деньги можно зарабатывать под аплодисменты, с аншлагом, и даже необязательно для этого быть артистом.

Жить дядя Сеня привык без затей, продвигаясь от завтрака к обеду, и разбираться с проблемами по мере их поступления. Да и давно уже, кроме них, ничего другого не поступало. С его везением оказаться в нужном месте в нужное время было сродни попаданию молнии. Но именно по счастливой случайности дядя Сеня стал гидом. Но не обычным гидом. Он водил по Одессе туристов, а это были не просто туристы.

Если бы дядя Сеня хоть чуть-чуть разбирался в высших материях, он бы знал, что случайностей не бывает. То, что в тот день он оказался в порту, было только верхушкой айсберга. Сколько должно было пересечься подводных течений и невидимых ниточек связаться в один узелок, он никогда бы не догадался.

Все началось с Миши Каца.

Миша Кац когда-то жил в коммунальной квартире на Пушкинской, в Америке поселился в Бруклине, первые десять лет регулярно менял работы и прогорал в бизнесах, не так давно открыл

симпатичную забегаловку, которая подавала надежды, и еще не успел разругаться с партнером. Из этого вытекало, что он наконец преуспел. За это же время его жена Софа освоила все премудрости маникюра, работала в неприметном салоне, но приглядела какой-то престижный, задумала увести за собой клиентуру и предвкушала новый карьерный взлет. Она тоже была на подъеме. В свете открывшихся перспектив оба решили, что неплохо бы отдышаться, и вообще пора бы уже взглянуть на мир. Тут на глаза попала брошюра. Крузиз выходил из Италии, затем Греция, Турция и Румыния с заходом на день в Одессу.

«Ах, Одесса, жемчужина у моря», – в один голос пропели оба. Ведь бывших одесситов не бывает – и поставили точку. А тут и курс доллара так подскочил, словно на небесах захотели, чтобы, приехав в Одессу, Миша чувствовал себя меценатом и мог рассыпать миллион алых роз в каждом месте, где появлялся.

А дядя Сеня тем утром зачем-то побрился, накануне вычистил старые «Жигули» и как раз оказался в порту в тот час, когда с трапа круизного лайнера вереницей сходили туристы. По всему было видно, что иностранцы. Тут дядю Сеню что-то заставило приглядеться. Если рыбак рыбака видит издалека, то может ли одессит не узнать одессита? Для верности дядя Сеня приблизился, и наконец до него донеслось:

– Миша, нужно срочно найти такси...

– Зачем же такси, если есть дядя Сеня?

Отсюда и понеслось...

Заход в Одессу для кого-то был просто экскурсией, но супруги Миша и Софа Кац в этот день возвращались домой. Дядя Сеня вспомнил былое и забыл о давлении – к нему нагрянули гости. Принимать их было непросто. До возвращения на корабль нужно было успеть почтить могилы, прогуляться по Дерибасовской, постоять у школы, у дома на Пушкинской и отыскать на Большом Фонтане ту самую дачу...

Софа смотрела на волны, как будто они ее узнавали. Миша у школы влажным взглядом скользил по фасаду, словно увидел табличку: «Здесь учился троечник Миша Кац, который стал потом большим человеком».

Проголодавшись, зашли в ресторан. Пили за встречу и за знакомство. Впервые за много лет дядя Сеня оказался в центре внимания. На него смотрели, словно он представлял всю Одессу. Его растроганно слушали и вздыхали. К концу трапезы почти породнились. На прощание обнялись. Дядя Сеня оставил свой телефон и обещал присматривать за могилой. Когда с ним расплатились, дядя Сеня чуть не присвистнул. Выходило больше трех его пенсий. Вернувшись домой, он пытался понять: что это было? С одной стороны, он работал, а с другой – отдыхал душой.

Через пару недель раздался звонок. Дядя Сеня сначала не понял, потом удивился, а потом просиял. Он опять отправлялся в порт, встречать новых туристов. И снова все повторилось: кладбище, море, улицы, ресторан. Изменился только маршрут. Вместо Большого Фонтана посетили Аркадию, а потом бродили по Молдаванке. На Молдаванке в каком-то дворе дядя Сеня вспомнил историю:

– Вот здесь когда-то жили соседки Хая и Рая.

Хая во весь голос кричала в окно:

– Раечка, вы здоровы? А то рано утром от вас выходил-таки врач.

– Ой, не надо так волноваться. Когда от вас выходит военный, я же не кричу на всю Молдаванку, что началась война.

Это прошло на ура, хотя, по правде сказать, дядя Сеня не знал, как там было на самом деле. Но так получилось к месту, что он сам восхитился и подумал, что это блюдо нужно включить в меню. К своему удивлению, он обнаружил в себе что-то актерское и что-то от бизнесмена. Теперь дядя Сеня знал, что это не хобби, а бизнес. Вечером он прошелся по комнате и ненадолго задумался. Для хранения капитала ему приглянулся старый носок.

Туристы остались довольны. А дядя Сеня был счастлив. По крайней мере почти.

Когда он задумывался над тем, что ему привалило, откуда-то наплывали чувства, не оставляя места для мыслей. Он чувствовал благодарность жизни, признательность случаю, словно откуда-то сверху его заметили и напоследок позволили что-то еще наверстать.

«Лучше позже, чем никогда», – так говорила когда-то жена.

Он мечтательно улыбался.

Для полного счастья ему не хватало немного. Всего чуть-чуть женской ласки. Раньше он гнал от себя эти мысли, но теперь у него открылось второе дыхание.

К красивой жизни дядя Сеня привыкал постепенно. Из осторожности он ни с кем не делился и никому, кроме Додика, ничего не рассказывал. Додик – многолетний сосед и проверенный человек – был лохматым, угрюмым и обычно молчал. Выпивал он редко и только для храбрости. Но, расхрабравшись, становился красноречивым, вспоминал Сократа и сыпал цитатами из Цезаря и царя Соломона. Дядя Сеня слушал вполуха и, слегка опьянев, заключал:

– Додик, женись. Что тебе до царя Соломона?

И мыслями уносился к Марусе.

Маруся жила в соседнем дворе, красила губы яркой помадой и перекатывала бедрами, как море волнами, когда оно лениво сверкает на солнце. У Маруси была своя философия. Она считала, что мужчина без денег – это подруга. От такой постановки вопроса дядя Сеня робел, но мысленно пересчитывал свои доллары и становился храбрее.

Звонкам он больше не удивлялся, он их ждал. Он все разузнал о круизах и, как актер к выступлению, готовился к каждой встрече. А летом, в разгар сезона, следуя логике бизнесмена, он улучшил свой сервис сразу по трем направлениям.

Во-первых, за небольшую плату удалось нанять музыкантов. Теперь туристов на пристани встречал духовой оркестр. Иностранцы в недоумении переглядывались, они такого не видели, с оркестром их нигде не встречали. А у тех, кого высматривал дядя Сеня, от волнения щекало в горле и начинали блестеть глаза.

Во-вторых, было замечено, что на посещение кладбища тратится много драгоценного времени, особенно когда приходилось долго искать могилу. Но дядя Сеня договорился в конторе, и теперь с их знанием дела поиски значительно упрощались.

А с обеденным перерывом дядя Сеня особенно постарался. В стратегически важных точках он заметил несколько ресторанов и предварительно изучил меню. Отбор проходили только те рестораны, где предлагали шедевры «одесской кухни», включая коронное блюдо – жареные бычки.

Освоившись в новой роли, он приоделся, каждое утро брился и стал чаще заходить в парикмахерскую. Выйдя из парикмахерской, дядя Сеня сам себе нравился. Лысина мужественно блестела, а остатки обрамлявших ее волос напоминали ухоженный палисадник.

Увидев Марусю, он больше не тушевался. Подмигнув ей лукаво при случае, он про себя приговаривал: «Еще чуть-чуть, моя радость. Еще чуть-чуть подожди».

Сезон закончился на мажорной ноте. Зима пролетела, как передышка, но дяде Сене она представлялась разбегом перед прыжком. Весной круизы возобновились. Дядя Сеня был в форме, он приготовился к наплыву туристов.

Но, к его удивлению, все пошло не так, как он ожидал. Казалось бы, без причины: размаха не наблюдалось, словно в кране что-то усохло и вместо радужных струй монотонно падали капли. Туристов стало заметно меньше. Создавалось странное впечатление, будто все, кто мог и хотел, уже побывали в Одессе. Но не только количество, изменилось и качество. Как будто все уже знали про духовой оркестр и рестораны и принимали это спокойно, без удивления и восторга. Исчезло какое-то волшебство. Когда дядя Сеня вглядывался в их лица, ему мерещился Миша, готовый расцеловаться с Пушкиным на Приморском бульваре и обниматься с оперным театром. Ему не хватало того ощущения, словно это был вкус какого-то блюда, который однажды запомнился в детстве, и никакие рецепты не помогали его повторить.

Даже на пике сезона маятник не раскачался. Дядя Сеня пытался бодриться, но в конце концов приуныл. Бизнес опять превратился в хобби. В ресторанах для него уже не старались. Духовой оркестр пришлось отменить. А к осени все прекратилось. И когда уже нечего было ждать, неожиданно поступил заказ. Дядя Сеня воспрянул духом: он подумал, что это знак.

С трапа сходили молодожены Боря и Зоя. Познакомились. Дядя Сеня закинул какую-то шутку, ожидая реакции, – так он нащупывал верную ноту. Но вместо реакции прозвучало:

– Нам нужно на кладбище. Бэла Львовна сказала...

– А потом?

– Потом? Ну не знаем... нам все равно.

Молодожены были не юного возраста. Глаза у обоих карие, взгляд у нее хищный, у него – равнодушный. Он был программистом, она непонятно кем. Она родилась в Бобруйске, его увезли из Одессы ребенком. Что-то свело их вместе, но какие-то мелочи наводили на мысль, что Купидон пожалел на них свои стрелы.

– Бэла Львовна хотела, чтобы цветы...

Из того, сколько раз прозвучало «Бэла Львовна сказала» и «Бэла Львовна хотела», было ясно, что она здесь была примадонной.

Наконец дядя Сеня сложил два и два – и получилась такая картина...

Бэла Львовна, Борова мама, была бы рада сама приехать, но, отработав за Купидона, она теперь отдыхала и вместо себя снарядила молодоженов. Это же их медовый месяц, а там заодно навещат тетю Голду. Пусть она тоже порадуется, как удалось пристроить их образованного шлимазла. Да, не так, как хотелось... зато в хорошие руки. Да, она не Венера, но Боренька тоже не Аполлон.

А когда из меню в ресторане оба выбрали салат «Цезарь», минеральную воду и яблочный сок, дядя Сеня подумал: «А что сказала бы Бэла Львовна?». И услышал суровую правду, что можно надеяться, но зачем же себя обманывать? Бэла Львовна знала, что говорит.

Он провел их по Дерibasовской.

– Да, красиво...

– Красиво? И всё?

И тут у витрины какого-то магазина дядя Сеня все понял. То, что он считал счастьем, оказалось всего лишь модой. А мода проходит, ее нельзя удержать. А как дядя Сеня? А что дядя Сеня?

После полудня погода испортилась. Стало пасмурно. Пахло осенью и тоской.

В Городском саду Зоя пошла прогуляться, а они вдвоем с Борей пристроились на скамейке. Оба молчали. Программист витал в своих алгоритмах, дядя Сеня хотел разрядить обстановку, но не знал, о чем говорить.

Он провел рукой по скамейке, пытаясь вспомнить какую-то шутку, и неожиданно для себя спросил:

– А вы знаете, молодой человек, что такое дефицит?

Ответа он не дождался, но остановиться уже не мог.

– Дефицит, молодой человек, это не черная икра и не замороженные деликатесы. Это место на еврейском кладбище, где уже столько народу, что там почти не осталось свободных мест.

Но я расскажу вам историю с хорошим концом.

Когда-то на одной из этих скамеек любила сидеть баба Маня. Здесь, в Городском саду, она узнавала последние новости и что происходит в мире. Достойная была женщина, ее уважали. Не потому, что у нее была такая прекрасная жизнь, а потому, что она умела жить. А сколько к ней сваталось! Но из мужчин она любила только младшего сына, своего «мизинчика». Так она его называла.

И, словно набрав обороты, дядя Сеня заговорил о том, что у бабы Мани было еще три дочки. Две дочки уехали, одна в Америку, другая в Австралию, а третья, средняя, умерла. И что баба Маня всегда умела себя обеспечить, у нее было все, что нужно для жизни. А для «после жизни» – место на кладбище рядом с мужем и дочкой. Ей уже было за восемьдесят.

И тут неожиданно умирает сын. Оказалось, аппендицит, вовремя не спохватились. И бабе Мане пришлось уступить ему свое место, чтобы он там... поближе к своим. Для любимого сына она ничего не могла пожалеть. А через месяц сама умерла. И встал вопрос, где ее хоронить. Хороший вопрос!

Тут все совпало. Подключился внук, который на тот момент был крутым бизнесменом. Он дал какую-то баснословную взятку, и бабу Маню похоронили там, где она хотела. Недалеко от мужа и остальных. Как будто ей напоследок захотели сделать подарок. Вот такая история.

Дядя Сеня вздохнул и зачем-то добавил:

– Только баба Маня об этом уже не узнала. А бизнес внук потерял, ему начали угрожать... Выходит, швырнуть деньгами он успел только на кладбище.

Сказав это, он замолк. Он пытался понять и не понимал, почему в этом мире все так запутано, и удивлялся все больше, как бестолково устроена жизнь. Сначала дают, а потом отбирают. Находят там, где не ищут. Теряют то, чем больше всего дорожат.

– И что? – неожиданно отозвался Боря. – Где тут мораль?

Дядя Сеня помедлил с ответом.

– А какая у жизни мораль? Одна сплошная ирония.

Больше всего ему захотелось поскорее с ними расстаться. Распрощаться и больше не вспоминать. Опадая с деревьев, кружили в воздухе листья, слышались шорохи, словно в какой-то невидимой книге перелистывали страницы.

Дядя Сеня подумал, что завтра можно не бриться, и не почувствовал сожаления. Душу его переполняла невыразимая пустота. Но почему-то казалось, что стоит ему отвезти их в порт, как это пройдет.

И какая разница, кто это сказал – царь Соломон или Додик.

Филадельфия, США

Зміст

Іван Ліптуга	
Сто	3
Феликс Кохрихт	
Как это было, есть и будет	8
Жанна Крючкова	
Размышления об альманахе	14

Під звуки повітряної тривоги

Анна Міхалевська	
Світло «Зеленої лампи»	20
Анна Маліцька	21
Анна Стремінська	24
Юлія Цимбал	27
Єлизавета Радішевська	
Значить, будемо жити	31

Історія, краєзнавство

Ростислав Александров	
«Я к вам пишу – чего же боле?»	44
Олег Губарь	
Как формировался Городской сад?	50

Андрей Добролюбский Гавани дрока и лилий	71
Александр Дорошенко «Бог увидел красоту нашей Одесской бухты...»	77
Анатолій Глушак Жаботинський повертається в Одесу	94
Анатолий Горбатюк Одесский порт: от античности до наших дней	99
Борис Эйдельман Мы говорим «Optimum», подразумеваем Одесса	113
Тамара Коленко Зародження професійної морської освіти в Одесі	118
Анна Голубовская До ста двадцяти!	124

Одесский календар

Єлизавета Радішевська Одеса починається з греків	128
---	-----

Проза

Григорий Барац «Позвольте быть счастливым»	136
Сергей Рядченко Пасынки штиля	142
Хелена Андрейчикова Полювання на сов	151
Евгений Деменок Несколько слов о почерке	155
Соня Капінус Викапана мати	159
Виктория Коритнянская Крушение надежд	165
Ольга Лесовикова Принцип домино, или Цепная реакция воспоминаний	167

Анна Михалевская У нас в сердце маяк	170
Наиль Муратов Девочка и гриб	173
Генрі Лайон Олді Автограф	177
Олена Палашек Вони служили разом	188

Поезія

Юрий Михайлик Ночь не спросит, утро не ответит	192
Валерий Базаров, Віталія Бабушак, Ігор Геращенко, Никита Герус, Майя Димерли, Жанна Жарова, Вера Зубарева, Влада Ільїнська, Інна Ішук, Інна Квасівка, Владислав Китик, Ольга Лісовикова, Александр Мардань, Юлия Мельник, Татьяна Партина, Юля Пикалова, Игорь Потоцкий, Валерий Сухарев, Евгений Ушан, Людмила Шарга, Кларисса Ярошевич	196
Поэзия ушедших Семен Абрамович, Галина Маркелова, Елена Миленти, Игорь Павлов, Илья Рейдерман, Ефим Ярошевский	220

Мистецтво – життя – мистецтво

Евгений Голубовский Исаак Бабель: «Я ничего не выдумываю»	234
Ольга Лянсберг «Мені тут добре...»	237
Олена Яворська «Хочу знати якнай докладніше все про Вас...»	241
Алла Максименко Он любил все, что делал	254
Юрий Дикий Absolutus Святослава Рихтера	263
Тетяна Щурова Зона довіри та плідного партнерства	280

Художник из Ойкумены.....	293
Феликс Кохрихт Дульфик о Хрущике	293
Люсьен Дульфан Мы летаем вместе.....	296
Евгений Деменок Одесские букинисты	300
Тетяна Орел Вона щаслива людина	319

Подорож

Анна Михалевская Синие горы.....	324
--	-----

Ах, Одеса

Леонід Ліптуга: Сад скульптур літературних Олена Яворська Леонід.....	330
Яна Заярна Хлопець з Пересипу.....	333
Анна Божко (Стремінська) Наш Адоніс.....	337
Олександр Галяс Найкрасивіший конкурс року	338
Михаил Пойзнер Новости со Староконного.....	350
Евгений Голубенко По говору мой город узнаваем.....	354
Владик Кигель Последний Хаймович	360
Анатолий Контуш Время летит.....	372
Анатолий Контуш, Юрий Сычев Алло, мама?.....	374
Алекс Сино Грандиозный старик	376

Игорь Божко Майская гроза висит над городом.....	394
--	-----

Одессіада

Про Одесу – до свята	398
Ярослав Сидоренко Чому Бог не грає в доміно на Молдаванці.....	400
Анна Михалевская Я – венский	411
Лиза Азвалинская Дядя Сеня	423

Літературно-художнє видання

Дерибасівська – Рішельєвська

Одеський альманах

Книга 100

Derybasivska – Rishelievska

Odesa almanac

Book 100

Видається з 2000 року

Верстання, коректування Тетяна Коцієвська

Підписано до друку 05.08.2026

Папір офсетний РАМО SUPER 80 г/м

Друк офсетний. Гарнітура Cambria. Формат 60х84/16

Фіз. друк. арк. 27,25. Умовн. друк. арк. 25,34

Замовлення № Наклад 300 прим.

Всесвітній клуб одеситів
65014 Одеса, Маразліївська, 7

Україна

Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odesyts
7 Marazlievska Str. 65014 Odesa

Ukraine

Тел.: +38 (048) 725-45-67

Надруковано з готового оригінал-макета у типографії «ТакіБук»

Україна Одеса, ФОП Карпенков О.І.

Свідоцтво ОД № 121 від 20.01.2003 р.

E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34

www.takibook.od.ua